КАРЛ РАДЕК

ПЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА

ЧАСТЬ

II

КРАСНАЯ НОВЬ
Г·П·П МОСКВА 1924

Карл Радек

ЕН 161
П 999

ПЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА

Часть II

ТАКТИКА ЕДИНОГО ФРОНТА

1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

К.

ЕН 161
П999

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

(№ 5442
1924)

5077 с.1

с/о
9442

1058970

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд

Глав. ит № 23294 Тираж 10.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий", Изд-ва „Красная Новь". Пименовская, д. № 1|16.

ВСТУПЛЕНИЕ.

В этом томе собраны статьи и речи, посвященные периоду применения Коминтерном тактики единого фронта.

Эта тактика была в первый раз применена по моему предложению германской компартией в январе 1921 года в известном „открытом письме", в котором К. П. Г. предложила обеим социал-демократическим партиям, профсоюзному объединению и лево-коммунистической партии (так называемой рабочей коммунистической партии) совместное выступление перед лицом надвигающейся волны забастовок и локаутов. Небезынтересно будет для читателей услышать, в каких условиях родилась мысль об этом тактическом повороте. Приехав осенью 1920 года для участия в подготовке объединительного съезда союза Спартака и левых независимцев, я столкнулся с двумя фактами: через Германию катилась волна капиталистического наступления; переходом левых независимых в лагерь коммунизма был пока что исчерпан тот слой рабочих, которые на основе опыта 1918—19 и 1920 годов стали на точку зрения диктатуры пролетариата. Разговоры с партийными работниками выяснили, что успешное наступление капитала отодвинуло в рабочих массах мысль о борьбе за власть и за социализм, что путем пропаганды и агитации коммунистических идей можно при данных обстоятельствах завоевывать только очень незначительные слои рабочих и что агитационный подход наш к рабочим массам очень затруднен тем, что раскол независимых вызвал в отсталых массах рабочих впечатление раздробления пролетариата перед лицом объединяющихся капиталистов. Ясно было, что надо установить, кто ответственен за раскол. Мы, коммуни-

сты, отрывая рабочие массы от социал-демократии, являемся в исторической перспективе не проводниками раскола, а объединителями пролетариата, ибо только объединенный под знаменами коммунизма пролетариат в состоянии действительно сражаться за свои интересы. Социал-демократы, связывая пролетариат с буржуазией, не только уничтожают его способность бороться, но и раскалывают его. Попытка подчинить пролетариат буржуазии должна вызывать решительное сопротивление передовых его частей, Это надо было показать на фактах и не на фактах прошлого, а на фактах новых, развивающихся на глазах масс. Надо было опросить социал-демократию: предстоит забастовка железнодорожников и почтовиков, растет дороговизна,—хочешь ли ты бороться рука-об-руку с коммунистами или нет? Отрицательный ответ социал-демократии должен был сказать массам: социал-демократия не только не борется за низвержение буржуазии, но она не борется и за кусок хлеба для рабочего. Она раскалывает массу, дабы выдать ее с головой буржуазии. Отрицательный ответ социал-демократии открывал новый доступ к рабочим массам, закрывающим в данный момент уши для пропаганды диктатуры. Он позволял поставить вопрос, почему социал-демократия отказывается от единого фронта в борьбе за ближайшие цели рабочего класса, от единого фронта в защите интересов пролетариата. Ответ на этот вопрос позволял раскрыть массам связь между защитой ближайших интересов пролетариата от наступления капитала и переходом к коммунистической борьбе за власть. Но какое создалось бы положение в случае согласия социал-демократов на совместную борьбу с коммунистами? Эта совместная борьба усилила бы сочувствие рабочей массы, и она не удержалась бы в рамках защиты. Совместная защита создала бы почву к наступлению. Большинство вождей социал-демократии пыталось бы удержать борьбу в рамках защиты или прямо предало бы эту борьбу. Тогда массы, объединенные совместными действиями, легче решились бы на разрыв с социал-демократией.

Мои предложения, исходящие из этих предпосылок, встретили в центральном комитете германской компартии сопротивление со стороны ряда товарищей, пришедших к нам из рядов независимой социал-демократии. Только-что порвав с

нею, они не могли понять, как это можно теперь к ней обращаться с предложением совместных действий. Но я был поддержан со стороны представителей округов, которые заявили, что они за последние недели сами подошли к этой тактике. Выступление ЦК германской компартии вызвало бешеный вой обеих социал-демократических партий, чем было доказано, что предлагаемая тактика, далекая от того, чтобы сблизить нас с социал-демократией, расценивается ее вождями, как опаснейший шаг коммунистов, который приблизит к ним социал демократические массы. Несмотря на этот опыт, предложенная мною тактика встретила отпор со стороны ряда ответственнейших товарищей в Исполкоме Коминтерна. В половине февраля 1921 года товарищи эти собирались отклонить эту тактику, и только личное вмешательство тов. Ленина помешало этому. Но отсутствие решения Исполкома Коминтерна, сведения о враждебном отношении к новому тактическому этапу поколебали уверенность германского ЦК. Партия осталась без определенной тактической линии и поэтому дала себя так легко в марте 1921 года выбить из колеи. На III конгрессе Коминтерна, который выдвинул лозунг „к массам", которыи поставил перед партиями задачу завоевать большинство рабочих масс, прежде чем перейти к борьбе за власть, по настоянию тов. Ленина, в тезисах о тактике было указано на „открытое письмо" германской компартии, как на пример тактики, сделавшейся необходимой в виду изменившегося положения. Но III конгресс, занятый идейной ликвидацией тактических ошибок, которые привели к мартовскому выступлению в Германии, и которые угрожали подобным же выступлением в целом ряде стран, не разработал еще точно вопросов тактики единого пролетарского фронта. Переходные частичные требования, связанные с этой тактикой, встречали еще сильное противодействие со стороны товарищей, которые неохотно пошли на тактику единого фронта. Тезисы расширенного пленума января 1922 года, ставшие твердой ногой на почве тактики единого фронта, оставили еще открытым целый ряд вопросов. Казалось, что эти вопросы были улажены IV конгрессом, состоявшимся осенью 1922 года, в тезисах о рабочем правительстве.

Но дальнейший опыт доказал, что это было иллюзией.

Большинство вождей молодых коммунистических партий с большим трудом усвоивают тактику единого фронта. Причина этого—молодость наших коммунистических партий и неслыханная сложность обстановки, в которой они действуют. Что является предпосылкой тактики единого фронта? Она является тактикой коммунистического меньшинства, периода между двумя революционными ситуациями, т.-е. в такой период, когда развал капитализма растет, но большинство рабочего класса не готово еще бороться за диктатуру пролетариата. Благодаря разложению капитализма ухудшается положение рабочего класса, и реформистская политика социал-демократических партий становится объективно невозможной. Это рождает борьбу рабочих масс против сталкивающих их вниз тенденций разлагающегося капитализма. А так как капитализм не в состоянии удовлетворить даже минимальные потребности широких рабочих масс, то они принуждены все снова начинать борьбу, которая становится и объективно, и субъективно революционным фактором. Она становится революционным фактором, ибо срывает попытки стабилизации капитализма, она становится революционным фактором, ибо сплачивает пролетариат, создает в нем чувство силы и толкает его вперед. Социал-демократические рабочие массы, которые хотели бы избегнуть борьбы, принуждены ее вести, социал-демократические вожди оказываются неспособными удержать их от этой борьбы, и стоят перед альтернативой: или потерять влияние на социал-демократические массы, или итти на совместные выступления с коммунистами. На известной стадии борьбы большинство вождей социал-демократии наверно предаст, но, пока это случится, значительная часть их приверженцев объединится с рабочими коммунистами. А когда это случается, часть социал-демократических рабочих остается с коммунистами. Понятно, что это развитие ставит руководителей коммунистической партии перед громадными затруднениями. Надо уметь объединить ясную, четкую пропаганду и агитацию за цели коммунизма со сближением с социал-демократическими массами, которые находятся еще в плену социал-демократической идеологии, надо уметь не только агитировать против социал-демократов, но и конкурировать с ними на поприще организации рабочих масс, надо, наконец, уметь выбрать момент, в который

приходится переходить от политики совместных действий с социал-демократами или политики агитации за совместные действия с социал-демократами к политике фронтовых атак против социал-демократии. Это требует интимнейшего знакомства с ареной борьбы, это требует способности к тактическому маневрированию. Наши братские партии на Западе очень молоды. Они получили идеологию коммунизма в готовом виде от русской революции, они умеют ее абстрактно провозглашать, но не умеют ее самостоятельно разрабатывать на основе отношений своей собственной страны. Достаточно указать на то, что ни германская, ни французская, ни английская, ни итальянская наши коммунистические партии не имеют ни одной самостоятельной работы, которая бы дала хотя бы конкретную картину диктатуры капитала в их собственной стране. Ничего удивительного, что эти партии боятся, как бы не растеряли своего коммунистического багажа в соприкосновении с социал-демократами, как бы не разменяли коммунистической идеологии на мелкие требования. Эта боязнь есть революционная боязнь, хотя ясно, что добродетель, которая не пройдет пробу искушений, очень мало стоит. Тактика единого фронта требует в известных случаях компромисса с социал-демократами, требует на известное время соглашений с ними вплоть до вхождения в совместное правительство с ними. Не окажемся ли мы в дураках, не обманут ли они нас?—вот вопрос, который встает перед молодыми коммунистическими партиями.

Опыт тактики единого фронта доказал, что эти опасения основательны. Если взять наиболее яркий пример, то не подлежит сомнению, что нам в Саксонии не удалось использовать великолепное революционное положение, громаднейший нажим социал-демократических масс на социал-демократических вождей для того, чтобы сделать совместное правительство исходной точкой для борьбы за власть в государственном масштабе или хотя бы для защиты против фашистского переворота. Но и социал-демократы не использовали нас. Доказательством этому служит наша громадная победа на коммунальных выборах в Саксонии после октябрьского поражения, победа, которую внутрипартийная междуусобица сумела после, при общих выборах в рейхстаг, уменьшить, но не уничтожить. Мы оторвали от социал-демократии значительные массы ее при-

верженцев, но мы не сумели использовать своего участия в правительстве для революционной борьбы. Но нельзя создать коммунистических партий без периода учебы. Учеба массовых партий есть учеба опыта, а не пропаганды. И так же мало, как наше поражение в Венгрии и Баварии, где наши товарищи сделали целый ряд основных ошибок (политика венгерских товарищей по отношению к крестьянству и по отношению к социал-демократам), говорит против борьбы за диктатуру пролетариата и гражданской войны, так же мало саксонские ошибки говорят против тактики единого фронта. Ошибки неизбежны, но на ошибках надо учиться.

Что говорят саксонские ошибки? Говорят ли они, что не надо мобилизовать рабочие массы путем переходных требований? Мы бы были сегодня маленькой группкой, а не массовой партией, мы бы были сегодня сектой в роде коммунистической рабочей партии, которая буквально исчезла с арены политической жизни, если бы мы не вошли в массовые организации пролетариата, где приходится действовать при помощи переходных требований. Могли ли мы отказаться от переговоров с вождями социал-демократии, от переходных соглашений с ними? Тогда бы рабочие спросили нас: если вы выдвигаете переходные требования, которые выдвигают и социал-демократы, почему вы не пытаетесь создать единого фронта. Не доказывая на деле, путем переговоров, что социал-демократы не хотят бороться за свои собственные требования, мы бы не нашли пути к социал-демократическим массам. А мы этот путь нашли и благодаря этому представляем сегодня массовую рабочую партию, наступающую на социал-демократию. Но почему не ограничиться агитацией за единый фронт, почему входить в одно правительство с социал-демократами? Разве не является полнейшей утопией желание совместно с социал-демократами использовать рабочее правительство для борьбы за диктатуру? Ведь, социал-демократы—враги диктатуры. Когда Исполком Коминтерна принял решение о вхождении коммунистов в саксонское правительство, ему было известно, что социал-демократы являются врагами диктатуры. На что же он рассчитывал? Он рассчитывал на две вещи: 1) на логику борьбы, которая принудит социал-демократических рабочих перейти от защиты

созданного ими правительства к борьбе за диктатуру, 2) на то, что рабочие социал-демократы сумеют отодвинуть старых вождей и выдвинуть в этой борьбе социал-демократов рабочих от станка, которые не раз и не два, в 1919 году и во время Капповского путча доказали, что умеют драться и погибать совместно с коммунистами. Расчет Коминтерна не оправдался, ибо коммунистическая партия Германии не сумела в предыдущий период создать мощные массовые организации, объединить в фавзавкомах рабочих коммунистов и социал-демократов, держать под давлением этих массовых организаций предательских и нерешительных социал-демократических вождей. Коммунистическая партия не сумела подготовить использование правительства для вооружения рабочих, не сумела взять во всей стране инициативу в свои руки. Но все эти упущения, предрешившие наше поражение, являются только аргументом за усиление, расширение, углубление нашей работы, за усиление самосознания партии, как фактора победы, а не аргументом против того, что могут в Европе при продолжении развала капитализма повториться положения, в которых нам придется, несмотря на все опасности, входить во временные компромиссы с социал-демократическими партиями, вплоть до вхождения совместно в правительство. Будут ли эти правительства продолжительным этапом, смешно даже этот вопрос ставить. Нельзя предполагать, что везде мы пройдем через эту стадию. Тем меньше шансов, что она будет продолжительной стадией. Каким путем мы бы ни пришли к власти, нам придется драться с оружием в руках за диктатуру пролетариата, если мы не захотим отказаться от защиты пролетарских интересов. Буржуазии безразлично, должна ли она быть жареной на демократической или на диктаторской сковороде, она не хочет вообще быть жареной. Тактика единого фронта есть метод агитации, организации и мобилизации масс. Но это не говорит против действительного участия в рабочем правительстве, ибо правительство может быть высшей формой организации и мобилизации масс. Не частные лица и партии, а государственная власть, ими организованная, мобилизует армии. Диктатура пролетариата есть пролетариат организованный в государство. Кто стал бы отказываться от рабочего правительства, как одного из возможных этапов этой орга-

низации, тот был бы доктринером, не учитывающим всей сложности положения на западе.

Тактика единого фронта будет требовать конкретизации зависимо от положения во всякой стране, будет требовать разного применения сил в зависимости от соотношения между нами и врагами, от момента, в который придется действовать, но мы сможем отказаться от этой тактики только при наличии двух условий: когда будем иметь большинство рабочих за собой или в случае наступления стабилизации капитализма. При наличии коммунистического большинства в рабочих массах тактика единого фронта нам не нужна, при наличии стабилизации капитализма—она невозможна. Если бы капитализм стабилизировался, то снова стала бы возможной политика завоевания реформ. Последствием этого было бы не объединение, а объективный раскол рабочих на рабочую аристократию, получающую выгоды от капитализма, и на широкие массы рабочих, за счет которых рабочая аристократия эти выгоды получала бы. Мало того, изменилась бы и политическая функция социал-демократии. Когда капитализм борется на жизнь и смерть за свое существование, вожди социал-демократии спасают его путем предательства самых примитивных интересов рабочего класса, в то время, когда социал-демократические массы принуждены тяжело бороться за свое существование. Это создает условия для отрыва социал-демократических масс от их вождей. Но по мере стабилизации капитализма, по мере создавания почвы для политики реформ, социал-демократы торговались бы и даже боролись умеренными легальными средствами за эти реформы и этим удержали бы за собой значительную часть своих приверженцев. Задача коммунистической партии в таком положении состояла бы в том, чтобы, организуя борьбу пролетариата, самым решительным образом бороться против политики его реформистского подкупа социал-демократией. Тут не было бы места для совместных действий социал-демократов и коммунистов, ибо реформистская политика это не политика борьбы за улучшение условий жизни широких рабочих масс, а за реформы для маленькой части рабочего класса за счет его большинства. Пока-что нет налицо фактов, которые бы заставили Коминтерн выходить в своей политике из предпосылки, что такая стабилизация капитализма над-

вигается. Пока-что мы имеем дело с усилением капитализма в известных частях мира, с попытками его стабилизации в других, с попытками, которые уже много раз приводили к усилению его развала. Противоречия капитализма послевоенной эпохи так велики, что, не закрывая глаз на теоретическую возможность его стабилизации, если пролетариат не сумеет организовать сил революции, мы должны брать курс на эту организацию. А этим предрешено, что тактика единого фронта, которая, само собой понятно, является переходной тактикой, не исчерпала еще своих исторических задач.

В этом томе, посвященном развитию вопроса о тактике единого фронта на фоне переживаемой нами международной ситуации читатель найдет целый ряд вопросов, выходящих уже из области тактики единого фронта и ставящих на очередь вопрос об отношении пролетариата к промежуточным слоям; это вопрос национальный, аграрный, и вопрос о положении интеллигенции. Чем сильнее мы будем, тем больше разрастутся эти вопросы, как важнейшие вопросы организации сил революции. В период, документы которого собирает эта книга, эти вопросы только ставились Коминтерном. Они еще не поставлены ни одной коммунистической партией Запада. Ни одна из них не имеет еще продуманной аграрной программы, хотя некоторые из них начинают делать первые шаги для постановки агитации среди крестьянства. Национальный вопрос, вопрос о крестьянском союзнике пролетариата в мировом масштабе, еще очень мало усвоен с революционной точки зрения коммунистическими партиями, которые в большинстве своем не умеют еще использовать этого динамита империалистской эпохи против империализма. Перед Коминтерном море работы, работы в первую очередь теоретической. Передовой класс должен опираться на передовую теорию, говорил Ленин в годы созидания большевизма. Помогая применить марксизм к эпохе империализма, создавая ленинизм, Ленин дал Коминтерну, дал международному пролетариату инструмент для выполнения работы теоретической очистки пути для коммунистической практики завоевания мира. Пропаганда ленинизма должна помочь коммунистическим партиям поставить себе вопросы, выдвигаемые жизнью их стран. Только самостоятельное применение ленинского учения, ленинского политического метода в разной

обстановке разных стран даст возможность решить задачи, стоящие перед Коминтерном, детищем Ленина.

Ленина нет. Коминтерн будет решать новые сложнейшие задачи без него. Только по мере того, как Коминтерн впитает их в себя не на словах, а на деле, великий путь Ленина, объединяющий революционную страсть и революционную неумолимость со способностью холодной оценки положения, со способностью смотреть действительности в глаза, не увлекаться фразами, Коминтерн исполнит заветы Ленина. Он их исполнит, ибо, несмотря на все временные ошибки, он есть детище эпохи социальной революции, которая кует оружие, достаточно сильное и достаточно гибкое, чтобы низвергнуть власть капитала.

К. Радек.

Москва, 15 июня 1924 г.

ТРЕТИИ
КОНГРЕСС.

I. Образование единого пролетарского фронта борьбы.

Требования, выставленные центральным комитетом германской объединенной коммунистической партии в его открытом письме, встретили совершенно различные критические отзывы у вождей независимых, социалистов большинства, с одной стороны, и германской коммунистической рабочей партии — с другой. Для вождей социалистов большинства требования создать серьезную угрозу политическим позициям буржуазии есть, разумеется, прямое прегрешение против святого духа. Теоретики и вожди независимых объявили устами „Freiheit", что часть наших требований весьма разумна, ибо она заимствована из Hallensee'ского манифеста правых независимых; но другая часть объявлена ими совершенно безумной. Однако-ж, эти требования, — так говорят они,—во всяком случае обозначают полнейшее банкротство коммунистической тактики, которая до сих пор не решалась выставлять частичные требования, вести частичную борьбу. Но так как Г. О. К. П.[1]) лишь теперь признала частичную борьбу и частичные требования, то выбирать правильные она, разумеется, не в состоянии. Это объясняет отсутствие важнейшей и ближайшей цели борьбы—требования социализации угольной промышленности. Так говорят независимые. Г. К. Р. П. [2]) с своей стороны заявляет, что наши требования оппортунистичны, демагогичны и иллюзорны. Требования оппортунистичны, потому что мы обращаемся к ка-

[1]) Г. О. К. П.—Герм. объединенная ком. партия. Название нашей герм. партии после объединения Союза Спартака с левыми независимцами.

[2]) Г. К. Р. П. Герм. Ком. рабочая партия, маленькая лево-ком. группа.

питалистическому государству; демагогичны, потому что требуем от него того, что может дать лишь пролетарская диктатура; иллюзорны, потому что мы порождаем этим в пролетариате опасные иллюзии. Во всех этих отзывах проявляется не только полемическая страсть противников коммунистической партии и ее выступлений, но и полнейшее непонимание характера и целей, которые может и должна преследовать революционная партия в такую эпоху, как современная. Не подлежит никакому сомнению, что и в рядах нашей партии отнюдь не господствует полная ясность по этим вопросам. Поэтому необходимо не ограничиваться нанесением нескольких полемических ударов нашим противникам, но нужно вполне спокойно и объективно рассмотреть вопрос.

I.

В чем состояла программа социал-демократии перед войной, и какие цели преследовала она? Социал-демократия высказывалась за революцию. Она стремилась к замене капиталистического хозяйства социалистическим. Но она исходила из предпосылки, что социальная революция есть вопрос относительно далекого будущего, что пролетариату в течение долгого времени предстоит сперва задача создать свободные рамки для своего движения, добиться социальных реформ для облегчения своей нужды, чтобы обрести таким образом способность к борьбе за дальнейшие цели. Социал-демократия имела, следовательно, программу настоящего, которая должна была быть проведена в капиталистическом государстве путем его реформы. Лишь в борьбе за эти реформы, лишь после их проведения пролетариат мог обрести способность бороться за свои конечные цели. Программа настоящего заключала различные, сильно утопические требования. Последние, однако-ж, не вытекали из тактики, которая стремилась бы путем выдвигания революционных, в рамках капиталистического строя не выполнимых требований, подготовить пролетариат к решительной борьбе за свержение капитализма. Утопический характер отдельных требований был скорее результатом того факта, что социал-демократия усвоила многие требования мелкой буржуазии, которая, будучи сама полна иллюзий в отношении к ка-

питализму, часто ставила ему иллюзорные требования. В общем и целом к требованиям социал-демократии вполне подходит то, что Карл Маркс сказал в „Критике готской программы": „Ее политические требования не содержат ничего, кроме старого демократического катехизиса: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народный суд, народное ополчение и т. д. Они — простое эхо буржуазной народной партии, лиги мира и свободы. Это сплошь требования, которые, поскольку они не переходят в фантастические представления, уже осуществлены. Только государство, в котором они осуществлены, лежит не внутри границ Германской империи, а в Швейцарии, Соединенных Штатах и пр.". Что же касается экономических требований социал-демократии, то они все носили сознательно реформистский характер. Они не имели целью ни проведения социализма, ни начала борьбы за социализм. Их осуществление должно было только способствовать подъему рабочего класса и подготовке его к будущей борьбе.

Социал-демократия была вполне права, выдвигая такую программу. Эпоха, в которую ей пришлось действовать, не допускала мысли о близком крушении капитализма. Не только рабочие массы не были способны бороться за социализм, но и самый социализм был еще тогда невозможен. Капиталистическое хозяйство было еще раздроблено. Более того, пролетариат не только не был способен бороться за социализм, он в своем преобладающем большинстве не был способен бороться с капитализмом за улучшение своего положения. В нем не было еще развито классовое самосознание, чувство солидарности, в нем не было веры в собственные силы. Идеей окончательной победы, высшим идеалом социализма можно было увлечь маленькие группы рабочих. Но втянуть в борьбу более крупные массы можно было, только заставляя их бороться за близкие, выполнимые требования, связанные с их повседневными потребностями. Революционизирующее значение социалистической программы настоящего заключалось не в том, что, требуя от капитализма невозможного, она расширяла борьбу за пределы капитализма, а в том, наоборот, что капитализм совсем не соглашался на вполне возможные, пролетариату абсолютно необходимые уступки. Только потому, что рабочие убежда-

1058970
СФ 9442

БИБЛИОТЕКА
Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

лись, что они могут улучшить свое положение лишь путем более энергичного натиска на капитал, лишь путем принуждения его к отказу от ничтожной части его прибылей, только поэтому собирались они все в больших массах вокруг социал-демократии, руководившей их борьбой за существование.

Может ли Г. О. К. П. призывать ныне к борьбе за такую программу реформ? Ясно, что она этого не может делать. Г. О. К. П. исходит из предпосылки, что империалистическое развитие последнего двадцатипятилетия привело от эпохи мирного развития к эпохе социальных революций, что мировая война была лишь одной из форм этого перехода, что мы находимся в настоящее время в периоде постепенно развивающейся пролетарской революции. Разумеется, теоретически можно представить себе, что капитализм еще справится со своим разложением, что он подымется еще до организации, покоящейся на более высоком базисе государственного капитализма. Понимать такую теоретическую возможность не только вполне допустимо, но даже политически и революционно целесообразно. Ленин был совершенно прав, когда в речи на открытии второго конгресса Коммунистического Интернационала доказывал: в истории не существует неразрешимых вопросов. В случае, если пролетариат не разовьет достаточно революционной энергии, чтобы победить начинающий разлагаться капитализм, последний найдет пути и средства к тому, чтобы снова возложить на пролетариат ярмо наемного рабства. Поэтому не следует утешаться тем, что капитализм должен умереть, но следует собрать всю энергию, чтобы свернуть ему шею. Однако-ж, ясно, что эта теоретическая гипотеза никак не может составить исходного пункта для создания программы на случай победы капитализма. Коммунистический Интернационал есть сознательный передовой отряд пролетариата, борющегося за свержение капиталистического государства. Поэтому коммунистическая программа должна указать пролетариату лучшие пути к победе над капитализмом, а не говорить о требованиях, которые он должен будет предъявить к победоносному капитализму. Откровенно реформистская пролетарско-мелко-буржуазная партия, социал-демократия большинства, идущая теперь к тому, чтобы на место эрфуртской программы, поставить новую, социал-демократия

занята вопросом: как рабочему классу лучше всего устроиться в предстоящую эпоху нового капиталистического строительства, наступление которой социал-демократия большинства уже предвидит. Как она этот вопрос разрешает, можно вычитать в изданной Брауном книге: „Программа социал-демократии, проекты ее обновления“ („Vorwärts“, 1920).

Независимая социал-демократия формально исходит из той же предпосылки, что и Коммунистический Интернационал, а именно из понимания нынешней эпохи, как эпохи социальной революции. Поэтому она отказывается выставлять программу-минимум, а выставляет программу действия, одно название которой уже должно указать, что выставляемые ею требования имеют целью не реформу капитализма, но мобилизацию рабочих для борьбы за социализм. В действительности же эта программа действия, а еще более выдвигаемые время-от-времени германской независимой социалистической партией на первый план требования доказывают, что фактически Г. Н. С. Д. не придерживается формально принятой предпосылки о социально-революционном характере настоящей эпохи. Многие из ее требований рассчитаны на то, чтобы выставить новую программу-минимум, которая должна быть осуществлена на почве и в рамках капиталистического общества, и которая это-то капиталистическое общество имеет в виду, как арену жизни и деятельности пролетариата. Когда, например, Г. Н. С. П. выставляет лозунг закрепления советской системы в „демократической“ конституции, то это требование имеет предпосылкой, что в течение долгого времени—конституционные требования выставляются, ведь, только на долгий период — пролетариат будет достаточно силен, чтобы принудить буржуазию к признанию рабочих советов, но слишком слаб, чтобы быть в состоянии свергнуть господство буржуазии. На этом основании Г. Н. С. Д. изыскивала форму, в которой рабочие советы делили бы в конституционных условиях власть вместе с буржуазным парламентом. Из тех же предпосылок исходят требования Г. Н. С. Д. о социализации, в первую очередь их программа социализации угольной промышленности. Если эта программа имеет какой-нибудь смысл, то только тот, что пролетариат, правда, еще не в состоянии заменить господство капиталистов господством пролетариата, но доста-

точно силен, чтобы принудить капиталистическое государство не только отказаться от права собственности на важнейшие средства производства, но и дать управлению ими такое устройство, при котором, во-первых, пролетариат принял бы решающее участие в руководстве данной отраслью промышленности, и, во-вторых, созданные им ценности были бы употреблены не в интересах буржуазии, но в интересах народного хозяйства. Следовательно, программа Г. Н. С. Д. в том виде, как она напечатана, есть программа-минимум. Если Г. Н. С. Д. против этих наших выводов станет возражать, что и теоретики коммунизма также признают, что период социальной революции является периодом длительным, не меньше одного поколения, и что, следовательно, между нынешним частно-капиталистическим периодом и грядущим периодом пролетарской диктатуры должен пройти долгий срок, то это свидетельствует о полнейшем непонимании коммунистической теории. Да – коммунистическая теория исходит из предпосылки, что социальная революция есть процесс, а не единичный акт,—уже по одному тому, что победа пролетариата наступает не во всех странах одновременно, что пролетариат не может в каждой стране сразу одержать победу, что в каждой отдельной стране, в зависимости от условий, его путь к победе может быть долгим и тяжелым, и что, даже достигнув власти, пролетариат ничем не гарантирован, что он эту власть завоевал окончательно. Коммунистическая теория со времени полемики Розы Люксембург с Эдуардом Бернштейном, в которой эти вопросы впервые подверглись обсуждению, исходит из убеждения, изложенного Розой Люксембург в 1898 г., что „социалистический переворот предполагает продолжительную и упорную борьбу, при чем пролетариат, по всей вероятности, не раз будет терпеть поражение". Но эта перспектива коренным образом отличается от того взгляда, будто в период социальной революции существуют компромиссные стадии, в которых пролетариат совместно с буржуазией и с ее окончательного согласия осуществляет социализацию, закрепляет в конституции свои рабочие советы и т. д. Стадии борьбы в социальной революции состоят в смене побед и поражений, между которыми в лучшем случае возможны краткие промежутки перемирия. Победы пролетариата означают ниспровержение буржуазии

или, по крайней мере, отбитие у нее политических позиций, после чего борьба возгорается с новой силой. Поражение пролетариата означает: белый террор, подполье, усиление дороговизны, удлинение рабочего времени, уменьшение заработной платы. Времена перемирия означают: новые группировки пролетариата для дальнейшей борьбы, привлечение новых масс путем агитации, пропаганды и частичных выступлений, о характере которых мы будем говорить ниже. В этой перспективе нет места для той программы-минимум, которую социал-демократия выставляет открыто, а независимая социал-демократия—скрыто.

II.

Первая мобилизация коммунистических сил в Германии, естественно, последовала под лозунгом пролетарской диктатуры, господства советов. Ясно, что прежде всего следовало выставить ту цель, которая давала направление всей эпохе; что при боевом кличе диктатуры советов наиболее зрелые революционные элементы пролетариата должны были отделиться от буржуазии и ее социал-демократических прихвостней. Это произошло в то время, когда господство буржуазии обанкротилось, когда все средства власти выпали у нее из рук, когда рабочие советы были единственным правительственным органом. Казалось, стоит только рабочие массы научить, каким образом им следует использовать свою власть, как станет возможным путем агитации и пропаганды перейти от периода мнимо советской системы к периоду действительного господства советов. Когда же буржуазия с помощью зависимой и независимой социал-демократии восстановила свое господство, созвала национальное собрание, послала к чорту рабочие и солдатские советы, тогда перед коммунистической партией встал вопрос: как дальше бороться? Ясно было, что значительное большинство рабочего класса Германии еще не поставило себе целью добиться диктатуры, что оно было даже против пролетарской советской власти. Что же, коммунистическая партия должна была ждать со своей борьбой, пока ее агитация и пропаганда, пока опыт не приведут массы к идее диктатуры советов? Или, будучи в незначительном меньшинстве, она

должна была попытаться завоевать диктатуру путем восстаний? Или же существовал еще третий исход—связаться с частичными движениями пролетариата, направленными против отдельных страданий его, ибо эти движения в нашу эпоху принимают форму острой борьбы, в которой рабочие массы тем скорее созревают для коммунизма, чем большее участие мы принимаем в этой борьбе не только пропагандой и агитацией, но и руководством. По этому вопросу в коммунистической партии существовали три направления, которые не всегда можно было отделить одно от другого, но которые внимательный глаз все же мог хорошо различить. Существовало направление „путча", „вспышкопускательства", которое считало возможным путем революционных выступлений маленьких групп привести рабочих к власти. Рядом с этим существовало направление прудонистское, которое стремилось, с одной стороны, в пропаганде и агитации, с другой—в устройстве исподволь революционных профессиональных советов и т. д. выждать время, пока массы не созреют для борьбы за коммунизм. В зависимости от того или иного положения, в одной и той же группе рабочих часто брало перевес то или другое понимание, при чем общим в том и другом была идея, что борьба за частичные требования является реформизмом. Они укрепили в пролетариате иллюзию, будто он без диктатуры советов может устроиться по-человечески на почве капитализма. Оба эти направления под конец слились в Герм. Ком. Рабочую Партию, основные воззрения которой, изложенные в брошюре Антона Паннекука: „Мировая революция и коммунистическая тактика" и в „Открытом письме Гортера к Ленину", заключаются в том, что следует выждать крупной революционной борьбы, при чем время ожидания должно быть заполнено агитацией, пропагандой и организацией революционного меньшинства для грядущей борьбы за диктатуру. Чрезвычайно характерно, как Антон Паннекук определяет в своей брошюре задачи коммунистической партии:

„Точно так же, как революция не может быть совершена маленькой радикальной партией, точно так же не может быть она совершена и большой массовой партией или коалицией различных партий. Она производится массами стихийно. Выступления, назначенные партией, могут порой дать

толчок (это случается, однако-ж, лишь изредка), но решающие силы находятся где-то в другом месте, в психических факторах, глубоко в подсознании масс, и в крупных мировых политических событиях. Задача революционной партии заключается в том, что она заранее развивает самосознание рабочих, так что среди масс везде имеются налицо элементы, которые во время таких событий знают, что надо делать, и могут самостоятельно обсудить положение. И во время революции партия должна выставлять программу, лозунги и директивы, которые стихийно-действующая масса признает правильными, так как она в них вновь находит совершеннейший образ собственных целей, и в которых она достигает высшей ясности. Благодаря этому партия становится руководительницей в борьбе. До тех пор, пока массы остаются бездеятельными, может казаться, что все безуспешно. Но внутренно ясный принцип действует также на многих из тех, кто сначала оставался вдали, и в революции проявляется его активная сила, дающая ей прочное направление". (Стр. 9 и 10 венского издания).

Во всем его описании работы коммунистической партии отсутствует какое бы то ни было указание на какие-либо выступления и на лозунги, под которыми должна происходить работа партии. То же и в брошюре Гортера, в которой исследуются все вопросы тактики, только не вопрос о действиях коммунистической партии. И это, несмотря на то, что оба автора совершенно отказались от исходного пункта разногласия Герм. Ком. Рабочей Партии с нашей партией, от убеждения в предстоящем вскоре подъеме, в близости решительного боя. „Революция в Западной Европе,—говорит Паннекук,—будет медленным и длительным процессом". Г. К. Р. П, распространяющая этот взгляд Паннекука и Гортера, как свой, видящая в них обоих своих руководящих теоретиков, должна, разумеется, на практике очень часто нарушать эту теорию выжидания. Паннекук, который, в качестве изолированного от всякого революционного движения астронома, наблюдает со своей голландской обсерватории вечный ход созвездий и обращает свои взоры, когда они устали от устремления в обширную даль, на страдающее и борющееся человечество, — Паннекук, разумеется, может представить ожидание и пропагандирование, как задачу коммунизма. Ведь

эта теория есть только выражение его „революционной" деятельности. Герман Гортер—ученый классик-филолог, к тому же поэт, который даже в борьбе голландских рабочих не принимает участия, потому что он считает ее слишком жалкой и ничтожной, выполняет свой долг тем, что время-от-времени отвращает свое внимание от муз и природы и присылает своим друзьям из Г. К. Р. П. статью или брошюру, в которых свою поэтически-филологическую просвещенность и голландскую флегму преподносит, как революционную теорию. Ведь, нужна же Г. К. Р. П. какая-нибудь формулированная теория. И они цепляются за голландских созерцателей мира. Но нетерпеливые, истерзанные нуждой пролетарии, принадлежащие к Г. К. Р. П., ведь, они-то не могут ждать и довольствоваться пережевыванием доктрин голландских товарищей. Они, напротив, склоняются к старому образу действий Г.К.Р.П., к стремительным нападениям, и где только является возможность забастовки, демонстрации,—они тут-как-тут. И в этом их хорошая сторона. Но когда бастуют, то бастуют за повышение заработной платы или сокращение рабочего времени. А когда демонстрируют, то демонстрируют не только для того, чтобы выразить буржуазии свои чувства, но и для того, чтобы выставить также известные требования. И вот противоречие между теорией и практикой Г. К. Р. П. слишком велико, чтобы его не поняли ее вожди. Они успокаивают свою не желающую ждать революционную совесть заявлением, что стачками, демонстрациями, столкновениями с органами государственной власти они выражают лишь одно: чтобы чорт побрал буржуазию. И с этим требованием, с этим их лозунгом они, боже сохрани, обращаются не к буржуазии,—ведь, требовать от буржуазии, чтобы она покончила самоубийством, было бы иллюзией, а такие сознательные революционеры не должны придерживаться иллюзий,—но к пролетариату, который должен свернуть шею буржуазии.

Это звучит очень хорошо. Но тут имеется одна заковыка. Опираясь только на рабочих, ставших уже на почве диктатуры советов, мы, к сожалению, не можем завоевать власти, установить диктатуру советов. Г. К. Р. П. и ее одолженные в Голландии теоретики продолжают считать своим особым мнением,—хотя это мнение они заимствовали у нас,—что в Западной Европе пролетариату придется вести гораздо более

тяжелую борьбу за власть, чем в России. Но раз это так, то ясно, что мы должны привлечь на свою сторону массы пролетариата, прежде чем вступить в решительный бой. Но если эти массы в своем большинстве не стоят на нашей стороне, если мы сперва должны еще их мобилизовать для борьбы, то мы должны попытаться мобилизовать их под понятными для них лозунгами. Ясно, что рабочие не последуют за нами в бой, если мы им скажем: выставьте такие требования, чтобы буржуазия должна была погибнуть; идите с нами, мы все разобьем вдребезги. Это занятнее, в этом проявляется больше темперамента. Но вопрос, как нам собрать рабочий класс для революционной борьбы, этим не разрешается.

Исходя из этих оснований, Г. О. К. П. должна была признать, что мобилизация пролетариата должна состоять в энергичных попытках вести рабочие массы на борьбу за ближайшие жизненные интересы этой массы, интересы, которые ее объединяют, а не разъединяют. Ибо только эти выступления могут создать почву, на которой рабочая масса через опыт придет к коммунизму, могут подготовить почву, на которой обостряющаяся, углубляющаяся, обобщающаяся борьба вырастает в борьбу за власть, за диктатуру. Эта проблема стояла пред Г. О. К. П. с весны 1919 года. На гейдельбергском партейтаге она разрешила эту проблему заявлением, что нет никакой революционной борьбы вне классовой борьбы пролетариата и вне его больших массовых организаций. Теперь следует еще резче, чем это делалось до сих пор, освещать лозунги, под которыми мы ведем борьбу, еще резче отграничиваться от реформизма Г. Н. С. Д. и безыдейности Г. К. Р. П. Ибо именно потому, что мы желаем в борьбе объединить массы, чтобы вести их на борьбу за коммунизм, мы должны точно уразуметь нашу собственную линию, наш тактический метод, метод коммунистической борьбы. Только тогда, когда мы в общей борьбе пролетариата сорганизуемся и выкажем себя, как наиболее зрелая и сознающая свою цель часть пролетариата, мы поведем рабочие массы к коммунизму.

III.

Если мы рассмотрим требования, выставленные открытым письмом, то мы увидим, что эти требования касаются жиз-

ненных нужд пролетарской массы, жизненный уровень которой под влиянием разложения капитализма с каждым днем понижается все больше и больше. Они требуют поддержки для безработных, чтобы последние не погибли. Они требуют, чтобы пособие, получаемое инвалидами, ранеными и другими, было соразмерно современной дороговизне. Они требуют, чтобы жизненные припасы предоставлялись рабочим по доступным ценам. Они требуют реквизиции жилищ для нуждающейся массы. Уже из одного рассмотрения финансовой стороны этих требований видно, что при нынешнем финансовом положении капиталистического государства они уже достигают границ возможного. Но так как цель этих требований отнюдь не состоит в том, чтобы упорядочить финансы приближающегося к краху капитализма, но в защите жизненных потребностей пролетариата, то они получают полное оправдание в глазах рабочего класса. Каждое из этих требований соответствует неотложной нужде рабочей массы. И в зависимости от давления массы буржуазия увидит себя вынужденной удовлетворить то или другое требование. Хотя в своей совокупности эти требования капиталистическим государством не будут удовлетворены, но все же отнюдь не исключена возможность исполнения буржуазией, под давлением пролетариата, отдельных требований последнего. Точно так же обстоит дело с требованиями, касающимися контроля над сырьем, промышленностью и сельским хозяйством. Пролетариат может их частью осуществить нажимом на капиталистическое государство, осуществить самовластно, самостоятельными выступлениями. Точно так же обстоит дело с требованием роспуска и закрытия буржуазных организаций самообороны. При благоприятных обстоятельствах оно может быть осуществлено в результате давления на правительство, когда, например, пролетариат использует его конфликты с Антантой. Оно может быть осуществлено в момент революционного выступления самим выступлением.

Эти требования, исходящие из простейших повседневных нужд пролетарской массы, суть действенные требования. Это значит, что они направлены одновременно к потрясенному в своих основаниях капиталистическому государству, как и к самой массе, чтобы последняя восстала во имя своих

жизненных нужд и оказала возможно большее давление на капиталистическое государство. Если это давление возрастет до такой степени, что оно превратится в непосредственную борьбу с буржуазией, при чем рабочая масса сама пройдет к осуществлению своих требований, то эта борьба станет борьбой за власть в истинном смысле этого слова. В совокупности выполненные требования, представляющие первые шаги к пролетарской диктатуре, ведут затем к борьбе за пролетарскую диктатуру. Они тем самым в своей совокупности являются революционными требованиями, хотя каждое из них порознь осуществимо. Они не реформируют капиталистического общества, но подготовляют победу над ним. Эти действенные требования ещё не коммунистической массы становятся переходными требованиями масс, обращающихся в коммунизм.

Недостаток этих требований можно было бы усмотреть в том, что они противоречат лассалевскому стратегическому закону, требующему концентрации всех сил мобилизуемого рабочего класса на одном решительном пункте, который должен стать рычагом движения. Но то, что рутинерам кажется недочетом, недостатком концентрации, есть результат перемены положения со времен Лассаля. Для того, чтобы мобилизовать пролетариат, Лассаль должен был завоевать для рабочего класса возможность организоваться. Для этой цели он, путем завоевания рабочим классом всеобщего избирательного права, должен был сделать пролетариат фактором политической жизни. Всеобщее избирательное право было доминирующим интересом при той ситуации, при которой Лассаль образовывал германский рабочий союз. При дальнейшем развитии германской социал-демократии доминирующие вопросы менялись сообразно с ситуацией. В восьмидесятых годах это была отмена закона против социалистов, позднее—борьба за профессиональные союзы, борьба против покровительственных пошлин, борьба против вооружений. Если рабочий класс сосредоточивал свои усилия, смотря по положению, на одном из этих требований, он мог надеяться сделать шаг вперед.

Существует ли теперь такой доминирующий вопрос, такой пункт, при котором нападение или победа означали бы шаг вперед? Разлагающийся капитализм осуждает пролета-

риат на бесконечные страдания. Если прежде было возможно сосредоточить борьбу не в течение месяцев, но в течение лет на одном вопросе, то теперь ситуация меняется с недели на неделю, со дня на день. Невозможно сосредоточиться только на одном вопросе. Пролетариат принужден наступать всегда по всему фронту, и лишь время-от-времени тот или иной из этих вопросов выступает на передний план. Если независимые желают превратить социализацию угольной промышленности в такой главный вопрос, то,—не говоря уже о реформистской идее, будто социализация может иметь место до завоевания пролетариатом власти,—мы имеем здесь продукт профессорской систематики, которая совершенно чужда жизни. Так как Гильфердинг в качестве ученого мужа знает, что уголь является одним из важнейших элементов производства, то он полагает, что возможно в течение ряда месяцев, быть-может, лет сосредоточивать внимание рабочих на угольном вопросе, чтобы позднее, быть-может, поочередно добиться подобными же кампаниями „социализации" железной промышленности или национализации земли. Если жилищный вопрос станет тем временем жгучим, то рабочим скажут: не распыляйте ваших сил; для постройки жилищ, необходимо сначала иметь уголь и железо; итак, боритесь сначала за социализацию угольной промышленности! Этого достаточно, чтобы доказать бесполезность подобной политики.

Не отдельные требования, но и единство рабочего класса, его совместное выступление—вот рычаг современного положения, архимедова точка, исходя из которой рабочий класс может сделать шаг вперед, т.-е. к полной победе над капитализмом. А это единство не может быть достигнуто доктринерским выделением одной из потребностей рабочего класса и попыткой превратить ее в центральный пункт выступления. В настоящее время следует сообразоваться со всеми нуждами рабочей массы, все их использовать, развить их в пролетарское массовое выступление. Когда рабочая масса начнет борьбу, она, разумеется, должна будет попытаться отвоевать у противника политические позиции. Вокруг двух главных политических позиций и сосредоточится борьба: разоружение буржуазных организаций самообороны и вооружение пролетариата и организационное

сплочение его в фабрично-заводские комитеты, которые должны будут выполнять контроль над производством. Возможно, что борьба примет такой оборот, что мы в этой борьбе не доберемся даже до передовых позиций. Возможно, что крушение капитализма наступит раньше, чем можно предполагать в настоящее время. Но одно несомненно: оно наступит тем скорее, тем вернее, чем энергичнее мы объединим рабочие массы вокруг требований, которые хотя и не заключают коммунистической формулы, но ведут к борьбе, в которой масса обретет себя и породит в себе волю к коммунизму.

Январь, 1921 г.

II. Путь Коммунистического Интернационала.

(Речь, произнесенная 30 июня 1921 г. на 3-м Конгрессе Коммунистического Интернационала, с приложением заключительного слова, произнесенного 3 июля 1921 г.).

1. Общая картина мирового положения.

Вопрос о тактике Коммунистического Интернационала не является вопросом, который можно рассматривать независимо от условий той эпохи, в которой проходит деятельность Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал при определении своей тактики должен исходить из конкретного анализа эпохи, в которой он действует. Поэтому мы пытались в начале Конгресса, в докладе тов. Троцкого, дать возможно-объективное изображение сил, действующих в настоящее время, изображение, которое позволило бы сказать, находится ли мировая революция в периоде подъема или упадка. Ведь, совершенно ясно, что Коммунистический Интернационал будет продолжать существовать и работать также и в случае поражения всемирной революции. Но если капиталистическому обществу будет предоставлена продолжительная передышка, у Коммунистического Интернационала будут другие задачи, чем при наличии общей тенденции революции к подъему. Тогда его задача состояла бы не в том, чтобы подготовлять пролетариев ко всем случайностям гражданской войны; его первой задачей была бы организация и агитация, формирование отрядов для сражений в отдаленном будущем. Но, товарищи, в докладе тов. Троцкого указано было, что, по нашему мнению, до сих пор не видно никаких факторов, на основании которых можно

было бы заключить, что развитие мировой революции прервано благодаря творческим и консолидирующим силам капитализма. В докладе Троцкого и в прениях по этому докладу было указано, что если мы держим курс на мировую революцию, это отнюдь не означает, что мы по доктринерски закрываем глаза на возможность остановки, на то, что мировой хозяйственный кризис может смениться временным улучшением конъюнктуры. Но наша общая линия, общий курс устанавливаются на основе того факта, что силы мировой революции продолжают развиваться, и предстоит не упадок мировой революции, а объединение революционных сил для новых боев. И не только мы придерживаемся этого взгляда,—я думаю, что никто в этом зале не считает Мартова за такого теоретика и политического деятеля, который бы особенно расчитывал на мировую революцию; все же этот Мартов в первомайском номере „Фрейхейт" писал следующее:

„Усиление контр-революции отнюдь не было результатом того, что капитализм преодолел последствия вызванного войной кризиса и урегулировал нормальный ход производства и обмена. Яснее, чем когда-либо, в настоящий момент выявляется неспособность капитализма восстановить мировое производство в размерах довоенного времени и обеспечить его нормальный ход. Невероятная, неслыханная безработица, систематическое закрытие предприятий или сокращение их работы во всех отраслях производства, острый недостаток товаров в одних странах или переполнение складов не находящими сбыта товарами в других странах,—такова картина мирового производства в настоящее время. Для контр-революции, подобной той, которая наступила после 1849 года, когда экономический подъем преодолел кризис, от которого страдали народные массы,—для такой контр-революции в настоящий момент не имеется почвы. Если капитализму не удастся путем преодоления национальных противоречий и планомерного международного регулирования создать экономическое равновесие, необходимое для нормального функционирования промышленности и мирового рынка—а до сих пор нет никаких признаков, которые указывали бы на возможность такого преодоления конкуренции между националь-

ными капиталами—то после теперешнего упадка революционной волны, кризис неизбежно вызовет новый революционный подъем".

Эти выводы Мартова приводят меня к вопросу: насколько правильна критика $2^1/_2$ Интернационала по отношению к Коммунистическому Интернационалу, которая нашла себе особенно яркое выражение в докладе Фридриха Адлера на Венском Конгрессе.

$2^1/_2$ Интернационал говорит: да, мировая революция еще не кончена, но вы спекулировали на быструю победу, а мы были реальными политиками, которые держали курс на более медленный ход мировой революции. Товарищи, я не буду утомлять ваше внимание рядом цитат, из которых видно, что в русской коммунистической печати уже в 1918 году указывалось, что соотношение сил в Западной Европе, мощь ее буржуазии делают весьма невероятным немедленную победу над капитализмом путем восстания народных масс. Мне незачем напоминать германским делегатам, что в Германии мы с 1919 г. исходной точкой нашей тактики сделали убеждение, что ход развития мировой революции будет затяжным, и что мы именно поэтому энергично боролись против революционного нетерпения наших левых товарищей. Все резолюции 2-го конгресса Коммунистического Интернационала, несмотря на то, что этот конгресс происходил в такой обстановке, когда казалось, что вскоре предстоит крупное столкновение сил мировой реакции, были направлены на подготовку Коммунистического Интернационала к длительной борьбе. Разница между нами и $2^1/_2$ Интернационалом состояла не в том, что эти, с позволения сказать, реальные политики с почтением помнили, что тише едешь—дальше будешь, а мы слишком нетерпеливо хватили горячий пирог,—нет: разница состояла прежде всего в том, что у нас совершенно иное представление об этом длительном процессе развития мировой революции. Когда $2^1/_2$ Интернационал говорит о медленном развитии мировой революции, он хочет этим сказать, что настоящий период является для партий периодом спокойной, мирной и медленной подготовки. Когда последние станут большими и сильными, тогда наступил долгожданный момент, и тогда даже Адлер и Криспин будут сражаться на баррикадах. Когда же мы говорим о медленном

развитии революции, то мы хотим этим сказать, что предстоит длительный период крупных боев, в течение которого коммунистические партии не будут иметь возможности уютно устраиваться на промежуточных этапах, успакоиваться, медленно и мирно работать в ожидании будущих благ; нет—им придется вести непрерывные бои с переменным успехом. Достаточно бросить взгляд на то, как до сих пор происходит это медленное движение, медленное развитие.

После бурных боев 1919 г. наступил ли период мирного развития? Наступил тот период, когда восстания народных масс уступили место белому террору буржуазии, когда партии были вынуждены скрыться в подполье, откуда они смогли вырваться лишь тогда, когда новая волна подняла рабочие массы и революцию и снова вызвала их на новое наступление.

Этот процесс, который в Средней Европе до сих пор не прерывался, в западно-европейских странах лишь начинается. Но и там коммунистические партии не имеют возможности спокойно, мирно развиваться и готовиться к грядущим боям. Нет, им приходится вести подготовительную работу среди преследований, среди постоянных столкновений. Поэтому я должен сказать, что когда в рядах Коммунистического Интернационала раздаются голоса—как, например, в речи тов. Шмераля—говорящие об этом медленном ходе развития, и когда употребляются образные выражения, в роде того, что полевая война перешла в позиционную войну, то, по нашему мнению, это есть ложное представление о ходе развития. Мы переживаем не переход от полевой войны к окопной, а период формирования великих армий мирового пролетариата.

Как обстояло дело в Чехо-Словакии? Имели ли вы за собой полевую войну? Нет, вы имели за собой лишь период пробуждения чехо-словацкого пролетариата. Во время декабрьской стачки мы видели лишь первую попытку формирования армии чехо-словацкого коммунистического пролетариата. И сейчас—позволяет ли вам враг спокойно готовиться к грядущим боям? Он старается побить вас, пока вы еще не сильны. Я обращаю ваше внимание на борьбу рабочих металлистов в Чехо-Словакии. У нас не окопная война, в которой товарищам предписывается не тратить пороха зря, а

сидеть спокойно и ждать. Нет, мы видим движение двух армий друг против друга,—уже готовой капиталистической армии и лишь формирующейся еще пролетарской армии,—причем капитализм пытается помешать нашему движению, побить нас еще до того, как мы успеем создать наши армии. Такова общая картина.

Вступая в эту эпоху грядущих боев, мы не имеем никаких причин отказаться хотя бы от одной из тех руководящих идей, под знаменем которых мы вступили в борьбу. $2^1/_2$ Интернационал на своем конгрессе всеми силами старался сфабриковать и каким-нибудь способом найти программу, которую он мог бы противопоставить нашей. Этот Интернационал возник под лозунгом: „коммунисты шаблонно применяют московскую тактику! Опыт русской революции превращается ими во всеобщий догмат. Мы, западно-европейские партии—Западная Европа начинается уже у русских меньшевиков (громкий смех)—хотим применять нашу тактику в соответствии с потребностями каждой страны".

С опасностью утомить ваше внимание я все же должен показать вам, к каким жалким результатам пришел $2^1/_2$ Интернационал после долгих усилий столь великих теоретиков, как Бауэр, Криспин и Роберт Гримм,—прошу не принимать этого за иронию;—он пришел к следующему результату—и очень важно, чтобы это было увековечено в протоколе нашего конгресса, как доказательство того, к чему может привести пытливая мысль после долгой работы. В резолюциях $2^1/_2$ Интернационала говорится:

„Как только классовая борьба достигает той ступени развития, на которой демократия из средств классового господства буржуазии грозит превратиться в средство классового господства пролетариата, буржуазия, как общее правило, будет пытаться насильно прервать демократическое развитие, чтобы предотвратить переход демократической государственной власти в руки пролетариата. Только в таких странах, где буржуазия не распоряжается необходимыми средствами,—прежде всего средствами военной власти, и поэтому не может решиться на то, чтобы заменить борьбу с оружием политической демократии открытой гражданской войной, только в таких стра-

нах пролетариат сумеет завоевать политическую власть демократическими средствами. Но даже там, где это произойдет, буржуазия, как общее правило, будет пользоваться своей экономической властью, чтобы саботировать деятельность перешедшей в руки пролетариата демократической государственной власти. И в этом случае, поэтому, пролетариату придется после завоевания политической власти применять диктаторские меры, чтобы сломить сопротивление буржуазии. Пролетарская диктатура тогда примет форму диктаторского господства завоеванной рабочим классом демократической государственной власти...

„Там же, где против натиска масс трудящегося народа буржуазия имеет в своем распоряжении средства власти для насильственного утверждения своего господства, там она взорвет демократию, будет держать наготове средства насилия и вызовет пролетариат на открытую борьбу. В этой борьбе решающую роль будут играть не избирательные записки, а экономические и военные силы борющихся масс. Тогда рабочий класс сумеет завоевать господство только путем прямых массовых выступлений (массовые стачки, вооруженные восстания и т. д.), и сможет утвердить это господство только путем диктаторского подавления побежденной буржуазии. Тогда диктатура пролетариата необходимо должна проводиться в жизнь на основе Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, профессиональных и других пролетарских классовых организаций".

Резолюция не указывает, где существует такая страна, в которой буржуазия не имела бы в своем распоряжении средства военной власти. Что это означает? Как общее правило, пролетариат должен сломить сопротивление буржуазии средствами насилия и, как общее правило, пролетариат должен установить свою диктатуру в форме Советов или опираясь на профессиональные союзы и другие пролетарские организации. Какие другие пролетарские организации здесь подразумеваются? Это не партии, так как мы знаем, что $2^1/_2$ Интернационал является противником партийной диктатуры. Это не кооперативные товарищества; следовательно, остаются только профсоюзы и рабочие советы. Но, если профес-

сиональные союзы объединяются, как органы власти, то они не могут объединять рабочих по отраслям производства, так как власть не может применяться при конкуренции 10 отраслей производства. Они должны быть объединены на местах и из центра. Что же получается? Система рабочих советов, основанная на производственных организациях. Итак, мы видим, что, несмотря на попытки 2½ Интернационала найти где-либо новую теоретическую идею, после всех разговоров о нашем теоретическом банкротстве они не нашли ничего иного, как знамя Коммунистического Интернационала, как знамя коммунизма, диктатуру пролетариата, систему Советов!

Единственная разница заключается в том, что они говорят, будто может быть такой случай, когда капиталистическое государство стоит совершенно беззащитным, без солдат. Коммунистический Интернационал очень охотно принял бы такой случай, когда какая-либо из наших партий имела бы перед собой противника, готового капитулировать без боя; мы не считали бы необходимым силой подавить его. Мы не ломимся в открытые двери, однако, обычно несгораемые шкафы не стоят открытыми. Я хотел бы, заканчивая свое выступление, указать на новую песенку, которую выдумывали в последние месяцы противники Коммунистического Интернационала, его главных стратегических и тактических идей, а именно, на утверждение, что положение в России доказывает, будто диктатура пролетариата не есть путь к победе. Те самые люди, которые в своих принципиальных резолюциях признают диктатуру единственным путем к победе, теперь начинают петь иные песни. Им кажется, что давление масс на них уже несколько ослабло, и они говорят: взгляните на Россию: уступки иностранному капиталу, уступки мелкой буржуазии,—зачем же диктатура? Россия-де доказывает, что диктатура не ведет к коммунизму. Я хотел бы сделать только одно общее указание: если Россия что-либо доказывает, то лишь одно, что совершенно изолированная и при этом почти исключительно земледельческая страна лишь с большим трудом может перейти к коммунизму.

Но я спрашиваю: Отто Бауэр в 1919 году написал брошюру о единственно правильном пути к социализму, о демократии. Сейчас мы имеем возможность рассмотреть резуль-

таты движения по этому пути. 2½ Интернационал может сослаться на то, что в Австрии и Германии, вследствие экономического развала, нельзя было идти по этому пути, что там дорога шла от Реннера к Шрееру и от Шейдемана к Вирту, а не от демократии к социализму. Но обратимся к господствующим, победоносным капиталистическим государствам. Возьмем, например, Англию, страну с рабочим классом, влияние которого на государственную политику и социальный удельный вес которого очень велики, где правительство вынуждено считаться с волей рабочего класса; за последние три года мы не видели не только ни одного шага к установлению такого государственного капитализма, который бы обращал хоть сколько-нибудь внимания на интересы рабочих, ни одного шага к гильдейскому социализму, который Отто Бауэр выставляет как великую перспективу в будущем, но не было даже осуществлено ни одной более или менее значительной социальной реформы. Россия доказала, что одинокая изолированная страна должна напрягать все свои силы в борьбе за свое независимое существование. Россия доказала, что в мелкобуржуазной стране переход к социализму весьма затруднителен. Но демократический путь, по которому Англия и Франция пошли отнюдь не под влиянием блокады, показал, что он ведет к неприкрытому господству плутократии, к господству реакции. В Англии, стране демократии, правительство сейчас выставляет пулеметы против мирно бастующих углекопов.

Этого достаточно, чтобы обосновать то, что сказано в тезисах. Наши тактические вопросы строго определены. Это следующие вопросы: как поведем мы борьбу, чтобы пролетариат, идя по тому пути, который ему предначертан манифестом, изданным при основании Коммунистического Интернационала, мог добиться победы? Это не вопросы о наших целях и о нашем пути вообще, это — вопросы о формах нашей организации, о руководящей линии нашей деятельности, о наших этапах на этом пути.

2. Теория Голландской школы.

Товарищи, главная задача, которую Коммунистический Интернационал с первого дня поставил молодым коммунистическим группам и партиям, состояла в том, чтобы завоевать широкие массы пролетариата для целей коммунизма и чтобы собрать те элементы рабочего класса, которые играют решающую роль в социально-экономической жизни, и создать из наиболее активных элементов пролетарский революционный авангард, входящий в ряды Коммунистической Партии и Коммунистического Интернационала. Из рядов Коммунистического Интернационала раздались нападки на этот путь. Эти нападки исходили от товарищей, которые считают, что они стоят влево от нас; теоретически эти обвинения были выражены группой товарищей под руководством Гортера и Паннекука. И здесь, при обсуждении вопроса о тактике, мы должны вкратце выяснить нашу точку зрения на эту теорию. Я не буду утомлять вас цитатами, вы можете найти эти идеи, выраженные с голландской отчетливостью в двух маленьких брошюрах—брошюре Паннекука о „Тактике мировой революции“ и в „Открытом письме Гортера к Ленину“ (более неумело их нельзя было развить). В этой брошюре изображается путь к коммунизму.

Исходная точка та же, что и у нас. Мировая революция рассматривается как период продолжительных жестоких боев; говорится, что в Западной Европе—базис пролетарской диктатуры должен быть гораздо шире, чем в России, потому что буржуазия там гораздо лучше организована, потому что крестьянство политически гораздо более зрело, в то же время гораздо более консервативно и громадные массы его уже теперь собираются вокруг буржуазии, потому что, наконец, пролетариат подвижнее, стоит на более высокой культурной ступени, чем русский. Я не знаю, почему Паннекук и Гортер думают, что они в этом отношении выступают против нас. Мы придерживаемся совершенно того же мнения и задолго до голландцев доказывали, что в Западной Европе и в других странах развитого капитализма, базис пролетарской диктатуры должен быть гораздо массивнее, чем у нас в России, где мы можем держаться на более узкой основе. Про-

тиворечия начинаются только там, где эти теоретики подходят к вопросу: как мы завоюем массы пролетариата для идей коммунизма, для коммунистической борьбы. В этом вопросе они приходят к мысли, возникновение которой можно объяснить и понять только исторически, но которая является совершенно неприемлемой для марксиста. Они, таким образом, представляют себе движение: маленькая группа коммунистов собирается, играет роль пророка в рабочем движении, критикует некоммунистические организации и в противовес им выставляет цели коммунизма. Она не борется с массами за их повседневные жизненные потребности, так как это—реформизм. Она не входит в организацию масс, так как быть в одной организации с контр-революционной профессиональной бюрократией—это является предательством. Она образует маленькую, чистую, кристаллически-ясную коммунистическую партию и маленькую, но тоже чистую производственную организацию из рабочих, уже стоящих на почве диктатуры. И эти последние дают пример массам. Какой пример? Они не могут начать восстания, так как небольшое меньшинство не может поднять восстание. Это была бы авантюра, которой они все же не признают. Восстание дело народных масс. Массовых стачек они проводить не могут, так как для массовых стачек нужны массы. В чем же должен состоять их пример? В пропаганде. Характерно, что во всех продуктах голландского рынка в этой области мы не находим ни одного действенного лозунга, ни одного плана действий, ни одной действенной мысли. Эта пропагандистская линия вполне объяснима; она объясняется тем, что теория возникла в стране, где до сих пор не было революционных массовых движений, кроме того, она написана чисто-коммунистическими индивидами, из которых один, высоко ценимый нами теоретик, с высоты астрономической обсерватории созерцает небо, а отнюдь не сутолоку бедных грешных людей, которые к тому же не являются чистыми коммунистами, а другой—старый филолог, да к тому же еще и поэт. Если нам поставят вопрос, каким образом это учение может находить отклик у пролетарских элементов, например, в Германии, то мы должны сказать: пролетарские элементы в действительности, на практике не имеют ничего общего с этим учением. Ком. Раб. Партия

возникла не потому, что ее основатели решили: Союз Спартака бросается в бой очертя голову, а мы считаем, что предстоит длинный период борьбы. Наоборот, эта партия выделилась из Ком. Партии Германии, потому что элементы из К. Р. П. были нетерпеливее и требовали немедленных выступлений. Исходная точка была совсем другая, чем у Голландской школы. Теоретики-мудрецы из Голландии говорят: никакого вмешательства в жалкую борьбу за кусочек хлеба. Вы должны говорить рабочим: коммунизм и только коммунизм. Производственные же организации существуют только потому, что они больше требуют в этой борьбе, выступают более энергично, чем профессиональные союзы, т.-е. они поступают как раз в противоположность теории голландцев. Эта теория используется Коммунистической Рабочей Партией так же, как подтяжки используются африканскими неграми для украшения грешного тела (смех).

Эта теория находит себе здесь отклик лишь в одной части: эти рабочие группы боятся соприкосновения с не вполне чистыми социалистическими и коммунистическими рабочими; они презирают парламентаризм, ненавидят профессиональную бюрократию. Это связывает их с авторами теории замкнутости коммунистов. Коммунистический Интернационал должен отклонить эту теорию по теоретическим причинам и, исходя из марксистской точки зрения на ход развития и из всего опыта, который был накоплен в борьбе, именно потому, что на основе этой теории, на том пути, который она предлагает, никогда не может быть сделано ни малейшего шага вперед в рабочем движении. Если сейчас сотни тысяч германских рабочих стоят в лагере коммунистов, то не потому, чтобы коммунисты отделились от них и сказали им: только коммунизм может вас спасти, а потому, что коммунизм был там, где рабочий класс сражался и истекал кровью, что коммунистическая партия была повсюду, даже там, где рабочий класс боролся только из-за заработной платы.

Мы критиковали половинчатые лозунги, но мы шли с массами и только в борьбе, только в широких пролетарских организациях, где эти массы собираются, только в профессиональных союзах, где они объединяются, правда, под контр-революционным руководством, но все же для

борьбы, только там мы завоевали часть пролетариата, которая идет с нами. И сторонники теории чистого коммунизма остались маленькой группой пропагандистов, которую мы очень хотели бы иметь в своих рядах, потому что она отчасти воспитывает великолепные пролетарские боевые элементы, которые душой и телом преданы делу коммунизма, но которые, к сожалению, распыляют свою революционную энергию обособлением от массы.

3. Опыт массовой борьбы.

Товарищи, главная задача, перед которой мы стоим, это завоевание широкой массы пролетариата для идей коммунизма. Эта главная задача была поставлена Первым Конгрессом. На Втором Конгрессе мы в целом ряде тезисов заняли определенную позицию по отношению к конкретным вопросам нашей политики, наметили путь, по которому хотим итти; но, чтобы пойти по этому пути, я должен вкратце напомнить о прежнем опыте в этой области. Зиновьев уже отчасти это сделал в своей большой речи по докладу Исполкома, но он был вынужден, в виду своей темы, останавливаться больше на отношении партий к Исполкому, он не мог вполне исчерпать тот материал, который нам давала прошлая борьба. Товарищи, важнейший вопрос, который нам предстоит разрешить, заключается в том, как могут коммунистические партии повлиять в коммунистическом духе на непосредственно возникающие движения пролетариата, обобщить их, углубить и превратить в борьбу за власть. Этот важнейший вопрос может быть разрешен только путем изучения практики нашего движения, практики всех наиболее крупных боев, чтобы извлечь из них полезные уроки.

а) Английская забастовка углекопов.

Я начну с одной из самых маленьких коммунистических партий в большой стране, где сейчас происходят гигантские классовые бои. Позвольте мне начать этот обзор с поведения английских коммунистов во время теперешней великой стачки углекопов. Товарищи, я начинаю с этого по следующей причине. Я хочу поставить во главе моего доклада о

конкретной тактике такое положение: нет коммунистической партии вне массового движения, и как бы мала ни была коммунистическая партия, она обязана итти впереди всякого массового движения, которое происходит в ее стране; во время таких боев, она обязана сконцентрировать все свои силы на этом массовом движении. И я думаю, что английский пример дает нам доказательство того, что наши молодые и небольшие коммунистические партии еще не делают самых важных, самых простых вещей, которые должны быть сделаны в этом отношении.

Я в продолжение всей этой стачки очень внимательно следил за органом английской Коммунистической Партии „Коммунист". Нужно признать, что Английская Коммунистическая Партия в противоположность своему прежнему органу „Колл" сумела агитационно поставить газету, она производит впечатление, что имеет некоторое отношение к действительной жизни пролетариата и издается не на луне (многие органы коммунистической партии производят именно такое впечатление). Но вот что характерно: в этом органе вы не найдете отчета о том, что делает партия в каменноугольных районах. Уже этот один факт показался мне весьма подозрительным. Я просил нашего друга Бородина, который сделал великолепную сводку об английской стачке для Исполкома, произвести анкету среди приехавших из Лондона и из Англии делегатов относительно стачки углекопов, основываясь на фактах, известных им. Я бы хотел, чтобы большая часть наших товарищей ознакомилась с данными этой анкеты. Мы узнаем из нее, что в каменноугольных районах бывали собрания, но они устраивались не Центральным Комитетом Партии, а без всякого предварительного плана. Отдельные коммунистические группы устраивали эти собрания. Я спрашивал: с каким лозунгом идете вы на эти собрания? что вы говорите массам? каково ваше отношение к вопросу о национализации? каково ваше отношение к теперешним конкретно поставленным требованиям рабочих? Один из товарищей ответил: „Когда я вхожу на трибуну собрания, я знаю столько же, сколько человек на луне, что я буду говорить, но я как коммунист, ориентируюсь во время моей речи". Что это означает? Партия наблюдает невиданную до сих пор борьбу пролетариата, борьбу, которая может привести к коренному перевороту, и не распределяет

планомерно своих сил. Это первое правило: чем меньше силы, тем целесообразнее их нужно применять. Далее, те силы, которые она использует, не получают от нее боевых лозунгов. Она не говорит товарищам, что они должны говорить рабочим массам о сегодняшнем и о завтрашнем дне. Еще одно, партия во многих местах выступает под покровом „рабочих комитетов", и поскольку ее агитация имеет успех, она не связывает массы с коммунистической партией. Товарищи, мы считаем нашим долгом сказать даже самым маленьким коммунистическим партиям: вы никогда не превратитесь в широкие массовые партии, если вы будете ограничиваться пропагандой теории коммунизма, или, если вы перед лицом такого движения выступаете только с одним лозунгом: „не доверяйте вашим вождям", с лозунгом, который коммунисты Англии с полным правом сделали очень популярным. Если вы не помогаете пролетариату, борясь в его рядах на первом месте, вступая в движение как коммунистическая партия, помогая вашими лозунгами понять уроки борьбы, вы никогда не станете во главе этих масс. Мы еще раз повторяем наш лозунг: б л и ж е к м а с с а м! Каждый день, в течение которого вы не подвинулись на этом пути, является потерянным днем для коммунизма, и чем меньше партия, тем исключительнее она должна направлять свои силы на разрешение этих задач.

б) Итальянская борьба.

Товарищи, в последнем отчетном году мы имели три массовых выступления пролетариата, в которых коммунисты были поставлены перед серьезными задачами: речь идет о борьбе за занятие фабрик в Италии, о борьбе в Чехо-Словакии и о мартовском выступлении в Германии. Позвольте мне остановиться на уроках этих трех выступлений, потому что только при таком одновременном рассмотрении вопросов возможно произвести правильный анализ сделанных ошибок и определить правильный путь на будущее время. Я начну с итальянского опыта, с огромного сентябрьского движения прошлого года и вытекающих из него уроков. Я вкратце напомню вам ход событий.

Движение началось на итальянских металлургических за-

водах. Оно охватывает такие значительные массы металлистов, что их союз видит себя вынужденным стать во главе движения. Движение захватывает в свой круг и те заводы, которые доставляют металлургической промышленности полуфабрикаты и сырье. Оно перебрасывается на химическую и целый ряд других отраслей промышленности, и создает атмосферу, в которой к движению присоединяются наиболее угнетенные слои пролетариата.

Видя, как металлисты, текстильщики и химические рабочие занимают фабрики, выставляя фабрикантов за дверь, массы бездомных пролетариев приходят в движение и приступают к захвату вилл и дворцов, в которых они поселяются со своими женами и детьми. Движение перебрасывается в деревню; в Сицилии, в южной и центральной Италии крестьяне ходят с красными знаменами, занимая латифундии и образовывая красную гвардию. И в таком положении, когда рабочий класс вступал в великий бой, когда деревня присоединялась к движению, первым и важнейшим вопросом для нас был вопрос об истинном характере этого движения. Мы говорим себе: если бы даже у нас не было никаких других фактов, мы все-таки должны были признать его крупным революционным массовым движением. Рабочие готовятся схватить за горло капиталистическое общество, они посягают на святыню капитала, на заводы, на несгораемые кассы. Но Серрати говорит: то было чисто профессиональное движение. Подумайте, товарищи:—профессиональное движение, в котором сотни тысяч рабочих занимают заводы, пытаются — и часто весьма успешно—поднять производительность труда; профессиональное движение, в котором рабочие организуют сбыт товаров, взламывают кассы капиталистов и создают себе, таким образом, общий фонд, на основе которого союз металлистов выпускает бумажные деньги, за которые потребительные общества отпускают рабочим предметы первой необходимости; профессиональное движение, означающее не что иное, как попытку рабочих наложить руку на самые корни капиталистической власти, на фабрики и заводы. Создавшееся тогда положение лучше всего характеризуется словами итальянского министра-президента Джиолитти, сказанными им в Сенате 26 сентября;

„Началось занятие заводов. По мнению критиков правительства, был возможен двоякий образ действий: следовало либо предупредить движение, либо же, раз я не сумел сделать этого вовремя, силою заставить рабочих очистить заводы. Предупредить, но как? Речь идет о шестистах предприятиях металлургической промышленности. Для того, чтобы предупредить занятие, мне было бы необходимо—предположив, что действуя с молниеносной быстротой, я мог бы появиться раньше, чем началось занятие,—разместить в предприятиях многочисленный гарнизон: в маленьких человек по 100, а в больших—по несколько тысяч. Для этого мне необходимо было бы употребить всю без исключения имевшуюся в моем распоряжении военную силу. А где было взять силы для надзора за теми 500.000 рабочих, которые были бы прогнаны с заводов? Кому можно было бы поручить защиту общественной безопасности? От меня желали невозможной предусмотрительности, которая, если бы я проявил ее, привела бы к тому, что вооруженная сила государства оказалась бы осажденной со всех сторон и лишенной всякой свободы передвижения. Итак, я счел нужным отказаться от подобной меры. Следовало ли мне, в таком случае, очистить заводы посредством вооруженной силы? Ясно, что мне пришлось бы, таким образом, начать открытую гражданскую войну. И это после того, как Всеобщая Конфедерация Труда торжественно заявила, что она исключает в движении всякую политическую окраску, что оно должно будет держаться в границах исключительно экономической борьбы. Всеобщая Конфедерация Труда, к которой я питал тогда доверие, доказала, что она вполне заслуживала его, так как широкие массы рабочих пошли именно по этому пути. Представляют ли себе критики, куда я завел бы страну, если бы я прибег к насилию, пустив в ход против рабочих войско, королевскую гвардию, карабинеров?“

Это заявление Джиолитти, этого хитрого, пожалуй, хитрейшего представителя итальянского капитала, объясняет нам все. 500 тысяч рабочих находились в революционном движении. Правительство было бессильно, а бюрократия проф-

союзов, пользовавшаяся доверием правительства и платившая ему таким же доверием, вступила в переговоры, отлично понимая, что все завоевания рабочих превратятся в клочек бумаги, как только они очистят фабрики.

Товарищи, во главе итальянской Конфедерации стоят люди, выступавшие здесь в качестве коммунистов и состоявшие до последнего времени членами Коммунистического Интернационала; это, однако, не помешало ей заключить договор с Итальянской Социалистической Партией, а Итальянская партия действует заодно с Конфедерацией. И что же мы там видели? В борьбе принимают участие синдикалистские и анархистские рабочие. Итальянская партия знает, что бюрократия профсоюзов стремится задушить борьбу, но что рабочие желают бороться; но она не старается привлечь представителей этих рабочих к общему обсуждению положения. Вне Конфедерации стоят крупные организации железнодорожников, моряков, портовых рабочих. Партия не думает о вовлечении этих организаций в борьбу. Она хочет играть первенствующую роль. Она заявляет, что хочет борьбы, но бюрократия профсоюзов говорит: закончим борьбу, и мы получим контроль над производством,—и партия дает уговорить себя и соглашается на прекращение борьбы.

Товарищи, я обратился сегодня к итальянским товарищам с вопросом: что сталось с контролем над производством в Италии? Оказывается, что правительство не внесло в парламент даже клочка бумаги на этот счет, хотя оно обязалось дать рабочим по закону право контроля над производством, если они очистят заводы. Товарищи, после прекращения борьбы, реформистские органы стали прославлять этот контроль над производством как великую победу. Они говорили: наконец-то, оба элемента, труд и капитал, пойдут в ногу; труд будет смотреть за тем, чтобы капитал не грабил, а капитал будет следить за тем, чтобы рабочие работали. Тогда поднимется сильно упавшая валюта. Но как только рабочие вернулись на заводы, против них открылся дикий поход белых. Нападения на рабочие организации следовали одно за другим. По очереди сжигаются редакции партийных органов в Генуе, Милане, Риме, Брешие; в Болонье стреляют в рабочих. Тюрьмы наполняются тысячами арестованных. Правительство благоразумно начинает с преследований тех,

кто был оставлен социалистической партией вне общей семьи борющихся—с преследований анархистов и синдикалистов, массами арестовывая их вождей. Великая борьба рабочего класса потерпела крах, благодаря тому, что Итальянская Социалистическая Партия перед лицом этого могучего потока думала только об одном: да избавит меня господь от чаши сей—от руководительства революцией. Товарищи, мы не знаем, привела ли бы нас эта борьба к власти, но ею можно было многого достичь, и прежде всего, двух вещей: во-первых, фактического контроля над производством, не как средства для поднятия курса валюты в капиталистическом государстве, но как средства действительного сплочения рабочих в одну великую пролетарскую организацию против капиталистического государства,—и, во-вторых, вооружения рабочих. Если бы борьба за эти цели и не привела нас к власти, она, во всяком случае, была бы сильным ударом, нанесенным капитализму итальянским рабочим классом под руководством партии. В этой борьбе рабочий класс мог бы завоевать важные позиции; но, если бы даже, в худшем случае, он был бы разбит, он все-таки вышел бы из боя обогащенный опытом и знанием условий борьбы.

Итальянская партия уклонилась от борьбы. Она ссылается на то, что, несмотря на это, ее влияние сильно возросло, что на выборах она получила много голосов. Да, революция, развитие общественных противоречий, гонит к нам рабочих, даже тогда, когда мы совершаем величайшие ошибки; но—эти ошибки мешают рабочим найти правильный путь и отнимают у него веру в собственные силы. Он голосует за вас, ибо, за кого же ему голосовать? Не за капиталистов же! Но сознание своей силы ослабляется у пролетариата, упускаются благоприятные ситуации, при которых возможна полная или частичная победа. А результатом является упрочение власти капитала. Перед выборами в Италии, Ода Ольберг, итальянско-немецкая реформистка, следящая в „Форвертсе“ в течение нескольких десятилетий с большим вниманием и проницательностью за итальянским движением, писала: „буржуазия чувствует себя совершенно по иному, благодаря тому, что итальянская партия обнаружила страх перед борьбой“.

в) Декабрьская забастовка в Чехо-Словакии.

Перейдем к декабрьской забастовке в Чехо-Словакии. Она возникла в связи с тем, что капиталистическое правительство Черни пустило в ход, для защиты социал-демократов, все параграфы жульнического кодекса, именующегося гражданским правом буржуазного общества, с целью отнять у чешского пролетариата его Народный Дом и передать его в руки предательских вождей. Рабочие ответили на это стачкой. Несмотря на то, что правительство после первых же стычек объявило осадное и даже исключительное положение, известное на языке бывшей австрийской империи под именем „статариум"; несмотря на то, что оно прервало телефонное сообщение, арестовало курьеров левой социалистической партии, несмотря на все это, движение перебрасывалось из одного города в другой. Через несколько дней Старо-Богемская область, Моравия, вся Словакия были охвачены борьбой, причем немецкие рабочие северной Чехии выступали в полной солидарности с чешскими рабочими. Борьба носила различный характер. В одном городе забастовка шла под лозунгом: „верните Народный Дом и освободите арестованных"; в других городах были выставлены требования об увеличении заработной платы; в некоторых местах требовали образования рабочих советов, в других—рабочие обнаружили стремление к захвату фабрик, имений и к самовооружению.

Во всяком случае ясно—и Ц.К. левой социалистической партии, „Левицы", открыто сознался в этом—что это стихийное движение явилось совершенно неожиданным для последней; она не предполагала, что в рабочей массе таится так много революционной энергии. Ведь вся политика партии с самого момента ее основания сводилась к следующему: массы еще не так многочисленны, мы не можем еще открыто образовать коммунистическую партию, мы не можем еще открыто вступить в Коммунистический Интернационал; массы еще не созрели для восприятия открыто выраженных наших лозунгов. И вдруг эти массы пришли в движение, показав в своей борьбе большую зрелость, чем их вожди. Я просил передать мне партийный орган „Руде Право", но не нашел в нем ни одного воззвания, в котором

рабочим разъяснялось бы, из-за чего, действительно, велась борьба, и указывалось бы на уроки движения. А когда 16-го декабря движение было остановлено, Ц.К. „Левицы" выпустил манифест, в котором выражалось торжество по поводу одного лишь факта, что славный чешский пролетариат, отуманенный было национализмом, поднялся, наконец, как лев, на борьбу, и что теперь националистические иллюзии разбиты. Но почему борьба окончилась поражением, и что следовало сделать чешскому пролетариату для того, чтобы его борьба была впредь более успешной, об этом не говорилось ни в этом воззвании, ни в одном из последующих номеров „Руде Право".

Урок, данный движением, заключался, во-первых, в следующем: вы потерпели поражение потому, что вы не составляете единой партии, потому что чешские, венгерские, словацкие и немецкие рабочие, несмотря на то, что они живут на территории одного государства, находятся под гнетом одного и того же правительства и эксплоатируются одной и той же буржуазией—несмотря на все это, они все имеют свои особые партийные организации. Итак, первый организационный урок был: пролетарии всех народностей Чехо-Словакии, объединяйтесь в одну партию. Однако, этот вывод не был сделан. Затем следует политический урок: какова должна быть политика партии, с кем ей следует порвать, к кому ей следует примкнуть? Мысль об образовании коммунистической партии навязывалась сама собой. Но и эту мысль не постарались закрепить в сознании рабочих.

Чешская партия не была способна на это, потому что ее вожди не решались сделать те выводы, какие масса фактически уже давно сделала. Массы стояли уже на почве борющегося коммунизма, но вожди плелись за ними далеко в хвосте. Им понадобилось еще четыре месяца для того, чтобы решиться с осторожностью и всевозможными оглядками сделать то, что массы фактически давно уже сделали. Еще один урок: чехо-словацкое движение ставит перед нами вопрос о том, какие лозунги должны мы выставлять там, где рабочие пробуждаются и идут в борьбу, но где общая ситуация еще не так развита, чтобы мы могли надеяться на захват власти? Другими словами, какие переходные лозунги должны мы выставлять? „Левица" ничего не сказала и по этому вопросу.

Она, следовательно, отказалась как от организационного, так и от политического руководства прямо упавшим в ее руки движением. Итак, здесь мы видим поразительно яркий пример того, как большая массовая партия дала заглохнуть стихийному движению, вместо того, чтобы оказать на него свое влияние и взять на себя коммунистическое руководство им. Мы видим здесь ошибку, внутренние мотивы которой мы подробно исследуем в дальнейшем. Скажу только уже сейчас, что главной причиной является пассивная политика, составляющая сущность до сих пор еще не исчезнувших у нас полу-центристских течений и приближающая эти течения к центристским течениям вне Коминтерна.

г) Мартовское выступление.

Перехожу теперь к противоположному и тоже образцовому примеру, к примеру противоположной ошибки, к мартовскому выступлению в Германии. Но прежде, чем перейти к обсуждению мартовского выступления, я должен сказать следующее: о значении и ошибках мартовского выступления мы обязаны, как внутри О.К.П.Г, так и со всеми коммунистическими партиями говорить с полной, братской откровенностью. Необходимо понять сущность этой борьбы, сущность сделанных ошибок, именно потому, что мы видим в этих ошибках не какие-либо случайные заблуждения. Когда блаженной памяти Леви в своей брошюре изображает это движение, как результат того, что некоторые взбалмошные головы вмешались в рассудительное немецкое движение и до того вскружили головы некоторым легкомысленным людям, в роде Брандлера, что те пустились в пляску, то от такого взгляда вряд-ли может быть нам какая-нибудь польза. На это, пожалуй, только и скажут: пусть взбалмошные головы не совращают впредь честных людей. Выводы, вытекающие из подобного анализа, так же плоски, как обструганная скамья, не говоря уже о бессмысленности допущения, что недавно родившаяся партия, вожди которой еще не пользуются никаким авторитетом, бывшая уже свидетельницей увядания крупных имен,—что такая партия, по кличу одного из своих товарищей, способна ринуться в бой.

Скажу еще предварительно следующее: говоря с вами

открыто и по братски о ваших ошибках, мы делаем это не потому, что считаем Исполком кладезем мудрости, и не потому, что думаем, что, будь Зиновьев послан нами на место другого товарища, все пошло бы, как по маслу. Мы сознаем, что переход к действию чрезвычайно труден для всякой партии, что необходим долгий и великий опыт борьбы прежде, чем руководящие элементы уловят истинную меру, прежде, чем они всесторонне продумают взаимоотношения между партией и массой. Мы говорим: конечно, мы теперь гораздо легче видим все ваши недостатки, чем могли сделать это вы во время борьбы, но для того-то мы и являемся на международные конгрессы, чтобы учиться на наших прошедших битвах. Мы хотим не вас учить, но учиться вместе с вами, и когда сидящим теперь за решеткой семи тысячам немецких пролетариев говорят теперь, что их борьба была напрасна, то мы протестуем против этого, ибо пролетариат учится только на своих ошибках, только на своих поражениях. Жертвы, потребовавшиеся для этого урока, являются ценою нашей будущей победы.

Теперь позвольте мне, товарищи, поговорить об этих вещах с полной откровенностью. Мне необходимо коснуться истории О. К. П. Г. Объед. Ком. Пар. Герм. возникла из Союза Спартаковцев, игравшего руководящую роль во время первого приступа пролетарской борьбы. Когда массы впервые восстали, готовые, казалось, свергнуть капиталистическое государство, спартаковцы находились в первых боевых рядах. Затем, когда закончился период буржуазной революции—ноябрьская революция была только завершением буржуазной революции в Германии—начался длинный период собирания сил немецкого пролетариата для будущих боев. Партия осталась без своих виднейших вождей, в ней сохранилось всего каких-нибудь две, три тысячи рабочих. Ей необходимо было позаботиться о том, чтобы эта сила не распылилась в авангардных стычках, чтобы она не завязала нового боя прежде, чем ей удастся собрать сильное пролетарское ядро вокруг коммунистического знамени. Союз Спартаковцев должен был играть роль силы, удерживающей рабочих от ненужных стычек, организующей и просвещающей массы для крупных боев, чтобы в них им не угрожала опасность поражения и изолированности.

На почве этой тактики, представлявшейся необходимой в 1919 году, в год наступления, в идеологии некоторой части руководящих товарищей, которым приходилось выдерживать борьбу с авантюристскими тенденциями, действительно проявлявшимися в то время, когда какая-нибудь группа в сто рабочих, раздобыв где-либо пулемет, была готова ринуться в бой,—в идеологии этих товарищей сохранился „анти-авантюристский" ужас пред всяким движением: ведь, пожалуй, стекла будут лететь, а это очень опасно. Такая позиция сделала Ц. К. Союза Спартаковцев совершенно беспомощным в капповские дни. В то время, как в провинции коммунисты повсюду блестяще сражались в капповские дни, Ц. К. вначале проявлял полное бездействие. За несколько часов перед взрывом величайшей всеобщей забастовки, какую Германия когда-либо видела, он говорил: массы еще не готовы. И позже, когда он уже увидел свою ошибку, он уже не мог больше играть руководящей роли в борьбе и опустился на степень лояльной оппозиции, представляющей собою кастрацию коммунизма. Оппозиция истинной рабочей партии может исходить только из мотивов, связанных с целями коммунизма. Наша позиция перед лицом врага никогда не может быть тем, что на буржуазном жаргоне называется „лояльной". Если мы и заключаем компромисс, то только так, как поется в песне Гильдебранда: „с мечем против меча", но не при посредстве „лояльных" переговоров.

Я напоминаю об этом эпизоде, потому что он показал, что часть вождей Спартаковского Союза не сильно настаивала на активном выступлении, вожди же левых независимых, перешедшие к нам, в большинстве своем состояли из людей, завоевавших свои лавры в профессиональном движении или в качестве парламентариев и представителей независимых; эти товарищи путем честной работы пришли к идее коммунизма. Но гораздо легче принять 48 условий на бумаге, чем провести в жизнь хотя одно условие коммунистической борьбы (оживленное одобрение). Этим товарищам было очень трудно перейти к активной борьбе. Когда был созван партийный съезд и в Центральном Комитете обсуждался вопрос о будущем партии и ее задачах, то указывалось, что она является массовой партией, имея 500,000 членов; эта цифра в действительности не была проверена и, по моему мнению,

у нас никогда не было больше 350.000 членов. Такая партия не может удовлетвориться тем, чем может удовлетворяться передовой отряд в 50.000 рабочих. Она не может довольствоваться одной проповедью идеи революции. Ее удельный вес в общем соотношении классовых сил гораздо значительнее. Она имеет возможность путем стихийного выступления взять руководство в свои руки, ее обязанность призывать к революционным выступлениям повсюду, где массы находятся в брожении. И никто в Центральном Комитете и на Конгрессе не протестовал против фразы, помещенной вполне сознательно в манифесте партии, где сказано: „Коммунистическая Партия Германии, в качестве небольшой партии, старалась проникнуть в большие рабочие организации для того, чтобы практически своими призывами к выступлениям уяснить массам значение коммунизма как „учения об условиях освободительной борьбы пролетариата", выражаясь словами Энгельса. Но она сама не могла руководить массовыми выступлениями, потому что за нею не стояли массы. Так как ей не удалось привлечь Социалистическую Германскую Независимую Партию на свою сторону, она должна была ограничиться политической пропагандой. Германская Объединенная Коммунистическая Партия имеет достаточно сил для того, чтобы выступить на собственный страх и риск там, где условия это позволяют или требуют. Она стремится к объединению сотен и тысяч своих членов в профессиональных организациях, в фабрично-заводских комитетах, во фракциях, к установлению тесной связи при помощи своей прессы и воззваний с сознательными массами, она хочет выявить их нужды, пробудить в широких массах сознание этих нужд и веру в возможность победы над ними, и она окажется в состоянии побудить пролетариат к революционным действиям или же стать во главе стихийных революционных движений".

Товарищи, мне кажется, что в этой цитате указаны все условия для руководящей роли партии. Во-первых, она должна при помощи прессы вступить в тесную связь с широкими массами, выражать их нужды; она должна охватывать сотни тысяч рабочих—членов профсоюзов. Она должна выжидать те моменты, когда возможны или потребуются массовые выступления. Только тогда у нее будет возмож-

ность руководить стихийными движениями, или же вызывать их. То, что здесь указано в общей форме относительно самостоятельной роли партии, не было, однако, усвоено партией как живой опыт. У партии с мартовского выступления до сих пор (это подтвердит всякий из германских товарищей) нет прессы, которая связывала бы ее с широкими народными массами. Наша пресса даже не соответствует численности членов нашей партии. (Возглас: совершенно правильно!). Наша пресса носит еще по большей части теоретически-просветительный характер. Она не говорит сильным языком народных трибунов, принимающих участие во всех народных нуждах. В нашей прессе помещаются длиннейшие статьи, иногда очень хорошие теоретические, пропагандистские статьи, но крика массы вы не услышите. Я просил бы товарищей обратить внимание на то, что у нас здесь имеется в виде фотографий, это весь комплект нашей „Правды", русского центрального органа, за тот период, когда мы еще боролись за власть: он тогда имел 4 страницы, и половина из них была занята маленькими сообщениями с фабрик. Все, чем массы жили, находило себе выражение на этих страницах. Ваша пресса не такова, а это означает, что партия еще не сделала всех необходимых приготовлений для великой борьбы. Говорят, что нельзя же всякое выступление подготовить, как парад на Красной Площади перед Кремлем. Конечно, во время борьбы нелегко маневрировать с неорганизованными массами, но подготовительная работа партий должна производиться еще до начала борьбы. Подготовительная работа партии это все, что делается ею во всех видах, в смысле тактики на собраниях, фабриках, в газетах, профсоюзах, в пролетарских спортивных союзах, в пролетарских кабачках, повсюду, и на улицах, и в массах должна вестись подготовка к выступлению. Когда партия приступила к этой работе, я должен сказать, что она наткнулась на наследие прошлого, на пассивность бюрократического аппарата, который раньше был только вербующей организацией и не вел никакой подготовительной работы для непосредственной борьбы. Было совершенно невозможно заставить хороших и интеллигентных товарищей писать агитационные брошюры, организовывать кампании. У партии не было понятия о том, как надо вести политическую кам-

панию. Сегодня писали о каком-либо вопросе, чтобы встряхнуть и пробудить рабочие массы, но через три дня все это предавалось забвению.

Самый важный вопрос, стоявший перед партией, был: как нам подойти к массам? Ведь в Германии массы организованы; они организованы в профсоюзы, насчитывающие 10.000 000 членов, в партии, имеющие миллионы членов. И поэтому первый вопрос заключался в том, как нам подойти к этим массам? Партия выбрала правильный, путь. Она сказала: тот, кто стоит за диктатуру пролетариата, кто уже стоит на стороне коммунизма, тот уже находится в партии, или близок к ней. После Галле нельзя более привлекать новых слоев пролетариата лозунгом конечной борьбы. Мы можем вести подкопную работу, но в какой области? Мы должны документально доказать массам, что социал-демократы, независимые и вожди профсоюзов лгут, заявляя, что они хотят вести борьбу не за диктатуру, но за кусок хлеба. Мы должны также показать массам, что все они,—и социал-демократы, и независимые, и вожди профсоюзов совсем не хотят бороться. Пускай пролетариат хоть умирает с голоду.

Под влиянием такого хода мыслей и родилась идея „Открытого письма". Это было решение партии открыть боевую кампанию, которая приблизила бы партию к массам и заставила бы их уйти от их социал-демократических вождей и вождей профсоюзных. Товарищи, всякому было ясно, что это не может быть сделано только путем агитации. Когда мы решились на этот шаг, мы стояли перед возможностью больших боев. Вы, вероятно, помните о борьбе железнодорожников, почтовых служащих, о движении безработных. В первые январьские дни мысль была такова: путем давления на социал-демократов и на бюрократию профсоюзов принудить их толкнуть массы в наши ряды, ряды общего рабочего движения, при чем нашей задачей было бы при этом усилить наши лозунги, наше влияние на массы, или же, в случае отклонения бюрократией профсоюзов, предоставить нам свободное поле действий. Мы хотели, чтобы массы, прежде чем начнется борьба, ясно представляли себе, каково будет поведение социал-демократов и профсоюзов. Правительству удалось при помощи уступок, расколовших

рабочих, свести движение на нет. Я теперь указываю на то, каково было тогдашнее положение партии. Оказалось, что часть товарищей, кричащих теперь караул об опасности, угрожающей благодаря сектантским тенденциям партии, именно Гейеры, Брассы и другие, — что они были против этой идеи. И мы потеряли драгоценную неделю, которая нам позже обошлась гораздо дороже.

Затем мы повели наступление. Я спрашиваю тех, кто организовал тесную связь с массами: „Где организовывались коммунистическими вождями профсоюзов конференции в округах в то время, как мы отовсюду привлекали сотни тысяч рабочих на нашу сторону? Разве вами была сделана хоть одна попытка поднять борьбу путем организации большой политической кампании и перейти от агитации к устройству публичных собраний коммунистов совместно с сочувствующими им группами? Я утверждаю, что ни вы, ни левые этого не сделали. Не проявилось умения связывать события, что и показало, что переход к активности весьма труден. Все же нужно подчеркнуть одно. Если среди левых царила беспомощность, то среди значительной части партийных деятелей несомненно царила боязнь большой борьбы. Затем, как вам известно, в связи с итальянским вопросом возникли разногласия в самой партии. Выкристаллизовалось правое крыло партии. Замечу, что этим же крылом позже было выдвинуто обвинение в том, что выступление не было подготовлено. Стоя во главе Центрального Комитета, Леви не внес ни одного предложения, за исключением предложений, связанных с вопросом о союзе с Советской Россией, которые, однако, не могут быть лозунгами для массовых выступлений. Левые товарищи остались одинокими в Центральном Комитете партии, и перед ними стояла задача пробудить активность в членах партии. Здесь я подхожу к коренной ошибке, которая была при этом совершена.

Вы говорите, что на политическом горизонте нависали грозные тучи, тут был и вопрос о Верхней Силезии, и опасность со стороны санкций, и Баварский вопрос и т. д. одним словом, все вопросы в это время необычайно обострились. Но если угрожает опасность, то нужно прежде всего усилить агитацию и обратить внимание масс на эту угрожающую опасность. Когда мы в первые дни после на-

чала мартовских событий как-то сортировали газеты, я передал тов. Троцкому 2 пакета, в одном из них был комплект „Роте Фане“ до 17-го марта, а в другом после 17-го. До 17-го марта,— и так во всей прессе, — повторяют старые истины, с 18-го марта вдруг начинают стучать кулаком о стол и кричать: „Кар плюет на законы“!—Вот тут-то и кроется главная ошибка: вы говорите, ошибки были совершены в прошлом. Да, это правда. Вы говорите, виноваты старые организации, правые вожди, не поднявшие в организационном отношении партию на высоту; да, они виноваты в первую голову. Но в течение 3-х недель до 17-го марта, когда вы были одни, где вы видите признаки какой-либо перемены? Ее не было. Вы не поняли самого главного, что если вы собираетесь завтра бороться, то вы должны сегодня готовиться к борьбе, сегодня вы должны занять боевую позицию.

17-го марта состоялось заседание комиссии рейхстага. Я хочу кратко остановиться на ошибках, сделанных этой комиссией, потому что они являются коренными ошибками, потому что, кто не достаточно оценивает ошибки 17-го марта, тот не в состоянии будет хорошо подготовить и будущие выступления. Я не буду здесь приводить цитат, чтобы не утомлять внимания товарищей. Я только ставлю вопрос: какова была руководящая идея на заседании 17 го марта? Что сказала партия представителям различных округов? Она прежде всего осветила грозящие опасности в надлежащем свете. Какие следствия вывела она из этих опасностей? Первое следствие, которое революционный марксист должен был сделать, это было: мы вступаем в период больших боевых возможностей. Поэтому партия должна прежде всего подготовить массы путем агитации к этим возможностям и приспособить к ним свою организацию. Затем партия должна была поставить вопрос: в ее ли интересах выявить возможно скорее противоречие классовых интересов? Я утверждаю, что так как партия ни политически, ни организиционно не была готова к большой борьбе, то для нее не представляло интереса форсировать движение. Вы указываете на опасности санкций, на Верхнюю Силезию, на разоружение, но ведь совершенно другой вопрос: как реагируют руководящие политические круги партии на эти опасности? Руководящие поли-

тические круги Интернационала должны принимать в расчет даже опасность английско-американской войны, которой может и не быть. Но если бы вы сказали американским товарищам, вступайте в борьбу, потому что наступит англо-американская война, то это не было бы массовой политикой. Масса не считается с опасностями, которые могут наступить, она действует под давлением ближайших событий, и так как партия не была готова к этой борьбе, то ее единственной задачей было усилить ее организационную работу и изменить всю организацию. Удовлетворилась ли этим партия? Нет, Брандлер сказал уже в своем докладе: „Мы идем навстречу большим боям, мы должны быть готовы вступить в борьбу сейчас же после Пасхи". До Пасхи оставалось всего несколько дней, и какие аргументы приводил он? Он искал борьбы, он спрашивал: не стоит ли нам форсировать события и провоцировать противника, не следует ли взять инициативу в свои руки? И тов. Фрелих, выступивший как лейтенант от кавалерии, заявил: ныне мы порываем с традицией партии, до сих пор мы занимали выжидательную позицию, а теперь мы берем инициативу в свои руки, чтобы форсировать революцию.

С такими лозунгами: „чем сильнее натиск на врага, тем лучше" ушли представители организаций; но прежде чем они ушли, партия должна была обсудить, что надлежит им делать в случае, если Герзинг появится в Средней Германии. Что сказала им партия? После боевого клича наступило раздумье, и Центральный Комитет дает организациям пароль: „избежать борьбы,—Пасха для нас неблагоприятна. Только после того, как враг займет фабрики, поднимите восстание среди рабочих". Но, товарищи, когда я в письме упрекнул одного из своих друзей в Средней Германии и указал ему: „Вам было предписано выжидать, вы же начали 19-го марта вооруженную борьбу", он мне ответил: „Если бы я не начал этой борьбы, нам пришлось бы кое-что пережить. Нельзя после боевого клича трубить отбой". Партия совершенно не поняла серьезности положения. Если „Роте Фане" пишет, что каждый пролетарий должен взять оружие в руки, то ни один пролетарий не думает, что партия говорит это для того, чтобы создать склад оружия на будущее, а понимает, что это есть боевой клич, сигнал к борьбе.

И если была сделана ошибка, то она заключалась в том, что партия не сказала: „мы идем навстречу большим боям, сейчас мы слабы, мы не подготовлены, но если Герзинг пойдет на Среднюю Германию, то мы должны с ним бороться. Мы не должны бросать на произвол судьбы наших товарищей в Средней Германии.“ Но как бороться? Техническими и военными средствами? Если бы партия поставила себе этот вопрос, то она издала бы приказ: „если Герзинг произведет нападение на Среднюю Германию, то мы все как один встанем на защиту наших товарищей рабочих Средней Германии, и объявим массовую забастовку. Мы поднимем всю партию под лозунгом: на защиту мансфельдовских рабочих против кровавого палача Герзинга!“ Ее долгом было сказать мансфельдовским рабочим: „Вы в меньшинстве. Если вы выступите против полков, против пулеметов, вы будете разбиты“. Партия этого не сделала. Она не выставила лозунга: „начинайте борьбу с оружием в руках“, но она и не выставила противоположного лозунга. Позиция партии была нереальная.

И когда наступила борьба и они должны были бороться, то партия потеряла чутье того, под каким лозунгом ей следовало вести борьбу. Товарищи, я утверждаю, что мы поддерживали мартовское выступление, мы считали своим долгом поспешить нашим товарищам на помощь. Почему? Не из-за сентиментальных чувств. Могут иметь место случаи, когда партия, при нападении на них врага, не всегда окажется в состоянии прийти на помощь пролетариям. Мы здесь, в России, имея власть в своих руках, в период организации Красной Армии, были свидетелями того, как наши украинские и финские братья после свержения их диктатуры стали жертвами белого террора; мы скрежетали зубами и говорили: нет — теперь мы не можем им оказать помощи, потому что и мы, и они будем тогда разбиты. Когда венгерской революции со всех сторон угрожала опасность, мы не пришли ей на помощь потому, что против нас был главный враг—многочисленные армии Колчака,—потому что мы знали, если мы разобьем наши силы, то и мы и наши венгерские товарищи будут разбиты. И мы решили спасти главную армию мировой революции: Советскую Россиию, и дали пасть ее передовому укреплению, Советской Венгрии.

Но я повторяю, в данном случае партия была обязана вступиться за мансфельдских рабочих по следующим соображениям: коммунистическое сердце Германии составляли Мансфельдские рабочие, а не Центральный Комитет в Берлине; эта компактная масса была центром германского пролетариата. Вторая причина следующая: в процессе немецкой революции обнаружилась ликвидация одной партии за другой. Немецкая революция была свидетельницей того, как в массы бросались революционные слова и как эти слова превращались в ничто. Коммунистическая партия должна, сражаясь в передовых рядах, завоевать себе предварительно доверие масс. Поэтому то я и говорю, что все те, кто считает то-то и то-то ошибкою, но вместе с тем не указывает, что партия должна была сделать перед лицом провокации Герзинга, обнаруживает этим лишь, что ему нечего сказать, что он хочет критиковать партию, но не хочет извлекать уроков из ее борьбы.

Но, товарищи, мы подходим к заключительному акту. 24-го марта мы призвали всю страну к всеобщей забастовке. Выяснилось, что под нашими знаменами собрались гораздо меньшие силы, чем мы полагали; цифры не поддаются точному учету. Правые товарищи называют число 200.000, безусловно не соответствующее действительности, ибо в одной только Средней Германии боролись не менее 200.000 рабочих. Но дело не в этом. За партией имелся опыт крупной борьбы, и ей оставалось только извлечь из него должное поучение. Как же поступила партия? Она поступила следующим образом: вместо того, чтобы обличать в клевете всех называющих эту борьбу бакунинской авантюрой, и указывать, что авантюрой мы называем борьбу незначительного меньшинства за захват власти, мы же подняли знамя борьбы в защиту пролетариев Средней Германии и вступили в борьбу не как группа заговорщиков, но в качестве пролетарской партии, вместо того, чтобы признаться в ошибках, в недостаточном учете средств и целей, вместо всего этого партия выставила теорию наступления.

Разрешите мне, товарищи, огласить здесь предварительно несколько фактов. Мы высказываемся против теории наступления, но надо сказать, что мы, строго говоря, за исключением Леви, не знаем ни единого противника этой теории.

Я констатирую, что на расширенном заседании ЦК, от 7 апреля, после прений, т. Цеткин заявила в своей резолюции, что стоит на платформе наступления. Я имею здесь при себе эту резолюцию. „Большая партия обязана наступать". Тов. Цеткин осуждает мартовское выступление, считая его не наступлением, а авантюрой, в теории же она придерживается принципа наступления. Критика товарища Цеткин однако не может служить исправлением ошибок. Ибо этой критике не хватает главного. Тов. Цеткин не указывает, как надлежало поступить, когда Герзинг выступил в Средней Германии со своей провокацией. Она называет крупное движение авантюрой. Она в то же время придерживается теории наступления. Но какие же пути предлагаются ею для будущего? Она предлагает наступление при еще более несоответственных условиях, чем то имело место в марте.

Почему же на нас, по мнению тов. Цеткин, лежит обязанность повести наступление, наступление под лозунгом „Союз с Советской Россией"? Ведь если мы не допускаем мысли, что рабочие себя дадут вовлечь в борьбу единственно из боязни последствий санкций, которые скажутся в течение года, то столь же невозможна и мобилизация больших масс под лозунгом дипломатического союза с Советской Россией, благоприятные результаты которого скажутся также лишь по истечении ряда лет. Эта совершенно утопическая мысль должна вызвать в нас подозрение, что товарищ Цеткин придерживается точки зрения наступления, но относится отрицательно к мартовским событиям и бросает слова о наступлении единственно для того, чтобы дипломатически выразить свое истинное отношение к мартовским выступлениям. Это подозрение усиливается еще тем фактом, что с товарищем Цеткин и со всей сочувствующей ей группою был еще некто, стоявший даже во главе этой группы,—то был Пауль Леви, провозгласивший эту пролетарскую борьбу, как авантюру, продиктованную извне, и изрекающий следующую мудрость: „Мы, однако, отнюдь не считаем каждое частичное выступление авантюрой. Мы были против частичного выступления в 1919 г., в период, когда революция шла под уклон и каждое вооруженное движение послужило бы поводом для удовлетворения нетерпеливой

мечты Носке и буржуазии утопить все движение в крови. Когда революционное движение идет на убыль, следует избегать частичных выступлений. При нарастании революционной волны частичные выступления абсолютно необходимы. Несмотря на крупную революционную подготовку немецкого пролетариата, мы с ней совершенно не можем считаться. Разве если бы вновь имела место Капповская авантюра и пролетариат оказался бы вновь, — как это себе мыслит какой-нибудь социал-демократический партийный секретарь и Гильфердинг, на один день готовым перейти к активным действиям, по мановению жезла в любой момент".

Что сие означает? Пока не нужно частичных выступлений. Если линия революции поднимается.... очевидно положение в настоящее время не революционное. Каким же образом тогда может быть речь о повышении революционной волны?

Леви продолжает:

„Если же революционная волна в Германии вновь станет подниматься, неминуемо начнутся, как перед 1918 г., частичные выступления, с той лишь разницей, что большая зрелость немецкого пролетариата вызовет теперь более сомкнутые, сплоченные и мощные выступления, чем это приходилось наблюдать прежде. Под частичным выступлением мы понимаем только одно,—именно вовлечение в борьбу пролетариев какой-нибудь области Германии, большого города или промышленного округа, но частичное выступление отнюдь не должно означать выступлений или забастовок коммунистов в стране или какой-нибудь ее части. Понятие „часть", „частичное" берется нами всегда в смысле вертикальном, но не горизонтальном".

В заключение этой брошюры он добавляет: „Если не удастся спасти партию, очевидно, один Леви мог это сделать,— то это будет означать победу контр - революции, и придет конец Интернационала. Если разразится революция, то, конечно, мы ничего против частичных выступлений иметь не будем. Но они тогда уже будут означать, что сегодня борется Галле, завтра Франкфурт, после завтра Берлин и т. д.

Частичные выступления, иными словами, будут означать, что немецкий пролетариат должен забыть все уроки своей истории и еще раз позволит себя разбить по частям".

Если группа Цеткиной повела борьбу против ЦК, признавая наступление, но только в тот светлый майский день, когда шейдемановцы объявят забастовку за союз с Советской Россией, и если с другой стороны Леви говорит: „Пусть придет революция, и тогда танец будет начат нами сначала", то это не могло послужить достаточным противовесом отвлеченной не действительной теории наступления, выставленной левым крылом партии в разгаре борьбы путем постепенного возведения своих ошибок в целую теорию.

Товарищи, почему эта теория наступления совершенно чужда действительности? Во первых, перед нами игра военными понятиями. Мои партийные друзья, правда, не признают во мне Наполеона, но это не мешает мне порой все же уделять время чтению военных книг. Желая ознакомиться с теорией наступательной войны, я решил обратиться за объяснениями не к какому-нибудь немецкому кавалерийскому лейтенанту запаса, но к настоящему знатоку военного дела. Я еще раз прочел главу о наступлении и обороне у Клаузевитца. При чтении мне стало ясно, как полезно для политика знакомство с военною наукою и какими, наоборот, опасностями это грозит, если упускать из виду особенности условий. У Клаузевитца есть следующее блестящее замечание: „Обороняться—значит парировать удар. Ожидание удара—это отличительный признак обороны". Но далее он говорит: „В чем заключается в военном смысле слова сильная сторона обороны и наступления? Обороняясь, я цепляюсь за знакомую мне почву и даю врагу подойти. При наступлении же на моей стороне преимущество неожиданного нападения на врага". В чем же здесь аналогия? Где та почва, вам лучше известная, чем врагу, за которую вы цепляетесь при политической обороне? И есть ли у вас при наступлении возможность нанести врагу неожиданный удар, оперируя имеющимися в вашем распоряжении миллионами пролетариев, которые, разумеется, не могут совершать переходов под прикрытием ночи и т. д. Вся эта игра аналогиями противоречит здравому смыслу. Одновременно, однако, мы находим у Клаузевитца вполне применимую для нашего вопроса

мысль. Он называет оборону сильным средством борьбы на том основании, что при ней мы защищаем то, чем мы обладаем. При чтении этих строк перед моим духовным взором развернулась вся история рабочего класса, промелькнули все великие битвы пролетариата. Чем была борьба чартистов? Самообороной пролетарской массы против молодого капитализма. А пробуждение, крупные битвы 70-х годов, возникновение Интернационала? Молодой рабочий класс сопротивляется на континенте,—на территории развития капитализма. Крупные битвы последних десятилетий 19-го столетия, обширные забастовки, возникновение обширных профсоюзов,—чем было все это? Это была борьба пролетариата против капиталистического угнетения, принимающего к концу 90-х годов новый оборот. Что такое социальная революция? В своем развитии она есть не что иное, как восстание угнетенных трудящихся масс, которые капитализм в течение 4 лет насильно гнал своими пушками на войну и там дециимировал, которые он теперь дециимирует путем нищенской оплаты труда и против которых он теперь начинает наступление. Если нам удастся сделать так, чтобы весь рабочий класс, все до единого, прониклись одной мыслью: обороняйся или ты опустишься до положения илота, то мы массою незаметно подкрадемся к врагу, если победа над ним невозможна без удара всей громадной компактной массы. И вот именно при таком положении вещей утверждение о наступлении как обязанности партии, как главном средстве борьбы, применимом при всех положениях, является неправильным, нереальным. Товарищи должны себе поставить вопрос: как можем мы, коммунистическая партия, начать наступление? Можем ли мы, как коммунистическая партия, пока мы составляем меньшинство, организовать массовые забастовки? Необходимой предпосылкой массовых забастовок является наличие больших масс. В восстаниях, в решительных битвах должны принимать участие крупные рабочие массы. И так, как видите, поле действий партии, как таковой, весьма ограничено. Из этого, конечно, не следует, что мы должны закрывать глаза на представляющиеся нам возможности самостоятельных наступательных действий. Если, как во время Капповских дней, враг действует разрозненно, в его среде вспыхивают междоусобия, тогда энер-

гичное меньшинство должно, пользуясь общим, вызванным такими событиями, настроением, увлечь за собой в решительный натиск массы, повлечь их хотя бы на шаг вперед, пробить брешь во вражеском стане. То же самое может иметь место, если процесс откалывания от профсоюзов будет продолжаться,—он только еще начался и пока являет собой лишь симптом, и то даже не положительный, не революционный симптом, ибо многие, отколовшись от профсоюзов, остаются вовсе неорганизованными; однако, это все же свидетельствует о потере доверия к изменникам вождям. Если, следовательно, этот процесс будет продолжаться, то, вероятно, не раз будут возникать такие положения, при которых мы окажемся в состоянии вести в бой большие, спаянные общею нуждою и лишениями массы даже против всех остальных организаций. Но во всяком случае, обязанностью партии будет тщательное изучение и проверка в каждом отдельном случае всех условий и возможностей борьбы. Где только представляется возможность наступательного движения, партия должна подготовлять почву путем встряски масс и тесного общения с ними. Нами никогда не должно упускаться из виду, что хотя мы и можем находиться на шаг впереди масс, но что расстояние между авангардом и большей массой—тяжелой артиллерией гражданской войны не должно быть настолько велико, чтобы мы могли быть разбиты в изолированной борьбе.

Товарищи, важнейшие поучения, которые могут быть извлечены из мартовских выступлений: во-первых, не легко перейти от агитации к пропаганде выступления, и даже превосходные коммунистические партии, массовые партии, в качестве которых нам нет повода сомневаться, не должны заранее ликовать, ибо только борьба обнаружит настоящее коммунистическое золото. Только тогда выяснится, кто из членов действительно верен партии, кто способен бороться, тогда только станет ясно истинное содержание различных оттенков в партии.

Второй урок—элементы, которые являются в партии пассивными, легко могут в ходе борьбы вылиться в оппортунистическое направление если не чистой воды, то по крайней мере полуцентристского характера.

От тт. Цеткин и Мальцена до Леви большое расстояние,

и мы сами должны были, когда ЦК вел весьма резкую борьбу против них, относиться к ним мягче. Исполком, исключая Леви, одновременно просил ЦК повременить, дать остыть пылу битвы, чтобы суметь сговориться с товарищами и выяснить, о чем идет речь. Самое поведение Леви, больше чем его аргументация, доказывало отсутствие всякой органической связи между ним и партией, доказывало, что он способен бросить в партию бомбу в момент, когда она истекает кровью. Не угрожало же завтра повторение тех же ошибок, если только он сам верил тому, что писал о потере партией на долгое время своей жизнеспособности, и он не мог вступить в связь с партией и Исполкомом. Если же он не верил, зачем же было писать? Если Леви говорит, что „отряд за отрядом поднимался и шел на борьбу под лозунгами ЦК", и одновременно называет все это движение бакунистской авантюрой, то для него, очевидно, хороши все аргументы, если ими только можно пользоваться в ущерб партии.

Остальных товарищей, правда, солидарных с Леви, но принимавших активное участие в борьбе, и этим самым доказавших свою связь с партией, мы рассматривали как нужные для партии элементы, ибо они, как деятели профсоюзов, имели связь с массами и поэтому служили балластом, предотвращавшим возможное при резком повороте крушение корабля, несущее гибель как кораблю, так и капитану. Выводя заключения организационного характера, мы должны будем сказать немецкой партии: „Мы установили здесь ошибки с тем, чтобы предотвратить в будущем возможность их повторения, с тем, чтобы вы впредь работали в единении со всеми теми, кто в битве сражался плечом к плечу с вами".

Товарищи, из мартовских событий вытекают еще и дальнейшие поучения. Они показывают, что имеющийся в нашем распоряжении аппарат еще не приспособлен к борьбе. Военно-политические организации, созданные специально для боевых выступлений, на деле оказались иллюзией. Во-первых, они не существуют, во-вторых, если они кое-где и кое-как существуют, то вооружение у них оказалось только на бумаге, и в-третьих, они были не дисциплинированы. Чем исполнять приказания партии, они хотели сами диктовать ей

свою волю Партийные организации в целом оказались еще не боеспособными. Отсюда вытекают весьма важные поучения.

Товарищи, если мы говорим, что мартовское выступление со всеми своими ошибками—шаг вперед, то это не для того, чтобы пролить бальзам на рану, которую, быть может, причиняет наша критика, но исключительно в силу нашего глубокого убеждения, что вы стоите накануне битв, в которых вы понесете еще большие поражения, если вы еще не научились избегать ошибок. И поэтому, раз партия доказала свою волю к борьбе и объединила для борьбы испытанные массы, мы считаем, что она, несмотря на понесенные ею колоссальные потери, сильно преувеличиваемые противной стороной, все же вышла из этой борьбы закаленной и укрепленной и станет еще вдесятеро сильнее, если вы исчерпаете до дна все уроки этой борьбы. Мы рады, что вы находитесь уже на пути осознания своих ошибок. Отрезвление обнаруживается уже при сравнении резолюции от 7 апреля с резолюцией к конгрессу Интернационала. Самый факт, что немецкая делегация не противопоставляет нашим тезисам принципиально иных тезисов, служит для нас доказательством готовности крупной, но молодой еще немецкой партии извлечь из этой борьбы должный урок, который позволит ей в будущем лучше провести свою борьбу, как наступательную, так и оборонительную, лучше сорганизоваться и довести пролетариат до победы.

4. Лозунги ближайшего будущего.

Товарищи, я не могу останавливаться здесь на всех вопросах, кратко намеченных в тезисах. В ходе дискуссий вы сумеете критически проследить за ними и дать им дальнейшее развитие. Разрешите мне перейти к последней части моего доклада, т.-е. к вопросу о лозунгах, под которыми должна протекать вся наша работа, о лозунгах, под которыми должны предприниматься все наши частичные наступления и действия. Здесь надлежит только точно формулировать все высказанное нами не раз в теоретических спорах и на

практике. Здесь дело идет о резком выявлении различия между социал-демократической программой-минимум, программой действия центра и лозунгами Коммунистического Интернационала.

Товарищи, вы все еще хорошо помните, в чем заключалась старая программа социал-демократии. Социал-демократия считалась с продолжительным периодом существования капиталистического общества. Для этого периода ею была создана система требований с целью улучшить на почве капитализма быт рабочего класса и охранить его от стремления капитала к подавлению пролетариата. Роза Люксембург в свое время так охарактеризовала в полемике против Зомбарта реальное содержание социал-демократической программы: „Собственно, мы боремся лишь за покупку рабочего труда, как товара, сообразно его действительной стоимости; т.-е. за то, чтобы оплаты труда хватало рабочему для восстановления затраченной им рабочей силы". Карл Маркс выразил эту же мысль в своей критике Готской программы следующим образом: „Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования. Ему соответствует и политический переходный период, который не может быть ничем иным, кроме революционной диктатуры пролетариата.

Программа не имеет ничего общего ни с этой последней, ни с будущей государственною структурою коммунистического общества. Ее политические требования содержат одни только старые, всемирно известные демократические причитания: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народные права, народная оборона и т. д. Это простое эхо буржуазной Народной Партии, Союза Мира и Свсбоды. Все эти требования уже претворены в жизнь, поскольку они не заключают в себе ничего фантастически-преувеличенного. Только государства, обладающие ими, лежат не в пределах Германии, но находятся в Швейцарии, в Соед. Штатах и т. д. Этого рода государство будущего уже теперь имеется налицо, хотя и вне границ Германии".

То, что Маркс говорит о Готской программе, относится ко всем социал-демократическим программам вообще.

Конечно, существуют некоторые характерные черты, свойственные только Готской программе, но в сущности это характеристика каждой программы—минимум социал-демократии. В ней выставляются требования, осуществимые в капиталистическом обществе. Они потому имели революционизирующее действие, что капиталистическое общество отвергало эти вполне осуществимые, столь необходимые для рабочего класса требования. Социал-демократия и теперь еще опирается на эту программу. Среди развалин мирового капиталистического хозяйства, при действии тех сил, которые ведут пролетариат к гибели и каждый день грозят всеобщим разрушением, социал-демократия старается произвести впечатление, будто она с воодушевлением работает над спасением гибнущего дела путем реформ. „Перестройка падающего дома есть разрушение", — так выразился немецкий историк Дальман в своей истории английской революции. Но социал-демократия стремится сознательно обмануть пролетариат своей игрой в реформы. Немецкая социал-демократия стремится санкционировать в статьях своего устава каждый обман и измену, которые она совершает так же, как и немецкий генеральный штаб во время войны в статьях военного кодекса санкционировал все жестокости войны.

Центр старается показать, что он не стоит на точке зрения программы социал-демократии. До сих пор он никогда не защищал программы-минимум. Центр утверждает, что он стоит за социальную революцию и выдвигает лозунги действия, осуществимые лишь в процессе социальной революции. Какова же в действительности позиция центра? Яснее всего его позиция в двух странах—Англии и Германии. В первой—в программе независимых, во-второй—в отношении Независимой Рабочей Партии к вопросу об угольных копях. Для обеих этих партий характерно следующее: в 60-х годах Лассаль сказал пролетариату: „Ты должен сосредоточить свои силы в одном месте; не смотри ни направо, ни налево, но спрашивай каждую партию и каждого человека: каково твое отношение к всеобщему избирательному праву". Центристы теперь говорят: демократия осуществлена, дело идет не о всеобщем избирательном праве, жгучими вопросами являются теперь вопросы экономического характера. Перед

нами стоит вопрос: как вырвать фабрики, шахты и угольные копи из рук капиталистов. Они признают, что важнейший областью является тяжелая промышленность, которая тесно связана с угольным вопросом. Они предлагают мнимо-революционный план: направить усилия пролетариата, чтобы добиться национализации угольных копей в Англии, социализации в Германии. Они разрабатывают план о том, как пролетариат может опереться на мелкобуржуазные массы, страдающие от вздорожания угля, и даже на обрабатывающую промышленность, также страдающую при существовании частной монополии на уголь, — как пролетариату начать борьбу за социализацию угольных копей. Они говорят: в борьбе неизбежны великие столкновения, которые и являются рычагом революции.

Такой вздор можно найти в брошюре Рудольфа Гильфердинга, и он, конечно, часто встречается и в прессе независимых. Если вы вдумаетесь в эту мысль, то обнаружится, что здесь идет речь не о чем другом, как о бегстве от настоящих боев в Елисейские поля красивых планов.

Почему Лассаль мог сосредоточить энергию рабочих на вопросе об избирательном праве? Рабочий класс был связан по рукам и по ногам, и первое, что могло помочь ему разорвать свои оковы, было избирательное право; хотя полиция избивала рабочих, судьи оскорбляли их, капиталисты эксплоатировали,—избирательное право служило рычагом для улучшения положения. Лассаль связывал этот вопрос с вопросом желудка рабочих, с финансированием рабочих товариществ, которые должны были освободить тогдашний мелкобуржуазный пролетариат. В настоящее время тысячи ран рабочего класса истекают кровью. Полнейшая утопия думать, что можно на несколько месяцев сконцентрировать энергию рабочих на борьбе за социализацию, на самом же деле за огосударствление угольной промышленности. Что это невозможно,—показывает пример английской забастовки.

Английский союз углекопов, со Смайли во главе, пытался в 1919 году блестяще проведенной и широко задуманной кампанией обратить внимание английских рабочих и английской общественности на этот вопрос. Я напомню вам открытые заседания комиссии углекопов. На этих заседаниях

Смайли вел войну против угольных королей, вел войну еще до анкетной комиссии, которая содействовала ознакомлению английского рабочего класса с основными принципами политической экономии. Я напомню вам об агитации, образцово проведенной союзом углекопов, и, несмотря на это, невозможно было удерживать только для этой борьбы рабочих, перед которыми с каждым днем вставали новые вопросы. Вопрос о борьбе за национализацию в Англии и политической борьбе отошел теперь на задний план. В большой забастовке этот вопрос уже не имеет того значения, которое он имел в 1919 г. В то время, как центр делает вид, что проводит планомерную организацию революции, на деле оказывается, что он за кулисами плетется за старой социал-демократической программой.

Мы, коммунисты, по отношению к этому вопросу о лозунгах занимаем позицию несколько иную, чем в 1918 г. Мне вспоминается программная речь Розы Люксембург на учредительном партийном съезде коммунистической партии. В этой речи Роза Люксембург говорит следующее: „Товарищи, это является всеобщей основой, на которой построена наша программа, которую мы сегодня официально принимаем и с проектом которой вы могли ознакомиться в брошюре „Чего хочет Союз Спартака?“. Она сознательно занимает позицию, противоположную основным принципам Эрфуртской программы, отличающей непосредственные так-называемые требования минимум в политической и экономической борьбе от конечной цели—социализма, как программы-максимум. Сознательно занимая позицию, враждебную всему этому, и сказав: для нас не существует ни программы-минимум, ни программы-максимум—социализм един; он—тот минимум, который ныне мы должны осуществить,—мы как бы ликвидируем результаты 70-ти лет развития, и это непосредственное последствие мировой войны“.

Какой же минимум был предложен Розой Люксембург? Вся власть Рабочим Советам, вооружение пролетариата, аннулирование государственных долгов, захват фабрик и т. д.

В каких условиях возникла эта программа? В Германии высшей властью были Советы Рабочих Депутатов. Формально

власть была в руках рабочего класса. Задача Союза Спартаковцев в том только и состояла, чтобы сказать Рабочим Советам, в чем заключается власть рабочего класса. Ясно, что теперь мы находимся в ином положении. Власть в руках буржуазии. Первый натиск рабочего класса во время демобилизации отбит. Только теперь пролетарская революция нарастает. Мы не сможем ни ускорить ее, ни организовать, если у нас будет одна только голая программа диктатуры пролетариата. В момент, когда рабочие бастуют потому, что завтра им нечего будет есть, мы не можем притти к ним и сказать: захватите фабрики. Ибо если бы у них была для этого сила, они давно боролись бы за власть. Конечно, мы указывали им, что до тех пор, пока власть не будет в наших руках и фабрики не перейдут к нам, им нечего ожидать существенного улучшения своего положения. Но мы должны исходить из того, за что в настоящий момент борются рабочие. Тут нужно сказать, что Коммунистический Интернационал не в состоянии предложить программу, состоящую из ряда статей, программу, которая формулировала бы все эти требования. Коммунистический Интернационал должен дать своим партиям лишь следующие общие директивы, партии же, соображаясь с конкретным существующим положением, должны будут придать этим идеям форму того или иного требования. Первая мысль такова: смешно противопоставлять действительной борьбе пролетариата представление о том, что не может наступить существенное улучшение положения рабочего класса без завоевания власти, положение, которое мы распространяем с пропагандистскими целями. Когда Коммунистическая Рабочая Партия Германии в ответ на наше открытое письмо пишет: „вы—пустоголовые, вы,- во-первых, садитесь за один стол с такими мерзавцами, как Шейдеман, а во-вторых, вы предъявляете реформистские требования; разве вы не знаете, что если рабочий заработает сегодня 40—50 марок, то завтра снова поднимутся все цены? Вы сознательно предъявляете неосуществимые требования“? когда товарищи говорят нам такие вещи, мы отвечаем им: „таким способом вы ни одного рабочего не приведете к коммунизму. Если рабочий, благодаря повышению его заработной платы на пять марок, получит возможность завтра же, или после

завтра дать своим детям кусок мяса, то мы обязаны бороться вместе с ним за эти пять марок, нисколько не опасаясь, что мы этим реформируем капиталистическое общество, но думая только об одном: мы помогаем рабочему в этой борьбе с тем, чтобы через нее повести его к дальнейшим, более серьезным боям".

Второй вопрос—следующий: у нас, естественно, имеется ряд требований, которые мы обязаны стараться проводить при всякой благоприятной ситуации, вокруг которых мы обязаны группировать все остальные требования. Это—те требования, которые рабочий класс выдвигает в своей борьбе для усиления своей организованности и боеспособности. Всякой борьбе за повышение заработной платы, за сокращение рабочего времени, всякой борьбе с безработицей надо стараться придать характер борьбы за переходную цель—за контроль над производством, который следует принимать не в том смысле, как его понимает правительство, когда оно издает закон о том, что пролетариат отныне обязан следить за тем, чтобы капиталисты не крали, а капиталисты обязаны следить за прилежанием рабочих. Контроль над производством означает воспитание в пролетарской борьбе, связывая между собою отдельные выборные фабрично-заводские организации, контроль над производством создаст связь местную по отраслям промышленности между всеми предприятиями. Если нам удастся в процессе этой борьбы привести рабочий класс к созданию таких действительно самостоятельных организаций или же преобразованию дарованных им правительством призрачных организаций, то результатом явится организационная сплоченность пролетариата для крупной борьбы. Ошибается тот, кто хочет распространить эти организации только на уже вполне революционных рабочих. Когда речь идет о том, чтобы парализовать саботаж со стороны того или иного капиталиста, или о том, чтобы пустить в ход какое-нибудь производство, мы можем объединить под этим лозунгом широкие массы не-коммунистов, которых мы сможем повести потом и на дальнейшую борьбу.

Вторым лозунгом, о котором нам необходимо постоянно думать, который мы должны всегда, во всех кризисах стремиться осуществить, является вооружение пролетариата и разоружение буржуазии; притом воору-

жение пролетариата не только как тайной боевой организации, которая по необходимости должна будет представлять собой незначительное меньшинство. Во всех кризисах, которые нам придется переживать, мы обязаны побуждать массы к требованию разоружения белых. Во всякой борьбе мы обязаны предъявлять правительству это требование. Таких лозунгов можно было бы назвать очень много. Я не стану делать этого,—они вырастают из практической борьбы. Все то, что мы говорим вам, все то, что мы предлагаем вам в качестве лозунга, в качестве общей линии поведения,—все это не следует доктринерски противопоставлять тому, за что борются массы. Напротив, эти лозунги должны содействовать обострению борьбы масс за их практические требования; они должны научить их постепенно повышать свои требования вплоть до борьбы за захват власти.

Товарищи, мы признали необходимым, чтобы партии сравнивали то, что они сделали в этой области, обменивались бы своим опытом; до сих пор они этого не сделали. До сих пор они не прислали Коммунистическому Интернационалу своих программ; до сих пор обмен агитационным, организационным и т. п. опытом совершался лишь в крайне незначительной степени. Когда у нас будет такой обмен, можно будет выработать конкретную систему действий и переходных требований. Характерной чертой этих требований является то, что они содействуют не пересозданию капитализма, а усилению борьбы против капитализма. Это не есть программа-минимум социал-патриотов, это не есть программа того, что совершит диктатура на второй день после победы: это—все требования, которые мобилизуют широкие массы для борьбы с диктатурой.

5. Выводы.

Я пришел к концу своего реферата и в заключение хочу подчеркнуть некоторые выводы, вытекающие из моих рассуждений.

В начале моей речи я заявил, в полном согласии с мнением остальных товарищей и Исполкома, что мы идем

навстречу серьезным боям. Если здесь могла возникнуть дискуссия о части резолюции Троцкого, касающейся значения хозяйственного преуспеяния, то это было возможно лишь как проявление того, что слабые духом радикалы боялись понять конкретно существующее. Дискуссия могла возникнуть лишь вследствие потребности в хвастливом самообмане: революция-де победит, так как капитализм день ото дня все более распадается. Они не поняли точки зрения Троцкого. Точка зрения Троцкого обозначает: капитализм разлагается, но разложение не идет по прямой линии. Революция идет вперед, но в ней наблюдаются приливы и отливы,—даже в этот период великих столкновений. И, указывая на эту возможность, мы отнюдь не должны готовиться к перемене курса в сторону бездействия; нет, мы должны быть готовы к любым ситуациям, в каких нам придется действовать. Мы не придерживаемся того мнения, что следует агитацию и пропаганду противопоставлять действию. Хорошая революционная агитация, хорошая революционная пропаганда—это подготовка к действию. И так как нам предстоят величайшие бои, мы прежде всего говорим вам: вы должны быть колоколом, зовущим живых к борьбе, сейчас же мы являемся лишь маленьким колокольчиком. Если мы сейчас являемся великим Коммунистическим Интернационалом, то не потому, что мы, Интернационал, хорошо агитировали, но потому, что русский пролетариат и русская Красная Армия хорошо агитировали своею кровью и своим голодом, потому что эта борьба, русская революция, сыграла роль великого колокола Коммунистического Интернационала.

Наша агитация везде находится еще в первоначальной стадии, нигде она еще не затрогивает широких масс. Если мы говорим, что нам предстоят великие бои, то мы должны сказать себе: в первую очередь—ближе к массам всеми средствами. Далее мы должны сказать себе: именно потому, что мы не знаем, что нам готовит завтрашний день, именно потому, что, быть может, нам придется вступить завтра в великий бой, мы должны к этим боям готовиться. Революцию нельзя организовать. Армией можно командовать, революция же—это стихийный процесс, но этот

процесс ставит нам задачу объяснить политическому сознанию масс смысл борьбы и организационно объединить ударные отряды пролетариата, его авангард, дабы он мог, несомый волною революции, рваться вперед и вести массы в бой.

Подготовительная работа не противопоставляется эпохе действия. Тому, кто говорит: подождем и будем вести пропаганду и агитацию так же, как до сих пор, мы говорим: не ждите, если завтра вы сможете начать большое выступление, тем лучше. Пассивность—это величайший враг организации, но противоположностью пассивности является не наступление, а борьба в любом положении требуемыми положением средствами. Революционная агитация это—борьба, революционная пропаганда—борьба, нелегальные организации—борьба, военное обучение пролетариата, партийные школы, демонстрации, восстания—все это борьба. Из всякого положения извлекать максимум, вот что должно стать нашим лозунгом. И если кто-нибудь полагает, товарищи, что это является сдвигом вправо, так как, с одной стороны, борются против оппортунистов, с другой стороны, говорят об ошибках, совершаемых хорошими левыми элементами,—то это заблуждение. Хорошие левые элементы не стоят влево от нас. Левую Коммунистического Интернационала представляют те, кто готовится, чтобы иметь возможность вести свою борьбу. Тот, кто оппортунистическими теориями препятствует им готовиться к борьбе, тот стоит направо. А кто, игнорируя реальные условия борьбы и не дооценивая необходимость подготовки, затрудняет достижение победы,—тот, хотя и не является оппортунистом, но он также и не не-оппортунист. Он не видит, что нужно и необходимо. Коммунистический Интернационал, возникший как великая боевая организация революционного пролетариата в качестве противовеса фальсифицированному и предательскому социализму правых социалистов, не нуждается в защите против обвинения в уклоне вправо. Мы здесь уже на этом конгрессе приняли постановление, фактически свидетельствующее о линии Исполкома. Это—наше решение по вопросу об итальянской партии, решение Исполкома по вопросу о полуцентристских тенденциях братской чехо-словацкой партии и решение по германскому вопросу, исключение Леви.

И теперь, товарищи, поскольку мы ведем беспощадную борьбу против всех правых течений, которые могут задержать нашу борьбу, мы безусловно обязаны сказать вам: готовьтесь тщательно к борьбе. Нетерпение—я напоминаю замечательную статью Троцкого, напечатанную более 12-ти лет тому назад в „Нейе Цейт"—нетерпение является общей почвой для оппортунизма и для словесного радикализма.

Оппортунизм желает игнорировать отдаленную цель; радикальная революционность стремится перескочить через препятствия; нетерпение—вот мать обоих отклонений от прямого пути, если рассматривать их психологически, а не социально. И именно потому, что мы глубоко верим в поступательное движение мировой революции, потому что мы верим, что мы стоим перед созданием широких массовых партий, мы говорим вам: не требуйте от сегодняшнего дня того, что вам может принести лишь завтрашний день. Делайте работу сегодняшнего дня. Готовьтесь, подготовляйте пролетариат к боям, организуйте его, ведите его в ту борьбу, перед которой его ставит история! Нам не приходится искать повода для боя, он сам к нам приходит. И мы тем лучше будем сражаться, чем лучше мы подготовимся. Ошибки, которые мы совершаем, всегда приводят к поражению. Нет никакого сомнения, что мы в Германии потерпели поражение, которое необходимо преодолеть, и при этом нам помогут уроки мартовского выступления. Мы говорим это, основываясь на опыте наших боев. Зиновьев уже упоминал, как часто мы призывали не выступать слишком рано. Но как часто мы также настаивали: настало время, выступайте!

Товарищи, мы все восхищаемся гениальностью Ленина в вопросах тактики. Я говорю это не как член русской партии, я говорю это как человек, который сравнительно с трудом нашел дорогу к безоговорочному признанию тактической гениальности Ленина. Возьмите те случаи, где его тактика встречала противодействие: Брест-Литовск и наступление на Варшаву. Где партия видела большие опасности, она шла так же осторожно, как мул по краю пропасти. Она нащупывала ногами путь, так как она была слаба. Но когда у нее были надежды на победу, то она бросалась вперед, в бой. Она наступала на Варшаву, чтобы двинуть революцию вперед. Она была разбита при этом, но это поражение

для революционера является таким же великим делом, как победа в Брест-Литовске, так как оно показало, что благодаря своей тактической гибкости партия революционного пролетариата не походит на глиста или на резиновый мяч. Она может ошибаться, но при этом она всегда обнаруживала величайшую осторожность.

Товарищи, если левые товарищи, в частности в мартовском выступлении, совершали ошибки, то я утверждаю, что эти ошибки свидетельствуют за них. Они доказывают их волю к борьбе, и поэтому мы были с ними, несмотря на все их ошибки. Но лучше побеждать, чем только доказывать свое стремление к победе. Поэтому, товарищи, наша тактическая линия рассчитана на мировую революцию. Мы видим путь к мировой революции в завоевании широких масс, мы хотим повести эти массы в те великие бои, перед которыми нас поставила история, и мы будем вести их лучше всего, если каждый новый день будет собирать эти массы, даже когда не будут бить тревогу; если мы каждый день будем исследовать все возможности, извлекать из них все, что позволяет извлечь революционная энергия, соединенная с ясным взглядом на вещи. Если мы будем действовать так, наша победа обеспечена. Борьба в Западной Европе будет труднее той, которая привела нас к власти. Но, если мы терпим поражения, если за нами остался длинный период мученичества, то это потому, что великий пролетариат на этих поражениях должен сперва научиться побеждать. Если мы смогли победить в 1917 году, то это было потому, что мы уже имели за собой 30-летний революционный опыт, потому, что мы были разбиты в 1905 году. История дает возможность Коммунистическому Интернационалу сократить мученический путь пролетариата. Мы стоим перед историческим поворотным пунктом, и нет никакой силы,—по крайней мере, ее не видно,—которая могла бы спасти капитализм. Мы хотим ускорить его гибель—это может произойти только в том случае, если мы объединим широкие массы под знаменем коммунизма.

Мы—только глашатаи, организаторы; пролетариат приведет капитализм к могиле, он же будет тем великим молотом, который вобьет гвоздь в гроб капитализма; пролетариат—широкие, малоподвижные пролетарские массы,

которые лишь медленно развиваются, которые тысячу раз отчаиваются в своих силах, но которые являются нашей родной почвой, на которой мы будем бороться и побеждать.

Заключительное слово.

После двухдневных прений, во время которых некоторые из речей произносились неоднократно в виде заключительного слова, позвольте мне, товарищи по партии, взять заключительное слово от имени Исполкома, привести в связь предложенные нами тезисы с тем фактическим материалом, который мы вынесли из прений, и предложить вам принять результат нашей работы, которая явилась не только обменом ряда личных мнений, но которая выяснила целый ряд фактов. Прежде всего позвольте мне, товарищи, резюмировать выступления ряда представителей отдельных делегаций.

Первым выявил свое отношение к тезисам товарищ Ладзари, еще до того, как эти тезисы были здесь обоснованы. Он был совершенно согласен с тезисами, только не с тем, что было сказано об Италии. Товарищи из Чехо-Словакии также заявили, что они совершенно согласны с тезисами, за исключением того, что касается Чехо-Словакии, и английские товарищи объяснились в любви и глубокой симпатии к тезисам, но заявили, что только в отношении Англии тезисы неправильны. Эти заявления напоминают мне фразу одного польского поэта, который сказал: „Ты каешься в чужих грехах".

Когда подвергают открыто критике чешских товарищей, Ладзари говорит, что этого еще слишком мало,—на виселицу их! Чехи не высказывали такого горячего желания видеть серратистов на виселице. Но они не возражали против этого.

Это показывает, что при оценке положения в Интернационале нам нужно исходить из следующих соображений: оппортунистическая опасность в рабочем движении еще не преодолена. Еще существует Амстердамский Интернационал профессиональных союзов, в каждой стране имеются сильные оппортунистические партии. Опасность оппортунизма

еще не превзойдена и в Коммунистическом Интернационале. Она станет еще больше, если движение примет более медленный темп. Я считаю опасным симптомом оппортунизма, когда здесь выступают представители различных партий и заявляют, что в их партии все обстоит прекрасно. Товарищи, мы говорили здесь о положении нашего младшего детища, нашей чешской братской партии совершенно иначе, чем мы намеревались говорить в начале Конгресса. Мы говорили о ней чрезвычайно бережно, так как мы убедились, что здесь дело идет о медленном процессе развития, но все же о развитии влево. Но, когда тов. Буриан после того, как я в своем докладе доказал, что декабрьская стачка явилась совершенной неожиданностью для партии, что партия не руководила ею ни организационно, ни политически и что после борьбы партия делала все возможное, кроме того, чтобы довести до сознания рабочих уроки стачки, когда после этого товарищ Буриан выступает здесь и говорит: „Наша партия является великолепной партией,—когда бы и как бы Центральный Комитет ни призвал к бою, партия окажется на своем посту"—то мы говорим, что это нравы II а не Коммунистического Интернационала. Мы, конечно, были бы очень довольны, если бы могли утверждать, что каждая из наших партий стоит на высоте своих задач. Но мы знаем, что путь революции—трудный путь, на котором делаются тысячи ошибок. И если в стране, в которой еще год тому назад коммунисты принадлежали к одной партии с Немецем и Сукупом, раздаются заявления: „У нас все хорошо"—то это нас больше беспокоит, чем когда худший туркестанец посылает свои худшие предостережения Исполнительному Комитету, так как это нам показывает, что в чешской партии отсутствует дух критики. Поэтому мы должны сказать чешским товарищам: у вас никогда не будет хорошей боеспособной партии, если вы, после всего того, что вы имеете за собой, расхваливаете свою партию, как доброкачественный товар, вместо того, чтобы пытаться учиться на своих ошибках.

Или возьмем английских товарищей. Я утверждал, что на основании английской партийной печати нельзя было ничего узнать о подлинной деятельности партии в связи с забастовкой углекопов. Я должен был справляться у товари-

щей: что вы делали? Они нарисовали очень печальную картину. А здесь выступил первый представитель английской делегации и протестовал против этого. Передо мной лежит номер английской партийной газеты от 11 июня. На ряду с иллюстрациями, на первой странице напечатан политический обзор, на второй—экономический, на третьей—требование об освобождении заключенных и на следующих трех страницах снова картинки. Я не против наглядной агитации. Но партия может иначе давать отчет о своих выступлениях, чем знаками, которые годны для объяснений со слепыми, глухими, немыми. Очень скверно, когда молодая партия, сыграв такую ничтожную роль, является сюда и говорит: „Все обстоит хорошо,—либеральная партия ведь тоже очень мала".— Уважаемые товарищи, когда вы будете стоять у власти, мы увидим, сумеете ли вы ее удержать с такой маленькой партией, как у Ллойд-Джорджа. Пока что, несомненный факт, что власть в руках либералов и консерваторов. А у вас зато есть еженедельник, три четверти которого вы заполняете иллюстрациями, и очень маленькое число членов. И в тот момент, когда мы говорим вам: ближе к массам!—вы говорите: у Ллойд-Джорджа тоже маленькая партия.

Так нельзя относиться к делу, если желать подойти ближе к массам. Товарищи, мы почти не затрагивали других партий, например, французской партии. Мы высказали только несколько замечаний относительно ее. Я констатирую, что французская партия своим выступлением на Конгрессе не дала достаточного материала для выяснения ее положения. Но если французские товарищи думают, что наши взаимоотношения в будущем должны состоять в том, что мы их не будем трогать, они нас не будут трогать, то мы придерживаемся другого мнения. И если Исполком по отношению к французской партии стоял на той точке зрения, что нужно немного подождать, то мы думаем, что в будущем нам придется обратить серьезное внимание на то, как французская партия будет проводить в жизнь те тезисы, против которых она не возражала.

Товарищи, партия, о которой здесь больше всего говорилось, партия, относительно ошибок которой резче всего выступали и с ее и с нашей стороны,—это наша германская партия. И со стороны германской партии мы выслушали

здесь целый ряд соображений, которые дают нам и всему Конгрессу много материала для оценки положения и для оценки нашей тактики. И я убежден, товарищи, что этот живой обмен мнений о германских делах будет иметь большое значение не только для внутреннего развития германской партии, но и для Коммунистического Интернационала в целом. Германские пролетарии в течение всех этих 3 лет своими гигантскими боями, невероятными сражениями, которые они приняли на себя, постоянно давали нам уроки, которые вывели нас за пределы опыта русской революции. Такова судьба германского рабочего класса,—он является носителем первого крупного революционного движения вне полуземледельческой России, первой революции в промышленной стране. И вследствие этого германский рабочий класс превращается в чемпиона международного пролетариата, каким до сих пор был только русский рабочий класс. Опыт русской революции дал международному пролетариату лозунг диктатуры, лозунг советов. Но в России мы могли притти к победе более коротким путем, чем тот, которым придется итти пролетариату во всех капиталистических странах. И мартиролог германского пролетариата, медленный ход его движения, его бои и поражения—вот важнейший источник нашего нового опыта, который мы хотим извлечь для международного пролетариата. Если мы так много спорили, с одной стороны, с О. К. П. Г., с другой стороны, с К. Р. П. Г., то не потому, что они делали ошибки в противоположность другим образцовым партиям, но потому, что коммунистическое движение в Германии своими ошибками и поражениями и своими победами позволяет нам избегнуть ошибок для других партий.

Товарищи, я не случайно и не по хронологическим соображениям сопоставил эти три примера: итальянская партия при захвате фабрик, чехо-словацкая партия при декабрьской стачке и О. К. П. Г. в мартовских боях. Я сделал это не ради удовольствия перечислять эти примеры, но потому, что сравнение этих трех движений позволило нам оценить возможности выступлений, потребности и обязанности партии, опасности, которые ей угрожают. В чехо-словацком и в итальянском движении мы имели пример, как при стихийно возникшем широком пролетарском движении партия оказа-

лась неспособной к руководству этим движением, потому что она была еще не вполне коммунистической, потому что в ее крови еще содержится яд оппортунизма. Германское движение показало, как молодая коммунистическая организация в своем стремлении к действию, к борьбе, с одной стороны, не дает обстановке достаточно созреть, с другой стороны, совершает целый ряд ошибок в руководстве борьбой, ошибок, которые угрожают ослаблением ее связи с массами. Товарищи, мне непонятно, почему в прениях никто не остановился на чехо-словацком и итальянском примерах, почему весь интерес сосредоточился на ошибках германского мартовского выступления. Ошибки, совершенные в Италии и Чехо-Словакии, означают полнейшую неспособность партии, фактическое прекращение ее существования, смертный грех против коммунизма.

Когда полуцентристские элементы, основываясь на наших разногласиях по вопросу о мартовском выступлении, кричат: наша победа! мы считаем своим долгом сказать здесь: мы боремся против левых, когда они делают ошибки, потому что они своими ошибками могут усилить оппортунизм, а оппортунизм является нашим смертным врагом, и мы в первую очередь обязаны с ним бороться. Когда оппортунисты думают, что победа на их стороне, потому что мы решительно боролись с левыми в германской или итальянской партии и обращали их внимание на их ошибки, то мы говорим оппортунистам: вы радуетесь слишком рано. Мы убеждены, что эти споры, возникшие в процессе борьбы, помогут истинно-коммунистическим партиям победоносно вести ее. И тогда эти коммунистические партии сумеют разгромить оппортунизм не оружием критики, а критикой оружия. И если товарищ Ленин сказал здесь, что мы и на первом и на втором Конгрессе говорили о борьбе против оппортунизма, то это не означает, что мы предоставим 4-му Конгрессу carte blanche в отношении оппортунизма. Нет, это является призывом к коммунистическим партиям научиться практической массовой политикой вырвать у оппортунизма почву из-под ног не на словах, а всей своей деятельностью, усиливая в массе веру в свои силы, веру в победу. Таким образом можно вырвать почву из-под ног оппортунизма, который теперь, после того как рабочая аристократия сошла на нет вспед-

ствие экономического развития, питается лишь недостаточной верой пролетариата в свои собственные силы.

Переходя к итогам дискуссии о германских делах, спросим себя, что показала эта дискуссия? В первую очередь—что партия действовала правильно, когда она при нападении германского капиталистического правительства на сильнейший отряд германского коммунистического пролетариата восстала, чтобы притти на помощь этому пролетариату; что партия была права, что это выступление не было авантюрой, начатой по команде сверху, но что это было революционным выступлением сотни тысяч пролетариев. Прения показали, что Центральный Комитет партии при практическом проведении этого массового выступления допустил целый ряд ошибок, и что часть товарищей, в виду начавшегося в марте массового выступления и исходя из убеждения, что за ним последуют и другие, построил ложную теорию о том, что партия при данных обстоятельствах обязана перейти в наступление.

Я уже говорил в моем докладе: без наступления, без нападения на Бастилию капитализма мы не можем победить. И партия, которая не проникнута волей к наступлению на капитализм, которая не в состоянии внушить каждому пролетарию сознание, что лишь в непосредственной борьбе, грудь с грудью пролетариат может добиться своего освобождения и что он должен как можно скорее перейти к этой борьбе, напрягая все свои силы,—такая партия недостойна имени коммунистической партии. И вы слышали из уст нашего безусловно наиболее осторожного вождя, товарища Ленина, что всякий, принципиально высказывающийся против наступления, не может принадлежать к Коммунистическому Интернационалу. Товарищи, мы здесь установили, что эта теория была неправильной потому, что она в данной обстановке недостаточно резко, недостаточно хладнокровно оценила положение дел, потому что она в данной обстановке, забегая вперед событий, не была в состоянии собрать вокруг себя большие массы пролетариев, стоящих вне коммунистической партии. Но, товарищи, в то же время мы в нашей резолюции, в наших тезисах и в нашем предложении относительно мартовского

выступления уже сказали, что германская партия сама начинает сознавать эти ошибки. Почему это мы говорили? Только для того, чтобы облегчить германской партии переход? Нет, у нас для этого были существенные причины. Эти причины таковы: достаточно сравнить резолюцию 7-го мая с резолюцией 7-го апреля, резолюцию о мартовском выступлении и тезисы, которые партия приняла в расширенном Центральном Комитете, чтобы предложить их Международному Конгрессу. Достаточно сравнить их, чтобы увидеть, что партия начала понимать важнейшую ошибку—опасность ослабления связи с массами; то же самое показывает брошюра Брандлера и письма, которые писал нам второй председатель партии Геккерт.

И если здесь указывают, что два товарища—один немецкий товарищ и тов. Кун—предложили тезисы, которые мы отклонили, то я, как участвовавший в переговорах с ними, должен констатировать, что товарищи уже после первой беседы заявили нам: мы поставили вопрос столь резко, опасаясь, что вы под впечатлением нашего поражения станете слишком поддерживать противную сторону. И результат дальнейших переговоров с германскими товарищами привел к тому, что они не внесли никаких тезисов, принципиально противоречащих нашим. Это дает нам право думать, что когда германские товарищи, которые здесь совместно с нами разрабатывали тактику Коммунистического Интернационала, вернутся домой, они будут проводить эту тактику, считая ее благом, завоеванным вместе с нами в совместной духовной борьбе. И, товарищи, когда делегат из Гамбурга, товарищ Тельман, с большим раздражением говорил о необходимости некоторой п е р е м е н ы п о з и ц и и, то каждый, кто знает положение в Германии, кто знает историю развития партии,—поймет волнение товарища Тельмана. Тельман и многие другие товарищи пришли к нам из Независимой Социалистической Партии. К нам пришли из этой партии организаторы, редакторы партийных газет, сотрудники профессиональных союзов, потому что они не хотели оставаться в меньшинстве в своих организациях. Этим товарищам коммунизм нравится больше всего тогда, когда он движется вперед медленным шагом: тогда не приходится особенно напрягаться. Но к нам пришли также сотни тысяч рабочих, видевших, как одна атака за другой оканчивалась неудачей

или же изменой, благодаря поведению Независимой Социалистической Партии и социал-демократов; в этих рабочих усилилась жажда борьбы, и, освободившись от Гильфердингов, они стали рваться в бой.

То не было наступательной политикой, когда в Галле пролетариат решился объявить, без ведома Центрального Комитета, массовую забастовку вследствие высылки тов. Штерна. Что было в Фленсбурге? Происшедшие там события доказали, что в передовых рядах пролетариата накопилась жажда борьбы; эта жажда была главным фактором, толкавшим партию в бой, так что в мартовские дни этот бой вспыхнул быстрее и после более легкой подготовки, чем это пожалуй было бы нужно и полезно. И когда мы, теперь, после битвы, говорим рабочим: что ж, перевяжите свои раны, вы славно боролись; в будущем старайтесь быть лучше подготовленными, — тогда эти рабочие, которые слышали много революционных слов и не раз видели резкие повороты своих вождей, начинают тревожиться. Они спрашивают себя: что скажут товарищи на такие речи? Мы отвечаем им: вы скажете своим товарищам, что для борьбы с сильным врагом необходимо подготовиться, что наша задача не в том, чтобы только доказать наше мужество, но в том, чтобы разбить врага. Я убежден, что Тельман и другие товарищи постараются проводить нашу тактику не только из чувства международной дисциплины, но что, опираясь на опыт борьбы, они сумеют превратить революционную энергию части пролетариата в пролетарски спокойную, хладнокровную, рассчитанную борьбу и натиск, — когда это окажется необходимым и возможным. В виду этого мы относимся положительно к мартовскому выступлению, несмотря на его ошибки. Говорят: мы боремся не для того, чтобы потом констатировать ошибки. На это я отвечаю: правильно; но раз мы вынуждены бороться, то мы должны внимательно изучить совершенные нами ошибки, чтобы выйти победоносными из ближайших боев, для которых, пожалуй, нам также не придется выбирать удобное время. Ибо мы имеем дело не с Красной Армией, но с массами, которые организуются в процессе самого наступления, самой борьбы, и которым неприятель часто диктует закон борьбы. И еще одно. Мы, русские коммунисты, потерпели в прошлом году

поражение, имея в своем распоряжении Красную Армию и будучи более в состоянии действовать с расчетом, чем во время такой борьбы, когда армия только образуется. Мы совершили ошибки, и поэтому мы относимся к ошибкам иначе, чем те, кто думает, что ошибки происходят вследствие неверных философских рассуждений. В неверных философских рассуждениях насчет наступления мы видим, с одной стороны, результат необычайно сложной обстановки, а, с другой стороны, в самой борьбе средство к исправлению совершенных ошибок. Если русские товарищи резко выступают против этих ошибок, то это происходит оттого, что они видят в этих ошибках часть той идеологии, которая в России выражается в авантюристической политике социалистов-революционеров. Однако, нам не следует забывать, что в Германии нет почвы для такой партии, как социалисты-революционеры. Партия социалистов-революционеров базируется на мелко-буржуазной интеллигенции и на крестьянстве: она имеет только весьма слабые корни в рабочем классе. Мы считаем мало обоснованным взгляд, будто в Германии положение такое же: для политики, подобной политике русских социалистов-революционеров, в Германии почвы нет. Мы противники плохих теорий наступления, и мы будем с ними бороться, но теоретические ошибки не должны закрывать нам глаза на великую борьбу масс.

Товарищи, несколько иначе обстоит дело в Италии и во Франции, в этих двух странах, где указанные мелко-буржуазные традиции имеют гораздо большее влияние. Когда мы видим, как французские товарищи становятся на точку зрения, весьма близкую к эрвеизму, когда мы видим переход профсоюзов в руки синдикалистов, плавающих без всякого марксистского компаса, то мы не можем не признать, что здесь опасность несколько больше. Поэтому товарищи Ленин и Зиновьев и полемизировали так резко против нашего друга Терначини.

Возвращаясь к немецким делам, надо сказать, что не ошибки являются там самым главным. Самое главное—это борьба. И, подводя итог, мы должны признать факт, которого никак нельзя сбросить со счетов,—тот факт, что часть партийных руководителей прямо саботировала борьбу. Назову только имя Леви, прямо предавшего борющуюся массу в

руки буржуазии. И я далее констатирую, что значительное число видных товарищей, которых мы желаем иметь в нашей партии, солидаризировались с Леви, что эти товарищи и теперь продолжают смотреть на исключение Леви лишь как на совершившийся факт, но что они до сих пор не отошли от Леви ни на один шаг. И, принимая во внимание этот факт, мы говорим немецкой партии: ты боролась и в борьбе совершила ошибки. Своей борьбой ты доказала, что ты являешься хорошей коммунистической партией. А другим немецким товарищам мы говорим: вы не только констатировали, что Ц.К. совершил ошибки; вы солидаризировались с человеком, который в момент, когда 7.000 пролетариев,—я повторяю это, ибо это является для меня решающим,—брошены в тюрьмы,—который в этот момент объявляет законченшуюся борьбу делом рук некоторых партийных вождей и Исполкома. Мы говорим этим товарищам: вы нам необходимы для нашего движения, мы желаем иметь вас в движении. Вы должны только помнить об одном. Коммунистический Интернационал вторично не простит вам подобного рода вещей. Еще одно хотели бы мы сказать этим товарищам: в заключительном абзаце поправок, внесенных товарищами Цеткин, Мальцаном, Нейманом и Франкеном, идет речь о свободе критики. Товарищи предлагают эти поправки вместо той части нашей резолюции, где говорится о разрыве с Леви, о партийной дисциплине, о критике в партийной прессе и в партийных организациях. О разрыве с Леви в резолюции нет ни слова. Об отношении к исключению Леви в резолюции ни слова. О запрещении сотрудничества в газете Леви ни слова. Зато требуется неограниченная свобода критики. Мы говорим вам здесь ясно и открыто: Исполком вмешался в действия Центрального Комитета Немецкой Партии, когда вы, после исключения Леви, продолжали сообща с ним писать статьи в журнале „Совет". Мы настойчиво просили Немецкую Партию подождать с вынесением решений для того, чтобы обсудить вместе с вами все эти вопросы перед Конгрессом, и для того, чтобы вы имели возможность установить более точно ваше отношение к ожесточенным боям мартовских дней. Мы знали, что в пылу борьбы, при оценке событий иному товарищу была оказана несправедливость. Я сознаюсь, что

одна статья Барта ввела меня в заблуждение относительно роли Мальцана в 1918 году. Однако, то, что вы предлагаете здесь насчет свободы критики, совершенно неприемлемо. Конечно, Тельман неправ, когда он утверждает, что в партийной прессе не следует разводить критику, потому что враг может кое-что выведать из нее. Нет, мы считаем критику необходимой для нашей деятельности. Собственный такт подскажет каждому товарищу, допустима ли в каждом отдельном случае гласная критика или нет. Но может наступить и такое положение, когда Центральный Комитет партии вынужден будет заявить: сейчас критика недопустима. После неудачи нашего польского наступления, среди нас возникли сильнейшие разногласия, и тем не менее никто из нас не писал ни одной статьи по этому поводу. И те ответственные товарищи, которые во время похода занимали критическую позицию,—в том числе и я—сказали себе после поражения: для истории отнюдь не так уж важно знать, что я был прав, а не другие. Мы могли отказаться от гласной критики, потому что мы все понимали причины наших ошибок и сумели правильно оценить их. Но в общем и в целом всякий член партии, вместе с лежащей на нем обязанностью соблюдать дисциплину, должен сохранить право принимать участие в выработке линии партийного поведения. Это право заключается так же в вынесении расхождений на столбцы прессы, так как в партийных собраниях участвует только часть товарищей и то, что говорится в 4-х стенах какого-нибудь зала, остается неизвестным для остальных членов партии. Тов. Цеткин спрашивает, что ответить ей Криспину на вопрос об ее отношении к мартовскому выступлению. Пусть она ответит: с людьми, которые содействовали подавлению манфельдского движения, я не полемизирую. (Оживленные одобрения. Аплодисменты). Здесь мы проводим крайнюю черту, больше никаких уступок мы не сделаем.

Товарищи, мы находим, что немецкой партии следует думать теперь о будущем, а не о прошлом, что ей следует хорошо взвесить урок прошлого и готовиться к новым боям, которые неминуемо придут—хотим ли мы того или нет. Для этого необходимо приложить все силы партии. Для достижения этого мы требуем роспуска всех отдельных групп, всех особых фракций внутри партии.

И если Даймиг пытается оказывать противодействие, то мы говорим, что уже одного его письма Центральному Комитету достаточно для его исключения. (Одобрение). И мы на этот раз не помешаем Центральному Комитету, если он еще раз предпримет нечто подобное. Мы говорим товарищам, представляющим подавляющее большинство партии: борьба была необходима, и заслугой партии является то, что она вела эту борьбу. Были, конечно, и ошибки, и многие товарищи зашли слишком далеко; однако, довольно личных счетов, забвение прошлому!

Мы знаем, что в партию проскользнули оппортунистические течения. Нам следует быть на страже; то, что произошло, не может быть вырвано из сознания партии. Но теперь необходимо объединить для общей работы все родственные силы для того, чтобы, преодолев временные затруднения, создать в Германии великую, сильную, активную, революционно-действующую партию.

Товарищи, я перехожу теперь к вопросу о Коммунистической Рабочей Партии. Я уже сказал, что К.Р.П является маленькой партией, имеющей претензию создать ядро нового Интернационала. Обращение с нею, как с деликатным фруктом, не соответствовало бы ее фактической силе. Но она представляет собою определенное направление, и поэтому мы должны уделить ей наше внимание. Тов. Швабу, ссылающемуся на слова Ленина о том, что „чистая“ партия может вести за собою миллионы, можно ответить: это возможно в стране, где массы аморфны, где они не организованы в крупные исторические организации. Для того, чтобы разрушить последние, необходимо самому создать крупные организации. А как можно их создать? Каким образом может маленькая партия завоевать доверие масс? Только путем участия в их борьбе за свои непосредственные жизненные интересы. Если вы будете считать, что было бы оппортунизмом впутать партию в борьбу за элементарные требования, вы наверное останетесь маленькой партией, и никогда не завоюете доверия широких масс.

Товарищи, не замыкайтесь в круг идей тех добрых пролетариев, которые, из-за недоверия к парламенту и к профсоюзам, не видят жизни. Если вы застынете на этой точке,

то наши пути разойдутся, вы будете бежать за колесницей рабочего класса и будете поносить его. Вы уже вступили на этот путь. Не будет такой борьбы, в которой вы по сектантски не будете ставить палок в колеса. И на основе нашего боевого опыта, во имя всего того, что нас объединяет,—мы говорим вам: растворитесь в партии, которая хоть и не является идеальной партией, но доказала при мартовском выступлении, что она хочет и может бороться.

Товарищи, я не хочу слишком долго утомлять ваше внимание; в комиссии у нас будет возможность подвергнуть наши тезисы окончательной редакции, и если после этого еще останутся принципиальные расхождения, мы вернемся к вам, и вы решите эти вопросы.

Еще несколько слов о предложенных поправках. Это недоразумение, когда из слов т. Ленина делается вывод: „Roma locuta est, causa finita",—русская делегация высказала свое мнение, и вопрос исчерпан. Это вовсе не так. Тезисы являются результатом продолжительного обсуждения. Здесь говорили о компромиссе и было высказано мнение, что тезисы являются результатом уступок левой. В компромиссах обычно участвуют две стороны. Если одни видят в тезисах уступки левой, то другие в свою очередь усмотрели в них уступки правой. Вы, несомненно, обратили внимание, что до Конгресса мы больше вели борьбу с правой, но это не оппортунизм, если я теперь говорю: я вижу признаки опасности слева, и необходимо вести борьбу также против левой. В первоначальной редакции тезисов все ошибки нашли себе справедливую оценку, но в ней не было ни одного предложения, касающегося мартовского выступления. Я не считаю компромиссом то, что я высказался за то, чтобы и этому выступлению был посвящен отдельный абзац, я сам являюсь его автором. Из беседы с германскими делегатами я пришел к убеждению, что необходимо открыто говорить об ошибках. Содержание тезисов не подверглось никакому изменению.

Ясно, что если бы германские товарищи не совершили своих ошибок, и тем не менее образовалась бы оппозиция против мартовского выступления, то оппозиция эта заслуживала бы исключения. Но ошибки заставляют быть снисходительнее к этой оппозиции, ибо неясно, имеем ли мы дело

с оппортунистами или с осторожными советчиками. Это заставило нас пойти на уступки правой.

В комиссии мы выясним, являются ли предложенные поправки только редакционными или же ими имеются в виду какие-либо принципиальные изменения. На принципиальное изменение нашей линии русская делегация не согласится. Это не значит, что вы ничего не можете изменить,—на вашей стороне может оказаться большинство.

Борьба против оппортунизма,—борьба против правой и предостережение против ошибок левой—вот наша линия поведения; ее мы не можем никак изменить. Для различных редакционных поправок и т. д. мы в комиссии будем искать и, надеемся, найдем подходящие формулировки.

Товарищи, прения на этом Конгрессе не дают полной картины всех существующих внутри Коммунистического Интернационала воззрений. Ряд делегаций мало высказался по этим вопросам. Лично у меня и части товарищей из Исполкома, создалось впечатление, что речи некоторых товарищей были поняты не в том смысле, который имелся в виду ораторами. Когда здесь выступают люди, имеющие за собою большое революционно-боевое прошлое, и предостерегают против необдуманности, против ошибок, то каждый из нас должен понимать, что это говорят солдаты, закаленные в боях, что они имеют право предостерегать. И если оппортунисты думают, что мы предостерегаем против боя, то им надо сказать: это не так, вы судите по себе.

Российская Коммунистическая Партия имеет сознание своей величайшей ответственности, как партия, прошедшая самый длинный революционный путь. Если она предостерегает, то она это делает не потому, что ей в России настолько хорошо, что она в состоянии ждать еще 20 лет, покуда вы медленно будете завоевывать победу. Никто из нас этого не предполагает. Мы имеем все основания говорить здесь в другом тоне, ибо никакая часть пролетариата не находится в состоянии полной изоляции. Если Исполком предостерегает вас от ошибок, то он это делает, сознавая ответственность, которую мы несем, как пионеры мировой революции,—сознавая, что мировой революции оказывается плохая услуга, если пылкое сердце расходится с холодным разумом. Сделанные здесь

предостережения вытекают из чувства ответственности за рабочее движение всех стран. Но тов. Бухарин был тысячу раз прав, сказав, что если кто-либо поймет эти предостережения в том смысле, будто можно упускать ситуации, благоприятные для борьбы, то мы с ним заговорили бы другим языком. Если мы предостерегаем вас, то мы делаем это в качестве авангарда мировой революции, и понимая, что если бы мы в июле 1917 года вступили в решающий бой, то мы были бы побеждены, но что, с другой стороны, если бы мы в июле 1917 года не решились начать борьбу за власть, то крестьяне покинули бы фронт, буржуазная Россия заключила бы сепаратный мир, и таким образом историческая ситуация, дававшая возможность пролетариату захватить власть, могла бы опять наступить, быть-может, лишь многие годы спустя. Основываясь на нашем опыте, мы призываем вас ради укрепления боеспособности партии направлять все усилия рабочего класса в сторону борьбы, но в то же время мы требуем от вас, чтобы вы помнили: враг умен, хорошо организован, он стремится разбить нас, пользуясь нашей неопытностью. Таков смысл предостережения Исполкома. Мы не требуем от партий, чтобы они отказались от борьбы на долгие годы, в течение которых мы вместо коммунистического манифеста читали и разбирали бы брошюры Ленина и Троцкого, основывали бы библиотеки для изучения революции—для того, чтобы наши внуки могли устроить революцию. Наша линия имеет в виду бои, которые могут наступить раньше, чем многие из нас предполагают. Но мы уже сказали: враг силен и Коммунистический Интернационал должен быть сильным, организованным и расчетливым, чтобы бои, предстоящие нам, могли быть доведены до победоносного конца. Товарищи, в этом смысле наша борьба против оппортунизма является необходимым условием для победы. Каждую нашу ошибку враг использует. Ошибки, совершенные нами в марте, помогут нам завтра одержать победу, но сегодня ими пользуются Шейдеманы и Криспины. Поэтому мы говорим: всемирная борьба против оппортунизма. Но в то же время мы должны думать о том, чтобы наилучшим образом, путем нашей борьбы, привести массы под наши знамена, и в этом отношении нам повсюду остается еще сделать многое. Я повторяю, линия такова: привлечь массы к Коммунистиче-

скому Интернационалу, повести их в революционный бой, готовить массы к этому бою и использовать всякую ситуацию, позволяющую сделать шаг вперед. Но мы должны также стараться избегать тех жертв, которых мы можем избегнуть, противопоставляя стратегическому плану буржуазии свой собственный стратегический план. (Оживленное одобрение).

III. О Третьем Конгрессе Коммунистического Интернационала.

I.

Когда заседал первый конгресс, то характер его работы представлялся совершенно ясным. Он заседал в марте 1919 г., когда демобилизационный кризис капиталистических правительств еще не был изжит, нигде не был изжит, хотя в Германии буржуазия и начала тогда как раз заново устраиваться после подавления январьского движения. Кто вспомнит тогдашнее положение, когда по всей Германии прокатилась стачечная волна, когда сбежавшее в Веймар Национальное Собрание часто во время своих заседаний оказывалось отрезанным от внешнего мира; кто вспомнит волну возбуждения, охватившего страны Антанты, где предполагали, что борьба Вильсона против аннексионистских стремлений Клемансо и против стремлений английского капитала к полному экономическому порабощению Германии может привести к крупным конфликтам, при которых и народные массы смогут сказать свое слово; кто вспомнит о положении в Англии в связи с требованиями горнорабочих, о положении вещей в Италии,—тот поймет, почему первый Конгресс Коммунистического Интернационала мог расчитывать на гораздо более короткий путь и мог надеяться на близкую победу европейского пролетариата.

Между первым и вторым конгрессом прошел год тяжелых великих и поучительных пролетарских боев. Советская Россия победила одного за другим Колчака, Деникина, Юденича; она разбила английскую экспедицию в Архангельске и, голодная и окровавленная, шествовала по-

добно огненному столбу впереди пробудившихся пролетарских масс всего мира. Если борьба Советской России демонстрировала победоносную силу борющегося пролетариата, то одновременно развитие событий на Западе обнаружило, как тяжело, как медленно приходит в движение пролетариат старых капиталистических стран. В странах центральных держав буржуазия удержалась у власти, несмотря на тяжелое военное поражение. В Германии она сумела преодолеть первые опасности путем обещания социализации и, одновременно, посредством организации белой гвардии, и маленький коммунистический авангард германского пролетариата начал задумываться над этим фактом.

Рабочие массы несомненно полевели. Социал-демократия потерпела очень сильный урон. Массы рабочих, шедших за Независимой Партией — Независимая Социал-демократия, в виду нелегального положения Коммунистической Партии, была бассейном, в котором задерживалась революционная энергия пролетариата—стали сторонниками диктатуры пролетариата и очень сильно волновались. Но лучшая часть коммунистов начала понимать, что это лишь начало. В особенности, после того, как германская буржуазия путем приятия Версальского мира освободила все свои силы для борьбы против рабочего класса, лучшим элементам Коммунистической Партии стало ясно, что теперь необходимо шаг за шагом не только приобщать широкие пролетарские массы к кругу идей Коммунистического Интернационала, но также их организационно объединить. Буржуазия ликвидировала с помощью социал-демократии Советы Рабочих Депутатов, и тогда стало ясно, что почвой, на которой будет происходить борьба за душу пролетариата, явятся профессиональные союзы, что вопрос об отношении Коммунистической Партии к профсоюзам является вопросом о судьбе коммунизма в Западной Европе. Летом и осенью ведется в Германской Коммунистической Партии дискуссия, которая находит свое заключение в политическом отношении в резолюциях гейдельбергского партейтага, а в теоретическом отношении в ряде моих написанных в тюрьме брошюр. В результате этой дискуссии сложилось убеждение, что коммунистические партии Запада должны приготовляться к долгому периоду борьбы, в течение которой их

актуальная задача должна сводиться к завоеванию большинства рабочего класса, к завоеванию его массовых органов и что без предварительного разрешения этой задачи нечего и думать о завоевании власти. В этих дискуссиях выкристаллизировалось убеждение, что в виду того, что тактика пролетарских масс, связанных с социал-демократическими партиями и профсоюзами, пропитана реформистской идеологией, на Западе, в противоположность России, приходится в меньшей степени рассчитывать на стихийные движения. Свержение венгерской пролетарской диктатуры при полном молчании западно-европейского пролетариата, и факт, что в Италии, несмотря на колоссальную разруху в общественных отношениях, пролетарские движения все больше рассасывались, медленное развитие французского и английского пролетариата, — все это создавало почву, на которой укреплялось убеждение в неизбежности медленного хода западно-европейской революции, воззрение, которое хотя и раньше теоретически представлялось вероятным, все же тогда не было понято во всем своем значении и во всяком случае не стало общим достоянием всех коммунистов. Летом 1920 года, незадолго до второго коммунистического конгресса появилась брошюра Ленина о детской болезни левизны, содержание которой полностью покрывало ту точку зрения, которую я развивал в своих многочисленных брошюрах и наиболее систематически в брошюре „Развитие мировой революции и тактика Коммунистического Интернационала“ (написана в ноябре 1920 года); и несмотря на это, брошюра произвела впечатление сенсации. Это впечатление, произведенное ленинской брошюрой, показывает лучше всего, что ей предстояло преодолеть в коммунистических рядах некоторые пережитки чувства, и это чувство состояло не в чем ином, как в надежде на скорую и близкую победу. Второй Конгресс Коммунистического Интернационала полностью прошел под знаком воззрения, которое выкристаллизовалось во внутренней борьбе германского движения, воззрения о необходимости большой подготовительной работы Коммунистического Интернационала, завоевания крупных массовых организаций, использова-

ния всех средств буржуазной демократии для борьбы за диктатуру пролетариата.

Но второй конгресс заседал в тот момент, когда Советская Россия от обороны против белой Польши перешла к наступлению. Победоносная борьба Красной Армии пробудила величайшие надежды не только в сердцах участников конгресса, но и в самых широких массах европейского, и, прежде всего, германского пролетариата. Когда конгресс был закрыт, красные войска Северной России приближались к Варшаве, и не один из участников конгресса, уезжая из России, задавал себе вопрос, не стоит ли гораздо ближе победа в европейском масштабе, чем это предполагалось при составлении резолюций конгресса, в которых ближайшие задачи Интернационала сводились к образованию больших пролетарских коммунистических партий. Во многих головах линия конгресса получила иной уклон, чтобы не сказать, что она была совсем прорвана. Да будет мне позволено вспомнить здесь о разговоре с одним из наших лучших товарищей, сказавшим мне в те дни, что при чтении моих тактических брошюр он чувствовал, что что-то в них неверно. Теперь,—сказал он,—он знает, в чем состоит ложность моей точки зрения. Это была перспектива медленного хода мировой революции. Представляется ведь очевидным, что вследствие наших побед в Польше, в Германии в ближайшем будущем вспыхнет революция, чем собственно будет достигнута главная победа в мировом масштабе. События в Италии,—захват фабрик рабочими—еще более окрыляли эти надежды, и возможности продвижения Красной Армии играли при этом большую роль. Поражение Красной армии в войне с Польшей многими из товарищей рассматривалось лишь как кратковременная отсрочка этой линии развития, и еще в ноябре 1920 года тов. Бухарин написал статью, в которой он не только доказывал допустимость с теоретической точки зрения революционной наступательной войны, но и заявлял следующее:

„Мы живем на перепутьи, на границе между пролетарской обороной и пролетарским наступлением на крепости капитализма. Если не сегодня, то завтра нам придется решать этот во-

прос. Теоретическая ясность и полное понимание проблемы необходимы поэтому для всех".

В статье т. Бухарина нас здесь интересуют не абсолютно верные теоретические доказательства того, что революционное нападение с оружием в руках не только принципиально допустимо, но даже обязательно, когда пролетарское государство обладает необходимой для этого мощью и когда ситуация в соседних странах созрела для переворота, но то обстоятельство, что для автора речь идет не о революционной философии вообще, но об актуальном философствовании со штыком в руках.

II.

За время, отделяющее нас от второго конгресса, не было, однако, никакой пролетарской наступательной войны. Это время было заполнено глубоко идущим процессом консолидации больших коммунистических массовых партий, возникших на почве тактики второго конгресса. В Германии раскололась Независимая Социалистическая Партия, и возникла Объединенная Коммунистическая Партия. В Чехо-Словакии завершился процесс развития большинства политически организованных рабочих от социал-демократии через лево-социалистический этап к коммунизму. Во Франции значительное большинство старой социалистической партии перешло в лагерь коммунизма. В Норвегии массовая партия норвежского пролетариата отклонила все попытки оспаривать ее коммунистический характер. В Италии попытка большинства лидеров избежать фактического присоединения к коммунизму привела к расколу в Ливорно. Если бы Третий Конгресс Коммунистического Интернационала состоялся в марте, то он прошел бы под единственным лозунгом: борьба против полуцентристских элементов, пытавшихся саботировать резолюции Коммунистического Интернационала, принятые на Втором Конгрессе.

Что же мы пережили за период с августа 1920 г. до марта 1921 г.? В Италии пролетариат начал большое массовое выступление, поставившее своей задачей захват

фабрик. Если бы это выступление было доведено победоносно до конца, то оно в виду полной беспомощности буржуазии привело бы в крайнем случае к завоеванию фактического контроля над промышленностью и к вооружению пролетариата. Это движение рассосалось, потому что принадлежавшая к Коммунистическому Интернационалу итальянская социалистическая партия не только не посмела стать во главе масс, но совместно с профсоюзной бюрократией предали их буржуазии. Что лежало в основе политики итальянской партии? Ее подчинение частью откровенно центристским элементам (Турати, Тревес, Модильяни, Дарагона), частью же элементам, на словах отрицающим реформизм, политику примирения с буржуазией, но не решающимся вести борьбу с буржуазией.

Раскол в Ливорно явился лишь результатом фактической связи, существовавшей между серратианцами и туратианцами, капитуляции Серрати перед буржуазией подобно тому, как 4-ое августа явилось результатом капитуляции центра германской социал демократии в 1912 году перед ревизионистами, результатом совместного отклонения Гаазе в блоке с Давидом и Легином предложения о пропаганде массовой стачки, которое было выставлено крайними левыми германской социал-демократии. Ливорно показало, что кто в период революционных массовых выступлений отказывается от борьбы, тот не в состоянии также вести революционную пропаганду, агитацию и организацию. Ибо революционная агитация, революционная организация подготовляют революционную борьбу. Кто боится революционной борьбы, тот должен отказаться также и от ее подготовления. 21 условие второго конгресса являются мероприятиями для подготовки революционной массовой борьбы. Они могут поэтому на словах быть приняты полуцентристскими элементами, но ни в коем случае не могут быть проведены ими в жизнь. Ливорно поставило в порядок дня вопрос о борьбе против полуцентристских элементов в Интернационале и вместе с тем и вопрос о характере коммунистических массовых партий.

Ливорно показало, что недостаточно иметь массовую партию, называющую себя коммунистическою, но что если Коммунистический Интернационал не желает быть великой

ложью, он должен стремиться к образованию массовых партий, охватывающих сознательные революционные массы партий, которые во всей своей агитационной и организационной работе должны стремиться сделать эти массы готовыми к бою. Исполком Коминтерна посредством позиции, занятой им в отношении итальянского раскола, ускорил выкристаллизирование полуцентристского направления в ряде других коммунистических партий.

В Германии во время полемики по поводу раскола в Ливорно проявилось течение Леви, как течение части партийных организаторов и профсоюзной бюрократии, партийных литераторов, которые выступили в поход под лозунгом: „против сектантства" и, имея будто бы в виду охранять массовый характер партии, провозгласили отречение от всего того, что, по их мнению, могло нас отделить от некоммунистических масс, в действительности же они отказывались от всякой прямой коммунистической пропаганды и агитации, от всякого самостоятельного выступления Коммунистической Партии. Это крыло, бывшее показателем стремления и возвращения на старые рельсы Независимой Социалистической Партии, показателем неспособности поднять массы, несмотря на свой боевой лозунг „за массовую партию", было проявлением тенденции к возвращению и мирному пропагандистскому ферейну, который не только не смог бы завербовать новые массы, но должен был бы потерять и старые, присоединившиеся к партии.

В Чехо-Словакии в течение двух последних лет медленным темпом происходило отделение большинства политически-мыслящих рабочих от социал-демократии. Коммунисты играли в этом процессе большую роль не только благодаря хитрости и способности маневрировать Шмераля, который раскрывал свои цели лишь шаг за шагом параллельно процессу развития массы, но не в меньшей степени благодаря готовности к самопожертвованию Муны, который в период величайшего националистического опьянения, в период, когда открытое признание себя коммунистом было связано с опасностью для жизни, боролся за знамя коммунизма с величайшим самопожертвованием и преданностью. В сентябре прошлого года произошел раскол чехо-словацкой социал-демократии. Радикальное большинство сконструировалось не в Коммуни-

стическую партию, а в лево-социалистическую партию. Коммунисты со Шмералем во главе, таким образом, не пытались уже на этом съезде воздействовать на массы и ускорить принятие ясного решения. Напротив того, коммунизм был ими выставлен как вопрос, подлежащий изучению. Массы должны были ознакомиться с резолюциями второго конгресса, они должны были вести дискуссию по этим вопросам и затем вынести решение посредством референдума, хотят ли они быть коммунистами. При этом редактировавшаяся коммунистами печать партии вела очень ленивую пропаганду за коммунистическое решение вопроса, что показывало, что дело не в медленном развитии массы, но в том, что интеллигентское руководящее течение в чешской коммунистической партии, течение Шмераля-Буриана имеет очень странное представление о роли партии, о задаче коммунистов, как авангарда рабочего движения. Они ожидали плодов, которые сами должны были упасть с дерева, и это они считали коммунизмом. Свою политику они объясняли, как результат медленного развития масс в то время, как они сами были одним из факторов этого медленного развития. В конце-концов декабрьская стачка чешского пролетариата показала, что последний по своему настроению, по своей воле и борьбе ушел гораздо дальше, чем это устанавливали постоянные ученые доктора по биению его пульса. После этой стачки, в которой приняло участие около миллиона рабочих, опять-таки не было ни выясняющей положение и обобщающей опыт данного боя коммунистической пропаганды и агитации, ни попытки организационного объединения всех тех, кто принял участие в бою, в коммунистическую партию. После борьбы, имевшей место в рядах итальянской партии, после полемики, ведшейся по поводу Ливорно в германской партии, течение Шмераля проявилось в статьях Скалана и М. Ванека совершенно открыто, как чешская разновидность интернациональной полуцентристской тенденции, и если Шмераль позднее в своей речи на съезде партии заявляет, что центр представляет собою собственно лишь переходный этап к коммунизму, то здесь проявляется тот факт, что он сам чувствует связь между своим течением и центристским. Подобные же тенденции обнаружились во французской, шведской Коммунистической партии и во многих других. Где

в более слабой степени, где в более сильной, они имелись всюду, и они выражали не только трудность перехода от коммунистической пропаганды к коммунистическому действию, но даже трудность ведения ясной коммунистической агитации и пропаганды для интеллигентов, профсоюзных лидеров и партийных организаторов. Они, правда, признали себя коммунистами, но натолкнулись на большие затруднения, когда нужно было перейти от абстрактного, скорее литературного обращения в коммунизм к революционной агитации, которая изолирует ее носителей, конечно, не от пролетарской массы, но от буржуазной среды.

Все эти затруднения, возникавшие в движении, в конечном счете объясняются медленным ходом развития после поражения Советской России в войне с поляками. Несмотря на обострение мирового экономического кризиса, выбросившего на улицу многие миллионы рабочих и обнаружившего безнадежность капиталистических попыток к восстановлению, казалось, что развитие революции в Европе приостановилось. Советская Россия боролась с большими трудностями перехода от военной к мирной работе. Нужда народных масс все росла и выражалась не только в крестьянских волнениях, но и в волнениях среди рабочих, что приводилось международной капиталистической прессой, так же, как и печатью 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов, как доказательство банкротства коммунизма и советского правительства. Влияние Советской России на психику рабочих масс несомненно уменьшилось. Центристские элементы, поставленные 21 условием Второго Конгресса перед необходимостью капитуляции или борьбы не на жизнь, а на смерть против Коммунистического Интернационала, решили вступить в эту борьбу. Борьба эта, выразившаяся на венской конференции лишь в каучуковых резолюциях, по которым было даже трудно установить, где коммунизм переходит в центризм, в повседневной жизни партий, в печати и организации стала выражаться в том, что партии центра начали обливать Коммунистический Интернационал помоями. Центристские элементы пришли к соглашению на почве Амстердамского профсоюзного Интернационала с социал-демократами и профсоюзной бюрократией и решили совместно бороться против

коммунистов, изолировать их, отрезать от масс и выбросить из пролетарских массовых организаций. Вместо того, чтобы защищаться против этого путем энергичного усиления коммунистической агитации, вместо того, чтобы путем конкретизации не в форме политических кампаний, яснее показать массам, как их изо-дня в день предают социал-демократические партии и профсоюзная бюрократия, оппортунистическое течение пыталось избежать опасности изоляции посредством политики затушевывания особых характерных черт коммунизма. В виду того, что Исполком Коминтерна оказывал сопротивление оппортунистическим тенденциям, это течение стало группироваться под лозунгом большей автономии, большей независимости от Москвы. „Указы" Исполкома критиковались в правокоммунистической печати в таком же тоне, как и в явноцентристской прессе. Полуцентристские тенденции в рядах Коммунистического Интернационала угрожали не только его революционному духу, но и его характеру централизованной организации. Сознательно или бессознательно этот путь вел как в политическом, так и в организационном отношении обратно к $2^1/_2$-му, а через него ко 2-му Интернационалу. Если бы Конгресс Коммунистического Интернационала собрался в марте, то его фронт был бы направлен исключительно против полуцентристских тенденций, ибо лишь путем их преодоления, лишь путем их сознательного отклонения мог Коммунистический Интернационал выполнить свою задачу.

III.

В середине марта имели место крупные бои с оружием в руках в центральной Германии и попытка массовой забастовки во всей стране. Эта борьба была несомненно навязана Германской Коммунистической Партии прусским правительством с социал-демократом Зеверингом во главе. Она была ей навязана с явно-провокационными целями. То обстоятельство, что партия не уклонилась от этой борьбы, объясняется различными причинами, вытекавшими из состояния, в котором находились партийные массы и правление партии. Отколовшиеся от независимых социал-демократов рабочие массы стремились к выступлениям. Подобно тому, как январьские

бои 1919 года являлись первым движением пробуждавшихся к восприятию коммунизма масс, точно так же мартовское выступление было первым движением рабочих масс, освободившихся от влияния партий центра. Они хотели показать себе самим и всему миру, что они стали другими, чем были в то время, когда ими руководили Гильфердинг и Диттман. Что это не является мудрствованием, философствованием задним умом, показывают события, имевшие место в Галле и Фленсбурге до мартовского выступления, а также полемика в рядах Объединенной Германской Коммунистической Партии, во время которой постоянно снизу раздавалось требование большей активности. Что касается партийных руководителей, то они с самого начала должны были принимать в расчет это настроение партийной массы. Партийные руководители не обладали полной свободой маневрирования, ибо они должны были считаться с тем, что, уклонившись от борьбы, они потеряли бы доверие партийных масс, которые, не наученные еще опытом, в качестве членов Объединенной Германской Коммунистической Партии, не понимали еще политики осторожности. Но более того, руководители партии не были свободны не только в отношении настроения масс, но в отношении самих себя, и они показали, что они связаны в отношении Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. В борьбе против выкристаллизовывавшегося течения Леви, левые элементы руководящего центра партии обособились в отдельную радикальную группу, которая в конце февраля после добровольного ухода Леви и его сторонников из руководящего центра, остались в нем одни и чувствовали сильное стремление испытать себя самих в действии, путем революционных выступлений внушить партии доверие и показать Коммунистическому Интернационалу, что он может в полной мере рассчитывать на германский боевой пост. Эта тенденция руководящего центра ясно выступила наружу на заседании Центрального Комитета от 17 марта, на котором представители левого течения заявили, что партия должна управлять процессом революции, что она должна порвать с пассивным прошлым и, чего бы это ни стоило, форсировать события. Когда произошло нападение Герсинга, эта позиция партийного центра сделала невозможным хладнокровное

рассмотрение вопроса о том, не окажется ли более выгодным уклониться от боя в данный момент, а если нет, то не должна ли борьба вестись как чисто-оборонительная борьба с помощью политической забастовки и при полном отказе от борьбы с оружием в руках. Таким образом, наступательные тенденции коммунистического партийного правления совпали с необходимостью обороняться против ударов противника, вследствие чего оказалось, что партия пыталась перейти к контр-наступлению раньше, чем она была в состоянии в какой-либо степени отбить врага в обороне. Бои с оружием в руках в центральной Германии, которым партия не препятствовала, хаос лозунгов—таков был результат того факта, что в мартовских событиях преломились две линии: линия необходимой оборонительной борьбы и линия наступления, совершенно не считавшегося с тогдашней фактической ситуацией. После мартовского выступления учение о наступлении выступило в ясной форме, и весьма характерно, как его представители пытались изобразить его как учение, основанное на опыте мартовского выступления. Мартовское выступление было оборонительным боем. Если из него можно было извлечь какую-либо теорию, то как раз учение о политическом руководстве оборонительной борьбой, о ее лозунгах, о возможности обеспечения коммунистического авангарда от изолированных боев путем непрерывной работы над расширением базиса партии. Эти вопросы не были, однако, исследованы партией. Наиболее подвижные элементы ее пытались показать, что источник ее поражения был не в том, что мы вынуждены были начать борьбу в такой момент, когда в достаточной степени не сказались результаты собирательной политики „Открытого письма“, не в том, что мы не сумели в нашей оборонительной борьбе найти достаточное покрытие в широких массах, в качестве причины поражения выяснялось то обстоятельство, что мы выжидали удар, вместо того, чтобы застать врасплох врага путем внезапного наступления. Таким образом, мартовское поражение стало исходным пунктом пропаганды наступательной тактики.

Одновременно с этим отклонением радикального большинства влево, на почву революционаризма, не считающегося в достаточной мере с общей ситуацией, в партии произошла

такая эволюция правого крыла, какая два месяца тому назад считалась бы совершенно невозможной. Пауль Леви объявил как пролетарским массам, так и буржуазии, что оборонительная борьба партии является путчем, выполненным кликой ни над чем не задумывающихся карьеристов, которые по указке московских авантюристов стремятся привести пролетариат к гибели. Его единомышленники, часть которых презрительно относилась ко всякой дисциплине и к обязанностям членов коммунистической партии, и во время мартовских боев занималась саботажем, солидаризировались с этим геростратовским актом бывшего представителя партии. Оппортунизм полуцентристского течения Объединенной Германской Коммунистической Партии нашел выражение в ряде ясных фактов: в недисциплинированности парламентской фракции, во фрондировании части партийных профсоюзных лидеров, в позиции партийных интеллигентов; все это были элементы типического бунта оппортунистических вожаков.

Исполком Коминтерна по получении первых надежных сведений о мартовских боях вполне ясно представлял себе, что выяснилось в них. Он ни на один момент не закрывал глаз на ошибки, сделанные в мартовских боях и на все их значение. Моя критика ошибок мартовского выступления в полемической брошюре против Леви, написанной до того, как брошюра Леви дошла до Москвы, была, как позже выяснилось, общей точкой зрения всех российских членов Исполкома. Эти ошибки значительно изменили положение в Коммунистическом Интернационале и поставили конгресс перед новыми задачами. Ему предстояло теперь не только вести борьбу против оппортунистических, полуцентристических тенденций, которые проявились в ряде партий, но он должен дать отпор ошибочным тенденциям, развившимся в мартовском выступлении, которые были не только ошибками отдельного выступления, но, не продуманные до конца и не отвергнутые сознательно, таили в себе опасность втянуть Коммуннистический Интернационал в ряд боев, в которых он, терпя поражение за поражением, мог быть разрушен. Если это не выступило наружу столь ясно в тот момент, когда необходимо было защитить

партию от нападения со стороны Леви, угрожавшего ей полным разложением, то это стало совершенно ясным, когда ознакомились с литературными произведениями, появившимися на почве мартовского выступления. Как же разрешил конгресс задачу, поставленную перед ним столь сложной ситуацией?

IV.

Он верно продолжал линию второго конгресса, вменив в обязанность коммунистическим партиям в качестве главнейшей задачи борьбу за большинство в рабочем классе. Он выполнял это не только в форме напоминания по адресу молодого английского и американского коммунистического движения, которые в отношении этой задачи были дальше всех других от цели, не только путем окончательного отклонения сектантских тенденций Германской Коммунистической Рабочей Партии и так называемой голландской школы, но также и путем установления ясной линии для тактики Коммунистического Интернационала в частичных боях. Конгресс сделал тактику „Открытого Письма"—речь идет не о копировании формы, а о методе—всеобщей тактикой противопоставления повседневных жизненных интересов масс предательской политике вожаков профсоюзов и социал-демократии. Не одни максимальные лозунги, образующие в момент бури средство для собирания масс, не одна программа диктатуры, действовавшая в момент сильного брожения масс, как азотная кислота, но в первую голову практическая защита жизненных интересов масс, их повседневных и не только крупных классовых интересов—вот путь, который указывает Коммунистический Интернационал коммунистическим партиям в той ситуации, в которой находится теперь пролетарская революция, в той ситуации, когда мы имеем перед собой не сильный подъем революционных сил, но постепенное нарастание войны, постепенное собирание сил. Уже в этом упорном указывании на источник коммунизма, на страдания и стремления рабочих масс, на их повседневные

нужды, уже в этом выражается реакция против штурмующих небо тенденций субъективного революционаризма, склонного начинать бой, когда в нем достаточно назрело нетерпение. С другой стороны, в принятии этой линии на частичные выступления проявилось убеждение Коммунистического Интернационала в том, что мы вступаем в период великих битв, в период массовых выступлений, а не в тихий период пропаганды и агитации. В реферате Троцкого о мировом экономическом положении, как и в тактических тезисах, в качестве исходного пункта коммунистической тактики, взят курс на наростание мировой революции. Подъемами и спусками этот путь ведет вверх к новым великим битвам, и Коммунистический Интернационал победоносно проведет их, если только он сумеет связаться с самыми широкими массами посредством частичных боев за повседневные нужды пролетариата, посредством агитации, ведущейся на почве этих повседневных нужд. Мрачные пророчества Леви, Гейера и Цеткин об опасностях сектантства, которое угрожает Коммунистическому Интернационалу, оказались ловушками, за которыми прятался оппортунизм первого и боязнь привидений других.

По отношению к этому оппортунизму конгресс занял ясную позицию, не только подтвердив исключение итальянской социалистической партии до того момента, когда она не порвет с реформистами, не только выступив с резкой критикой политики чехословацкой и французской коммунистических партий, не только подтвердив исключение Леви из Коммунистического Интернационала и потребовав от его единомышленников подчинения правилам партийной дисциплины, но он занял позицию в отношении оппортунизма также и в положительном виде: вся программа действия Коммунистического Интернационала, рассчитанная на подъем борьбы, является антиоппортунистской программой. Сущность полуцентристских направлений в Коммунистическом Интернационале состоит именно в том, что они на обозримое время не ставят никаких действенных задач, но лишь чисто-пропагандистские задачи. Они агитируют плохо, не-коммунистически именно потому, что из страха перед выступлениями они опасаются бросать

в массы возбуждающие лозунги. Между тем могли возникнуть ситуации, при которых Коммунистический Интернационал под давлением отлива революционного движения должен был бы отказаться от выступлений. Революционный коммунист должен был бы считаться с таким положением вещей. Всякое стремление к выступлениям было бы тогда авантюризмом чистой воды. Коммунистический Интернационал, развивая свою программу действия и призывая партии всех стран готовиться к борьбе, показывает, что он оценивает мировую ситуацию и дальше, как революционную.

Выступление Коммунистического Интернационала, ведущаяся им борьба образуют ту единственную почву, на которой он сможет преодолеть полуцентристские течения как в своих собственных рядах, так и вне их. Теоретически мы десять раз разбили Каутских, Бауэров и Гельфердингов. Практически они, однако, представляют собою большую силу, силу, источник которой образует недоверие масс к собственным силам. Все эти Леви и Серрати в теоретическом отношении представляют собою простой нуль. Они в духовном отношении питаются объедками Гильфердингов. Теоретическая борьба с ними столь же ненужна, как и бесполезна. Нужно только избегать всего того, что может влить живительную силу в эти элементы и что могло бы также иметь последствием ослабление влияния Коммунистического Интернационала на рабочие массы, а именно необходимо избегать ошибок в выступлениях, которые ведут к поражениям, из которых масса выходит не окрепшей, но ослабленной. Не всякое поражение приводит к подобному ослаблению. Если партия терпит поражение в навязанном ей противником бою, который она вела из-за важных жизненных интересов пролетариата, вела под лозунгами, понятными рабочей массе, то подобное поражение содержит в себе зародыши будущих побед. Рабочая масса видит в партии защитника ее интересов, и она чувствует, что поражение имело место лишь потому, что они, пролетарии, не последовали за партией в борьбу, хотя борьба велась за их интересы. И когда капитал все яростнее нападает на них, все сильнее экспло-

атирует, тогда они говорят себе: это наша вина, наша великая вина, и они собираются все в большем числе вокруг партии. Но если партия бросается в битву, не рассчитав в достаточной мере положения, то вера масс в свои силы уменьшается. Результат получается тот, что в тех ситуациях, когда борьба необходима, массы не чувствуют, что они находятся под руководством, которому можно довериться. Они колеблются, они становятся нерешительными. Если партия ведет борьбу под лозунгами, непонятными для масс, или если рабочая масса получает впечатление, что лозунги борьбы не соответствуют ее действительным целям, но маскируют другие цели, то в результате возникает недоверие к партии. Рабочая масса чувствует себя объектом нашей политики, а не ее носителем. Только в том случае, если мы делаем эти ошибки, могут центристские или полуцентристские элементы приобрести снова влияние или усилить его. Мартовское выступление включало подобного рода ошибки. Несмотря на то, что оно было необходимым оборонительным выступлением, оно было представлено партией массам, как начало великого наступления, наступления, для которого широкие пролетарские круги не были достаточно подготовлены и для которого они не чувствовали себя достаточно сильными. Теория наступления могла в передовых рядах партии пробудить чувство мужества и энергии, ибо она льстила самолюбию передовых рядов, их преувеличенному представлению о роли авангарда. Но на массы, от доверия которых к коммунистической партии прежде всего зависит удача каждого боя, на массы эта теория должна была повлиять пугающим и отталкивающим образом. И что еще гораздо важнее, эта теория, считая возможным произвести прорыв при помощи авангарда, отклоняла партию от выполнения своей главной задачи: борьбы за мозг и сердце широких рабочих масс.

Конгресс Коммунистического Интернационала решительно и единогласно встал на защиту германской партии в ее оборонительной борьбе против нападения Герсинга, он, не считаясь ни с чем, исключил ее клеветников из своих рядов, но он был вынужден ясно и недвусмысленно отклонить эту теорию, если он не хотел подвергнуть молодые ряды свои

большим опасностям. Опасность подобной политики в Германии не велика по той простой причине, что германская партия представляет собой уже массовую партию, члены которой, хотя они в первый момент после поражения в навязанной им борьбе защищают ее вместе со всеми сделанными ошибками, с течением времени поймут эти ошибки и преодолеют их. Германский пролетариат, относительно больше всего пропитавшийся марксистским духом, способен по этой причине больше всех других к преодолению ошибок субъективного революционаризма. Но тем более велика опасность в романских странах с их рабочей массой, обладающей горячим темпераментом, с рабочей массой, в очень слабой степени проникнутой марксизмом, но зато в тем большей степени духом романтического синдикализма. В романских странах, в первую голову во Франции, мы стоим теперь перед крушением правого крыла синдикалистов, совершенно выродившегося в оппортунистическое, реформистское течение. Руководство профсоюзами перейдет там в руки левых синдикалистов, с победой которых воскресает синдикализм старой марки—романтический синдикализм. В этих странах, где революционные стремления рабочего движения представлены синдикализмом, ошибки, подобные тем, которые были совершены в мартовском выступлении, возможны в гораздо большем масштабе, чем в Германии. Борьба против подобных ошибок никоим образом не является борьбой против левых элементов. Напротив того, она является борьбой за правильную революционную политику. Центристские элементы, прокрадывающиеся в ряды Коммунистического Интернационала или возникающие в нем, благодаря временно замедленному темпу революционного развития, должны быть уничтожены. Левые элементы, способные совершать ошибки, подобные тем, какие были совершены в мартовском выступлении, должны быть научены, и они могут быть научены. Эти наши основные и ударные отряды, вместе с которыми мы хотим победить и победим, в то время, как полуцентристские элементы в общем представляют собою элементы разложения, которые должны быть удалены из тела Коммунистического Интернационала.

Долго искали формулы, к которой могла бы быть сведена работа 3-го конгресса. Кто-то сказал, что конгресс проповедывал осторожность, и что в этом состоит главная часть его работы. С другой стороны, заявлялось, что конгресс, рассмотревши общую ситуацию, временно отдал приказ об отступлении. Первая формула об осторожности является ничего не говорящей формулой, правильной в применении к германскому партийному правлению и итальянским коммунистам, но не имеющей смысла в применении к чехословацкой партии, или, например, к партии Серрати. Что касается отступления, о котором якобы говорилось, то утверждение, будто Коммунистический Интернационал начнет теперь отступление — совершенная бессмыслица. Где отступление и почему отступление? Отступление во Франции, где мы только начали маршировать, где мы не испытали никакого поражения, где мы ни в коем случае не маршируем слишком быстро? Отступление в Англии и Америке, где мы только начинаем свою вербовочную работу? Бессмыслица подобного утверждения бросается в глаза. Работа конгресса не поддается сведению к одной формуле по весьма простой причине. Ситуация в различных странах, состояние, в котором находятся коммунистические партии различных стран, не позволяют выработки единого маршрута для всех партий. Общими для всех являются этапы, через которые они пройдут к победе, общими являются политические методы. Но что касается общих задач, то они в разных странах образуют целую скалу. От лозунга „в массы" через лозунг „борьба против центристских и полуцентристских элементов" до лозунга „организуйте ваши массовые выступления, подготовляйте их возможно лучше",—вот широкая скала вопросов, которыми занимался конгресс.

Буржуазная печать, как центристская и полуцентристская, пытается представить работу конгресса, как поворот вправо. Мы не хотим мешать ей в этом. Пусть только буржуазные правительства покажут на деле, что они серьезно убеждены в том, что Коммунистический Интернационал полинял и стал приличным умеренным Интернационалом. Они могут показать серьезность такого взгляда тем, что прекратят пресле-

дования Коммунистического Интернационала. Мы не будем протестовать против этого. А господа центристы и полуцентристы пусть проведут резолюции конгресса. Мы не будем ставить им ни малейших препятствий на этом пути.

Но шутки в сторону. Коммунистический Интернационал не взял курса ни вправо, ни влево. Он идет лишь спокойно и решительно по своему старому пути, по пути, который состоял в мобилизации рабочих масс, самых широких рабочих масс во имя идеи коммунизма, в их обучении и организации в борьбе и в их подготовке к будущим боям.

IV. Речи на конференции трех Исполкомов в Берлине.

(2—5 апреля 1922 г.).

На первом заседании тов. Клара Цеткин прочла от имени делегации Коминтерна следующую декларацию, составленную мной.

Декларация делегации Коминтерна.

Впервые с июля 1914 года, со времени последнего заседания Социалистического Бюро в Брюсселе, после которого последовала мировая война и крушение II Интернационала, представители всех частей международного рабочего движения, составлявших когда-то единую международную организацию, собираются для переговоров за одним столом. Это не должно быть обойдено молчанием. Это не может произойти без того, чтобы мы не заявили перед лицом всего мирового пролетариата, чем вызван теперешний раскол рабочего класса. Мы имеем в виду тот факт, что некоторые слои рабочего класса временно признали общность своих интересов с интересами империалистических держав, — факт, который нашел свое выражение в контр-революционном поведении многих партий и организаций. До тех пор, пока рабочий класс не объединится для совместной борьбы против международного капитала, пока он не разорвет коалиции с представителями капитализма и не решится на борьбу для завоевания политической власти, до тех пор будет продолжаться раскол, являющийся одним из главных источников силы капитализма. Никакие жалобы, никакие проклятия здесь не помогут. Но так как рабочий класс еще не решился на эту совместную борьбу, не научился еще в ходе этой борьбы понимать, что капитализм может быть побе-

жден только тогда, когда огромное большинство пролетариата путем революционной борьбы захватит власть и установит диктатуру трудящегося народа, то мы заявляем, что организационное объединение стоящих на различных принципиальных точках зрения международных пролетарских организаций утопично и, поэтому, вредно. Но вместе с тем мы должны признать то, чего настоятельно требует общее мировое положение. Рабочий класс, несмотря на разъединяющие его глубокие расхождения, должен сплотиться для оборонительной борьбы против наступления капитала.

По окончании войны, когда вооруженные, возбужденные рабочие массы вернулись домой, чтобы там узнать, что демократия и благо народа, за которые, якобы, они проливали свою кровь, есть не что иное, как капиталистическая ложь для затушевывания борьбы за интересы капиталистической прибыли, в этот момент еще возможно было взять капиталистический мир приступом. Однако, нерешительность широких масс рабочего класса, демократические иллюзии, распространившиеся и планомерно поддерживавшиеся среди них реформистскими партиями, и открытая или тайная коалиция последних с буржуазией, помешали большинству рабочего класса последовать славному примеру русской октябрьской революции. Вместо этого они помогли мировому капиталу отбить первое нападение пролетариата. Рабочие массы всего мира чувствуют теперь последствия этой политики на собственной шее. Международная буржуазия не в состоянии восстановить мировой порядок, хотя бы на основе капиталистической системы. Она не может обеспечить пролетариату даже его до-военный жизненный уровень. Однако, потрясенный до самого основания капиталистический мир еще достаточно силен, чтобы попытаться взвалить все расходы войны на плечи пролетариата.

Мировая буржуазия еще не отказалась от надежды покрыть большую часть военных расходов путем усиления эксплоатации германского пролетариата через посредство репарационного бремени и закабаления всего русского народа мирной интервенцией Советской России, которую они не смогли победить оружием; путем эксплоатации вновь созданных государств, используемых, как орудие военной и империалистической политики великих держав; путем усиле-

ния эксплоатации колониальных и полуколониальных народов (Китай, Персия, Турция). Но даже те круги международной буржуазии, которые не понимали, что из изможденных народных масс побежденных стран, Советской России и колоний невозможно выжать сотни миллиардов, теперь убедились, что если бы и удалось этого достигнуть, то все таки всей этой огромной контрибуции было бы недостаточно для восстановления капиталистического хозяйства. Поэтому буржуазия во всем мире переходит в наступление против рабочего класса. Поэтому она пытается во всех странах, несмотря на безработицу, удлинить рабочий день. Поэтому она пытается сократить заработную плату. Международный рабочий класс должен покрыть военные расходы и сверх того еще добыть средства для нового усиления мировой капиталистической системы.

Это положение ставит международный рабочий класс перед важнейшими решениями. Он должен или сплотиться для оборонительной борьбы против всех козней международного капитала; должен солидарно выступить против попыток экономическото ограбления побежденных стран, Советской России и колоний, а также за уничтожение Версальского мира, за признание Советской России и ее хозяйственное восстановление, за контроль над производством во всех странах, или же он заплатит стоимость мира своими костями и своим здоровьем так же, как он заплатил расходы войны.

Коммунистический Интернационал призывает рабочие массы независимо от их мнения относительно пути, ведущего к конечной победе, и тех средств, которые могут этот путь обеспечить, сплотиться для борьбы против теперешнего наступления капитала и повести эту борьбу энергичным образом. Коммунистический Интернационал выдвинул, поэтому, лозунг единого пролетарского фронта для борьбы против буржуазии и приветствует инициативу Венского Интернационала в созыве международного рабочего конгресса. В предполагаемом международном рабочем конгрессе он усматривает средство для объединения при неизбежных боях рабочего класса.

Для того, чтобы этот конгресс мог быть успешным, Коммунистический Интернационал предлагает пригласить к уча-

стию в нем все пролетарские профессиональные организации. Профессиональные союзы объединяют большинство пролетариата. Они объединяют его, не считаясь с политическими разногласиями. Они объединяют рабочие массы в их повседневных нуждах. Если международный рабочий конгресс является не пустой демонстрацией, если он должен объединить международное выступление пролетариата, то профсоюзы должны в нем участвовать. Раскол руководящих и в некоторых странах даже массовых организаций пролетариата есть довод не против привлечения профсоюзов, а за привлечение их. Именно потому, что профсоюзы группируются вокруг двух центров, необходимо соглашение о совместных действиях. Мы вносим предложение о приглашении Амстердамского Интернационала Профсоюсов, Красного Интернационала Профсоюзов, а также и стоящих в стороне от них синдикалистских организаций, Американской Федерации Труда и отдельных независимых профессиональных союзов.

Что касается пролетарских партий, то мы предлагаем на-ряду с партиями, примыкающими к исполкомам трех интернационалов, пригласить партии и партийные группировки, находящиеся вне международных объединений. При этом мы имеем в виду, в первую очередь, анархистские и синдикалистские организации. Они численно не велики, но включают в себя определенно честные революционные рабочие элементы, которых надо втянуть в общий фронт борьбы пролетариата. От этих групп нас отделяют большие разногласия. Мы считаем своею обязанностью попытаться согласоваться с ними в вопросах выступления в такой момент, когда ситуация делает необходимым соглашение даже с реформистскими партиями, политика которых, направленная против интересов рабочего класса, была причиной заблуждений и уклонений этих левых элементов.

Мы считаем необходимым созыв в кратчайший срок международной рабочей конференции. Генуэзская конференция является попыткой мирового капитала, после того как действительность все более потрясает его Версальскую политику, установить новое разделение мира, новый капиталистический порядок. Во время Версальской конференции международный рабочий класс оставался в нерешительности, неспособным действовать. Только Советская Россия с

оружием в руках боролась против попыток антантовского капитала поработить весь свет. Ныне, после трех лет капиталистического хаоса, прогрессирующего капиталистического развала, Советская Россия остается победоносной с непоколебленной военной мощью. Но она является препятствием на пути свирепых „мирных" нападений капитала.

Дело идет о том, чтобы оказать на деле помощь первому государству, создавшему и двинувшему первую волну мировой революции в борьбе против попыток вынудить его к социальной капитуляции. Немецкий пролетариат, благодаря полной капитуляции германской буржуазии перед Антантой, делается виновником понижения заработной платы мирового пролетариата, несмотря на свое сопротивление. Борьба против политики репараций Антанты является борьбой за прожиточный минимум рабочих масс в странах Антанты и в Америке. Без энергичного выступления международного пролетариата против существования Версальского договора, против попыток хозяйственного удушения России, против разорения колоний, против эксплоатации населения вновь образованных малых государств, нельзя и думать о преодолении безработицы и мирового хозяйственного кризиса. Поэтому международный рабочий класс должен возвысить свой голос еще во время Генуэзской конференции. Он должен пытаться заставить Генуэзскую конференцию, работы которой как будто бы направлены к восстановлению мирового хозяйства, заняться и рабочим вопросом, безработицей, 8-часовым рабочим днем, но не так, как на Версальской конференции, где представители отдельных рабочих организаций, за которыми не стояло никаких борющихся масс, с шляпой в руке упрашивали Антанту иметь в виду интересы пролетариата. Представители международного пролетариата, опираясь на борющиеся и демонстрирующи массы, должны требовать от собравшихся в Генуе представителей мирового капитала удовлетворения беззастенчиво нарушенных обещаний.

Представительство Коммунистического Интернационала, не затушевывая ни на одно мгновение того, что его отделяет от реформистских и полуреформистских партий, готово со всей силой выступить за совместную борьбу международного пролетариата. Оно может это сделать тем легче, ибо

убеждено, что каждый день борьбы, весь ее опыт будет доказывать пролетариям всех стран, что никакие компромиссы с капиталом не в состоянии обеспечить миру мир и человеческое существование, что для этой цели необходима победа пролетариата, что он должен победоносно взять в свои могучие руки устройство и порядок всего света, чтобы их организовать сообразно с интересами подавляющего большинства человечества.

Представительство Коммунистического Интернационала, исходя из всех этих соображений, предлагает на предстоящей международной конференции обсуждать только такие вопросы, которые касаются непосредственных, практических совместных действий рабочих масс, которые не разделяют рабочие массы, а объединяют их. В соответствии с этим делегация Коммунистического Интернационала предлагает следующий порядок дня международной конференции:

1. Защита против наступления капитала.
2. Борьба против реакции.
3. Подготовление борьбы против новых империалистических войн.
4. Помощь при восстановлении Российской Советской Республики.
5. Версальский договор и восстановление разрушенных областей.

(Одобрение со стороны представителей Коммунистического Интернационала)".

На декларацию делегации Коминтерна отвечал Вандервельде, против которого выступил от имени Коминтерна тов. Радек.

Первая речь тов. Радека.

В нашей декларации мы не ставим никаких условий для созыва международной конференции. Мы стали на платформу приглашения, согласно взгляду $2^1/_2$ Интернационала, что речь идет о конференции действия. Мы стали на платформу, которую, как кажется, Венский Интернационал намеревается покинуть.

Мы отказываемся здесь от расчетов за прошлое. Но не из желания промолчать о том, что сказать необходимо, а по той простой причине, что мы сосредото-

чили внимание на требованиях момента, на всеобщем положении мирового пролетариата и сказали себе: в этот момент нет смысла возобновлять старые обвинения; нужно подумать о том, что мы будем делать.

Представитель II Интернационала Вандервельде счел необходимым подвести, со своей стороны, некоторый баланс. Он сделал это тем же голосом, с такими же жестами, какие мы видели в Базеле (возглас: „верно" со стороны коммунистических делегатов), когда он, как вождь Интернационала, давал клятву повести нас на борьбу против войны. На одно мгновение мы были перенесены захватывающей силой голоса Вандервельде назад к тому времени, когда мы верили в теплоту его голоса, и на одно мгновенье мы забыли, что грохот пушек покрыл этот голос. Если Вандервельде хочет, то мы подведем итоги этих 8 лет, итоги, которые, быть-может, сорвут эту конференцию, но которые будут неприятно звучать в ушах этого бывшего королевского министра Бельгии. Он забыл море слез, он забыл горы трупов, он забыл все горе всего мира. Для него этих итогов не существует. После этих итогов он приходит к нам и говорит: немножко доверия, минимум доверия, лот доверия, и если вы не отпустите мне в кредит этого доверия, тогда нам не о чем говорить. И мы говорим гражданину Вандервельде в лицо: ни на грош доверия! Мы заплатили за это доверие тем, что мы здесь стоим теперь, как враги, и должны еще искать пути к взаимному пониманию, и если вы приходите к нам со своими слащавыми фразами о доверии, мы отвечаем вам отчетливо—нет! К чему доверие? К войне? К чему доверие? К Версальскому миру, который подписали и вы, как бельгийский министр? К чему доверие, к кому доверие? Вы говорите от имени организации. Эта организация состоит не только из маленькой Бельгии. Доверие к английской оккупации, против которой Рабочая Партия боролась только на словах? Доверие ко всем тем преступлениям, о которых здесь не говорил представитель II Интернационала? Социалист-революционер Чайкин опубликовал документы о том, как английская политическая полиция распорядилась убить 26 вождей кавказского пролетари-

ата. Имена убийц опубликованы. Спросил ли гражданин Том Шоу в английском парламенте: что с преступником, с генералом Маллистоном, с генералом Томсоном? И вы говорите: доверие? И это говорит II Интернационал тогда, когда и здесь, среди его представителей, имеются члены германской социал-демократии? Мы спрашиваем: где суд всех трех интернационалов, который осудил убийц Розы Люксембург и Карла Либкнехта? (Возгласы: „правильно" со стороны коммунистов). Они были осуждены чрезвычайным судом гвардейской дивизии в Берлине, и если вы имеете смелость говорить отрицательно о русском суде, то мы заявляем вам: руки прочь, пока с них не смыта кровь Розы Люксембург, Либкнехта (бурное одобрение со стороны делегатов-коммунистов) и Левинэ, которые были убиты не бандитами, но на основе решения вашего суда в то время, когда вы (обращаясь к немецким с.-д.) входили в правительство, пользуясь доверием пролетариата, которым вы злоупотребляли. Тогда вы говорите: если это так, то чего вы хотите достигнуть этой конференцией, какой смысл делать тактические маневры? И я скажу вам в лицо, холодно и ясно, чего мы хотим.

Вы пришли на эту конференцию, потому что вы были вынуждены к этому: вы были орудием всемирной реакции, и теперь вы должны, хотите ли вы или нет, стать орудием борьбы за интересы пролетариата.

Мы садимся с вами за один стол, мы хотим за одно с вами бороться, и эта борьба решит, будет ли это, как вы говорите, маневр в интересах Коммунистического Интернационала или поток, в котором объединится рабочий класс. То, что вы будете делать, решит, что означают наши действия. Когда вы будете бороться вместе с нами, вместе с пролетариатом всех стран—не за диктатуру—этого мы вам не доверим, бороться за кусок хлеба, бороться против дальнейшего разрушения всего мира, тогда пролетариат в этой борьбе ближе сплотится, и тогда мы вас будем судить, не на основании ужасного прошлого, а на основании фактов новой действительности. Пока этих фактов нет налицо, мы с холодным сердцем приступим к этим переговорам и к

совместным действиям, с глубоким недоверием и с убеждением, что вы десятки раз в этой борьбе будете отставать.

Но мы хотим попытаться бороться совместно, не из любви к вам, а во имя неслыханной нужды дня, которая побуждает нас и которая вас принуждает, здесь, в этом зале, совещаться с теми самыми коммунистами, которых вы трактовали, как преступников.

И теперь к дальнейшим условиям гражданина Вандервельде. То, что вы услышали здесь сегодня, было со стороны II Интернационала грубым нападением, чтобы нас застращать, и Венский Интернационал, волей-неволей, с тяжелым сердцем присоединил сюда немного своего аккомпанемента. Я говорю об условиях, поставленных нам господами из II Интернационала, и я думаю, что этот ответ вам не спрятать в укромное местечко. Условия! Гражданин Вандервельде сказал: вы говорите о Версальском мире. Он боится, сказал он мимоходом, что постановка этого вопроса может помочь также Стиннесу. Немецкие рабочие не могут себе купить даже рубашку, и гражданину Вандервельде нет заботы о том, что на нужде германского народа подработал международный капитал, он боится, что станет богаче Стиннес, который, как известно, договаривается с Советроссией и, может-быть, будет финансировать Коммунистический Интернационал. (Смех среди делегатов-коммунистов). Господин Вандервельде не сказал ясно: желает ли он, как Пуанкаре, говорить о восстановлении мира, не затрагивая Версальского договора. А то что же, кроме этого, обозначают его замечания о Стиннесе? Я не обладаю достаточными дипломатическими дарованиями, чтобы это понять. (Дружный смех. Возглас: „Вы это доказали!"). Это я доказал, совершенно верно. Затем я спрашиваю: желает ли II Интернационал, чтобы вопрос о Версальском мире был поставлен в порядок дня конференции? Будет чрезвычайно интересно, когда германская социал-демократия, как член II Интернационала, окажется против того, чтобы международная конференция обсудила здесь вопрос о Версале. Вероятно, это случится в надежде на Ллойд-Джорджа.

Теперь я перехожу к остальным поставленным нам условиям. С той большой любовью, которую всегда проявляет Вандервельде к малым и угнетенным наро-

дам, даже если они обитают в стране Конго, он спрашивает нас: как хотите вы появиться на конференции, если явятся духи убитой Грузии, Украины и будут вопрошать: почему ты убил нас, Каин? Я ясно скажу гражданину Вандервельде, почему мы убили этого Банко. Что касается Украины, то она не убита, она живет, она очень сильна, она борется. И только призраки петлюровского правительства, живущие благодаря денежным впрыскиваниям польского генерального штаба и одновременно умоляющие о жизни в Париже и перед Интернационалом, лишают сна Вандервельде. Он мог бы успокоиться, Украина жива, она здорова, хотя голодает, и она будет бороться вместе с нами, не как окраинное государство, а как часть Советской федерации, за воссоздание русского и украинского народа. (Возглас: но не украинский народ!). Я думаю, что рабочие и крестьяне, которые несмотря на поддержку германского правительства, прогнали правительство Петлюры—были украинцами. (Обращаясь к крикнувшему с места): Я не знаю, был ли кричащий с места тогда членом Рады, которая с помощью генерала Гофмана выбросила нас из Украины так же, как она теперь надеется проделать то же с помощью Антанты. (Новый возглас). Что касается вопроса о Грузии, то я не знаю, что собственно беспокоит Вандервельде, то ли, что на месте Чхеидзе и Жордания в Тифлисе появился Мдивани или то, что доступ в Баку находится не в английских руках (смех). Я говорю представителям II Интернационала, в первую очередь, английским делегатам: руки прочь от Грузии! Вы не протестовали, когда грузинское правительство под прикрытием английских пушек вырезывало грузинских рабочих и крестьян. (Возражения и возгласы). Наши чекисты не талантливые литераторы. А грузинские были в лице Джугели, руководителя вашей национальной гвардии, столь непредусмотрительны, что оставили книгу. В этой книге грузинская демократия изображена так, что мы вам к ближайшей конференции эту книгу представим, чтобы вы убедились, что и грузинское государство было построено на крови и железе. И если вы спрашиваете,—и мы теперь это говорим открыто,—почему мы помогали свергнуть грузинское правительство, то мы

вам ответ дадим из документов, которые грузинское правительство так непредусмотрительно напечатало. Справка, которую министр иностранных дел Грузии дал генералу Алексееву, гласит: мы помогали белым, мы не только вместе с вами подавляли большевиков, но мы также довольствовали ваших белых офицеров и переправляли их к вам. Если конференция расположена составить небольшую комиссию для проверки подлинности этих документов, мы охотно эти документы представим.

В заключение подхожу к наиболее патетическому месту: как придете вы без социалистов-революционеров?

Как вы придете без этих прекрасных интернационалистов, которые, правда, не принадлежат ни ко II, ни к $2^1/_2$ Интернационалу, но состоят под протекторатом II и просят о приеме в $2^1/_2$? Мы имеем честь видеть в этом собрании в качестве журналиста бывшего председателя русской конституанты Чернова, и я думаю, что если вы будете расположены дискутировать с нами о социалистах-революционерах, за границей найдется достаточно социалистов-революционеров, и нет надобности, чтобы были подобраны для этой конференции именно те, которые с револьверами в руках ищут случая убивать вождей русской революции.

Позвольте мне сойти с почвы полемики и вопрос поставить так, как он есть, а он таков: мы согласно с Венским Интернационалом предложили конференцию для подготовки выступления. Мы сказали себе: действия безусловно не потребуют дебатов о спорных вопросах, о методах. Если противоречия каким-либо образом могут быть сглажены, то только путем совместной борьбы, которая построит мост между различными частями пролетариата. Если вы хотите эту конференцию действия саботировать и иметь международную конференцию для дискуссий, то мы говорим: вы даете пролетариату камни вместо хлеба. Но мы не привыкли уклоняться от дискуссий. Мы тогда засядем за это здесь на конференции, тогда мы представим вам баланс за восемь лет и потребуем его обсуждения. Мы напомним германским социал-демократам, которые кричат: руки прочь от социалистов-революционеров, что в баварских тюрьмах в течение 3 лет сидят борцы Советской респу-

блики, что в германских исправительных домах сидят рабочие за мартовское выступление. Мы спросим их, что с убийцами Дато, которого германское правительство, имеющее в своей среде их представителей, выдало испанской виселице за полмиллиона пезет для берлинской полиции, во главе которой находится социал-демократ? Далее мы спросим вас, кто убил 15.000 пролатариев в Германии? И мы посмотрим, что вы нам ответите (возглас: спросите Эберлейна). Не Эберлейн убил 15.000 рабочих, а Носке, это знает весь мир. Мы представим счет для каждой страны. Если мы грешники, то вы, дорогие присутствующие, являетесь представителями от дюжины партий, грехи которых превосходят все, что можно себе представить. Итак, резюмируя, мы говорим: мы предлагаем конференцию действия, конференцию, которая должна обсудить, что следует нам делать в тот момент, когда капитал собирается не для того, чтобы восстановить весь мир, а для того, чтобы весь свет разграбить так, чтобы капиталисты смогли укрепить свое господство. Что мы должны предпринять против безработицы, против волны локаутов со стороны капиталистов? Это наша программа. Хотите вы при этом вести дискуссию,—мы с вами, чтобы дискутировать. Но чтобы все же успокоить тонкие чувства Вандервельде, который поныне держит в тюрьме фламандских автономистов, и чувствительного Вельса, беспокоящихся о судьбе социалистов-революционеров, мы говорим: докажите нам, что вы лучшие люди, чем мы, предложите нам обмен террористов, причисленных вами к лику святых, на борцов Баварской Советской Республики и борцов мартовского выступления. (Возглас Чернова: шантаж!). Кто говорит о шантаже, тот наглец, я вам так отвечу, что вы забудете это слово. (Волнение). Мы говорим, что если вы хотите сорвать конференцию, то вы будете нести и ответственность. Хотите вы конгресса, который бы обсудил действия, — мы готовы, хотите вы конгресса, на котором одновременно будут разбираться методы пролетарской борьбы,—мы готовы и на это. Мы готовы к конференции во всякой форме. Одного мы не позволим нам предлагать: предъявления условий людьми, которым мы никаких условий не ставили, хотя девять десятых пролетариата полны величайшего недове-

рия к ним. Я говорю: если вы нам условия ставите, условия, которые должны быть выполнены прежде, чем мы явимся на конференцию, тогда вот наш ответ: мы эти предварительные условия отвергнем. Если в совместной борьбе мы друг к другу станем ближе, это выдвинет известные требования, которых нет надобности предварять. Они возникнут из совместной борьбы, и поэтому мы—за совместную борьбу.

Я повторяю: мы приняли инициативу $2^1/_2$ Интернационала, и мы обращаемся к нему с вопросом: будете ли вы придерживаться вашего предложения, с которым вы обратились в январьском воззвании, или вы берете его назад и ставите нам новые условия? Если вы делаете последнее—тогда перед нами новая ситуация, и эту ситуацию мы обсудим. Сюда мы явились на основании вашего воззвания. (Бурное одобрение со стороны делегатов-коммунистов).

С ответом на эту речь тов. Радека выступил Рамзай Макдональд, которому в свою очередь ответил тов. Радек.

Вторая речь тов. Радека.

Товарищи, мой ответ можно разделить на две части: ответ на речь товарища Рамзай Макдональда и ответ на официальное заявление II Интернационала, не вполне совпадающее с речью тов. Макдональда.

На речи Макдональда следует остановиться более подробно. Прежде всего потому, что с Макдональдом можно вести дискуссию, не рискуя выйти из себя. Бузусловная честность и искренность взглядов Макдональда позволяют нам разбирать их совершенно спокойно.

а). Интернационал не хочет бороться против Версальского мира.

Речь Макдональда была отрывком не трагедии, а трагикомедии пролетариата. Когда говорил Вандервельде, мы слышали эхо Парижа. Он сомневался, можно ли поставить Версальский мир в порядок дня, потому что это могло бы

быть полезно и Стиннесу, и мы видим из заявления II Интернационала, что он настаивает на порядке дня, указанном в пригласительном письме Венского Интернационала, и что он, таким образом, против обсуждения вопроса о Версальском мире. Будет очень интересно узнать у представителей германской социал-демократии, о которой говорят, что она также принадлежит ко II Интернационалу, заявления которой по этому вопросу мы, однако, к сожалению, не слышали, согласна ли она с тем, чтобы на конференции, которая должна заниматься вопросом о положении международного пролетариата, частью которого является и германский пролетариат, был снят с порядка дня такой маленький и ничтожный вопрос, как репарационное бремя Версальского мира.

Вельс. Мы в нашем Интернационале уже несколько раз обсуждали вопрос о Версальском мире.

Радек. В виду того, что Вельс уже несколько раз обсуждал этот вопрос, перед лицом Генуи,—я устанавливаю этот факт, — он ничего не имеет сказать. (Вельс — Это ваша логика).

С вашей логикой я бы не мог ничего начать. Ничего бы из этого не вышло. В дальнейшем же будем говорить об этом публично.

б) По следам английского империализма.

Теперь к Макдональду. Макдональд бросал нам здесь в лицо обвинения, как социалист, с той сильной убежденностью, которая характерна для него, и был при этом, — сам того не замечая,—представителем программы Ллойд-Джорджа. Все обвинения Макдональда были отзвуком лозунгов английских либералов об освобождении малых народов. И во всем мире одна Советская Россия была хищным волком, пожирающим малые народы.

Тов. Рамзай Макдональд! Прежде всего позвольте установить несколько маленьких фактов. Вы здесь говорили не как представитель Независимой Рабочей партии, членом которой вы состоите, они сидят там, за столом Венского Интернационала,—вы здесь выступали, как представитель Рабочей партии. Могу ли я вам напомнить, каким требованием обусловила английская Рабочая партия независимость

Ирландии. Она поставила условием нейтрализацию ирландского побережья, чтобы оно никогда не могло быть использовано в качестве морской базы против английского империализма. Могу ли я вам напомнить, что партия, от имени которой вы здесь выступете, высказалась по вопросу об Индии только за автономию ее, а отнюдь не за независимость. Это факты, которые мы установили не только на основании знания обстоятельств, но которые подтверждаются всеми присутствующими здесь представителями английской печати всех направлений. Но если это так, то я позволю себе сказать вам: вы за свободу, как вы ее понимаете и как ее понимает английский рабочий класс, ставший в результате четырехвековой истории английского империализма бессознательным пособником английских империалистов. Поэтому, Макдональд в своей речи, изобиловавшей теми прекрасными вещами, которые мы так часто слышали во время войны и которые составляли часть артиллерии английского империализма, просмотрел маленькое обстоятельство. Он не уразумел, о чем шла речь в вопросе об этих маленьких государствах и народах. Для него существует только Англия. Англия всегда за малые народы, если она их еще не завоевала. (Смех). На другой стороне находится другое государство, и это государство проглотило бедную невинную Грузию; были проглочены еще и другие страны. Эти окраинные государства вещь очень знакомая для нашего слуха. Когда-то по-немецки их называли „Рандштатен". Когда германский империализм, победив царскую империю, освободил „малые народы" России, эти окраинные государства, тогда Англия была против этого. Она хотела защищать Ригу для России и защищала Польшу для России. Однако, с тех пор, как царизм умер, и существует рабочая республика, английское правительство и часть английских социалистов встали на защиту окраинных государств. Конечно, товарищи, можно быть различного мнения в вопросе об окраинных государствах, но все понимают его объективное значение. Он означает, что воротами для нападения на Россию, т.-е. Ригой и Батумом, должна распоряжаться Англия. Такова сущность истории окраинных государств, которую Макдональд использовал для социалистического лозунга. Достаточно спросить Макдональда—ведь, вы были членом II Интернационала до

войны? Почему до войны, когда существовал царизм, II Интернационал никогда не требовал независимости Грузии, никогда не требовал независимости Украины? Где вы были, когда до войны принципы социализма попирались ногами?

в) Грузинская овца и большевистский волк.

Я пойду еще дальше и спрошу, знает ли Макдональд и присутствующие здесь остальные почтенные граждане историю грузинской свободы. Как вам известно, поборниками этой свободы являются теперь представители свергнутого нами меньшевистского правительства Грузии. Оно состоит из людей, из которых до октября 1917 года ни один не высказался за независимость Грузии, которые все были великорусскими патриотами. Церетелли, снявший свою фамилию со списка ораторов, чтобы позже открыть губительный огонь своей аргументации, так убежденно боролся за эту великую Россию, что участвовал в качестве министра правительства Керенского в наступлении 1917 года и единственный из всех членов Центрального Исполнительного Комитета российских советов поднял руку за смертную казнь против солдат (Слушайте! Слушайте!), так как считал это нужным для защиты великой России. Если бы сегодня выступил Мартов и обвинил нас в применении смертной казни, то я вспомнил бы, что когда вы, Церетелли, голосовали за применение смертной казни на фронте, то Мартов был среди тех, которые боролись против смертной казни. Поэтому он с моральной точки зрения имеет право сказать кое-что по этому вопросу, у вас же, г. Церетелли, и у остальных такого права нет. А вы, выступившие за независимость Грузии только теперь, когда нужно образовать фронт против рабочей республики, что вы сделали со своей независимостью? Вы пытались огнем и мечом искоренить большевиков. Я могу прочитать здесь заявление, сделанное вашим министром иностранных дел Гегечкори на общей конференции с представителями белогвардейской южно-русской армии: „мы преследовали у себя большевиков, мы дали убежище вашим белым офицерам“. Если вы сомневаетесь в этом заявлении, то мы можем вам показать собрание документов вашего правительства, попавших в наши руки после взятия Тиф-

лиса. (Возглас: „Это секретные документы"?) Да, это секретные документы.

Как, собственно, выглядела эта независимость? По приглашению грузинского правительства пришел генерал фон-Кресс, известный германский освободитель Грузии. Я понимаю трагизм вашего положения в связи с турецкими бандами. Когда вы позвали германские войска, вы говорили: мы не можем быть одни во всем мире,—и, поэтому, вы вошли в коалицию с германским правительством, поэтому, обходили публично ряды германских войск и кричали вместе с германскими офицерами ура в честь освободителей, в честь германского империализма. Потом исчезли немцы, и пришел генерал Томсон и вместе с ним гораздо более тонкая, замаскированная английская оккупация. Они оставили свои пушки и войско в Батуме. Относительно того, кто же у вас, собственно, властвовал, я могу прочесть следующее место из книги вашего партийного товарища Джугели, которая вышла с предисловием вашего министра по иностранным делам Гегечкори. „По требованию генерала Томсона, социал-демократическая партия и правительство должны снять красный флаг со здания правительства" (слушайте, слушайте), и Джугели говорит дальше, что он был против этого и прибавляет: „Моя партия отказалась от красного знамени"—он говорит это дословно,—„и я отказываюсь от... постановления моей партии". Конечно, Грузия была мала и слаба. Грузия не могла оставаться нейтральной, и руководитель вашего правительства Жордания понимал это и в одной из своих речей, которая у меня имеется, заявил следующее: „Мы не можем оставаться нейтральными, и если нам нужно выбирать между восточным фанатизмом — это означает русскую революцию—и между западной цивилизацией, то мы выскажемся за западную цивилизацию".

Конечно, западная цивилизация чрезвычайно хорошая вещь, гражданин Церетелли. Но к западной цивилизации принадлежат не только такие прекрасные вещи, как тифлисская демократия; Англия считает особенно существенной составной частью западной цивилизации также и бакинские нефтяные промыслы. Нужду в этих нефтяных промыслах очень живо проявляло не только Нефтяное общество, за которым стоял английский адмиралитет, но и английское

правительство. Вы прекрасно знаете, что вопрос о нефти имеет известное значение не только для маленькой Грузии, но и для великого русского народа и российского рабочего класса. Один из товарищей из Венского Интернационала крикнул мне: „Хороший нефтяной коммунизм!“ (возглас Абрамовича: „Совершенно верно! Нефтяной коммунизм“). Когда гражданин Абрамович введет социализм, то он введет его без нефти. (Смех). Гражданин Абрамович, вероятно, использует вулкан своего негодования и свой энтузиазм, как топливо и как двигательную силу. (Смех). Мы, бедные грешники, даже не научились еще использовать, как следует, нефть (возглас Абрамовича: „Так вы хозяйничаете“). Вы, уважаемый товарищ Абрамович, были членом партии, которая хотела ввести социализм при посредстве буржуазного правительства. Это, повидимому, было лучшим средством, чем диктатура пролетариата.

г) Значение Советской России для мирового пролетариата.

Эти вопросы можно лишь в том случае обсуждать спокойно и трезво, если задать себе вопрос: что из себя представляет мир?

Первая волна революции создала российское революционное государство. Вы говорите — это не рабочее государство. Я говорю только одно: это революционное государство: этого никто из вас отрицать не будет. Амстердамское воззвание гласит: „Если Советская Россия падет, реакционный капиталистический мир одержит крупную победу над всем международным рабочим классом“. Даже, если мы не оказались в состоянии сделать что-нибудь для проведения социализма и могли только помешать тому, чтобы это государство сделалось добычей белых, если русский народ должен превратиться в крестьянскую нацию, которая, в случае, если ее оставить в покое, будет производить хлеб, если наш друг Том Шоу не окажется в состоянии воспрепятствовать английскими канонерками блокировать европейскую революцию,— я говорю, если даже существуют только эти возможности, то и в таком случае сделать все, что необходимо для сохранения русского народа, есть долг международного пролетариата.

(Браво!). Я понимаю положение Венского Интернационала. он находится между нами и II Интернационалом, он честно хочет служить общей конференции, и он говорит, как сам господь бог, как сама справедливость, он посылает свои увещевания направо и налево—я понимаю его положение и не буду над ним иронизировать. Но если вы подойдете к этому вопросу ближе, то вам должно стать ясным: признаете вы это государство, как результат первой волны революции, понимаете ли вы его значение для дальнейшей борьбы международного пролетарита? Если да, то вы поймете это государство, его внутреннюю политику, его отношение к заграницe и изгибы его политики. Способствуем ли мы этим развитию мировой революции? В этом суть вопроса. Если же теперь приходит добрейший Рамзай Макдональд и приносит в своем чемодане жалкие теории квакеров и английских либералов, не зная, что они представляют собой скрытую форму английского империализма, то мы, хотя и не теряя уважения к нему, все же должны сказать: вы являетесь орудием английского империализма, господствующего над всем миром и сумевшего даже убедить Германию в том, что он является защитником Германии.

д) Недоверие ко II Интернационалу и единый фронт.

Товарищи, по вопросам мировоззрения мы ни на какой конференции не придем к соглашению. Пролетарии Запада в своей массе поймут нашу политику лишь тогда, если они под давлением обстоятельств сами совершат революцию и будут стоять перед неизбежными ее последствиями. Пропагандой мы вас не научим тому, что не все, что называется правом самоопределения народов, представляет собой это право, пропагандой мы не построим моста через пропасть, лежащую между нами и вами. За последний год положение в Европе стало гораздо яснее. Оказалось, что первая волна революции пока прошла, а вторая еще не пришла. Рабочий класс в данный момент ведет оборонительную борьбу. Предложенная Венским Интернационалом общая конференция должна обсуждать эти вопросы, и, поэтому, мы здесь только вкратце указали на разногласия, чтобы перейти к тому, что может нас объединить.

Я повторяю. Когда я сказал Вандервельде: недоверие, а не доверие, то я это говорил не из полемических соображений, а потому, что в начале нашей совместной работы полезно установить, как мы друг к другу относимся. Мы не доверяем партиям II Интернационала и мы не можем притворяться в том, что у нас это доверие есть. Но тем не менее мы говорим: речь идет о том, что рабочие требуют совместной борьбы, и мы говорим: давайте начнем ее.

Рамзай Макдональд обратился к нам с вопросом: хотите ли вы единого рабочего фронта, приходите ли вы с открытой душой? Это излишне спрашивать. Он должен понимать, что даже если мы хотим только лишь совершить маневр для того, чтобы расширить наши позиции, то и в таком случае мы должны быть сторонниками единого рабочего фронта. Ведь, если во время борьбы вы окажетесь неспособными вести ее, то мы укрепим наше положение. Если же вы думаете, что II Интернационал будет бороться, то, ведь, этим расстроятся наши маневры. Каким образом? Борьбой и усилением рабочего движения; и в этом случае мы опять выиграем, потому что рабочие будут лучше бороться против капитала. Вы можете о нас думать, как хотите, но не упрекайте нас в одном, в том, что мы не хотим бороться. Открытая душа состоит не в том, чтобы мы забыли хотя бы одно слово, написанное против вас, или чтобы мы поклялись не бороться против вас. Открытая душа состоит в требовании момента, которое стоит перед пролетариатом. Вопрос стоит только таким образом: объединится ли пролетариат в борьбе против всех нас, присутствующих здесь, или только против некоторых из Исполкомов. Я предпочитаю, чтобы требования момента объединили пролетариат с согласия всех партий, опирающихся на него. Если мы сможем выйти из состояния междоусобной войны рабочего класса, то никто не будет более радоваться этому, чем мы. Раскол был средством для достижения цели, а не сама цель.

е) Тактика образования ячеек в профсоюзах.

Теперь перейдем к конкретным условиям. Я устанавливаю факт: мы созываем конференцию, которая должна определить наше отношение к бедственному положению рабочего

класса и к его оборонительной борьбе. Вы не возбудили ни одного вопроса, не указали ни на одно условие этой борьбы против капитала, вы занимались тем, что ставили нам условия. Но если вы думаете, что вы можете нам ставить условия, то вы ошибаетесь. Я говорю откровенно: мы хотим попытаться притти к соглашению относительно того минимума, который окажется возможным без того, чтобы какая-либо партия ставила другой партии условия.

Я буду говорить о ваших требованиях в том порядке, в каком они выставлены. Первое относится к отказу от тактики образования ячеек. Я сначала думал, что речь идет об отказе от Моабитских или Бутырских камер. (Смех.) Но здесь речь идет о других ячейках, и так как представители именно английской партии охотно изучают документы других партий, то они считают эти ячейки каким-то опасным зверем, каким-то газом, который должен отравить II Интернационал.

Что такое тактика образования ячеек? На 2-ом Конгрессе Коммунистического Интернационала мы высказались по вопросу о профессиональных союзах. Мы высказались против всякого провоцирования раскола в профсоюзах. По этой причине произошел отход от нас части наших товарищей. Так называемые левые коммунисты вышли из Коммунистического Интернационала, главным образом потому, что они требовали раскола профсоюзов, образования новых профсоюзов. Вам же мы говорим: если бы вы потребовали от нас отказа от борьбы против реформизма, то мы ответили бы вам решительным нет. Ваша реформистская тактика довела английские профсоюзы до того, что один член английских профсоюзов пишет, что английские профсоюзы выдохлись и выдохлись духовно. Против реформизма в профсоюзах мы будем бороться, пока мы существуем. Вы говорите, что мы создаем наши ячейки для этой борьбы. Я спрашиваю членов социал-демократических партий: не выставили ли вы при выборах в германских профсоюзах отдельных списков? Это делают и товарищи из Независимой Социалистической Партии Германии.

Мы отказываемся от раскола профсоюзов не ради вас, а по той причине, что мы прекрасно знаем, что подобная тактика отразилась бы крайне вредно на силе всего рабочего класса.

Это те заявления, которые я считаю целесообразным сделать здесь по вопросу о тактике образования ячеек.

Я хочу сказать еще одно. Рамзай Макдональд—демократ, и Шоу, наверно, тоже демократ. (Возглас Тома Шоу: „Это несомненно"). „Потому что они все почтенные люди и демократы",—сказал Шекспир. (Смех.) В таком случае я вас спрошу, уважаемый товарищ Том Шоу, вы, как демократ, будете требовать, чтобы коммунисты в английских профсоюзах, являющихся демократическим рабочим учреждением, не могли бы объединиться в фракции, чтобы бороться за свои идеи. Если бы они подкладывали бомбы под профессиональную бюрократию, я бы вам сочувствовал и не стал бы требовать, чтобы они своевольничали и награждались за это II Интернационалом. Но когда речь идет о свободной идейной борьбе в профсоюзах, то по какому праву вы, демократ, требуете, чтобы в профсоюзах коммунистический рабочий был связан и не мог образовать фракции, раз он подчиняется профессиональной дисциплине, и раз он выступает солидарно в профессиональной борьбе. По какому праву вы требуете этого? Вы не сумеете на это ответить. Ваша свобода податлива, как воск, когда дело идет о том, чтобы повернуть ее против рабочих. Но на этом она сорвется.

ж) Вопрос о Грузии.

Второй вопрос, который здесь поднимался—это вопрос о назначении комиссии из представителей трех Исполкомов для исследования вопросов о Грузии и других стран, находящихся в подобных условиях с целью достижения соглашения между социалистическими партиями. С этим условием, которое, собственно, не есть условие, мы согласны. Ведь, я еще до прочтения этого условия высказался в своей речи за то, чтобы комиссия ознакомилась с имеющимися у нас документами. Но я хотел бы спросить, не идет ли при этих „подобных обстоятельствах" речь об отношении английской рабочей партии к вопросу об Египте, к вопросу об Индии. Если вы, не имевшие мужества заставить английское правительство посадить такого убийцу, как ваш генерал Дайер, на долгие годы в тюрьму, предлагаете против первого революционного государства чрезвычайные суды и чрезвычай-

ные комиссии, если вы требуете чрезвычайных законов и чрезвычайных комиссий для использования внутренних условий России, то я вам скажу: мое уважение к вам, тов. Макдональд,—я повторяю это в третий раз,—очень велико. Но не требуйте слишком многого от человеческой доверчивости и наивности.

з) Вопрос об эсерах.

Теперь перейдем к третьему требованию: к требованию освобождения заключенных, сидящих в тюрьме за политические дела, к требованию, чтобы суд над теми, которые обвиняются в уголовных преступлениях, происходил при условиях, гарантирующих права защиты и при контроле международного социализма. Мы, правда, дикие люди, но все-таки у нас обвиняемые имеют право выбрать себе защитников по своему усмотрению. Я слышал, что г. Вандервельде испытывает большое желание взять на себя защиту их перед революционным трибуналом в Москве. Я знаю, что им руководят исключительно хорошие чувства. Он был членом одного из союзных правительств в Версале, которые, несмотря на то, что мы согласились пойти на Принцевы острова, решили повести наступление на нас. Он был членом правительства, которое крикнуло России, когда она лежала обескровленная: „До конца". Он чувствует, что он сообщник эсеров, и он говорит: „Если эти бедные люди там будут осуждены, то я, хотя и не могу дать русскому правительству право посадить меня на скамью подсудимых,—так далеко не идет моя воля к самопожертвованию, но я хочу защищать подсудимых". Это тоже высокое чувство, и поскольку речь идет о делегации Коммунистического Интернационала, мы можем вам обещать, что мы с полным сочувствием будем за то, чтобы вы получили право выступать в качестве защитников. Мы поставим рядом с вами обвинителя, который от имени Коммунистического Интернационала вместе с вами будет судить о вашем прошлом и о прошлом эсеров, а также и о всем том, что побудило этих людей к покушению (Мартов замечает: „И все это называется судом"). Я спрашиваю: что такое контроль международного социализма над судом? Скажите пожалуйста, что это такое? (Мартов: „Доступ к документам".).

Если бы это было официальным мнением II Интернационала,—я не думаю, что вы хотите говорить от его имени,—то мы могли бы исполнить это, предоставив вам право вести стенограммы, сколько вам угодно, и иметь полный доступ к копиям всех документов. Что такое контроль международного социализма? Ведь, я не могу читать в тайниках души II Интернационала. Хотите ли вы установить в России Верховный суд II Интернационала или всех Интернационалов? С каких пор Россия находится под протекторатом II Интернационала? Я только слышал на одном заседании, как гражданин Вандервельде говорил, что эсеры хотя принадлежат к $2^1/_2$ Интернационалу, но ставят себя под протекторат 2 го. Но я еще никогда не слышал, чтобы Российская Коммунистическая Партия или коммунистическое правительство России просило когда-нибудь об этом протекторате и получило бы его. Товарищи, здесь II Интернационал требует известных разъяснений. У Мартова есть одна интерпретация. От членов II Интернационала я слышал другие интерпретации. Мы решили дождаться достоверного изложения этой библии, чтобы потом окончательно определить свое отношение к ней. Я еще раз повторяю, мы не принимаем никаких условий, но мы готовы сделать все возможное для облегчения созыва международного рабочего конгресса (возглас: 21 условие).—Мы никогда не осмеливались предложить вам это 21 условие. Если бы вы их даже подписали, вы не могли бы их провести. (Смех).

и) За единый фронт без условий.

В данный момент для нас дело идет не о дальнейшей полемике и об обострении положения. Для меня дело идет о том, дойдем ли мы через все эти препятствия до всеобщей конференции или нет. Тов. Бауэр предложил сегодня, чтобы эта конференция не разошлась без того, чтобы не призвать пролетариат к совместным демонстрациям против Генуэзской конференции, представляющей собой новую грабительскую политику, а не восстановление. Мы вполне поддерживаем это предложение Бауэра. Но нас все еще разделяют пропасти. И вопрос состоит в следующем: как пройти через эти пропасти. Пролетариат объединится не за

этим столом, где мы читаем декларации, упрекаем друг друга в прошлом и говорим о недоверии в будущем. Вопрос о едином фронте будет решен борьбой пролетариата, и вы можете ругать Коммунистический Интернационал, как вам угодно. (Возглас: это вы сами хорошо понимаете!). Против одного разбойника я всегда себе ставлю двух с половиною. Поэтому я не советую начать эту историю снова. Одно несомненно: это боевая воля той части пролетариата, которая стоит за Коммунистическим Интернационалом. Эти пролетарии, может быть, тысячу раз ошибались, потому что считали сроки чересчур близкими. Они всегда были там, где дело шло о борьбе за интересы рабочего класса. Поэтому мы за единый фронт пролетариата без всяких предварительных условий. (Одобрения).

V. Борьба за единый пролетарский фронт.

I.

В некоторых коммунистических партиях все еще продолжается дискуссия о пользе или вреде тактики единого пролетарского фронта. Многие товарищи все еще ломают голову над вопросом, не приведет ли эта тактика к смягчению или даже устранению глубоких противоречий, разделяющих Коммунистический Интернационал и социал-реформистские партии и организации. А между тем, произошло уже первое практическое испытание тактики единого фронта в интернациональном масштабе, и в настоящее время мы имеем возможность судить о тенденциях и последствиях этой тактики, исходя не из пустых теоретических выкладок, а из данных безжалостного опыта. Возможно такое возражение: попытка создать единый фронт потерпела неудачу, и поэтому из данного опыта нельзя сделать никаких выводов относительно опасностей, связанных с этой тактикой. Но такой аргумент был бы справедлив лишь отчасти. Мы говорим: да, попытка создать единый пролетарский фронт путем интернациональных переговоров с вождями реформистских партий окончилась безрезультатно; поэтому не выявились кой-какие тенденции, кой-какие опасности, которые выплыли бы наружу только в том случае, если бы попытка удалась; но попытка потерпела неудачу не случайно. Самый факт крушения этой попытки, прежде всего, обнаружил, в чем заключалась и заключается сущность тактики единого фронта. Почему II Интернационал саботировал первую попытку создания единого пролетарского фронта? По очень простой причине: потому что он видел, что этот единый фронт взорвет коа-

лицию с буржуазией, обострит борьбу международного рабочего класса. Почему Коммунистический Интернационал вышел из Комиссии Девяти? Потому что Коммунистический Интернационал стоит за единый фронт только тогда, когда он является средством к усилению пролетарской классовой борьбы против буржуазии. Коммунистический Интернационал вышел из Комиссии Девяти, как только обнаружилось, что II Интернационал собирается превратить ее не в орган классовой борьбы, а в средство для затушевывания противоречий и даже, пожалуй, для совершенно недопустимого давления на Коммунистический Интернационал (факт существования такого плана у II и II$^1/_2$ Интернационалов признаны ими самими). Эти факты совершенно неоспоримо свидетельствуют об одном: о полной нелепости опасений некоторых из наших товарищей, думающих, что тактика единого фронта проистекает из тенденции Коммунистического Интернационала добиваться объединения с реформистскими организациями. Относительно единого фронта мы можем сказать: либо он поведет международный рабочий класс на более интенсивную борьбу с капиталистическим миром, либо его вовсе не будет. Таков первый урок, извлеченный нами из первого нашего интернационального выступления, и этот результат должен удесятерить нашу энергию в дальнейшей борьбе за международный единый пролетарский фронт.

II.

Берлинская конференция трех Исполкомов отнюдь не могла служить благоприятной почвой для разрешения принципиальных противоречий, раздирающих международное рабочее движение. Ее недостаток кто-то весьма удачно охарактеризовал следующими словами: это было нечто большее, чем совещание представителей Исполкомов, и гораздо меньшее, чем международный рабочий конгресс. Считаясь с предполагавшимся созывом международного конгресса, стороны старались ограничить борьбу ближайшими практическими задачами. Поэтому противоречия не выступали во всей своей резкой теоретической формулировке; намеренно даже представители всех трех течений международного рабочего движения уклонялись на конференции от обсуждения разногласий общего характера. Самая горячая схватка произошла

по вопросу, который, с внешней стороны, всплыл как-будто совершенно случайно,—по вопросу о процессе эсеров. И тем не менее, противоречия столкнулись как-раз в том пункте, в котором характер наших стремлений к единому фронту и того, что называют единым фронтом наши противники, выступает наиболее ярко, наиболее резко.

Что составляет конкретный исторический фон стремлений к единому пролетарскому фронту? Благодаря чему стало возможным совместное заседание представителей трех Интернационалов, — совещание, которое еще год назад было бы отклонено не только нами, но и реформистами, не согласными сидеть за одним столом с „бунтарями, разбойниками и коммунистами"? Совещание представителей трех Исполкомов стало возможно, благодаря давлению, производимому на рабочих всех стран наступлением международного капитала. Совещание стало возможно, благодаря усилению чувства необходимости солидарных действий рабочего класса против капитализма. На этих фактах и основывался Исполком Коминтерна, устанавливая свою тактику и ограничивая свои ближайшие политические цели. Мы сказали себе: международный капитал ведет наступление на позиции рабочего класса; рабочие массы, проявлявшие до настоящего времени неспособность сплотиться под знаменем коммунизма для перехода к наступательным действиям против капиталистического мира, вынуждаются наступлением капитала к объединению для совместной обороны, для защиты угрожаемых общих, уже завоеванных позиций. Нам пришлось заняться выяснением вопроса, какие именно позиции находятся в опасности, нам пришлось обозреть все интернациональное поле брани. Что же оказалось? Мировой капитал пытается взвалить на плечи международного рабочего класса все бремя восстановления сильно поколебленного капитализма, понижая повсюду реальную заработную плату рабочих значительно ниже довоенного уровня, удлинняя рабочий день, взваливая, кроме того, еще особые тяготы на некоторые части народных масс мира; к последним принадлежат германские пролетарии, которых предполагается поборами в форме репарационных платежей довести до уровня жизни, значительно отличающегося от уровня американско-английских пролетариев, в результате чего первые стали бы

играть роль понижателей заработной платы по отношению к последним; сюда же принадлежат и рабоче-крестьянские массы России, которым предлагается в течение многих десятилетий выплачивать дань победоносному мировому капиталу, отказавшись предварительно от всех завоеваний русской революции. Завоевания эти: советская власть и национализация крупной промышленности. Если бы, под давлением иностранного капитала, советская власть отказалась от национализации, то этим самым она лишилась бы своего социального базиса, и тогда были бы ликвидированы завоевания, добытые натиском первой волны мировой революции, тогда международный рабочий класс был бы отброшен к тому исходному положению, которое он занимал до войны. Этим положением вещей и определялись те объекты, которые необходимо было отстаивать посредством единого рабочего фронта. Таким объектом был, прежде всего, уровень жизни, завоеванный пролетариатом наиболее развитых в промышленном отношении стран во время войны и в период последовавших за ней потрясений; таким объектом, далее, был германский пролетариат и весь вообще пролетариат Средней Европы, который рабочему классу всего мира необходимо было взять под свою защиту, чтобы спасти его от роли интернационального понижателя заработной платы, роли, которую навязывает ему Антанта своей политикой репараций. В такой перспективе борьба против репараций становилась уже не проявлением сердечной доброты господ Реноделей, Вандервельде и Макдональдов, а оборонительной операцией международного пролетариата против угрожающей ему в международном масштабе опасности. И вопрос об отношении к Советской России был поставлен в общей связи со всем мировым положением пролетариата. Вопрос о защите Советской России был поставлен как вопрос об отстаивании позиции, находящейся в настоящий момент в руках международного пролетариата. Из этого перечисления угрожающих опасностей сама собой вытекала линия фронта интернациональной борьбы с капиталом. Мы сказали реформистским партиям: вы утверждали, что к социализму можно прийти путем демократии, без революции. Это оказалось чистейшим вздором. До сих пор, следуя по пути демократии, вы ни на шаг не могли приблизиться к

социализму. Благодаря вашей политике, благодаря отказу от революционной борьбы, международный рабочий класс оказался отброшенным по всей линии и в настоящее время он ограничивается одной обороной. И вот, мы спрашиваем вас: хотите ли вы приостановить отступление? Согласны-ли вы отстаивать хотя бы те позиции, которые пока еще находятся в руках рабочего класса? На этот вопрос мы получили от II и II$^1/_2$ Интернационалов ответ, социальный смысл которого означал: „Назад, назад, дон Родриго! Мы хотим уступить врагу все, даже самые важные позиции, и только на этом условии мы готовы образовать общий фронт". Таков был истиный смысл тактики II и II$^1/_2$ Интернационалов, все остальное в их ответе было, как мы сейчас покажем, лишь формой.

III.

Разумеется, господа из II и II$^1/_2$ Интернационалов не сказали этого так просто и ясно. При полном отсутствии у них теоретического понимания, при их неспособности найти общую формулу, выражающую всю суть их собственных поступков, они, быть-может, и сами не продумали до конца подлинный смысл своих деклараций. Многие из них, поистине, напоминают мольеровского героя, который не подозревал, что он делает сравнения и говорит прозою. Наши предложения о совместной кампании в защиту уровня заработной платы рабочего класса и 8-часового рабочего дня они оставили без всякого ответа. Ясное дело: ни один из них не мог и не хотел открыто сознаться во всем том, что они на практике делают в этой области; никто из них не решился сказать: мы не можем бороться, мы вынуждены уступать капиталистам. Они этого не сказали, хотя, в качестве вождей Амстердамского Интернационала Профсоюзов, они изо дня в день на деле доказывают это в интернациональном масштабе. Но как только речь коснулась второго — казалось бы, само собою понятного — пункта, борьбы против репарационной политики Антанты, то сразу же обнаружилось, что в этом вопросе роформистские партии не могут сохранить даже внешнюю благопристойность. С первых же слов Вандервельде, который заявил, что рад бы помочь германским рабочим в их нужде, но опасается, как бы

борьба против Версальского мира не послужила на пользу гг. Стиннесов и им подобных, нам стало совершенно ясно, что II Интернационал решил пожертвовать интересами германского пролетариата и поэтому не может отстаивать и интересы пролетариата стран Антанты. II Интернационал представляет собою коалицию реформистских партий стран-победительниц и Германии, с участием некоторых крупных рабочих партий нейтральных стран. Преобладающее влияние капитализма стран-победительниц дает преобладающее влияние и реформистам этих стран в этой коалиции. Тогда как до войны во II Интернационале главенствующее положение занимала германская партия, представлявшая страну наиболее развитого рабочего движения,—в настоящее время руководящая роль во II Интернационале принадлежит английской Рабочей Партии (Labor Party), которая даже не называет себя социалистической: это чисто профессиональная организация, которая ни на минуту не забывает о том, что завтра или послезавтра ей придется взять на себя всю ответственность за управление Британской Империей. Поэтому вожди этой партии крайне осторожны даже в своей фразеологии. Они мечтают о „свободе“ и о прочих прекрасных вещах, но даже в настоящее время, когда их партия находится в оппозиции, они ставят условием освобождения Ирландии нейтрализацию ее берегов, для того, чтобы эта страна не была использована Америкой или Францией в качестве морской базы против Англии. Они отстаивают права Англии на Суэцкий канал, заботясь об обеспечении английскому флоту связи с Индией. Они очень часто выступают с декламациями против Версальского мира, но требуют пересмотра его лишь с согласия Франции; они не идут ни на иоту дальше Асквита, вождя английских либералов; будучи оппортунистами, они считаются при этом не только со своим собственным положением будущих министров, но и с оппортунизмом других партий, объединившихся с ними. Г-н Вандервельде в настоящее время уже не королевский министр, но, как человек, подписавшийся под Версальским договором, он, разумеется, не может открыто признать этот договор грабительским. Г-н Брантинг стоит во главе социал-демократического правительства буржуазной королевской Швеции. Если бы он выступил с лозунгом борьбы против

Версальского мира, то это могло бы иметь только тот смысл, что шведское правительство заняло самую решительную позицию против французского империализма, а этого ни за что не позволит Брантингу шведская буржуазия. Вот почему господа из II Интернационала должны были ультимативно потребовать, чтобы из программы было вычеркнуто требование борьбы против Версальского мира; германская же социал-демократия, игравшая некогда руководящую роль во II Интернационале, ни словом не возражала против этого: ведь и она, как партия, участвующая в германском правительстве, возлагает все свои надежды не на революционную ликвидацию Версальского мира, а на то, что капиталистический мир в дальнейшем все больше и больше будет приходить к убеждению, что из Германии не удастся выжать достаточного количества ценностей, если раздавить ее сразу. Таким образом, отказ от борьбы против Версальского мира означает отказ от всякой, вообще, попытки повести общим фронтом борьбу против тенденций, угрожающих в международном масштабе понизить жизненный уровень пролетариата. Этот отказ был равносилен заявлению: мы будем продолжать отступление под натиском капитала.

Но этим еще не исчерпывался ответ реформистов. Самый интересный пункт этого ответа касался вопроса об отношении к Советской России; тут реформисты заявили о своей готовности требовать от капиталистических держав признания Советской России и вместе с тем потребовали от Советского правительства, чтобы оно само покончило с собой, уступив место буржуазному правительству. Весьма характерно при этом то, что II$^1/_2$ Интернационал, который в вопросе о борьбе с наступлением капитала на Западе обнаруживал все же некоторую готовность оказать сопротивление реформистским тенденциям, в русском вопросе оказался вполне солидарным со II Интернационалом, вместе с тем беря на себя роль лакея и палача на службе у международного капитала. Характерно также замечание, сделанное бравым Рамзаем Макдональдом; оно прошло незамеченным в общем сумбуре этой конференции, а, между тем, оно заслуживает быть занесенным на скрижали истории.

„Многое изменилось,—сказал в своей речи Макдональд,—в течение последних месяцев в коммунистическом движении.

В России началось великое стратегическое отступление. Мы заранее знали, что это отступление неизбежно. Мы весьма сожалели, что коммунисты сами себя поставили в такое положение, при котором это отступление стало неизбежным. Мы читали речи Ленина. Мы основательно разобрались в них и полагали, что они могут действительно стать исходной точкой для общих действий" (протокол Междун. конференции, стр. 22).

Итак, г-н Рамзай Макдональд утверждает, что русская революция сама виновата в своем отступлении. Ответственность за то, что Советская Россия вынуждена делать уступки мировому капиталу, он возлагает вовсе не на себя и на свою братию, вовсе не на II и II$^1/_2$ Интернационалы, которые всеми силами удерживали международный рабочий класс от всякой революционной борьбы и изолировали русскую революцию. Г-н Макдональд сожалеет только, что русская революция была так глупа, что она вступила в борьбу с мировым капиталом, и он надеется, что нынешнее отступление создаст почву для соглашения между Советской Россией и Коммунистическим Интернационалом, с одной стороны, и II Интернационалом—с другой. Г-н Рамзай Макдональд по отношению к Советской России занимает такую же позицию, как г. Ллойд Джордж или г. Стиннес, который нам сказал буквально то же: „Наконец-то вы начинаете возвращаться к рассудку, так что с вами можно говорить о делах"! И подобно г. Ллойд Джорджу и г. Стиннесу, г. Рамзай Макдональд также ставит нам свои условия. При этом характерно то, что условия, выдвигаемые Макдональдом, II и II$^1/_2$ Интернационалами вполне совпадают по своей тенденции с условиями заправил европейского капитала, с тем только различием, что Макдональд и К-о формулируют их более неуклюже, более откровенно.

Уже в своем ответе на речь Макдональда я указал на то, что его заступничество за так-называемые „окраинные государства", требование „освобождения" Грузии, Украины и Азербейджана представляет собою не что иное, как английскую империалистическую окраинную политику, имеющую целью открыть мировому капиталу ворота для вторжения в Россию, отнять у Советской России ее нефтяные источники и житницы и принудить ее к капитуляции. Но на этом еще не кончаются позорные предложения II и II$^1/_2$ Интернациона-

лов. Расширяя „почву для соглашения", они требуют отмены пролетарской диктатуры во всей остальной России. Это делается очень просто: предъявляется требование о „свободе" для так называемых „социалистических партий"; о свободе агитации для эсеров, этих открытых, заклятых врагов Советской России и безусловных сторонников буржуазной демократии; о свободе агитации для эсеров и меньшевиков, открыто и совершенно недвусмысленно заявляющих, что новая политика не может ограничиться экономическими уступками буржуазии и Советское правительство обязано сделать буржуазии и политические уступки. При настоящих условиях это требование II и II$^1/_2$ Интернационалов может иметь только тот смысл, что Советское правительство должно капитулировать перед буржуазией, ибо совершенно ясно, что как только под флагом социализма начнут открыто действовать партии, ставящие себе целью возврат к капитализму и к буржуазной демократии, эти партии немедленно же станут организационным центром всех буржуазных контр-революционных тенденций. Это отлично понимают наиболее умные из представителей капиталистической реакции. С того момента, когда были окончательно раздавлены белогвардейские организации помещиков и капиталистов, с момента поражения Врангеля, Милюков высказывается за коалицию с эсерами, которых берут под свою защиту II и II$^1/_2$ Интернационалы, и которые, в свою очередь, состоят не только в фактической коалиции с Милюковым, но и в коалиции с меньшевиками. А что все высказанное нами сейчас не является только нашим истолкованием смысла требований II и II$^1/_2$ Интернационалов, а представляет собою сознательную политику всех этих господ, об этом лучше всего свидетельствует редакционная статья „Социалистического Вестника", органа меньшевиков, хладнокровно и непринужденно заявляющая, что до тех пор, пока большевизм не сделает выводов из своего нового положения в России и не займет позицию весьма умеренного социализма,—до тех пор для него нет места в едином фронте европейского пролетариата (см. № 11 от 3 июня).

IV.

Итак, ответ II и II$^1/_2$ Интернационалов можно резюмировать следующим образом: мы, II и II$^1/_2$ Интернационалы, не

можем вести даже оборонительной борьбы против наступления мирового капитала. Мы не можем бороться ни против репарационной политики союзников, ни против попытки Антанты уничтожить завоевания русской революции. Наоборот, мы считаем, что германский рабочий класс должен до тех пор изнывать под бременем репараций, пока капиталисты сами не поймут необходимости пересмотра Версальского мира. Что же касается России, то она должна перестать упорствовать в своем капризе и не настаивать на сохранении национализации промышленности; она должна заключить мир с капиталистами, ввести демократию и затем, в соответствии со своей социальной отсталостью, проводить политику умеренного социализма в роде того, который осуществляют гг. Макдональд и Гендерсон, а „Социалистический Вестник" выражается еще определеннее: он заявляет, что даже до такого умеренного социализма Россия не доросла. В едином фронте русским коммунистам отводится, собственно говоря, место на правом фланге. Такой ответ II и II$^1/_2$ Интернационалов показал, что, если мы возьмем вождей западноевропейского реформистского движения, то об едином фронте для борьбы против капитала не может быть и речи по той простой причине, что они не только не думают о борьбе, но, наоборот, в качестве лакеев мирового капитала, они требуют сдачи важнейших позиций европейского рабочего класса, ставя эту сдачу условием единого фронта.

Кому неясен был этот смысл ответа II и II$^1/_2$ Интернационалов, тот должен был понять его из поведения партий, входящих в эти две группировки, во время Генуэзской конференции, когда они нанесли удар в спину советской делегации, отстаивавшей завоевания Октябрьской революции. Некоторые партии II Интернационала,—как, например, шведская и германская социал-демократические партии,—предъявили Советской России, в интересах своей буржуазии, требования, означавшие обложение русского рабочего класса на многие десятилетия данью в пользу иностранного капитала. И шведское и германское правительства требовали в сепаратных переговорах с Советской Россией возмещения убытков пострадавшим от революции капиталистам. И только опасение, как бы Советская республика не заключила сепаратного соглашения с Антантой, побудило дипломатов германского

правительства, в котором участвует и социал-демократия, заключить мир с Советской Россией на том условии, что германские капиталисты должны будут воспользоваться всеми теми выгодами, которые выторгуют у России для своих капиталистов правительства Антанты. Но даже против добытого такою ценою возобновления дипломатических сношений с Советской Россией восставала германская социал-демократия. История не забудет того, бросающего яркий свет на все международное положение, факта, что среди тех, кто сопротивлялся простому возобновлению дипломатических сношений с Советской Россией, центральной фигурой был Эберт, бывший председатель германской социал-демократической партии, а ныне президент буржуазной Германской республики.

V.

Разрыв произошел после того, как II Интернационал открыто высказался против созыва международного рабочего конгресса до тех пор, пока III Интернационал не примет требований, выдвинутых II Интернационалом и означавших, как мы видели, не что иное, как капитуляцию Советского правительства. Поистине, недурная цена за созыв конгресса, имеющего целью создание общего пролетарского фронта против наступления капитала!

Коммунистическому Интернационалу пришлось выбирать одно из двух: либо взглянуть прямо в глаза истине, т.-е. признать, что международный единый пролетарский фронт может быть завоеван лишь против воли вождей партии II и II$^1/_2$ Интернационалов, либо взять на себя грех затушевывания ситуации и порождения иллюзий, разрешение которых является необходимой предпосылкой отстаивания подлинных интересов рабочего класса. II Интернационал надеялся на разрыв. В Англии и Голландии он находится накануне выборов в парламент, а в Германии он переживает тяжелый внутренний кризис. Он нигде не может позволить себе такой роскоши, как выступление рука-об-руку с революционными рабочими, хотя бы это был только парад, ибо этим он испортил бы свои отношения с буржуазией. А при такой напряженной ситуации, какая создалась теперь в Германии, он боится протянуть дьяволу палец, справедливо опасаясь, как бы тот не схватил всю руку.

II$^1/_2$ Интернационал очень желал бы политики затушевывания. Не только потому, что существование Комиссии Девяти придавало ему такое значение, какого эта безыдейная организация никогда не может иметь, но еще и потому, что II$^1/_2$ Интернационал рассчитывал через посредство Комиссии получить возможность давления на Коммунистический Интернационал. В упомянутой уже выше редакционной статье „Социалистического Вестника", органа меньшевиков, автор так и говорит, что Комиссия Девяти должна была быть той почвой, на которой господа из II и II$^1/_2$ Интернационалов предполагали оказывать давление на Советское правительство, чтобы добиться от него максимальных уступок в пользу мелкобуржуазных, так называемых социалистических партий в России. Они рассчитывали поймать Советское правительство на приманку постепенного приручения II Интернационала к идее общепролетарского конгресса, за что Коммунистическому Интернационалу пришлось бы в виде компенсации делать уступки меньшевикам и эсерам. Коммунистический Интернационал трезво оценил реальное положение вещей: он констатировал, что II Интернационал не желает единого фронта для борьбы, что ярче всего обнаружилось в тех преградах, которые он ставит созыву пролетарского мирового конгресса как-раз в момент концентрированного наступления капитала. На это необходимо было раскрыть глаза рабочим массам. Коммунистический Интернационал для того и ушел из Комиссии Девяти, чтобы расчистить арену для борьбы за единый пролетарский фронт.

VI.

Мы пережили уже первую фазу международной борьбы за единый фронт. Тот факт, что Коммунистический Интернационал под давлением всего международного положения в рабочем движении решился принять тактику единого фронта, отнюдь не предрешал еще вопроса, в какой именно форме придется вести борьбу за единый фронт. Когда в дебатах впервые родилась мысль о лозунге международного конгресса, то многие из товарищей были против этого лозунга: они указывали на то, что реформистские партии различных стран испытывают далеко не одинаковое давление со стороны масс, и что поэтому было бы ошибкой выбирать

международный конгресс, как путь к единому фронту. Но созыв Генуэзской конференции, ясно выразивший международный характер наступления капитала, склонил чашу весов в пользу требования о созыве мирового конгресса. Факт осуществления Берлинской конференции трех исполкомов, со своей стороны, показал, что давление рабочих масс на реформистские партии было достаточно сильно: оно помешало им отклонить без всяких разговоров предложение о совместной конференции. Однако, из поведения представителей этих партий на конференции обнаружилось, что давление это было все же слишком слабо для того, чтобы заставить их сделать хоть один шаг по пути настоящей борьбы. Таким образом, Берлинская конференция убедила нас в том, что необходимо сначала в отдельных странах повести энергичную борьбу за единый фронт, не прекращая ее до тех пор, пока, наконец, не окажется возможной попытка путем блока с реформистскими интернационалами повести всем международным фронтом рабочий класс в бой хотя бы только за его ближайшие, непосредственные интересы. Как международный фактор, сознательно сосредоточивающий все свои усилия на достижении ближайших задач, мировой пролетариат в настоящий момент не существует. Этот прискорбный факт необходимо установить с полной ясностью, ибо в нем—исходный пункт нашей дальнейшей борьбы. Борьбу эту в международном масштабе ведет пока еще один только авангард рабочего класса, Коммунистический Интернационал. Даже в борьбе за использование демократии для защиты интересов рабочего класса II и II½ Интернационалы оказались совершенно несостоятельными. Но это отнюдь не дает нам оснований падать духом. В целом ряде стран мы ведем борьбу с все возрастающей надеждой на успех, как, например, в Германии, в Чехо-Словакии и в Италии. Страх германской социал-демократии перед единым фронтом лучше всего доказывает, насколько обострилось положение в Германии. Новый удар грома, прокатившийся по всей Германии, в настоящую минуту, когда мы пишем эти строки, еще раз показывает, как ураган истории рассеивает иллюзии германского рабочего класса. Пусть социал-демократы пытаются обмануть рабочий класс, разрисовывая перед ними миражи республиканского единого фронта, объединяющего магнатов центра,

демократических банкиров и независимых рабочих: капиталисты центра и демократические биржевики сами позаботятся о том, чтобы эти иллюзии рассеялись еще с большей быстротой, чем они возникли. Тогда рабочие социал-демократы поймут, что им приходится выбирать одно из двух: либо единый пролетарский фронт, либо капитуляцию перед монархистской реакцией, направляемой не только юнкерами, но и магнатами тяжелой индустрии. В Италии Серрати дожил, наконец, до своего Дамаска. Произошло именно то, что мы предсказывали. Гг. Дарагона и Турати победили как-раз в тот день, когда Серрати порвал с Коммунистическим Интернационалом, рассчитывая на то, что ему удастся, не испытывая на себе неприятного нажима со стороны Коммунистического Интернационала, медленно, но верно пробираться вперед. В результате краха Серрати коммунистическая партия станет центром рабочего движения, если она сумеет освободиться от доктринерских пут и смело и решительно вступить в борьбу за единый пролетарский фронт. В Чехо-Словакии неотвратимо совершается великий процесс отмирания социал-демократии, а вместе с тем и процесс радикализации рабочего класса, а также и части мелкобуржуазных и крестьянских масс. И здесь коммунистическая партия объединит рабочие массы под своим знаменем.

Учитывая все это, мы должны признать, что расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала поступил совершенно правильно, выдвинув, после Берлинской конференции и неуспеха своих усилий, такой лозунг: теперь только должна начаться настоящая борьба за единый пролетарский фронт!

(Журнал „Коминтерн“ Москва 29/VI—22 г.).

VI. Ближайшие задачи Коммунистического Интернационала.

I.

Вскоре после раскола независимой социал-демократии Германии на съезде в Галле и после образования Объединенной Германской Коммунистической Партии, последняя выступила с „Открытым письмом“ к социал-демократам, независимым социал-демократам и профсоюзам, в котором предлагалось начать общую борьбу за очередные актуальные интересы рабочего класса Германии. В массах, входивших в состав Германской Коммунистической Партии, этот шаг был встречен весьма радостно. У одной части руководящих товарищей Г.К.П., а также и Интернационала он вызвал удивление. Только что мы пропагандировали откол от правых независимых, называли их предателями масс, а теперь мы предлагаем им общие выступления и притом совместно с шейдемановцами и профсоюзными вожаками, предавшими во время войны пролетариат кровавому капитализму. Не меньшее удивление вызвали требования, которые были выставлены в „Открытом письме“. Там ни одного слова не было сказано о диктатуре пролетариата, и даже актуальные требования ни в коем случае не были слишком большие, а, наоборот, они были чрезвычайно трезво и скромно формулированы: у них было написано на лбу, что они так составлены, чтобы никто не мог сказать, что речь идет здесь только об агитационных лозунгах. Удивление части руководящих товарищей имело свои исторические основания, но одобрение коммунистических рабочих Германии показало, что линия взята была правильная.

Недовольство было основано на том, что здесь, исходя из данной ситуации—этот шаг был сделан в январе 1921 г.,— в виду предстоявших крупных экономических битв начата

была тактическая линия, как-будто находившаяся в противоречии с прежними, во всяком случае новая. С другой стороны, однако, коммунистам у станка казалось, что они благодаря этой тактике получат возможность начать среди своих товарищей по работе свежую успешную агитацию. Они чувствовали, что раскол в Галле необходим, так как они были убеждены, что Диттманы, Криспины и Гильфердинги революционными фразами скрывали свое желание уклониться от революционной борьбы. Но одновременно они чувствовали, что этот раскол создал глубокую пропасть между ними и не только их бывшими товарищами по партии, но и широкими массами пролетариата. Эти пролетарские массы видят, как капитал всюду переходит в наступление против рабочего класса, и всякий раскол воспринимают, как удар кинжалом в спину; они воспринимают его как разпробление сил пролетариата. Как же должны были коммунистические рабочие побороть это отчуждение? Доказывая некоммунистическим рабочим необходимость борьбы за диктатуру? Но ведь некоммунистические рабочие потому именно и остались в рядах социал-демократии, что надеялись и прежними средствами добиться дальнейших успехов. Единственное средство найти доступ к этим массам состояло в том, чтобы сблизиться с ними на почве их злободневных нужд, поддержать их в борьбе за очередные требования, которые эти массы считают совершенно необходимыми. Но, если Германская Коммунистическая Партия взяла на себя обязанность быть авангардом в борьбе за повседневные требования, то этим самым образовалась почва для единения с рабочей массой и возможность показать рабочей массе гораздо более наглядно необходимость борьбы за диктатуру. Когда рабочая масса при нынешней разрухе капитализма начнет борьбу за повышение заработной платы, то в этой практической борьбе обнаружится не только одно противоречие интересов между пролетариатом и буржуазной демократией, но и необходимость глубоких коренных экономических переходных требований, как, напр., требования контроля над производством. И если бы подобная кампания была проведена, то социал-демократические и профсоюзные вожаки были бы вынуждены либо пойти влево под давлением масс, либо обнаружить свою беспомощность не в во-

просе „диктатура или демократия“, который они все еще сумеют запутать, так как рабочие массы еще не изжили окончательно демократических иллюзий, а в вопросе о рабочем дне и о хлебе, т.-е. в вопросах гораздо более ясных для рабочих.

Борьба, немедленно начатая в самой яростной форме социал-демократами и профсоюзными вожаками против новой тактики, показывает, насколько правильна эта тактика. То обстоятельство, что Германская Коммунистическая Партия формально отступила на один шаг назад, не третируя сразу социал-демократических и профсоюзных лидеров, как предателей, а предлагая им общий боевой фронт, и что Германская Коммунистическая Партия предложила вступить в борьбу не за осуществление своих конечных целей, а за очередные задачи, близкие всем рабочим без различия партий,—это обстоятельство не ослабило притока новых членов в Германскую Коммунистическую Партию, но, наоборот, усилила его. Социал-демократы отразили первый натиск. Но Германская Коммунистическая Партия благодаря ему усилила и расширила свой базис в профсоюзах, и она опять почувствовала дуновение благоприятного ветра. Даже ошибки, совершенные ею в мартовском выступлении, и нанесенный ими ей вред она преодолела как раз посредством методов „Открытого письма“. И не подлежит ни малейшему сомнению, что кампания за общий рабочий фронт, которую она проводит, в виду большого кризиса, переживаемого Германией, сделает ее великой силой в рядах германского рабочего класса. Яростное контр-наступление, к которому перешли социал-демократы и независимые при поддержке всей буржуазной печати и которую они ведут против Германской Коммунистической Партии, опираясь на ошибки, действительно ею совершенные во время мартовского выступления, или мнимые, это контр-наступление показывает, что они прекрасно понимают, что Коммунистическая Партия в новой тактике имеет в руках могучее орудие против них.

II.

Тактика общего рабочего фронта, как и всякий тактический поворот значительной партии, возникла не в результате доктринерских расчетов отдельных людей. Она не была

изобретена, а найдена после того, как она была предложена Г.К.П. на собрании представителей всех районов; при этом обнаружилось, что целый ряд провинциальных организаций партии уже раньше вступил на этот путь; так, напр., коммунисты Рейнской области и Вестфалии и Штуттгарта. Тактика их базировалась на практических потребностях германского движения.

Вскоре оказалось, что новая тактика отвечает также потребностям в других странах. Шведская Коммунистическая Партия применила ее, и даже наши итальянские товарищи, которые, в виду того, что они только что отказались от Социалистической Партии, находились в самых враждебных отношениях с Серрати, предложили итальянской партии производить общие сборы для оказания помощи голодающим в Советской России. Но если они могут стремиться установить общий фронт с Социалистической Партией для оказания помощи русскому пролетариату, то почему бы им не попытаться создать общий фронт для борьбы против фашистских бандитов? Серрати и его лидерская клика не более надежны в их отношении к России, чем в вопросе о борьбе с фашистами. В том и другом вопросе Коммунистическая Партия выигрывает, как в случае, если удастся поймать Социалистическую Партию на слове и заставить ее вступить в борьбу, так и в том случае, если Социалистическая Партия сбросит с себя маску в связи с практическим вопросом, ясным для рабочих масс, и обнаружит различие между своими словами и своими делами. А как обстоит дело в Швеции? В рядах буржуазии раскол, и она не в состоянии образовать какое-либо буржуазное правительство, несмотря на то, что она получила большинство голосов на выборах. Социал-демократия хотела образовать коалиционное правительство с либералами. Но либералы отклонили и это предложение. Социал-демократия в качестве сильнейшей партии в государстве вынуждена была взять на себя управление страной, но она не в состоянии будет удержать его в своих руках, если Шведская Коммунистическая Партия откажется от поддержки ее в парламенте. Шведская Коммунистическая Партия получила только седьмую часть голосов, доставшихся социал-демократам. Огромное большинство организованных рабочих находится в лагере Брантинга.

Если Шведская Коммунистическая Партия поможет буржуазии свергнуть Брантинга, то шведский рабочий класс будет лишен возможности иметь опыт с правительством Брантинга. Процесс изживания иллюзий замедляется; даже, наоборот, социал-демократические рабочие будут тогда упрекать коммунистов в том, что они их лишили возможности получить облегчение из тяжелого положения, которое могло бы им дать социал-демократическое правительство. Но, если Коммунистическая Партия будет поддерживать правительство Брантинга до тех пор, пока последнее само не разочарует в себе рабочих благодаря компромиссам с буржуазией, то влияние коммунистов будет расти.

В целом ряде стран тактика борьбы за общий фронт рабочего класса оказалась необходимой. Но если она полезна для коммунистов в рамках отдельных государств, то она допустима также и в интернациональном масштабе. Вопрос лишь в том, полезна ли она также и в интернациональном масштабе. Коммунистический Интернационал и Красный Интернационал Профсоюзов обратились к Амстердамскому Интернационалу Профсоюзов с предложением совместно организовать оказание помощи голодающим в Советской России. И разве мы потеряли что-либо оттого, что амстердамские господа отклонили это предложение? Нет. Они своим отказом раскрыли только, чего стоят их выкрики о пролетарской солидарности. Потеряем ли мы что-либо, если мы им предложим выступить совместно против новых опастностей войны, раскрытых Вашингтоном? Пусть они отклонят это предложение. Тогда рабочие всех стран скажут: амстердамцы—лакеи международного империализма и именно аммуниционной промышленности. Они кричат: „Больше никогда не должно быть войны“, но, когда речь заходит об общих демонстрациях пролетариата, то они залезают в свои норы. А если мы им предложим бороться совместно против опасности оккупации Рурской области французскими империалистами, против опасности полного порабощения Германии, которая превратила бы германский пролетариат в понижателя заработной платы международного пролетариата? И если мы им предложим совместно демонстрировать в пользу признания Советской России и предоставления ей займа в целях восстановления русского

хозяйства, без которого экономический кризис, а вместе с тем и безработица во всех странах лишь увеличится? Если они отклонят все эти предложения, то рабочие всех стран увидят, что Амстердамский Интернационал Профсоюзов, а также 2 и $2^1/_2$ Интернационалы плюют на их насущные интересы, что они хотят увековечить раскол в среде рабочего класса в национальном и интернациональном маштабе, что они добровольно заключают коалицию с буржуазией не потому, как они до сих пор это объясняли, что раскол в среде пролетариата делает невозможным произвести объединенное давление на буржуазию и посадить в разных странах, как Германия, Англия, Швеция, рабочее правительство на место буржуазного, а потому, что они стремятся к союзу с буржуазией. Если же представители 2 и $2^1/_2$ Интернационалов, а также Амстердамского Интернационала Профсоюзов примут наши предложения, то мы, опираясь на рабочие массы, попытаемся толкать их шаг за шагом вперед, и их половинчатость в каждом отдельном случае будет обращаться против них.

Новая тактика предоставляет такие неописуемые выгоды, она открывает перед международным коммунизмом такие благоприятные перспективы для классовой борьбы пролетариата, что она, несомненно, станет общим достоянием всех коммунистических партий. Но если это так, то в ее основании должны лежать общие изменения в международной ситуации. Мы говорим изменения, потому что ясно, что в 1918—1920 гг. мы боролись при помощи других методов. Мы тогда не только в общем не предлагали социал-демократическим партиям совместных выступлений,—хотя в отдельных случаях мы и тогда так поступали,—но мы всеми средствами старались их расколоть. Раньше мы больше выдвигали на первый план общие лозунги диктатуры советского правительства, в то время, как теперь мы, не изменяя чего бы то ни было в наших общих требованиях, выдвигаем на первый план конкретные переходные требования. В чем же состоят их изменения, какова их сущность? На этот вопрос следует дать ответ, если мы хотим понять новое в нашей тактике и применить ее правильно.

III.

Тов. Троцкий назвал свои доклады о международном хозяйственном положении и задачах Коммунистического Интернационала, прочитанные им до и после 3-го Конгресса Коминтерна, „Новый Этап". В чем же состоит, по его мнению, новый этап? Он состоит в том, что во время войны и в первое время после ее окончания, во время демобилизационного периода, который продолжался приблизительно до заключения Версальского мира, существовала возможность, несмотря на слабость коммунистических партий, свергнуть буржуазные капиталистические правительства. Возвращающаяся обратно с войны вооруженная рабочая масса была преисполнена стремлением добиться лучших условий жизни, и капиталистический государственный аппарат был настолько потрясен, что он мог бы под натиском рабочих масс рухнуть, даже если бы пролетариат не поставил своей непосредственной целью захват власти. Демобилизационный кризис был преодолен буржуазией, с одной стороны, благодаря тому факту, что социал-демократия и профсоюзная бюрократия повсюду приходила ей на помощь, с другой стороны, благодаря преходящей после-военной конъюнктуре, продолжавшейся до лета 1920 г., и имевшей своим источником колоссальную потребность в товарах всего изголодавшегося за время войны мира. Преодоление демобилизационного кризиса ставило новый общий натиск рабочего класса в зависимость от дальнейшего прогрессирующего разложения мирового хозяйства, от дальнейшего обострения не разрешенных в Версале мировых политических противоречий и от постепенного исчезновения иллюзий, порожденных демократическими переворотами 1918 г., и конъюнктурой 1918-20 г. г. Новый этап состоял в том, что со средины 1919 г. приходилось уже рассчитывать не на международный взрыв в более или менее близком будущем, а на медленное новое назревание мировой революции. Эту точку зрения мы защищали с осени 1919 г., со времени письма к гейдельбергскому пролетариату в сентябре 1919 г.

Тот взгляд, что мировая революция—это долгий процесс, не мог сразу стать общим достоянием всех коммунистов, потому что катастрофическое положение вещей в Средней

Европе, победоносная вооруженная борьба Советской России против Антанты очень часто затемняли общие перспективы, общую мировую ситуацию. События вроде капповского путча весною 1920 г. и победы Советской России над Польшей должны были как-будто придать гораздо более быстрый темп революционному процессу. Подобные события возможны также и теперь, ибо положение вещей в Средней Европе представляет собою вулкан, и Советская Россия на почве новой экономической политики станет более сильным фактором в качестве могущественной державы. Но подобные события, хотя и ускорили бы темп развития, вместе с тем не уничтожили бы общий характер нынешнего этапа, который состоит в том, что в мировом масштабе победа пролетариата будет результатом ряда затяжных битв в самых разнообразных формах. Этот взгляд стал в конце концов общим для всего Коммунистического Интернационала, и он находит себе выражение в понятии „Новый этап".

Из этого взгляда вытекает целый ряд тактических и стратегических последствий. Первое следствие: очередная задача Коммунистического Интернационала состоит, в общем, не в генеральном штурме, а в создании армии для генерального штурма, в ее обучении и в упражнении в искусстве маневрировать ею, что ни в коем случае не исключает возможности того, что в отдельных странах за ночь ситуация настолько изменится, что дело дойдет до генеральных сражений. Таким образом, при новой тактике первая задача состояла в том, чтобы создать партии, которые сознательно вели бы коммунистическую агитацию и пропаганду, по возможности углубляли бы каждое частичное выступление пролетариата, придавали бы ему общий характер и превращали бы его в революционное выступление. Эта цель могла быть достигнута частью путем откола небольших коммунистических групп, которые в процессе борьбы приобретали бы приверженцев из рядов рабочих масс, частью же посредством ведения работы внутри социал-демократических партий, которая должна была бы повести к их завоеванию или расколу. Коммунистические партии были созданы первым или вторым путем, в зависимости от ситуации в различных странах. Им предстояло самим прежде всего усвоить главные идеи коммунизма и популяризировать их среди масс: идею гражданской войны,

идею диктатуры пролетариата и идею советской власти. Из этого получилось, что, несмотря на то, что изменение ситуации с середины 1919 года требовало уже перехода к конкретной агитации на почве неотложных переходных лозунгов, коммунистические партии приступали к этим задачам весьма медлительно, несистематически. Часть коммунистов видела в этих лозунгах ненужное разбавление нашей агитации водой. К этому присоединился еще тот факт, что каждое обострение мировой ситуации пробуждало в молодых коммунистических элементах надежду на внезапный переворот, на скорую победу. Эта надежда питала путчистские тенденции, стремления обойтись без длительной работы для завоевания масс и попытаться достигнуть конечной победы с помощью революционного меньшинства.

2-й Конгресс Коммунистического Интернационала совершил главную работу в установлении новой тактики Коммунистической Партии для нового этапа и поставленных им задач, несмотря на то, что сущность этого нового этапа не проявилась тогда еще так ясно, как теперь. 2-й Конгресс обязал Партии Коммунистического Интернационала вести борьбу за завоевания рабочих масс на почве массовых организаций пролетариата. Он обязал их в этих целях исходить из очередных потребностей пролетариата. Он рекомендовал им употреблять для выполнения наших задач все легальные средства, которые нам предоставляет еще буржуазная демократия (так, например, парламентаризм), и одновременно усилить их действие путем создания нелегальных организаций. В сильно оклеветанных 21 условии он провел границу между коммунистическими партиями и теми партиями, которые хотят казаться коммунистическими для того, чтобы в действительности саботировать работу коммунизма. Тезисы о роли партии явились венцом работы 2-го Конгресса; сущность их можно передать вкратце в следующих словах: создание коммунистических партий для ведения работы по подготовке мировой революции, ограничение этих партий от путанных полукоммунистических, полусиндикалистских элементов, с одной стороны, и полуцентристских партий, с другой, и работа укрепленных, таким образом, политически и организационно партий в пролетарских массах на почве их повседневных потребностей.

Работа 2-го Конгресса и ее дальнейшие результаты в Германии, Италии и Франции—раскол в Галле и Туре, раскол в Ливорно—создали предварительные предпосылки для очередной работы. Так были созданы коммунистические партии.

Теперь коммунистическим партиям предстояло выполнить следующую задачу: начать борьбу за завоевание большинства пролетариата. Эта борьба не может, конечно, состоять в том, чтобы подобно попугаям без конца повторять лозунги диктатуры пролетариата, лозунг советского правительства: коммунистические партии обязаны принять участие во всех битвах пролетариата, при этом шаг за шагом растолковывать пролетариату переживаемый им опыт, пытаться все более расширять его боевой фронт и ставить ему все более высокие цели для достижения. Таким путем политика коммунистов тесно связывается с практической борьбой пролетариата и его очередными требованиями. Из этого уже следует, что эти требования очень часто могут быть также требованиями и других опирающихся на пролетариат партий, от которых мы в вопросах революции отделены пропастью. Однако, сущность так называемых реформистских партий в эпоху социальной революции состоит не только в том, что их целью там, где свержение капитализма есть реальная, поставленная историей задача, являются реформы; сущность этих партий состоит не в их реформистском утопизме, но в том, что они сами не принимают всерьез своей утопии, что они ни в коем случае не согласны серьезно бороться даже за реформы. Противоречие между коммунистической партией и реформистской состоит, таким образом, не только в вопросах, связанных с конечной целью, не в вопросе „реформа или революция“, а в том, что вожаки реформистских партий вообще не склонны сражаться. Внешнее сближение с этими партиями в практической борьбе за ближайшие цели никоим образом, поскольку идет речь о социал-демократических вожаках, не приведет к действительному сближению. Иначе обстоит дело с рабочими массами, входящими в состав социал-демократических и профсоюзных организаций. Они полны реформистских иллюзий, они боятся революционной борьбы, но они принуждены бороться за улучшение их все ухудшающегося положения. И эта борьба ведет к капиталистическому распаду, за рамки реформ, она ведет к борьбе за власть.

Рабочие массы, которые начинают эту борьбу, будучи исполненными реформистских иллюзий, с дальнейшим развитием этой борьбы полевеют. Может, конечно, случиться, что под давлением обстоятельств, а также левеющих масс, также и лидеры социал-демократии будут вынуждены пойти влево, не исключена возможность, что более честные ее элементы убедятся в том, что реформизм означает отказ от всякой борьбы. Совместная борьба социал-демократических и коммунистических партий за очередные интересы рабочего класса может привести к расколам в социал-демократических партиях, она может при известных обстоятельствах привести к их переходу на коммунистическую точку зрения. Весьма возможно также, что в странах, где коммунистические партии до захвата власти социал-демократами не смогут привлечь на свою сторону большинство рабочего класса, в этих странах лишь опыт с социал-демократическими правительствами убедит большинство пролетариата в необходимости ведения коммунистической политики.

Эти вопросы были поставлены развитием событий в Германии после 2-го Конгресса Коммунистического Интернационала, и партия разрешила их тем, что начала борьбу за единый фронт. Эта тактика поставила на очередь дня второй вопрос, вопрос о лозунгах частичных кампаний. Было ясно, что частичные схватки вспыхивают благодаря предъявлению борющимся пролетариатом частичных требований к буржуазному обществу. Что должны были представлять собой эти лозунги? Должны ли они представлять собой программу реформ, которые мы хотим осуществить на почве капиталистического общества или они должны составить боевую программу, целью которой является разложение капитализма и усиление мощи рабочего класса? Дать ответ на этот вопрос легко. Мы, коммунисты, можем выставить лишь программу борьбы против капитализма, а не программу реформирования его. Наши лозунги должны толкать дальше через самих себя, все к высшим целям. При их выставлении мы не должны считаться с тем, совместимы ли они с интересами имущих классов, а с тем, соответствуют ли они интересам пролетариата, уровню его сознательности и воли к борьбе. Объективно лозунги приобретают это значение благодаря кризису, переживаемому мировым капитализмом. Даже самые

скромные требования, которые должны создать для рабочего класса человеческие условия существования, даже они угрожают нынешнему капиталистическому общественному строю. Утопизм реформизма состоит именно в том, что самые скромные реформы оказываются неосуществимыми в рамках разлагающегося капиталистического общества. Оно может быть восстановлено лишь на костях миллионов рабочих. Если рабочий класс хочет жить, то капитализм должен умереть.

Таким образом, новые вопросы, положенные развитием коммунизма в основу нового этапа—борьба за завоевание большинства пролетариата—могут получить свое разрешение не исключительно путем дальнейшего раскалывания социал-демократических партий, но и путем создания единого боевого фронта с ними, не только путем пропагандирования одних конечных целей, но и путем борьбы за очередные переходные требования.

Но развитие коммунистических партий, как и вообще классовой борьбы, совершается не по одному придуманному шаблону, но так, что они приступают к решению новых задач лишь после того, как они выполнили старые задачи до конца. Та самая партия, которая благодаря своему практическому опыту выдвинула перед Интернационалом новые тактические задачи, задачи создания единого фронта пролетариата в борьбе за переходные требования, эта самая партия совершила в марте текущего года ряд ошибок, которые вновь поставили старые тактические вопросы. Ошибки, совершенные Объединенной Германской Коммунистической Партией, состоят в том, что партия—теоретически стоявшая с осени 1919 г., со времени гейдельбергского партейтага на той точке зрения, что мы вступили в новый этап, в течение которого завоевание политической власти не является непосредственной, уже назревшей задачей,—одновременно повела навязанный ей частичный бой путем применения средств конечного боя, перешла к вооруженному восстанию там, где ситуация в лучшем случае допускала применение массовой стачки. Эта ошибка имела свою историческую причину. Отколовшиеся от независимой социал-демократии рабочие массы хотели сами убедиться в том, что они действительно стали на коммунистический путь. Они стремились к

выступлению. В то время, как члены Спартаковского союза в борьбе с Германской Коммунистической Рабочей Партией изжили иллюзии, будто в Германии меньшинство может захватить власть, массы рабочих, примыкавших раньше к левым независимым социал-демократам, не прошли этой школы внутренней борьбы. Они могли освободиться от путчистских идей лишь в результате собственного опыта. После того как Германская Коммунистическая Партия вступила как незначительное меньшинство в вооруженную борьбу, ее наиболее пылкие элементы пытались избежать неизбежного поражения—посредством ряда актов террористического характера, которые должны были оттолкнуть рабочие массы от партии. Все эти ошибки в оценке положения, в оценке границ свободы действия меньшинства послужили основой для построения теории наступления, базисом которой стала идея общей повышающейся линии революции и идея о решающей роли революционного меньшинства, которое своим примером втягивает большинство в борьбу и ведет его к победе. Вследствие этих ошибок, экстренно созванный 3-й конгресс Коммунистического Интернационала был поставлен перед задачей в первую очередь высказаться по поводу совершенных ошибок и подтвердить всем коммунистическим партиям, что их ближайшая задача состоит в борьбе за завоевания большинства пролетариата. Конгресс подверг рассмотрению условия, в которых будет происходить эта борьба, заявив следующее:

„В виду того, что в Западной Европе и Америке рабочие массы организованы в профсоюзах и политических партиях, и там поэтому приходится пока рассчитывать на стихийность движения лишь в очень редких случаях, коммунистические партии обязаны попытаться путем использования своего влияния в профсоюзах, путем увеличения давления на другие опирающиеся на рабочие массы партии стремиться к тому, чтобы совместно развернуть борьбу за ближайшие интересы пролетариата; при этом в том случае, если некоммунистические партии окажутся вынужденными принять участие в этой борьбе, то задача коммунистов будет состоять в том, чтобы подготовить следующую стадию борьбы, возможно более обострить ситуацию и толкать массы далее, чтобы иметь возможность в случае нужды вести дальше борьбу самостоятельно (ср. „Открытое письмо“ Объед. Герм. Ком.

Партии, могущее служить исходным пунктом для выступлений). Если же давление коммунистической партии в профсоюзах и печати окажется недостаточным для того, чтобы привести пролетариат к созданию единого фронта в борьбе, то коммунистическая партия обязана попытаться самостоятельно повести в борьбу большие части рабочих масс".

Конгресс выяснил также свою позицию в вопросе о значении переходных требований, которые он принципиально охарактеризовал совершенно правильно. Но в виду того, что внимание конгресса в первую очередь было направлено на ошибки и уроки мартовского выступления, конгресс не принял конкретных решений по вопросу о международных выступлениях, опирающихся на почву тактики „Открытого письма", а также не пытался детально обсудить вопрос о наших переходных лозунгах. Таким образом, можно было вопросы об этих переходных требованиях, как они, напр., всплывали при обсуждениях Герм. Ком. Партией вопросов о налогах, рассматривать как новые вопросы, как, например, вопрос о возможных наших совместных выступлениях с Амстердамским Интернационалом, 2-м и $2^1/_2$ Интернационалами, который некоторым товарищам кажется теперь новым вопросом. В действительности речь идет лишь о конкретных выводах из тезисов 3-го конгресса.

IV.

Новый этап, в котором находится коммунистическое движение, продолжается уже со средины 1919 г. Задача, перед которой нас поставил этот новый этап, была шаг за шагом разрешена в той форме, в какой мы практически были поставлены перед ней, т.-е. в зависимости от конкретных, часто противоречивых и хаотически всплывающих событий. Эти новые задачи не только не противоречат старым, борьбе за диктатуру пролетариата и советскую власть, но они устанавливают единственно возможный путь к этой цели в конкретной ситуации, как она развивается после окончания демобилизационного кризиса. Этот путь во многих отношениях иной, чем мы предполагали на основании опыта русской революции. Русская революция вспыхнула во время войны, которая в кратчайшее время до крайности обострила все противоречия и свела период превращения буржуазной

революции в пролетарскую, к периоду времени от марта до ноября. Слабость русской буржуазии обусловила слабость реформизма, который вкоренился в пролетарских массах лишь в странах старого буржуазно-демократического развития. Так же быстро, как мы смогли свергнуть русскую буржуазию, мы смогли победить и русский реформизм — меньшевизм. Путь европейской революции и тем более мировой революции гораздо длиннее, победа над буржуазией труднее, и тем самым и победа над реформистской идеологией и реформистскими организациями пролетариата. Борьба требует поэтому методов, которые русской революцией не применялись. Принципиально это было признано нами уже очень давно (см. мою появившуюся в ноябре 1919 г. брошюру „Развитие Германской революции и задачи Коммунистической Партии“ или брошюру Ленина „о детской болезни левизны“, появившуюся весной 1920 г.). Но новые методы борьбы могут быть найдены практически, а не теоретически. Они вытекают из конкретной ситуации в отдельных странах, после чего они тогда лишь могут быть сознательно продуманы и выражены в общеприменимой форме Коммунистическим Интернационалом. Теоретики $2^1/_2$ Интернационала, со одной стороны, сбитые с толку левые коммунисты, с другой, видят в этих новых методах оппортунистическое перерождение Коммунистического Интернационала. Охотно представим героям $2^1/_2$ Интернационала их иллюзии. Мы будем очень довольны, если, исходя из этой оценки эволюции Коммунистического Интернационала, господа социал-демократы и профсоюзные вожаки решатся бороться с нами рука-об-руку за ближайшие требования. Практика покажет, что этот новый этап поведет к следующему—к борьбе международного пролетариата за власть, к борьбе, которая становится все необходимее, если пролетариат не хочет попасть в полное рабство. Нынешний этап представляет собой этап подготовки великих будущих боев.

VII. К вопросу о программе Коммунистического Интернационала.

(Предварительные замечания).

1. Возможна ли и необходима ли программа Коминтерна?

У Коминтерна до сих пор нет писанной программы, т.-е. формулировки общего его понимания движущих сил развития от капитализма к коммунизму, равно как и того пути, каким сам он намерен итти, хотя в целом ряде отдельных резолюций Коминтерн довольно выпукло очертил свою точку зрения. Достаточно вспомнить тезисы Ленина на I Конгрессе Коминтерна о демократии и диктатуре, тезисы II Конгресса о парламентаризме, о профсоюзах и о роли партии, тезисы III Конгресса о тактике. Итак, поскольку речь идет об общем понимании переходного периода от капитализма к коммунизму, нам предстоит лишь работа по сводке воедино разрозненного материала. Такая работа необходима и должна быть проделана. Да она и не представляет никаких трудностей, так как общие вопросы, связанные с эпохой социальной революции, не вызывают в наших рядах ни малейших разногласий.

Но этим будет выполнена лишь самая легкая часть задачи. Все коммунистические партии убедились на опыте, что одними общими взглядами на характер переживаемой эпохи им невозможно обойтись ни в их агитационно-пропагандистской работе, ни в их политической борьбе. Эпоха социальной революции, которая, в мировом масштабе, будет длиться, вероятно, десятилетия, не позволяет, уже в силу самой этой деятельности, обходиться общими взгля-

дами на развитие, она ставит коммунистические партии перед рядом определенных вопросов, разрешавшихся ими до сих пор так, как это подсказывалось наличной обстановкой; мы говорим о вопросах хозяйственных и политических, каковы вопросы об отношении к защите буржуазной демократии, об отношении к налоговой и хозяйственной политике буржуазии, об отношении к международной политике капитализма (например, разногласия между французской и германской партиями в вопросе о возмещениях, вопрос о внешней политике Советской России и др.). За всеми этими вопросами стоит вопрос о своеобразном характере нынешнего этапа развития мировой революции, вопрос, следует ли нам выдвигать переходные требования, и при том не такие, которые являлись бы, подобно старой программе спартаковцев, только конкретизацей диктатуры пролетариата, но требования, способные вовлечь рабочий класс в борьбу, на той стадии, которая, лишь по мере своего углубления и обобщения, превратится в борьбу за диктатуру. Возможно ли нам разрешить эти вопросы в пригодном для всех стран виде, или же различие условий делает это невозможным?

Не подлежит ни малейшему сомнению, что при всей одинаковости общего направления мирового развития—одинаковости, облегчающей намечение общего пути от капитализма к коммунизму—развитие это в различных странах пробивает себе дорогу все же в различных условиях. Отдельные страны находятся на различных ступенях развития социальной революции, отсюда и различие задач, встающих перед соответствующими компартиями; задачи английской компартии не те, что задачи германской, французской, балканских компартий. Сама собою ясна невозможность выдвинуть для всех этих стран совершенно одинаковые во всех частностях боевые лозунги, сделать, при всех условиях, одни и те же требования рычагом мобилизации пролетариата. Но, по существу, вопросы, встающие перед компартиями всех стран,—одни и те же. Вопросы эти следующие:

1. Можно ли нам предъявлять к буржуазным правительствам такие переходные требования, которые не соот-

ветствуют тому, что бы мы проводили, если бы власть очутилась в наших руках?

2. Как следует нам относиться к вопросам государственного капитализма, — все равно, всплывают ли последние в связи с монополистическими стремлениями капиталистических объединений, или же в связи с нашей оборонительной борьбой против новых налогов (лозунг реального обложения в Германии), или же, наконец, в связи с нашей борьбой против понижения заработной платы (требование установления единого—в общегосударственном масштабе—треста в горном деле в Англии, в качестве противовеса стремлению угольных вельмож понижать зарплату в соответствии с прибыльностью отдельных шахт)?

3. Какую позицию следует нам занимать перед лицом наступающей реакции? Здесь встает вопрос о коалиции. Мы отклоняем союз с крупной буржуазией. Но отклоняем ли мы также союз и с средним крестьянством, хотя бы оно и боролось против городской буржуазии (Болгария)? Сюда же относятся и вопросы о едином фронте,—т. е. с политической стороны дела—вопрос о союзе с социал-демократическими профсоюзами и соц.-дем. партией и вопрос о рабочем правительстве. Можно было бы перечислить еще целый ряд подобных вопросов—например, стоящий совершенно различно в различных странах вопрос военный.

Все эти вопросы выдвигают один общий вопрос: следует ли выставить на-ряду с хозяйственными переходными лозунгами—каков государственный капитализм и контроль над промышленностью со стороны рабочих организаций—также и соответствующие политические переходные лозунги, каковы рабочее правительство и др.

Против такой постановки часто возражают, что все эти вопросы тактические, а не программные. Мы отвергаем подобное возражение. Такое резкое разделение между вопросами тактическими и программными являлось до сих пор отличительной чертой оппортунизма, охотно соблюдавшего „чистоту“ программы, чтобы оставить за собою тем большую свободу для совершения на деле всяких мерзостей, которые превращали программу в пустой призрак. Тактические вопросы суть вопросы об отношении пролетариата и его передового отряда—компартии—к другим

классам. Для того, чтобы избежать вырождения нашей тактики в противоречивое сплетение „действий применительно к обстановке", тактика эта должна быть обоснована на отчетливом понимании своеобразия общего положения в котором находится Коминтерн в данный момент между вторым и третьим валами мировой революции. Наша программа должна, поэтому, дать Коминтерну в целом и отдельным его партиям порознь возможность занять в постоянно вновь выплывающих конкретных вопросах позицию стойкую, существенно правильную, т.-е. отвечающую общим интересам пролетариата. Это осуществимо лишь при том условии, если, на ряду с общей характеристикой нашей ближайшей крупной цели — диктатуры пролетариата и советской власти,— будет дана конкретная картина развития мировой революции и выдвигаемых им вопросов.

В этой картине должны быть очерчены противоречивые стремления, типы и конкретные отличия указанного развития в отдельных странах и группах стран; речь идет не только о приведении всего к общему знаменателю, необходимо уделить неменьшее внимание и особенностям. Таким путем будет не только подготовлена почва для постановки переходных вопросов, но также и указан способ разрешения. Раз будет выполнено это условие, нам останется занять в программе позицию лишь по отношению к указанным нами главным конкретным вопросам. Этого будет вполне достаточно, чтобы дать коммунистическим партиям путеводную нить для нахождения выхода из лабиринта противоречивых стремлений меняющегося положения. Итак, мы пришли к ответу на поставленный в заголовке вопрос: возможна и необходима не только характеристика общего направления развития от капитализма к коммунизму, но также характеристика и особых путей этого развития и особых вопросов, выдвигаемых последним перед коммунистическими партиями.

2. Конкретное содержание переходной программы.

После описания и исследования хода мировой революции до настоящего времени, будет необходимо наметить главные лозунги, являющиеся средством к мобилизации ра-

бочих масс на борьбу за диктатуру в течение последнего этапа. Такими лозунгами являются: 1) в хозяйственной области—государственный капитализм и контроль над производством, 2) в политической области: в земледельческих странах—правительства рабочей партии и оппозиционных крестьянских партий в целях борьбы с буржуазией, а в промышленных странах—рабочее правительство, т.-е. союз с социал-демократами и другими рабочими партиями и организациями.

Что до первого вопроса, то нет нужды здесь подробно останавливаться на нем; сошлюсь на „тезисы по налоговым вопросам во времена подъема капитализма и во времена его упадка", выработанные осенью прошлого года комиссией в составе т. т. Геккерта, Коричонера, Скалака, Варги, Куусинена и меня. Тезисы эти пояснены в статье т. Варги о налоговом вопросе, помещенной в „Коммунистическом Интернационале", а также и в моей статье „о крахе германской буржуазии и ближайших задачах германской компартии", напечатанной в „Комм. Интернационале" и вышедшей затем отдельной книжечкой. В этой статье изучается также взаимоотношение между нашими хозяйственными переходными лозунгами и вопросом о рабочем правительстве. Позволю себе указать здесь в сжатом виде лишь следующее: промышленный распад, растущая хозяйственная неурядица сопровождается во всех капиталистических странах ростом промышленных объединений, отсюда в порядке дня вопрос: за частную капиталистическую монополию или же за монополию государственную? Но государственная монополия при господстве буржуазии есть не что иное, как государственный капитализм. В период укрепления буржуазии эта монополия может повести к усилению мощи капиталистического государства, но в то же время и к расширению пролетарского боевого фронта. В наши дни подрыва буржуазного владычества стремлениям буржуазии к частной монополизации соответствует стремление пролетариата к установлению своего контроля над производством. При условии затяжки в ходе развития мировой революции и распада капиталистического хозяйства, борьба против капиталистического хаоса—борьба хотя бы и в рамках капитализма—станет для пролетариата жизненным вопросом. Борьба эта будет подкреплена борьбой против налоговых

тягостей, и оба потока сольются в единую борьбу за подчинение промышленности государству и за рабочий контроль над производством. А в странах со слабо развитым капитализмом вопрос этот приобретает крупное значение с точки зрения как налогов, так и усиления влияния на крестьянство. Эти хозяйственные переходные требования ведут к вопросу о государственной власти, ибо несомненно, что буржуазия послевоенного периода крайне враждебна всяким попыткам, носящим характер государственного капитализма. Хотя теоретически и не исключена возможность, что и капиталистические или буржуазно-социалдемократические правительства будут вынуждены, под давлением рабочего движения, перейти к политике государственного капитализма,—однако, вероятнее всего, что крупные общественные бои, которые возникнут вокруг этого вопроса, поведут в некоторых странах к коалиционным рабочим правительствам, в качестве этапа на пути к диктатуре пролетариата и советской власти. Не отрицая заранее возможности, что на Западе дело вообще обойдется без рабочих правительств, у нас имеются все основания заострять борьбу в эту сторону, в виду того, что она наиболее облегчает нам проведение тактики единого фронта.

В этой плоскости легко также разрешить вопрос об отношении к буржуазной республике и к ее защите, равно как и вопрос о нашем отношении к государственным вооруженным силам. В странах с слабо выраженным революционным положением, где буржуазия обнаруживает стремление к замене системы всеобщей воинской повинности системой наемной солдатчины, стоящей над народом, нам придется бороться за сохранение первой системы, которая позволяет рабочим иметь в своих руках оружие; это, однако, нисколько не избавляет от обязанности всюду выдвигать лозунг рабочей милиции, в качестве дополнения к лозунгу рабочего правительства. Опираясь на данную, таким образом, характеристику современного переходного периода и намеченные главные переходные лозунги,—отдельные партии Коминтерна смогут приступить к формулировке программы конкретных переходных лозунгов для каждой страны, к каковой программе программа Коминтерна будет служить обязательным введением.

3. Выводы.

Некоторые товарищи возражают, что изложенная точка зрения легко может оказаться отсталой и устарелой по сравнению с более быстрым развитием мировой революции: не следует, мол, стремиться к программному закреплению всякого возможного изгиба развития. Так, напр., РКП закрепила свои мероприятия периода военного коммунизма в форме программы, которая ныне, при новом историческом повороте, отнюдь не выражает ближайших целей партии. На это можно ответить: значит, и РКП в период военного коммунизма, нуждалась в подобной руководящей нити, и было бы большей бедой, если бы у нее отсутствовала таковая, чем то, что она со временем устарела. Пусть бы эта руководящая линия носила название тактической резолюции,—от этого ничего не изменилось бы в том факте, что она служила программой партии. Но это сравнение, помимо всей его несостоятельности, вовсе не имеет отношения к интересующему нас вопросу. Конечно, развитие мировой революции может пойти в ближайшее время более ускоренным шагом. Но это может произойти лишь в отдельных странах (и в нашей программе должна быть учтена и эта возможность). Но ни в каком случае, однако, невозможна одновременная победа мировой революции. Значит, как бы медленно или как бы быстро ни пошло развитие—нам необходима переходная программа, задачей которой является проведение межи между стремлениями различных партий. Мы отличаемся от всех других рабочих партий не только лозунгом диктатуры и советской власти, но и нашими переходными требованиями. В то время, как переходные требования всех социалдемократических партий рассчитаны на осуществление не только на почве капитализма, но именно ставят себе целью его реформу, наши требования служат борьбе за завоевание власти пролетариатом, за сокрушение капитализма. Это должно найти выражение в нашей переходной программе.

Москва, 7 июля 1922 г.*).

*) Этот набросок был написан для программной комиссии Коминтерна. Я печатаю его без изменений.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНГРЕСС.

I. Ликвидация Версальского мира и задачи Коминтерна.

(Доклад IV-му Конгрессу Коммунистического Интернационала).

Год, отделяющий нас от III Конгресса, был годом начала ликвидации Версальского и примыкающих к нему договоров. В то время, как представители капиталистического мира во множестве книг, в миллионах статей и на целом ряде конференций, за кулисами дипломатии, рассматривают вопрос о пересмотре Версальских договоров, договоры эти подвергаются пересмотру ходом вещей, уничтожающим одну за другой основы Версальского мира. Достаточно упомянуть о конференциях в Вашингтоне, Генуе и Гааге, указать на нынешнюю победу турецкой армии, чтобы видеть, как рушатся один за другим столпы Версальского мира. На востоке и юго-востоке Европы и в Передней Азии он ликвидируется оружием красной армии и оружием турецкой национальной армии, на Дальнем Востоке — силой американского доллара, в центральной Европе — бессилием германской марки. Точный учет этого процесса ликвидации Версальского мира является одновременно выяснением новых политических и экономических группировок, которые уже начали выкристаллизовываться. Вполне ясное, отчетливое понимание движущих сил этого процесса ликвидации является в то же время пониманием тех событий, которые подготовляются на мировой арене.

1. Соотношение сил Версальского мира.

Версальские договоры, заключенные после победы союзников в Европе над Германией, Австрией, Болгарией и Турцией, вовсе не дали единообразного выраже-

ния общей победе союзного капитала, а только разделили власть между разными частями Антанты. Они установили гегемонию французского империализма в Европе, гегемонию Англии на Ближнем Востоке и на море и дали Японии громадные преимущества на Дальнем Востоке, подготовляя таким образом ее борьбу за гегемонию на Дальнем Востоке.

Если присмотреться к постановлениям Версальского договора, то создание Польши, с одной стороны, фактический перенос границ Франции до левого берега Рейна путем оккупации — с другой, создали в Европе полное господство Франции на континенте. Прав английский публицист Диллон, который в статье по поводу Генуэзской конференции замечает, что даже в эпоху наивысшего могущества Наполеона Франция в военном отношении господствовала в Европе не в такой мере, как на основании Версальского договора. То обстоятельство, что союзники отдали Польше области со смешанным немецким населением, создали коридор и дали Польше Данциг и Верхнюю Силезию,— приковало Польшу к победной колеснице Франции, сделало ее стражем Версальского договора на востоке Европы. Наряду с этим, государства Малой Антанты: Чехо-Словакия, Юго-Славия и Румыния снабжены французскими инструкторами и оружием и являются вторым звеном господства Франции на континенте. Вместе с Польшей, Румыния играет роль жандарма Франции по отношению к Советской России. Юго-Славия служит противовесом Италии. Польша и Чехо-Словакия являются, в то же время, сторожами, следящими за выполнением Версальского договора со стороны Германии.

Если перейти к позиции, которая досталась Англии на основе Версальского договора, то, прежде всего, бросается в глаза тот факт, что еще во время версальскнх переговоров Англия отвергла требование свободы морей. Вопрос остался открытым, т.-е. Англия, несмотря на все разглагольствования о свободе морей, удержала за собою Суэзский канал и Дарданеллы, Аден и Сингапур, т.-е. сохранила господство на Средиземном море и в Индийском океане. Ее военная база в Гонгконге сбеспечивает ей самое сильное, после Японии, влияние и на Тихом океане. Ее господство в Атлантике обеспечено рядом первоклассных морских баз.

Мало того, она решила, совместно с Францией, турецкий вопрос в Севре. Этим установилось господство Англии на Ближнем Востоке, ибо если проливы и Константинополь формально находятся под общим наблюдением английского и французского флотов, то при преобладании Англии на море они находятся, прежде всего, под контролем Англии. Турецкие области, перешедшие в руки Англии — Месопотамия и Аравия, — где были созданы фиктивные королевства, обеспечивают за английским империализмом Персидский залив и Красное море. Через Аравию и Месопотамию Англия установила непосредственную территориальную связь между Египтом и Индией. Правда, Франция получила Сирию, откуда может угрожать Суэзскому каналу. Но, истощенная войной, она на деле пока не в состоянии превратить эту возможную угрозу в действительную опасность.

На Дальнем Востоке союзники не выступили на защиту Китая, как он этого ожидал. Шантун остался в руках Японии, что означает начало реализации ее мечты о захвате угольных копей и железных рудников в Китае для снабжения тем, что в первую очередь нужно японскому милитаризму. Кроме того, она получила ряд важнейших опорных пунктов в южной части Тихого океана.

2. Ликвидация Версальского мира в Центральной Европе.

Я начинаю с этого пункта, хотя хронологически крушение Версальского мира началось в России. Однако, германский вопрос является центральным вопросом для капиталистического мира, ибо без восстановления хозяйства Германии невозможно восстановление капитализма, и вопрос этот, касаясь главного побежденного в мировой войне, приводит прямо к вопросу о главном победителе, т.-е. о Соединенных Штатах Северной Америки.

История репарационных требований союзников хорошо известна, и я установлю только главные моменты. После того, как союзники отняли у Германии торговый флот и все ее капиталы, помещенные заграницей, после того, как они отобрали у нее 83% железа, $^1/_8$ угля и 15% хлеба, они на-

ложили на нее тяжелую экономическую дань. Долгое время они не могли сговориться на счет того, сколько требовать с Германии. Точная сумма платежей Германии не была определена в Версале, а было только установлено, что Германия возмещает причиненные ею убытки в Северной Франции и Бельгии и оплачивает пенсии для увечных и семей убитых. Когда союзники принялись высчитывать сумму платежей Германии, то сначала они увлеклись надеждой на фантастические платежи. Еще в декабре 1919 года один из французских министров заявил во французской палате, что Германия должна будет платить по 25 миллиардов золотых марок впродолжение 34 лет, что равняется немедленной уплате 375 миллиардов марок золотом. В ноябре 1920 года другой французский министр требовал, чтобы Германия уплатила 218 миллиардов золотых марок. Национальное достояние Франции до войны составляло около 250 миллиардов золотых марок; таким образом, репарационные платежи Германии должны были составить немного меньше всего национального достояния Франции. В мае 1921 года на конференции союзников в Лондоне было установлено, что Германия должна заплатить 132 миллиарда золотых марок, причем в ближайшие годы ее платежи были определены в размере от 2-х до 6-ти миллиардов золотых марок в год, отчасти наличными деньгами, отчасти товарами. В те дни, когда была установлена эта сумма, за 100 германских марок платили 1,61 доллара. После того, как, в течение ближайших месяцев, Германия выплатила первый взнос в размере 1 миллиарда марок, германская марка сразу покатилась вниз, и за 100 марок уже давали только 0,54 доллара, т. е. один доллар стоил около 200 марок.

После взноса этих первых платежей, Германское правительство попросило отсрочки, заявив, что будет не в состоянии внести следующий платеж. Английский государственный банк, к которому Германия обратилась тогда за займом, заявил, что при условии дальнейшего существования Версальского договора Германия не является кредитоспособной. Таким образом, главный финансовый институт союзников засвидетельствовал банкротство Версальского договора. В январе 1922 года союзники собрались в Каннах. На этой конференции Ллойд-Джордж представил докладную записку,

которая является документом первостепенного значения, вскрывая движущую силу ликвидационного процесса по отношению к Германии. В своей докладной записке Ллойд Джордж, указывая на то, что действительно Франция неслыханно пострадала от войны, что ее север разрушен, говорит, что и в Англии, где не разрушена ни одна фабрика, имеется своя громадная зона разрушения, — два миллиона безработных. Устанавливая, далее, зависимость Англии от мировой торговли, Ллойд Джордж заявляет, что Англия не может допустить экономического развала Германии, одной из первых покупательниц английских товаров. Развал Германии — это развал мирового хозяйства. Он указывает, наконец, на то, что Франция в меньшей степени, чем Англия, зависит от внешней торговли, так как производит достаточно собственного хлеба и имеет все основное нужное сырье. Франция заботится, главным образом, о своей территориальной неприкосновенности, ее беспокоит возможность германского реванша. В заключение, Англия предлагает Франции гарантию ее границ на десять лет, если Франция согласится на пересмотр экономических постановлений Версальского договора. В Каннах было решено сократить германские платежи за 1922 год до 720 миллионов золотых марок наличными деньгами и 1450 миллионов — товарами. В марте месяце Парижская конференция ратифицирует это Каннское решение и ограничивает общую сумму расходов Германии на содержание оккупационных войск 250-тью миллионами золотых марок. После Генуэзской конференции собирается, по предложению союзников, комитет банкиров под руководством американского финансового короля Моргана. Этот комитет должен наметить условия, при которых Германия сможет получить заем для того, чтобы быть в состоянии платить союзникам и взяться за улучшение своего хозяйства, за упорядочение своих финансов. В своем ответе банкиры заявляют, что Германия не будет в состоянии привести в порядок свои финансы до той поры, пока репарационные платежи не будут настолько уменьшены, что сделается фактически возможной их уплата. Выработанный банкирами документ устанавливает далее, что при нынешнем положении не может быть и речи о между-

народном займе для Германии, даже если бы этот заем был гарантирован первоклассным образом, например, германскими таможенными сборами. Достаточно, чтобы при этом продолжался нажим на Германию, росла ее финансовая разруха, чтобы могли наступить социальные потрясения, которые поставили бы под знак вопроса все гарантии. Хотя банкиры и считают такой исход неправдоподобным, но, имея в виду долгосрочный заем, они заранее считаются с самым плохим исходом.

Решение комитета банкиров, вместе с убийством Ратенау, которое в свою очередь было результатом политической борьбы, вызванной версальской политикой, довело марку до краха. Когда собиралась Генуэзская конференция, доллар не доходил еще до 300 марок. После решения комитета банкиров и убийства Ратенау доллар подскочил до 1400, даже до 2000 марок. Это прогрессирующее расстройство германских финансов является, понятно, следствием не одной только репарационной политики союзников. Оно представляет собой результат экономического ослабления Германии вследствие войны, но кроме того вызывается и политикой имущих классов Германии, которые извлекают значительные капиталы из немецкого хозяйства, чтобы использовать их там, где они находятся в безопасности от посягательства Антанты. Поэтому, если бы даже репарационные требования союзников были доведены до минимума, экономическое положение Германии оставалось бы чрезвычайно тяжелым. Но за всем тем является полной нелепостью утверждение, что растущее расстройство Германии обусловливается исключительно происками немецких капиталистов. Оно ускоряется репарационной политикой, обусловливающей катастрофический темп хозяйственного распада Германии.

Союзники поняли, что дальше итти некуда, что дальнейшее развитие в этом направлении означает не только финансовый крах Германии, которая добивалась долгосрочного мораториума, но представляет и громадную социальную опасность, — и взялись за пересмотр вопроса.

В первых числах сентября в Лондон должен был явиться Пуанкарэ для переговоров с английским правительством, которое хотело разговаривать не о короткой отсрочке, не о паллиативах, а о новом решении относительно германской

платежеспособности. Но прежде чем Пуанкарэ добрался до Лондона, английское правительство выступило с известной нотой лорда Бальфура от 1-го сентября о междусоюзнических долгах. Эта нота является попыткой Англии заранее парировать удар, которого английское правительство ждало от Пуанкарэ. Известно, что со стороны Англии, с того момента, как только встал на очередь вопрос о пересмотре экономических решений Версаля, выдвигалась следующая идея: союзники отказываются от взаимных долговых обязательств, и, таким образом, Франция, освобожденная от уплаты долгов Англии и Америке, будет в состоянии пойти на уступки по отношению к Германии. Английский план состоял, приблизительно, в том, что при аннулировании междусоюзнических долгов, союзники будут требовать от Германии не 132, а только 50 миллиардов золотых марок, и таким образом Германия получит, во-первых, передышку, а во-вторых, возможность займа, так что ей не придется платить и оставшихся 50-ти миллиардов, а нужно будет только вносить проценты по займу и амортизационные суммы. В этом случае Германия перестала бы находиться под угрозой французского нажима, и весь капиталистический мир был бы заинтересован в ее восстановлении. Разумеется, взамен этого, Германия должна была бы согласиться на финансовый контроль и обеспечить заем реальными гарантиями. Таков был этот английский план. Он никогда не был официально санкционирован, но о нем говорилось за кулисами у союзников.

Английский план имел следующие предпосылки: во-первых, отказ Америки от союзнических долгов, во-вторых, политические уступки Франции по отношению к Германии и Англии (в своем Каннском меморандуме Ллойд Джордж указывает на необходимость отказа Франции от постройки подводных лодок, т.-е. от угрозы по отношению к Англии). Франция, ожидая выступления Англии с таким планом, приготовила свой план. Он состоял в том, чтобы Англия отказалась от своих претензий к Франции, независимо от того, откажется ли Америка от своих претензий к Англии. Со своей стороны, Пуанкарэ не был намерен отказаться от претензий к другим союзникам: к Румынии, к Сербии, к России. Что же касается политических уступок требованиям

Франции, то этот вопрос он оставлял открытым. Но, мало того, — за все свои требования Франция все еще не соглашалась пойти на генеральную сделку с Германией. Она готова была только дать Германии мораториум. Чтобы парировать этот ожидаемый удар, чтобы прекратить переговоры на этой почве, английское правительство публикует ноту Бальфура, в которой формулирует свою позицию следующим образом: Англия отказывается от претензий к союзникам только в случае общего решения вопроса о долгах и возмещениях и при отказе Америки от ее претензий. Только тогда Англия готова ликвидировать свои требования по отношению к Франции. Таким образом, нота лорда Бальфура поставила в первую очередь вопрос о междусоюзнических долгах, и к этому вопросу нужно присмотреться поближе, ибо он на деле является в данный момент самым важным вопросом капиталистического мира, бросая одновременно самый яркий свет на вопрос, **кто же является победителем в войне.**

Сначала мы приведем основные цифры взаимных долгов союзников.

I. Долги союзников Америке в долларах.

	Капитал.	Оставшиеся неоплаченными до 31 декабря 1921 г. проценты.
Бельгия	347.700.000	42.700.000
Куба	8.100.000	—
Чехо-Словакия	61.300.000	7.100.000
Франция	2.950.800.000	357.900.000
Великобритания	4.166.300.000	509.200.000
Греция	15.000.000	—
Италия	1.648.000.000	202.300.000
Румыния	23.200.000	2.800.000
Россия	187.700.000	23.500.000
Сербия	26.200.000	3.300.000

Общая сумма союзнических долгов Америке составляет 10.150.300.000 долларов, при общей сумме процентов в 1.172.200.000 долларов.

II. Задолженность союзников по отношению к Англии.

Военные займы, неоплаченные по 31-е марта с. г., составляют (в фунтах стерлингов):

Россия	655.000.000
Франция	584.000.000
Италия	503.000.000
Югославия	25.000.000
Португалия, Румыния, Греция и прочие союзные государства	67.000.000
Итого	1.834.000.000 ф. стерл.

Займы по вспомоществованию и восстановлению хозяйства в фунтах стерлингов:

Австрия	12.000.000
Польша	3.900.000
Румыния	2.200.000
Югославия	2.000.000
Прочие государства	1.000.000
Итого	21.100.000 ф. стерл.
Бельгийский заем на восстановление	9.000.000 ф. стерл.
Прочие займы:	
Армения	829.000 „ „
Чехо-Словакия	2.000.000 „ „

Общая сумма задолженности по отношению к Великобритании, включая сюда задолженность автономных колоний, составляющую 150.432.000 фун. стерлингов, достигает 2.017.461.000 фунт. стерлингов.

III. Задолженность Англии.

На 31-ое марта с. г. задолженность Англии составляла (в фунтах стерлингов): в отношении

Америки	859.093.000
Канады	25.360.000
Японии	3.000.000
Малайские государства (Straits Settlements)	7.656.000
Маврикия	538.000
Прочих союзных правительств	128.000.000
Итого	1.023.647.000 ф. ст.

IV. Задолженность в отношении Франции.

На 31-ое марта должны были:

Россия	5.939.000.000 фр.
Бельгия	1.684.000.000 „
Сербия	1.795.000.000 „
Румыния	1.181.000.000 „
Греция	861.000.000 „
Польша	1.056.000.000 „
Чехо-Словакия	574.000.000 „
Италия	49.000.000 „
Прочие государства	42.000.000 „
Итого	15.181.000.000 фр.

V. Задолженность Франции.

Франция должна была на 31-ое марта:

Великобритании	584.000.000 ф. стерл.
Америке	2.950.800.000 долларов.
Японии	133.000.000 йен.

Что касается Италии и Бельгии, то цифры их задолженности отсутствуют, а немногие имеющиеся статистические данные страдают противоречивостью.

Нота лорда Бальфура встретила самый недружелюбный отклик в Америке. Я позволю себе процитировать одну из тысячи статей, которые появились по этому поводу в американской и английской печати. Это—статья очень известного американского писателя Франка Сеймондса, который осветил позицию Америки в руководящем органе господствующей в Америке партии, „Нью-Йорк Геральд“, а также в лондонском „Таймсе“. Сеймондс пишет следующее: „Вопрос о том, сумеет ли Англия убедить Соединенные Штаты аннулировать долги, есть основной вопрос всего международного положения. Положение Англии в этом вопросе трудное. Тогда как ни одна из европейских стран не в состоянии платить, нет никакого сомнения в том, что Англия имеет возможность платить, возможность, которую она в последние месяцы много раз подчеркивала. Государственные люди Англии считали своей большой заслугой заявления, что Великобритания готова

платить, оттеняя этим разницу между отношением Англии к долгам и отношением к ним континентальных стран. Поэтому для английского правительства недопустимо отказываться от уплаты долгов или ставить вопрос об отсрочке, когда приходит срок уплаты". Доказывая, что ни Франция, ни Россия, ни Италия не в состоянии уплачивать свои долги и что поэтому долги их являются фиктивными, так что ни Соединенные Штаты, ни Англия не могут требовать уплаты этих долгов, Сеймондс заявляет: „То, что должна нам Англия,—это реальные деньги, ибо их можно собрать, они могут быть уплачены. То, что должны Англии союзники, это—не реальные деньги, и поэтому Англия требует от нас, чтобы мы отказались в ее пользу от 5 миллиардов долларов, ничего от нее не получая взамен". В дальнейшем Сеймондс указывает на то, что Европа, а в первую голову Англия и Франция, говоря о своих финансовых затруднениях, продолжают вооружаться. Американское общественное мнение полагает, что они вооружаются за счет американских плательщиков налогов и теперь вдобавок требуют, чтобы германские денежные обязательства были уплачены Америкой.

Эта точка зрения разделяется подавляющим большинством общественного мнения в Америке. Выступление отдельных лиц, даже имеющих влияние в финансовом и политическом мире, вроде известного американского банкира Вандерлипа или бывшего сенатора Нокса, кандидата в президенты, которые проповедуют аннулирование долгов, создают иллюзию помощи со стороны Америки. Однако, только часть банков и торговых кругов, заинтересованных в европейском экспорте и импорте, требует участия Соединенных Штатов в хозяйственном восстановлении Европы. Их стремления находятся в противоречии, прежде всего, с неблестящим состоянием американских финансов. Если сравнить их с довоенными финансами, то получается следующая картина. В 1914 году общая сумма государственных доходов и расходов равнялась одному миллиарду долларов. Теперь же одна только оплата процентов по военным долгам требует более одного миллиарда. По докладу министра финансов Мелона, консолидированный долг Америки составлял 31-го марта 1921 г. 16 миллиардов долларов, а вместе с другими долговыми

обязательствами общая сумма долга достигала 23 миллиардов. При таком положении первым вопросом, с которым столкнулось новое правительство Гардинга, был вопрос о сокращении расходов. Обратиться к массе плательщиков с предложением аннулировать 12 миллиардов союзнических долгов, это означает для всякого американского правительства подписать себе смертный приговор. Америка смотрит на долги союзников, как на обязательства, которые должны быть выполнены, и никакие попытки Англии и Франции поставить вопрос о долгах в связи с братством по оружию не находят ни малейшего отклика в широких кругах американской буржуазии, а тем менее в народных массах. А так как в то же время Америка видит колоссальный рост вооружений в Европе: 800 тысячную армию во Франции, громадный флот в Англии, то это вызывает в Северо-Американских Соединенных Штатах убеждение, что Европа строит флот и создает армию за счет Америки. Это убеждение покоится на очень реальных интересах американской буржуазии. Америка—наиболее богатая страна в мире: она господствует на хлопковом, угольном, нефтяном рынке, она имеет теперь первоклассный торговый флот,—и само собою понятно, что отказ Европы от вооружений означал бы полную гегемонию Америки.

Нет сомнения, что Америка имеет очень мало шансов на то, чтобы кто-либо из ее должников, кроме Англии, был в состоянии уплатить свои долги. Это ясно показывает платежный баланс Европы по отношению к Америке: в 1921 году Европа покупала у Америки на 1 миллиард 600 миллионов долларов больше, чем продавала ей. Кроме того, частные европейские должники (американские банки ссудили 5 миллиардов долларов частным лицам в Европе) уплачивали 350 миллионов долларов в виде процентов. Таким образом, платежи Европы Америке составляли в 1921 году (без до сих пор вообще неоплаченных процентов по государственным долгам) 1 миллиард 950 миллионов долларов, т.-е около 2-х миллиардов. Со своей стороны, Европе причиталось получить от Америки следующие суммы: во-первых, 100 миллионов долларов в виде процентов на остатки помещенных в Америке европейских капиталов; во-вторых, 500 миллионов долларов от эмигрантов в Америке и от американских орга-

низаций помощи; в-третьих, 150 миллионов долларов в виде расходов американцев в Европе, и, наконец, в-четвертых, 50 миллионов долларов по всяким прочим обязательствам, за фрахты, банкам и т. д. Все это составляет в итоге 800 миллионов долларов. Если вычесть эту сумму из общей суммы европейских обязательств по отношению к Америке, все еще не принимая в расчет проценты по государственным долгам, то окажется, что Европа должна ежегодно уплачивать 1 миллиард 150 миллионов долларов разницы. Теперь возникает вопрос: чем же Европа может оплатить эту сумму? Ясно, что только своими товарами. Чтобы уничтожить европейский дефицит по отношению к Америке, чтобы приступить к оплате хотя бы только 5% по своему долгу, экспорт Европы в Америку должен увеличиться в фантастических размерах. Однако, если и до сих пор не было никаких оснований ожидать такого увеличения европейского экспорта в Америку, то теперь положение еще более обострилось. 21-го сентября с. г. введен новый таможенный тариф, который является запретительным тарифом по отношению к целому ряду продуктов, которые могла бы вывозить Европа, и вообще самым высоким из всех существовавших когда-либо в Америке тарифов. Этот таможенный тариф имеет громадное значение для дальнейшего развития международных отношений. Делая невозможным для Германии и Англии не только увеличение их вывоза в Америку, но и сохранение его на теперешнем уровне,—этот тариф неслыханно затрудняет оплату долгов со стороны европейских держав. Для сохранения своего кредита Англия будет делать героические усилия и платить свои долги. Но Германия окажется после введения этого таможенного тарифа совершенно не в состоянии увеличивать свой экспорт, эту единственную основу ее репарационных платежей.

Новый американский таможенный тариф важен не только с точки зрения его результатов, он важен также с точки зрения причин его возникновения. Причины эти лежат в расслоении американской промышленности. За последние три года одна часть американского промышленного капитала начала скупать в Европе, и прежде всего в Германии, фабрики и заводы, чтобы использовать труд немецких рабочих, который по меньшей мере в шесть раз де-

шевле американского. Состояние германской валюты позволило американскому капиталу скупать фабрики в самой Германии, входить в сделки с германскими капиталистами, давать им ссуды для покупки сырья и ввозить продукты германского производства в Америку. Это создало грозную конкуренцию для американской промышленности. Вся промышленность, работающая на внутренний рынок, начала вопить против европейской конкуренции. Противниками нового тарифа оказались только банки, финансирующие предприятия американского капитала в Европе, и та часть американских торговцев, которые импортировали европейские товары. Другой причиной победы нового таможенного тарифа является падение цен на сельскохозяйственные продукты и угроза конкуренции со стороны аргентинского и канадского хлеба и других земледельческих продуктов на американском рынке. Это привело к образованию блока американских фермеров с тяжелой американской промышленностью в требовании высокого покровительственного тарифа. Американский таможенный тариф, это—завершение отхода Америки от Европы, завершение изоляции Америки, конец надежд на то, что Америка аннулирует долги, поместит в ближайшие годы большие капиталы в Европе, даст Германии крупный заем. Закон о новом таможенном тарифе дает президенту право повышать или понижать, по собственному усмотрению, ставки тарифа на 50%. Это является мощным орудием в руках Америки для влияния на политику всех других держав. Если Англия будет вести политику заигрывания с Японией против Америки, если она попытается конкурировать с Америкой и не сделает ей уступок в нефтяном вопросе, то Америка сможет использовать находящееся в ее руках средство понизить курс фунта стерлингов. С другой стороны, она имеет возможность давить на Францию и толкать ее против Англии или использовать ее против Англии, делая ей уступки. Этот тариф отдает и Германию всецело в руки Америки. Не предоставляя Германии займа, Америка может привести хозяйство и финансы Германии в такое состояние, при котором доллар купит промышленность Германии по самой дешевой цене. Когда бывший сенатор Нокс выступил с предложением о вмешательстве Америки в хозяйственные дела Европы, он выдвинул следующий план фи-

нансового контроля над Германией: так как Франция является врагом Германии, а Англия пользуется недоверием со стороны Франции, то над Германией невозможен ни французский, ни английский финансовый контроль, а надо назначить контролером американского министра торговли Гувера, который является беспристрастным лицом. Такова программа контроля Америки над Германией, программа, которая, при дальнейшем обострении экономического положения в Европе, может скоро превратиться в действительность. Версальский договор, который устанавливал полное господство Франции над Германией, таким образом, ликвидирован, и вопрос состоит теперь лишь в том, в каких формах союзники признают эту ликвидацию. Вопрос, на который теперь еще нельзя дать ответа, состоит в том, произойдет ли эта ликвидация в форме соглашения между американским и французским или английским и американским капиталом.

Это не означает, однако, что положение Франции безнадежно, что она не имеет в своем распоряжении средств борьбы против создавшегося положения. Французская налоговая система облегчает имущие классы в гораздо меньшей степени, чем английская. Французское правительство могло бы—если бы пожелало—покрыть часть своего дефицита усилением налогового нажима. Если оно не делает этого, то из боязни перед крестьянскими массами, которым оно обещало, что все долги будут заплачены Германией, и из страха перед капиталистами, сопротивляющимися введению высоких налогов на доходы и наследства. Желая избежать внутренней борьбы, оно будет вести тяжелую борьбу во внешней политике, чтобы выжать из Германии максимум возможного. Но если эта борьба действительно начнется, то она будет означать крах Антанты, развал англо-французского союза. Как известно, главной экономической целью войны для Германии было объединение германского угля с французской железной рудой, с залежами в Бриэ. Главным поборником этого плана во время войны была немецкая тяжелая индустрия, стремившаяся путем расширения своего базиса к экономической гегемонии в Европе. Разгромленная Германия потеряла 15% хлебородных земель, 83% железной руды, одну треть угля, но в то же время германская тяжелая индустрия с каждым днем все более усиливала свое

господство над экономической жизнью Германии. Не унывая, она цепко держалась за старую цель германских империалистов, которая должна была теперь осуществиться французскими руками. Этот план опирается на то обстоятельство, что, пока Франция не захватила Рурского бассейна, она получает только Саарский уголь, ей ненужный, так как для ее стальной промышленности требуется кокс. Эта необходимость заставляла Францию требовать от Германии уплаты части репараций коксом. Стиннес и другие концерны рассчитывали, что эта необходимость толкнет французскую тяжелую промышленность на сделку с ними, и что таким путем будет создан мощный угольно-стальной трест Центральной Европы, который будет господствовать на континенте. И в то время, как честь защиты интересов Франко-Германского угольно-стального треста была бы предоставлена французским штыкам, организация его находилась бы в руках германских капиталистов. Французские промышленные круги, главным образом Comité des Forges, были противниками этого плана Стиннеса, ибо, во-первых, они боялись, что эта сделка поведет к господству германского капитала, как лучше организованного и технически более мощного, во-вторых, они надеялись на захват Рурского бассейна, который дал бы им германский кокс без сделки с Стиннесом и без опасности экономического усиления германского капитализма, что, в свою очередь, могло бы снова поставить на ноги и германский милитаризм. Поэтому тяжелая промышленность Франции, в противовес банкам, совершенно не была заинтересована в германских денежных платежах: она хотела использовать отказ Германии от них для захвата Рурского бассейна. Но опасность разрыва с Англией не позволила французскому правительству пойти по пути захвата. Поэтому с уменьшением возможности для Германии платить репарации наличными деньгами, в виду катастрофического расстройства германских финансов, часть тяжелой французской промышленности вынуждена была выступить на путь сделки с немецкой тяжелой промышленностью. Договор Стиннеса с маркизом Люберзаком относительно восстановления Северной Франции является началом этой политики. Французское правительство, понятно, боится этой политики. Оно прекрасно знает, что если эта политика не сведется к одному или нескольким

договорам, а будет состоять в фактическом объединении тяжелой промышленности Германии и Франции, то это создаст самого мощного конкурента для Англии и приведет к борьбе с нею. Некоторые промышленные круги Франции, в свою очередь, боятся конкуренции германской промышленности. Все это будет задерживать развитие политики сближения французской и германской тяжелой промышленности. Но пока что, перед лицом финансового банкротства Германии и опасности военного захвата Рурского бассейна, политика сближения с Германией представляет единственно возможный выход из репарационного тупика. Но и она не в состоянии спасти Версальский договор. Смысл Версальского договора состоял в уничтожении Германии. Если бы Франция добилась права оккупации Рейнской области, то это означало бы повторение старой Рейнской политики Франции времен Вестфальского договора, времен Наполеона. Создание Рейнског буферного государства, которое врезалось бы клином между Северной и Южной Германией, привело бы к созданию на юге католического государства, объединяющего немецкую Австрию и Баварию, в противовес Северу. В Версальском договоре Франция не только стремилась выжать из Германии возможно больше денег и капитала. Версальский договор был смертным приговором для германского народа, и если теперь Франция, ради спасения своего экономического положения идет на объединение с германской тяжелой промышленностью, то она таким путем получит деньги и громадные экономические и военные рессурсы для борьбы с Англией, но заплатит за это ценой восстановления Германии. Ибо не подлежит сомнению, что подобный экономический курс приведет к изменению и политического курса Франции по отношению к Германии. С другой стороны ясно, что Англия не будет спокойно смотреть на этот процесс усиления ее крупнейшего конкурента в Европе. Англия, борющаяся с американской конкуренцией, Англия, конкурирующая с Японией на Дальнем Востоке, Англия, которая воевала с Германией, как со своим конкурентом на континенте, когда Германия не имела и десятой доли тех военных средств, которыми будет располагать Франция, опираясь на объединение своей тяжелой промышленности с германской,—эта Англия не допустит возникно-

вения такого положения вещей. На всякую попытку Германии заигрывать с Францией, Англия отвечала ударами, и если Германия потеряла Верхнюю Силезию, то это было английским ответом на Висбаденское соглашение. Падение Ллойд Джорджа только обострит борьбу за Германию.

Когда профессор Кейнс и тысяча других маленьких Кейнсов провозглашали необходимость пересмотра Версальского договора, когда об этом же пересмотре говорила международная социалдемократия, представители II и II$^1/_2$ Интернационала, то они рисовали картину, как Франция, этот злой гений Версаля, откажется от безумной политики разрушения и как тогда начнется новая эпоха мира и всяческих других благ. В настоящее время пересмотр Версальского договора не является больше объектом спора, потому что договор уже ликвидирован. Но ликвидация Версальского договора означает только новую группировку сил внутри европейского капитализма, новые международные конфликты, в которых Германия является объектом, а не субъектом борьбы.

3. Капиталистический мир и Советская Россия.

Хронологически ликвидация Версальского договора началась не в Германии, а в России. Когда союзники заключали Версальский договор, который упоминает о России только в некоторых добавочных пунктах, вся система Версальской политики базировалась не только на уничтожении Советской России, но и на уничтожении России, как великой державы. Политика удушения Германии, ее уничтожения, как международного фактора, уже сама по себе предполагала уничтожение России, как великой державы. Ибо, если бы даже победила белая Россия, то для нее было бы также небезразлично уничтожение Германии, ибо, кем бы ни управлялась Россия, ее интересы требуют во всяком случае существования Германии. Россия, неслыханно ослабленная войной, могла бы расчитывать на положение великой державы, на получение экономических средств для своего хозяйственного восстановления, только при условии существования в лице Германии противовеса гегемонии союзников. Эта белая Россия, если бы она пришла на смену Советской России, была бы

заинтересована в том, чтобы существовала Германия, как ее возможный союзник, даже в том случае, если бы она хотела оставаться в союзе со своими старыми союзниками. Однако, не только политика союзников по отношению к Германии, но и решение союзниками ближне-восточного вопроса имело своей предпосылкой полное отсутствие России. Достаточно только вспомнить, скольких усилий, какой борьбы стоило русскому царизму добиться в 1915 году от Англии согласия на переход Константинополя и проливов в руки русской буржуазии. И если бы русская буржуазия, разбитая в этой войне, была принуждена отказаться от требования передачи в ее руки Константинополя и проливов, то и тогда она никак не могла бы согласиться на то, чтобы ключ от Черного моря находился в руках не слабой Турции, а могущественной Англии. Наконец, и тот договор, который Англия во время версальских переговоров заключила тайком от других союзников с Персией, превращая последнюю в английскую колонию, также имел своей предпосылкой отсутствие России. Победоносные союзники смотрели на Россию, как на будущую сферу своего влияния, как на Турцию или Персию, то-есть как на свою будущую колонию. Борьба союзников против Советской России была не только борьбой против первого пролетарского государства, но и попыткой уничтожения всякой России, которая могла бы предъявить счет союзникам. Союзники поставили себе целью раздавить Советскую Россию и создать слабую белую Россию. Во время Версальских переговоров Ллойд Джордж обратился с тайным меморандумом от 29 марта 1919 года к Клемансо и другим представителям союзных государств. Этот тайный меморандум напечатан впервые в книге бывшего итальянского министра Нитти: „Европа без мира“. Он показывает, какой громадный страх внушала Советская Россия тогдашним союзникам. Ллойд Джордж говорит: „вся Европа насыщена идеями революции“. Он указывает на только что происшедший переворот в Венгрии, на спартаковское восстание в Германии и, констатируя глубочайшее недовольство самых широких народных масс Франции и Англии, подчеркивает, что массы эти борются, сознательно или бессознательно, и за социальное переустройство. Указывая далее на Советскую Россию, он говорит: „Советская Россия установила новый

экономический порядок: там развал промышленности, остановка жел. дорог. Но каким-то чудом создали армию, и армию дисциплинированную, единственную армию в мире, которая сражается за свои убеждения". Все это можно буквально прочесть в тайном меморандуме Ллойд Джорджа. Из этого он делает вывод о необходимости пощадить Германию, чтобы воспрепятствовать этой промышленной стране объединиться с революционной Россией, а также вывод о необходимости борьбы с Советской Россией.

Два года борьбы союзников окончились их поражением. Мало того: Россия перешла в наступление и, отразив поляков у Киева, двинулась на Варшаву. Этот момент является моментом перелома в отношении союзников к Советской России. Союзники были тогда убеждены не только в том, что они не смогут свергнуть Советскую власть, но и считались, во время похода на Варшаву, с возможностью красной победы в Польше и с последствиями этой победы—развитием революции в Германии. Тогда на конференции в Булони не только Англия, но и Франция готовы были идти на признание Советской России, чтобы задержать ее победоносное движение. Советская Россия была под Варшавой разбита. Тогда союзники отказываются признать советскую власть, а Франция даже признает Врангеля. Но и после разгрома Врангеля, в начале 21 года, среди союзников преобладает убеждение в конечном поражении Советской России. Несмотря на это, Англия идет на торговый договор с нами. Причины, заставившие ее сделать это, имеют двоякий характер. Это—во первых безработица в Англии, начавшаяся во второй половине 20 года. Безработица эта указывает союзникам, и прежде всего английской промышленной буржуазии, на невозможность продолжения Версальской политики, указывает на абсолютную необходимость открытия новых рынков сбыта и не только для Англии, но и для Германии. В английских капиталистических кругах уже тогда созревает мысль о том, что выйти из репарационного тупика можно, только предоставив Германии возможность развить экономические силы России и оправиться за счет русских крестьян и рабочих. Одновременно с этим намечается и новая тенденция, тенденция, заглядывающая еще дальше. В 1921 году, когда обостряется борьба между Англией и Фран-

цией из-за решения репарационного и ближне-восточного вопросов, Англия спохватывается и спрашивает себя, не зашла ли слишком далеко победа Франции. В некоторых более дальновидных кругах английского капитала начинает намечаться стремление к созданию противовеса Франции из укрепленной России и Германии или, во всяком случае, из Германии, опирающейся на Россию.

Новая экономическая политика вызывает в Англии убеждение в полном банкротстве коммунизма в России, убеждение в возможности эволюции Советского правительства и Советской России в направлении к капитализму. В речи, которую Ллойд Джордж после конференции в Генуе произнес в английском парламенте, он высказал взгляды на положение вещей в России, руководящие капиталистическими державами. Он указал на то, что Советская Россия нуждается в кредитах, что без кредитов экономическое возрождение России невозможно. Но дальше он говорит: „вожди Советской России прекрасно ориентируются в международном положении и понимают невозможность осуществления коммунизма, но на них давит настроение рабочей олигархии. Советская власть не может сразу отказаться от своих убеждений, но в конце концов она откажется от них и перейдет на почву капитализма". Не подлежит никакому сомнению, что таков был взгляд руководящих кругов буржуазных политиков, созывавших Генуэзскую конференцию. Они были убеждены, что если требование восстановления капитализма будет как следует замаскировано, то Советское правительство возвратит всю собственность бывшим иностранным капиталистам, и тогда начнется развитие частного иностранного капитала в России, а оставшиеся в руках правительства жалкие остатки государственной промышленности будут не в состоянии конкурировать с частной промышленностью и будут сданы русской буржуазии. С высоты этих заманчивых перспектив Ллойд Джордж смотрел на французов, которые по своей недостаточной эластичности требовали от Советского Правительства, чтобы оно на словах отказалось от коммунизма. С английской практичностью он готов был согласиться даже на то, чтобы русское правительство называлось Советским, чтобы в русских школах обучали коммунизму,—если только Советская Россия на деле согласится

отдать русскую промышленность в руки иностранного капитала. В тот самый момент, когда среди союзников начала назревать мысль об уменьшении платежей Германии, они предъявили Советской России громадные требования уплаты довоенных и военных долгов. Значение этих требований состояло лишь в том, чтобы принудить Советское Правительство, не имеющее возможности уплатить эти долги, отдать в руки союзных капиталистов старую промышленность, громадные новые концессии, таможенные доходы, как гарантии будущей уплаты, а, быть может, и железные дороги. Таков был план, с которым союзники явились в Геную. Они говорили нам: мы вас не победили с оружием в руках, и поэтому вы остаетесь у власти, но Советская Россия должна стать колонией союзников.

На этот план союзников Советская Россия ответила резким отказом. Она отказалась передать промышленность в частную собственность бывшим владельцам-иностранцам и вообще отдать всю промышленность, даже на началах аренды, в руки частного капитала. Советские правительства, принужденные итти на уступки в интересах восстановления расшатанного хозяйства, готовы и теперь, в виду медленного хода развития мировой революции, пойти на сделки, но только на условиях, при которых сохранилась бы возможность дальнейшего развития главнейших завоеваний октябрьской революции. Поэтому они наотрез отказались признать частную собственность. Этот вопрос кажется только вопросом формы, но на деле это не так. Отдача имущества в частную собственность иностранным капиталистам означает потерю возможности влиять на направление их хозяйства. Удерживая же за собой право собственности, правительство получает возможность влиять на ход экономического развития. Достаточно указать, например, на то, что отклоненный в Совнаркоме договор с Уркартом, обязывал Уркарта добывать медь, свинец и т. д. в сданных ему на концессию областях в точно определенные сроки и в точно определенных количествах. Советское правительство готово сдать иностранному капиталу только ту часть промышленности, которую, по его расчету, ему трудно в ближайшее время восстановить собственными силами. Желая удержать в своих руках главную часть

промышленности, и в первую голову, тяжелую индустрию, как средство восстановления собственными силами железных дорог и как средство влияния на развитие сельского хозяйства, Советское правительство отказалось принять на себя обязательство вернуть всю бывшую иностранную промышленность ее прежним владельцам. Вопрос о долгах, это спор не о принципах. Принципиально коммунизм не запрещает платить долги. Если мы в свое время отказались от уплаты довоенных и военных долгов, то это было с одной стороны ударом по мировому капиталу, который не прекращал войну, а с другой стороны—попыткой вызвать оппозицию мелкой буржуазии—держателей бумаг—против затягивающих войну правительств. Кроме того, это была попытка освободить страну от неслыханно тяжелого бремени. Когда Советская Россия отказалась от признания долгов, то по существу разговор шел не о принципах, а о том, чтобы не дать возможности союзному капиталу потребовать взамен долгов, которые она не в состоянии была платить, предоставления ему финансового контроля, громадных новых концессий и выдачи железных дорог. Если бы было возможно сговориться насчет размеров долгов и сроков их оплаты, при чем устранялась бы опасность превращения России в колонию, то интересы рабочего класса требовали бы от нас пойти на такую сделку, ибо разумеется, нет принципа, запрещающего признавать долги. Между тем, в закулисных переговорах союзники пытались представить дело именно таким образом. Они говорили, что дело идет о признании принципа, только принципа, ибо, как сказал Ллойд-Джордж в парламенте, нельзя приходить к капиталистам с требованием дать взаймы, заявляя одновременно, что Советская Россия не признает принципа уплаты долгов. Так как союзники не хотели установить точные суммы своих претензий и указать сроки уплаты, то оказалось невозможным заключить какую бы то ни было сделку. Конференция в Генуе и следующая за ней в Гааге окончились полной неудачей, так как союзники, видно, еще не признают существования Советской России, как страны, в которой социализм делает первый шаг к своему осуществлению.

Крах Генуи и Гааги, вызванный по существу отказом союзников признать самый факт существования р а б о ч е г о государства, стремящегося к социализму, был ускорен и обо-

стрен борьбой нефтяного капитала за Россию. Соперничество нефтяных трестов, взорвавшее конференции в Генуе и Гааге, находило себе во время переговоров случайное отражение в прессе. Но в полном объеме эта борьба была неизвестна не только широким слоям читателей, но и девяти десятым лиц, принимавших непосредственное участие в переговорах. Только последующее точное изучение нефтяной прессы навело на след, по которому удалось выяснить истинную роль нефти в неудаче Генуи и Гааги.

В первых числах мая, когда в международной печати были распространены сведения о том, что 30 апреля в переговорах между Чичериным и Ллойд Джорджем наметились основы для возможной сделки, вдруг появилось в печати известие о заключении договора между Советским правительством и нефтяным английским трестом Рояль Детш и Шелль. Это известие, значение которого трудно было тогда оценить, явилось бомбой, взорвавшей Генуеэзскую конференцию. Борьба между Стандарт Ойль и Рояль Детш, к которой мы вернемся в обзоре ближне-восточных дел, привела перед Генуэзской конфереицией к предварительной сделке Англии с Америкой, в которой английское правительство обещало считаться с американскими нефтяными интересами в России. Это не был договор, оформленный до конца, но он обещал Америке сохранить единый фронт по вопросу о бакинской нефти, и американский и английский нефтяные синдикаты скупили акции русских нефтяных предприятий, надеясь обеспечить за собой, таким образом, как бы некоторые юридические права бывших собственников. Известие о том, что между Советским правительством и английским синдикатом заключен договор, было пущено в прессу Стандарт Ойл'ем на том основании, что формула, на которую шел Ллойд Джордж в компромиссе от 30 марта относительно частной собственности в России, вызвала у Стандарт Ойль подозрение, что за нею кроется какая-то сделка по нефтяному вопросу. Ллойд Джордж соглашался признать, что, если Советское правительство не хочет или не может возвратить ту или другую фабрику, завод или шахту, ранее принадлежавшие иностранным капиталистам, оно имеет право сделать это при условии уплаты известных компенсаций. Стандарт Ойль полагал, что это дает Советскому правительству возможность удержать

находящиеся теперь в американских руках нефтяные участки бывших русских владельцев с тем, чтобы затем переуступить их Рояль Детш и Шелль. Поэтому Стандарт Ойль и организовал срыв Генуэзской конференции. В смысле обеспечения нефтью Франция находится в самом плачевном положении. Ее положение в то же время крайне неудобно при всяких переговорах с Советским правительством, так как в ее руках сосредоточена главная часть русских довоенных займов. Перед войной Россия не получала займов ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке, а получала их в Париже, и, таким образом, претензии Франции к России весьма значительны. России же Франция много дать не может, так как она сама экономически ослаблена. Такое положение французской буржуазии, не имеющей в руках нужного эквивалента, опасно для нее, но крайне выгодно для Англии. И поэтому не принципиальные соображения, а этот трезвый учет был главной причиной, почему, после того как французский представитель Барту дал свое согласие на меморандум Ллойд Джорджа от 30 марта, французское правительство отказалось его подписать. В том же положении было и бельгийское правительство. Вскоре после генуэзских переговоров Франция и Бельгия создают франко-бельгийский нефтяной синдикат, играющий решающую роль в Гааге. Перед Гаагской конференцией в Гааге состоялось совещание представителей Стандарт Ойль, Рояль Детш и Шелль и франко-бельгийского синдиката, и на этих переговорах Франция и Англия обязались придерживаться одной линии.

Роль Стандарт Ойль в этом деле объясняется в значительной мере отношением Северо-Американских Соединенных Штатов к России. С. Ш. Северной Америки представляют собою не только самый мощный капиталистический организм, но и страну с особенно ярко выраженным буржуазным индивидуализмом, страну, в которой только несколько десятков лет тому назад всякий рабочий мог сделаться фермером, а всякий мелкий буржуа мог надеяться выйти в ряды крупной буржуазии. Эта страна является не только по своим интересам, но и по своей психологии чемпионом капитализма, и не подлежит сомнению, что ни в одной стране ненависть буржуазии и ее агитация в печати против Советской России не были так сильны, как в Америке. Теперь центрально-

европейский рынок сбыта земледельческих продуктов разбит, уничтожен, на нем покупается только самое необходимое. Цены на продукты американского земледелия падают, и возможность появления России, как хлебного экспортера, ощущается американскими фермерами, как грядущая опасность. Когда несколько недель тому назад распространились ложные сведения о том, что Советское правительство намерено в этом году приступить к экспорту хлеба, то американские фермеры стали призывать к бойкоту русского хлеба. Возможности развития американского промышленного экспорта в Россию потенциально громадны, но предполагают в качестве предварительного условия—предоставление широкого долгосрочного кредита русскому крестьянству. Но американский капитал обладает громадными возможностями внутреннего развития: только небольшая часть его работает на экспорт. А теперь, когда американский капитал вытесняет Англию из Южной и Центральной Америки, когда он имеет возможность скупить промышленность Германии, он не спешит иметь дело с Россией. Разумеется, Стандарт Ойль хотел бы захватить в свои руки бакинскую нефть, но это ему нужно лишь потому, что в данный момент такой конкурент, как Шелль, угрожает захватом бакинской нефти. Американский капитал пойдет на сделку с Россией, чтобы не дать возможности другим капиталистическим странам усилиться в Советской России. Поэтому политика Стандарт Ойль в Генуе и Гааге сводилась к тому, чтобы не допустить Россию к сделке с Шеллем, а поскольку самой Америке удалось связать Шелля, она не имела интереса итти на сделку с Советской Россией.

Неудача Генуи и Гааги является доказательством не того, что сделка Советской России с капиталистическим миром невозможна, а того, что время для этой сделки еще не пришло. Когда некоторые люди разбирают вопрос о том, возможен ли принципиально modus vivendi между капитализмом и пролетарской диктатурой, между капитализмом и социализмом, то это—подмена вопроса. Этот modus vivendi существует уже пять лет, существует, как неустойчивое равновесие, при котором мы имеем ряд сделок с капиталистическим миром. Вопрос только в том, на какой почве заключаются эти сделки. Покамест капиталистический мир убежден,

что мы, принужденные экономическим положением, пойдем на капитуляцию и только хотим замаскировать наши сделки. Дальнейшее существование Советского правительства, рост, хотя бы и медленный, производительных сил страны, политика выжидания,—вот что является предпосылкой для сделок. Версальский мир по отношению к Советской России ликвидирован, поскольку дело идет о победе с оружием в руках, но он еще не уступил места ясному, определенному компромиссу старого капиталистического с новым пролетарским миром. Капиталистический мир все еще убежден в том, что ему удастся навязать свои условия Советской России, но время, в течение которого приходится страдать не только Советской России, в течение которого гибнут объекты этой борьбы,—это время работает на нас. Вся международная обстановка, создающая новую группировку, обостряющая отношения, увеличивает удельный вес Советской России. Она приведет к тому, что сделка вырастет не на почве капитализма, а на почве взаимных уступок. Размер этих уступок определен характером Советской России и международной обстановкой. Когда Советская делегация явилась в Геную, английское правительство было убеждено, что оно принудит нас к капитуляции. Урожай, хотя и не первокласный, дает нам не только передышку на год, но и открывает возможность приступить к работе над воссозданием нашего хозяйства. Этот год, год ликвидации Версальского договора, год громаднейших потрясений, явится годом, в котором перед нами встанет новая перегруппировка всех соотношений сил, годом, в котором многое будет зависеть от того, как в данном вопросе выступит Советская Россия. Не бряцая оружием, не зарываясь в авантюры, Советская Россия может в этой политике назревания новых противоречий и новых перегруппировок занять выжидательную позицию с полным убеждением в том, что каждая неделя усиливает ее международное значение. Всего только несколько недель прошло с того дня, как перед всем миром ярко встал факт краха германской „политики исполнения“, вследствие невозможности для Германии выполнить условия Версальского договора. Только последние недели принесли нам весть о победе Турции, победе, чреватой глубокими последствиями. На какую бы передышку ни должна была пойти Турция, какая бы власть ни господ-

ствовала в ней,—ближне-восточный вопрос автоматически поставил Советскую Россию в фокус международной политики. В том же самом направлении идет развитие и на Дальнем Востоке.

4. Ближне-восточный кризис.

Ликвидация Севрского договора на Ближнем Востоке происходит в самых непосредственных военных формах. Она началась еще до того, как были проведены в жизнь основные постановления этого договора. Версальский договор касался Турции только в том смысле, что отнял у Германии все, что она в продолжение многих лет захватила в Турции, идя путем капиталистического проникновения. Он отнял прежде всего Багдадскую железную дорогу, главный объект дипломатической борьбы за последние десять лет перед войной, и экспроприировал все германские капиталы, вложенные в предприятия в Турции. Решение турецкого вопроса по существу было делом Севрского договора, выработанного союзниками только в 1920 году. Севрский договор означал выполнение старой программы английского либерализма, программы Гладстона: изгнания турок из Европы и уничтожения Турции, как мелкой державы. В Европе у Турции было отнято все, что ей оставил мир с Грецией, Сербией и Болгарией в 1912 году. В Азии были отняты области, где национальное большинство не принадлежало Туркам. Была создана независимая Армения, стремящаяся найти у Александретты выход к Средиземному морю, были отняты Сирия, Месопотамия и Аравия. На западе Малой Азии Греции была передана область Смирны, глубоко врезывающаяся в страну; на юге — Киликия была передана Франции, область Адалии должна была перейти к Италии. Далее: Константинополь и проливы должны были находиться в руках союзников, прикрывшихся флагом Лиги Наций. Севрский договор не был ратифицирован Турцией. Остатки разрозненного турецкого офицерского корпуса под руководством Кемаля-Паши отказались признать Севрский договор. Бежав из Константинополя, Кемаль-Паша приступил к организации защиты страны против союзников. И даже правительство султана, находящееся целиком в руках

Антанты, не представляющее решительно никакой силы, должно было, в виду такого положения вещей, отказаться от ратификации Севрского договора.

Если поставить вопрос, как была разделена Турция с точки зрения соотношения сил между самими союзниками, то нет не малейшего сомнения, что руководящая роль и главнейшие позиции достались Англии. Правда, французы, находясь в Сирии, могли угрожать Суэзскому каналу, главной линии сообщения английского империализма с Индией. Но французы находились в политической зависимости от английского империализма. Америка не ратифицировала Версальского мира, ушла из Европы, и защита этого мира целиком зависела от того, окажет ли Англия поддержку Франции. С другой стороны, Франция находилась и в полной экономической зависимости от Англии, ибо поддержка Англии решала вопрос, будет ли Германия платить по своим репарационным обязательствам. Французская угроза Англии из Сирии была поэтому чисто теоретической угрозой, „музыкой будущего", тогда как в данный момент раздела Турции англичане располагали громадным Средиземным флотом, значительно превышающим силы Франции, и имели возможность доставлять войска из Индии в Мессопотамию через Багдад. Господствуя над Турцией политически, англичане сумели обеспечить себе и экономическое господство.

Несмотря на то, что тайный договор 1916 года между Англией и Францией отдавал залежи Моссульской нефти в руки Франции, французы в 1920 году в Сан-Ремо отказались от своих прав, и Моссуль перешел в руки Англии. Нефть, которая перед войной имела, прежде всего, коммерческое значение, сделалась, с момента распространения Дизелевских моторов во флоте, главным техническим фактором военного флота. Без нефти не могут также развиваться ни автомобильная промышленность, ни авиация. Обе эти отрасли промышленности сыграли такую роль в войне, что на торжестве, устроенном в Лондоне после перемирия с Германией, лорд Керзон произнес исторические слова: „на берег победы вынесла союзников волна нефти". Моссульская нефть округляла нефтяные владения Англии у Персидского залива. Захват ее был одним из громаднейших

военных успехов Англии. Передавая в руки последней Моссульскую нефть, договор в Сан-Ремо обязывал ее уступать Франции по рыночным ценам только 25% продукции. Эта победа Англии была результатом не только вышеобрисованного зависимого положения Франции, но и результатом военного нажима. Англия начала вооружать против своего союзника, Франции, короля Фейсала, который с английским оружием в руках принялся вытеснять французов из Сирии. Только за согласие Франции пойти в полную нефтяную кабалу к Англии, делавшую в будущем неизбежным дальнейшее усиление зависимости Франции от Англии, Англия согласилась отказаться от поддержки Фейсала. Франция, лишенная нефти, не в состоянии более вести войны иначе, как при сочувствии Англии, если только она предварительно не заручится поддержкой другой нефтяной державы — Америки.

Вторым козырем в руках Англии в ее политике экономического захвата Ближнего Востока явились старые отношения английского капитализма к греческому. Греция располагает на Ближнем Востоке сравнительно сильным торговым капиталом. При слабо развитом капиталистическом хозяйстве, Греция издавна имеет торговый флот и громаднейшие коммерческие связи на Ближнем Востоке, более сильные, чем связи армянских купцов. В прошлом английский торговый капитал проникал в Малую Азию по греческим каналам. В этом — экономическая база английского филэллинизма. Отдавая Смирну в руки греков, англичане на деле передавали ее в руки своего торгового аппарата.

Однако, шкура медведя была разделена в Севре раньше, чем медведь был убит. Хотя главными кадрами, главной силой, на которую опиралось восстание Кемаль-Паши, начавшееся в 1919 году, была старая организация младо-турецкой партии, Кемаль-Паше пришлось переменить вывеску, потому что после военного поражения младо-турецкая партия потеряла популярность в народных массах. Да и уже во время войны эта партия, сделавшаяся партией армейских поставщиков, спекулянтов, наживающихся на войне, партия, которая, не успев сделаться капиталистической, успела усвоить себе все пороки капитализма, — обанкротилась в глазах народа. Однако, формальный разрыв между Кемаль-

Пашей и этой партией ничего не менял по существу дела, так как Турция не располагала другими силами, способными организовать защиту страны, кроме элементов, на которые опиралась эта самая младо-турецкая партия. Этими элементами были военнослужилые слои, являющиеся представителями деклассированного, потерявшего связь с землей, дворянства и слои старой бюрократии, происходящей из того же дворянства, но заключающей в себе некоторую примесь народных элементов. Дело в том, что в старой Турции энергичным выходцам из низов легко было пробиться в ряды господствующей олигархии (достаточно для примера указать на то, что великий визирь Талаат-Паша, один из самых энергичных и умных руководителей турецкой политики, был раньше телеграфистом; он—сын железнодорожного рабочего). Да и в армии многие командные должности занимались выходцами из низов. Все это давало возможность достаточно гнилой верхушке турецкого народа втягивать новые силы в дело государственного строительства. Таковы были те силы, которыми располагал Кемаль-Паша для организации защиты страны. Тот факт, что ему удалось организовать ее после многих лет непрерывных войн, длившихся с 1909 года и в конец разоривших турецкое крестьянство, объясняется историческим прошлым турецкото народа. Господствуя издавна на Юго-Востоке Европы, турки обладают большими военными традициями, особенно сильными в Анатолийском крестьянстве, отличающемся любовью к своей стране и готовностью ее защищать. Кроме того здесь стоял вопрос о порабощении магометанского Востока христианским Западом.

В 1920 году Турция начинает деятельно организовывать свои военные силы и одновременно искать себе союзников в предстоящей тяжелой борьбе. Еще в 1919 году, когда мы были отделены от Турции фронтами: Деникинским, Закавказским, Грузинским, муссаватистами и дашнаками, правительство Кемаля и турецкие эмигранты начали искать связей с Советской Россией. Это несомненно свидетельствовало о политической дальновидности турок, так как то был самый тяжелый для Советской России момент, когда Деникин находился под Орлом, а Юденич у Петрограда. В сентябре 1919 г. начинаются переговоры представителей Турции

с советскими представителями в Берлине. Одновременно с этим Советской России удается установить непосредственную связь с Турцией через Деникинский фронт и начать с ней переговоры о будущей совместной борьбе против Антанты. Эти переговоры закончились мирным договором от апреля 1921 года. Разумеется, Советская Россия не делала себе никаких иллюзий относительно социального характера правительства Национального Собрания в Ангоре. Она великолепно знала, что это не только не рабоче-крестьянское правительство, но даже и не национально-буржуазное правительство, носитель буржуазной революции. Она знала, что это правительство военного офицерского слоя, поддерживаемого бюрократией. Но вместе с тем Советская Россия знала, что война везде вызвала глубокие изменения в народных массах, и что это случилось также и в Турции. Аграрная разруха, расшатавшая окончательно не только крестьянское хозяйство, но и в корне ослабившая старый, не крепкий помещичий слой в Турции, выдвинула в Турции на первый план, как вопрос будущего,—крестьянский вопрос, который являлся там не столько вопросом нового наделения крестьян землею, сколько вопросом уничтожения остатков крепостничества в податной системе и пробуждения крестьян к политической жизни. Выходцы из крестьянской среды: народные учителя, молодые офицеры, крестьянская интеллигенция,—все это демократические элементы, на которых покоится будущее страны. Отказываясь от старой империалистической политики по отношению к Турции, Советская Россия знала, что она таким образом кладет фундамент для будущего союза двух народов. Советское правительство знало, что нынешние вожди Турции могут сто раз сделать попытку войти в наиболее выгодную сделку с теми, кто даст им больше—с могучими мировыми капиталистическими державами, но оно знало также, что если в бюрократической и военной клике есть много продажных элементов, то турецкие народные массы не потерпят обмана по той простой причине, что всякая сделка с Антантой будет заключаться за счет этих самых масс. Поэтому, относясь совершенно трезво к всевозможным дипломатическим колебаниям различных клик, Советская Россия видит в поддержке борьбы Турции за национальную независимость свой долг с точки зрения

развития мировой революции, победа которой невозможна без поддержки со стороны крестьянских масс Ближнего и Дальнего Востока, являющихся жертвой хищнического мирового империализма.

Когда Кемаль-Паша поднимал свое восстание, союзники смотрели не него, как на атамана разбойничьей шайки. Еще весной этого года английское правительство отказалось принять представителей Кемаль-Паши и вступить с ними в переговоры. В первых числах августа Ллойд-Джордж произнес в парламенте большую речь о политике Англии на Ближнем Востоке, явившуюся перепевом старых речей Гладстона. Но у английского империализма не хватило сил привести в исполнение свои угрозы. Франция, отказавшаяся в Сан-Ремо от моссульской нефти, сделавшая уступку Англии на Ближнем Востоке, увидела теперь, что этим она не купила полной поддержки со стороны английского правительства в ее европейской политике. Руководясь своими торговыми интересами, Англия хотела щадить Германию, требовала восстановления Германии, как покупателя изделий английской промышленности. Получив от Германии все, что ей было нужно, уничтожив ее военный флот и отняв торговый, Англия увидела, что она позволила Франции зайти слишком далеко в победе над Германией. Англии нужно было восстановить до некоторой степени политическую мощь Германии, чтобы воспрепятствовать безраздельному господству Франции на континенте. Поэтому английская политика по отношению к Версальскому миру состояла в том, чтобы, не отрицая Версальского договора на словах и защищая всегда его букву, на деле удерживать Францию от нажима на Германию или, во всяком случае, протестовать против такого нажима для того, чтобы создать себе в Германии славу ее защитника, славу ангела мира. Со своей стороны Франция, видя увядание Версальского договора, искала средств нажима на Англию, искала козырь, который при случае можно было бы продать Англии.

Когда Франция убедилась, что Кемаль-Паша, при помощи Советской России, в состоянии вести защиту страны, она начала переговоры с Турцией. Франклин Буйон приезжает, как представитель французского правительства, в Ангору и заключает с Турцией договор, по которому Франция не

только выводит свои войска из Киликии, но и оставляет их оружие и снаряжение в руках кемалистов. Мало того: Франция начинает доставлять Турции оружие. Как утверждают англичане, в заключенном Франклином Буйоном договоре имеются секретные пункты об обязательстве Франции не препятствовать Турции в том случае, если последняя попытается отвоевать Моссуль, занятый англичанами. За Францией идет Италия, принуждаемая пойти на сделку с Турцией из опасения усиления Греции, как средиземно-морской державы. Благодаря этому выгодному положению, т.-е. союзу с первой революционной державой, Россией, с одной стороны, и соглашению с Францией и Италией, с другой, — Турция настолько усиливает свою позицию, что в марте этого года союзники по собственному почину устраивают конференцию в Париже для пересмотра Севрского договора, предлагая Турции открыто возврат Константинополя и замаскированно—возврат Смирны. Турция отклоняет это предложение. Тогда Греция пытается организовать одно наступление за другим. Обильно снабженная английским оружием, она ведет свое первое наступление столь удачно, что греческие войска доходят почти до Ангоры, и турецкая армия принуждена отступить вглубь страны. Наступает пауза, в течение которой греки организуют второе наступление. Но тем временем турецкая армия берет инициативу в свои руки и наступление ее приводит к полному разгрому Греции.

Военная победа Турции подвела ее вплотную к основному политическому вопросу, вопросу о существовании Турции, как великой державы. Был побежден вассал Англии, Греция, но не была побеждена сама Англия. Когда несколько времени тому назад встал вопрос о том, сделает ли Кемаль-Паша попытку форсировать проливы, чтобы двинуться во Фракию, то вопрос этот был, с одной стороны, актуальным военным вопросом, а с другой стороны — политическим вопросом возможности для Турции начать теперь новую войну с Англией. С точки зрения военной техники задача захвата проливов была вполне разрешима. Силы Англии на азиатском берегу Дарданелл были невелики (всего 8.000 человек), и англичане в Чинаке были окружены кольцом турецких войск. Нет сомнения, что если бы Турция присту-

пила к военным действиям против Англии, то она захватила бы эти войска в плен или сбросила их в море. Только с большим трудом английский флот может маневрировать и сражаться в проливах. Опыт войны показал, как флоту вообще трудно бороться против береговой артиллерии. Турция располагает теперь достаточным количеством французских и итальянских аэропланов, чтобы бороться с английским флотом и путем операций в воздухе. Однако, все эти соображения решали вопрос только с точки зрения военной техники. Турция же, повидимому, учла вопрос не статически, а динамически: если Англия в данный момент не в состоянии дать отпор, то не подлежит ни малейшему сомнению, что английский империализм сумел бы, спустя некоторое время, начать военные действия с силами, превосходящими силы Турции. Оппозиция части либералов против политики угрозы войной, как она велась Ллойд-Джорджем и проявилась в его телеграмме от 16 сентября и в приказе сэру Гаррингтону, военному комиссару Англии— предъявить Турции ультиматум, — эта оппозиция не представляет из себя реальной силы. Разумеется, английские рабочие массы и английская буржуазия чувствуют страшную усталость от войны, и если бы дело шло о каком-либо голосовании, то новая война была бы теперь абсолютно невозможна. Но Ллойд-Джордж, большой демократ на словах, израсходовал в первые дни кризиса на Ближнем Востоке 200 миллионов золотых рублей, не спросившись у парламента и не созывая его. Глава английской меньшевистской Рабочей Партии Рамзай Макдональд пишет со слезами на глазах в № 1 нового журнала этой партии „New Leader", что если Ленин разогнал Учредилку, то Ллойд-Джордж поступает более вежливо: он просто считает, что английский парламент вообще не существует. Однако, если бы Англия ввязалась в войну, то нет сомнения, что перед лицом этого факта английская буржуазия стала бы на сторону правительства и не только потому, что на карту были бы поставлены ее большие и серьезные экономические интересы, но и благодаря высоко развитому классовому сознанию английской буржуазии, для которой фракционные интересы умолкают перед классово-государственными.

Борьба за проливы окутана романтизмом, коренящимся в их вековой истории. Правда, с момента прорытия Суэзского канала проливы потеряли в своем общемировом значении, так как Константинополь перестал быть центром торговли на юге-западе Азии, но их значение для будущих отношений Англии к России и Турции громадно. Англия не в состоянии бороться на суше против России, Россия же может угрожать Англии, являясь ее соседом в Азии, где она отделена от Англии только пространством, а не государственно организованной силой. Она является соседом Англии в Индии, отделенной от России только узкой плотиной Афганистана, является ее соседом через Персию куда России во много раз легче, чем Англии, подвести свои сухопутные силы. В случае войны между Англией и Россией в Средней Азии, Россия будет иметь вполне обеспеченный тыл, что является решающим фактором военного успеха, Англия же будет вынуждена считаться с национальными революционными стремлениями народных масс в Индии и Персии и попадет в такое положение, что легко может быть принуждена бороться на два фронта. Поэтому-то для Англии наиболее важным вопросом является возможность употребить против России тот военный фактор, в котором она имеет громадный перевес: флот. Вопрос о проливах, это для Англии вопрос возможности грозить России с юга, блокировать ее. Вместе с тем это вопрос о том, сумеет ли Англия держать Турцию под угрозой войны. Кто имеет в своих руках проливы, тот располагает громадным средством давления на будущую Турцию. Мира с Турцией Англия еще не заключила. Зная великолепно, чего она хочет от Турции, зная, что заключение этого мира дело не легкое, Англия не отказывается от требования капитуляций и финансового контроля по отношению к Турции. Если против этого требования Турция боролась еще перед войной, если первым актом турецкого правительства после объявления войны было уничтожение режима капитуляций, то теперь Турция, охваченная национальным воодушевлением, Турция победоносная, не может примириться с режимом капитуляций. Требование финансового контроля над Турцией, как условия представления кредита, также встретит сильный отпор, ибо Турция имеет в своих руках природные богатства, за которые она может получить

кредит и без финансового контроля. Она имеет прежде всего нефть, значение которой, можно сказать, открыто войною. И если даже Англия удержит за собой проливы, то этот захват может быть прочным лишь при условии сокращения турецкой армии до минимума. Опыт войны показал, что английскому флоту трудно бороться с сухопутной армией. Авиационные базы, даже расположенные в глубине страны, оказываются мощным средством давления против флота. Поэтому, одним из требований, которое в мирных переговорах выдвинет Англия против Турции, явится требование значительного сокращения турецкой армии. Это требование имеет большое значение для Англии не только в связи с вопросом о проливах. Армения, которая должна была быть вассалом Англии и своего рода крепостью, охраняющей английские позиции в Месопотамии, находится теперь отчасти в Советских руках, отчасти в руках Турции. Англия может бороться за Месопотамию, только базируясь на Персидский залив, где, несмотря на работу английского фунта, она имеет против себя туземные племена. Уменьшение турецкой армии есть уменьшение опасности, угрожающей нефтяной позиции Англии.

Держать в своих руках проливы важно для Англии не только по отношению к России и Турции, но и по отношению к Франции и Америке. Когда Франция в 20 м году на основании тайного договора в Сан-Ремо передала нефтяные позиции в руки Англии, то Америка повела против этого самую решительную борьбу. Добыча нефти в Северо-Американских С. Ш. составляет около 70% мировой добычи, но и потребление Америки выше, чем потребление во всех остальных странах мира, вместе взятых. Колоссальное развитие автомобильной промышленности в Америке, развитие употребления дизелей вызывает громадное потребление нефти. Американское правительство заглядывает далеко в будущее. После договора в Сан-Ремо оно подсчитало, что Америке хватит нефти только на 17 лет, что по истечении этого срока запасы ее в Америке будут исчерпаны. Английское правительство, работающее рука об руку с голландским синдикатом „Рояль Детш и Шелль", захватило в свои руки не только моссульскую, но и персидскую нефть, заручившись одновременно тем, что во всех французских колониях,—на

Мадагаскаре и в других местах—залежи нефти будут разрабатываться Шеллем. Мало того, сделка с Рояль Детш дала Англии почти полную монополию и на Голландских островах, право на разработку крупных залежей нефти в Джамбисе. Поэтому американское правительство кричит на весь мир о том, что вся нефть будет отныне находиться в руках Англии и Англия сделается мировым монополистом. Американское правительство начинает борьбу против будущей английской монополии. До сих пор эта борьба велась дипломатическим путем, путем нажима на Англию, чтобы заставить ее открыть Америке возможность эксплоатации нефтяных залежей в колониях Англии, Голландии и Франции. Англо-американской сделки еще нет, и победа Кемаля-Паши, ставящая договор в Сан-Ремо под знак вопроса, дает Америке и Франции основание поднять вопрос о новом распределении нефти. Разумеется, многое в этих переговорах будет зависеть от того, сумеет ли английское правительство держать Константинополь под жерлами судовых орудий английского флота.

Ближне-восточный узел еще не распутан дипломатией и не разрублен мечем.

Ближне-восточный кризис принимает затяжной характер не только потому, что будет сопровождаться скрытой борьбой в лагере союзников, которые, устанавливая внешний единый фронт при дипломатических переговорах с Турцией, на деле будут бороться друг с другом; он будет затяжным прежде всего потому, что нельзя исключать Советскую Россию при решении этого вопроса. В течение этого кризиса Советская Россия не бряцала оружием, не угрожала, что будет защищать немедленно с оружием в руках свои интересы в проливах. Она могла занять абсолютно спокойную позицию и защищать свои интересы одними только дипломатическими средствами, потому что за Советскую Россию говорит вся логика положения. Всякий договор, ею не подписанный, позволяет ей поднять спорные вопросы в тот момент, когда ей это будет удобно и когда она в состоянии будет это сделать. Чтобы поднять эти вопросы в самой решительной форме, она может выждать момент обострения кризиса в Европе, кризиса в Азии. Если и неправильно утверждать, как это делают многие не-военные на основании внешнего

впечатления от уроков войны, что линейные корабли потеряли всякое боевое значение, то, с другой стороны, не подлежит ни малейшему сомнению, что на столь ограниченном поле действия, как Черное море, подводный и воздушный флот являются факторами решающего значения. При всей своей бедности Россия может запастись этими средствами защиты. Как и в вопросе об электрофикации, перевес здесь находится на стороне молодых стран. Странам, где громадные капиталы вложены в железные дороги с паровыми двигателями, трудно перейти к электрофикации железных дорог, ибо это означало бы уничтожение громадных, еще не амортизированных капиталов. В странах же, где сеть железных дорог с паровыми двигателями мало развита, электрофикации не приходится бороться с противодействием значительных прежних интересов. В соответствии с этим и те страны, которые вложили миллиарды в флот из дредноутов, являются противниками развития подводного и воздушного флота, чтобы не вывести из строя старые орудия борбы, в которые вложены громадные капиталы. Поэтому Англия является в значительной мере противником как подводного, так и воздушного флота. В области военной авиации она уступила первенство Франции, а теперь пытается задержать рост подводного флота. Все новые страны, несмотря на их бедность, имеют возможность развивать свой подводный и воздушный флот. Правда, Советская Россия теперь еще не в состоянии сказать, что она фактически закладывает фундамент нового флота для защиты русских интересов. Но она может сказать нечто, значение чего может оценить всякий, переживший войну. Она может заложить основу этого флота политически. Если вспомнить историю русского флота, то окажется, что хотя он и не был воздушным, он висел в воздухе, будучи игрушкой царедворцев. Несмотря на громадную работу над воссозданием русского флота после русско-японской войны, интересы флота не встречали никакого сочувствия в народных массах России. В то время, как в Англии флот являлся предметом гордости даже для английского углекопа,—этот факт нужно признать,—в России такого отношения не было. Это объясняется тем, что для пензенского мужика не существовало бакинской нефти, а для тамбовского или украинского крестьянина туркестанский

хлопок не имел никакого значения. Гражданская война и разруха научили широчайшие массы Советской России понимать, что потеря Баку, как базы нефтяной промышленности, потеря Туркестана, как базы текстильной промышленности, угрожала бы теперь опасностью закабаления России капиталистическим государствам. Поэтому красноармеец с воодушевлением отстаивает Туркестан, борется за Баку. Пролетарская революция пробудила гражданское сознание в массах рабочих и крестьян. Она показала, что, защищая страну в продолжение пяти лет, выведя ее вооруженной рукой из окружения лесом штыков, она является гегемоном нации, защищает и будет защищать ее будущее. И она может сделать это в полном сознании того, что борьба Советской России за укрепление ее международного положения есть борба не за националистические привилегии, а борьба за существование первого государства, выдвинутого победоносной революцией, государства, от мощи которого зависит ускорение освобождения рабочих других стран и освобождения человечества. Тот факт, что Союз Коммунистической Молодежи, организация, воспитывающая будущее поколение, которое завершит дело Октября и будет руководить борьбой за восстановление и развитие России, берет на себя шефство над флотом, показывает, что Советская Россия хочет и может найти в народных массах те рессурсы, какие нужны для того, чтобы империалистические державы не смели пытаться решать вопросы жизненного значения для будущего развития России без России и вопреки России.

Убеждение, что логика развития работает за Советскую Россию, растущее сознание народных масс, создает у нее твердое убеждение, что принятое без нее или против нее решение ближне-восточного вопроса будет ею перерешено. Кризис на Ближнем Востоке может окончиться тем или иным компромиссом на ближайшие месяцы. Но в существе своем это затяжной кризис, кризис на многие годы, который явится исходным пунктом развития народных масс Ближнего Востока. Если турецкий крестьянин, увидев новую пушку, говорит: „Москва“, значит он чувствует, что русский народ, прежний враг Турции, посылает ему помощь. Этим создаются условия будущего союза турецких народных масс с крестьянами и рабочими массами России. Когда мелкие людишки из лагеря

международного меньшевизма говорят нам, что Турция продаст Советскую Россию, что мы окажемся в дураках, то Советская Россия может ответить им, что она доверяет не тем или иным националистическим партиям, а потоку исторического развития, которое объединяет народные массы всех стран, находящихся под угрозой империализма.

Как бы, однако, ни разрешился ближне-восточный кризис, ясно одно: Севрский договор разорван в клочки турецким оружием. Против Версаля двинулись народные массы Бл. Востока, которые в глазах Антанты были даже не пешками, а только пылью человеческой. Сейчас они начинают играть громадную роль. Среди тех, которые хотели на тайной конференции определить ход истории Востока, царит глубочайшее расхождение интересов. Англия пережила одно из величайших в своей истории унижений, когда после поражения своего вассала, Греции, она не посмела оказать ей вооруженную помощь и когда она, провозгласив смертный приговор над Турцией, принуждена была льстить Турции, приглашать ее в почтенную Лигу Наций. Этот факт является самым непререкаемым доказательством ликвидации Севрского договора на Ближнем Востоке. Народные массы, находящиеся на низкой ступени развития, можно держать в положении рабов только тогда, когда рабовладельцы объединены, а не тогда, когда они борются друг с другом. Когда рабы видят, что рабовладельцы трепещут, они восстают. И Восток, который видит теперь трепет английского империализма,—этот Восток уже не Восток Севрского договора. Отголоски победы Турции раздаются в Индии и во всем мусульманском мире. И это является лучшим доказательством того, что это п о б е д а м и р о в о й р е в о л ю ц и и, хотя организаторы победы не революционеры в современном смысле этого слова. Когда в 1905 году на Дальнем Востоке царская Россия была разбита молодым, только-что окрепшим японским империализмом, то широкая волна энтузиазма охватила все народы желтой расы, которые до того времени считались навозом человечества и которые хотят быть частью человечества. Их охватила радость потому, что победа военной юнкерско-капиталистической Японии над царским правительством была революционной победой. Она сделалась исходным пунктом развития революции в Китае, где

трехсотмиллионный народ после этой победы сказал себе: „и я могу победить!“ Эта победа дала толчек революционной борьбе в Индии, где сотни миллионов человек в первый раз посмели поднять руку против Англии. Она была исходным пунктом революционных волн, которые еще не докатились до берега, а усиливаются все новыми и новыми волнами. Такие же последствия будет иметь победа турок. Поэтому мы смотрим на эту победу с чувством искренней радости, как пролетарские революционеры, которые ведут свой корабль по фарватеру революции и видят, что по тому же пути движутся крестьянские массы Востока, встающего на бой с капитализмом.

5. Борьба за Тихий Океан.

Ликвидация Версальского договора на Дальнем Востоке началась в прошлом году с Вашингтонской конференции. Ее движущие силы определяются всем соотношение экономических и политических интересов и военных возможностей на Дальнем Востоке. Для понимания того, что происходит теперь на Дальнем Востоке, нужно вспомнить в главных чертах, каковы были соотношения сил перед войной, и какими сделала их война в тех областях мира, где сосредоточены величайшие будущие интересы мирового капитализма, и где лежит центр тех крупных конфликтов и потрясений, которые придется выдержать в ближайшем будущем не только капиталистической, но, быть-может, и социалистической Европе. Еще в 1851 году, после открытия золотых рудников в Калифорнии, Маркс писал, что центр развития человечества передвинулся к Тихому Океану. Характерно, что в то же время великий русский синолог Васильев, не имевший никакого понятия о Марксе, развил те же самые перспективы в своем труде „Открытие Китая“. В то время это еще были только перспективы, хотя, разумеется, достаточно обоснованные, так как дальнейшее развитие западного побережья Америки—Калифорнии—и развитие Китая должно было необычайно повысить значение Тихого Океана. В продолжение истекших 50-ти лет история человечества шла, повидимому, по старым рельсам, проложенным вокруг Атлантического Океана.

Англия оставалась главнейшей капиталистической державой в Европе, но вместе с тем не было никакого сомнения, что предсказанные Марксом и Васильевым перспективы осуществлялись с каждым днем.

Переход на рельсы капитализма, старой феодальной Японии, страны, которая сумела понять историческую необходимость взять в свои руки руководство капиталистическим развитием Дальнего Востока, создал современную Японию. Уже в XVII столетии Япония пыталась захватить Китай, понимая, что там лежит ее будущее. Поход великого Ходеяши в XVII столетии должен был бы занять в истории человечества бесконечно более значительное место, чем все походы Ксеркса против Греции. Мы, однако, настолько привыкли рассматривать историю человечества, как историю белой расы, что все эти глубочайшие процессы развития в жизни народов Индийского и Тихого Океанов ускользнули от нас, и только теперь начинают входить в наше сознание, как составная часть наших знаний о развитии этих народов. Модернизированная капиталистическая Япония понимала, что условием ее преуспеяния является обеспечение за ней того, что служит главным источником капиталистического развития. Она понимала, что не имея ни угля, ни железа, она будет находиться в зависимости от других капиталистических держав. Мы видим, поэтому, как с самого начала 80-х годов взоры Японии обращаются к Китаю, так как Япония, несмотря на все свое капиталистическое развитие, крайне бедна, не имея у себя ни одного фактора современного капиталистического развития. Ей недостает, несмотря на колоссальный прогресс земледелия, главного средства питания народных масс: риса, ей недостает также железа, угля, нефти и хлопка. В 1894 году Япония побеждает слабые военные силы Китая. Но Шимоносекский мир, навязанный ей Францией, Россией и Германией, отбрасывает ее от Китая и отнимает у нее плоды победы. Рассчитанная на десятилетия, японская политика ведет наступление одновременно по всем направлениям, в которых японский империализм мог бы в конечном итоге одержать победу. Она стремится к захвату Китая для того, чтобы китайские рабочие добывали в копях Шандуня и Янгтце уголь и железо. Одновременно она движется на юг к Тихоокеанским островам, так как растущее население

Японии не находит себе, по климатическим условиям, подходящего места ни в Китае, ни в Сибири. Это движение Японии по направлению к Тихому Океану имеет одновременно и стратегический характер, так как Тихоокеанские острова являются базой защиты Китая против Америки и Англии. Опираясь на них, Япония может завоевать Китай, отрезать его от Америки и закрепить его за собой. Русско-Японская война дала Японии Лиаотунг и Южную Манчжурию, она закрепила за нею Корею и открыла, таким образом, возможность подготовлять захват Северного Китая; Южный Сахалин, который Япония получила по Портсмутскому миру, дает Японии базу, превращающую Владивосток, если только он не будет укреплен, как первоклассная крепость, в предмет легкой добычи для Японии. Эти первые шаги японской политики были удачны, благодаря той поддержке, которую эта молодая империалистическая держава нашла у Англии. Борьба России с Англией за среднюю Азию, угроза Индии со стороны России,—все это толкало английское правительство на сделку с Японией, и когда в 1902 г. был заключен англо-японский договор, Япония вошла в семью капиталистических держав, как признанная империалистическая держава. Это обеспечивало за ней не только финансовую поддержку со стороны английского капитализма, но и техническую помощь со стороны Армстронга и Виккерса, и давало возможность победы над Россией. Когда русская опасность миновала и английская политика очутилась лицом к лицу с Германией, японский договор, возобновленный в 1912 году, принял совершенно другой характер. Не будучи больше направлен против России, от которой Япония получила почти все, чего добивалась—кроме контрибуции,—этот договор давал Японии надежду на захват Киао-Чау, германской колонии в Китае. Это значило, что Япония, обеспечив за собой Японское море, сделав его своим внутренним морем, могла надеяться на господство и в Желтом море, в преддверии к Пекину. Получая вексель на Шандунь, она получала надежду и на то, что будет господствовать над столицей Китая. Япония, вошедшая в мировую войну очень осторожно, отказывается от всяких военных затей сейчас же после того, как она с незначительными потерями захватила Киао-Чау. Она щадит свои силы для будущих столкновений. Она про-

тиводействует всеми силами вступлению Китая в войну на стороне союзников, чтобы помешать ему сделаться из объекта ее захватнической политики равноправным союзником. В 1916 году Япония предъявляет Китаю известные 21 условие, по которым в руки Японии должны были перейти все главные шахты и залежи угля и железа в центре Китая, финансовый контроль, руководство над созданием армии и целый ряд мелких железнодорожных веток. Если взять карту Китая, то можно видеть, что эти железные дороги позволили бы японской армии охватить Китай кольцом с Севера и Запада, перебросить войска из Манчжурии и Шандуня на юг, вглубь Китая и захватить все его рессурсы. 21 условие Японии, — это японская программа-максимум на Дальнем Востоке, это — программа превращения Китая в японскую колонию. Главнейшим противником этой программы явилась Америка, ведущая против Японии самую решительную борьбу, — пока дипломатическим путем. Америка прекрасно понимает, что экономический захват Китая Японией, т.-е. переход в японские руки целой страны, имеющей и уголь, и железо, и нефть, и рис, и хлеб, и хлопок, располагающей самой дешевой в мире рабочей силой, означает сосредоточение в руках Японии таких источников экономического развития, которые сделали бы из Японии, при помощи иностранного капитала, за ближайшие 50 лет решающую политическую силу в мире. Пока шла война, Америка могла бороться против захватнических тенденций Японии только дипломатическим путем. Америка, не решаясь на схватку с Японией, пока шла мировая война, шаг за шагом саботирует политику Японии, заключая при этом с нею договор—договор Лансинга-Иши,— который на словах признает специальные интересы Японии в Китае. Японские политики прекрасно понимали, что победа союзников и Америки может уничтожить всю работу Японии в Китае. С того момента, как сделалось ясно, что Америка вступит в войну, что она будет ангажирована в Европе, Япония пытается перекинуться на другую сторону и входит в тайные переговоры с Германией. Эти переговоры начинаются в 1916 году и продолжаются в 1917. Их целью является сепаратный мир Японии с Германией и России с Германией, так как Россия перестала представлять опасность для Японии. Японо-германская политика стремится к созданию

союза германского кайзера, русского царя и японского микадо, союза трех государств, где бюрократия, юнкерство совместно с самыми богатыми слоями буржуазии держат в своих руках власть и дают направление политике. Если бы этот союз осуществился, то изменилась бы вся картина мировой политики. Переговоры тянулись чересчур долго. Япония не решалась. За это время произошел переворот в России. Царизма уже не было. Проблема осложнилась тем, что теперь для осуществления этой программы нужно было победить русскую революцию. Это еще более затянуло переговоры, и когда, наконец, был заключен предварительный тайный договор в Стокгольме, находящийся в наших руках, договор, в котором предварительным условием была поставлена победа над Советской Россией соединенными силами Японии и Германии, — германский империализм был уже разбит, а Япония находилась с империалистической точки зрения в катастрофическом положении, живо напоминающим нам историю германского империализма: в состоянии полнейшей дипломатической изоляции. Во время Версальских переговоров Японии удается путем нажима, путем угроз принудить союзников не считаться с Китаем, не ставить китайских требований на обсуждение. Однако, сама она получает только Шандунь и ряд Тихоокеанских островов на север от экватора.

После заключения Версальского договора, в продолжение 1919, 1920, 1921 годов начинается работа американской дипломатии, пытающейся ликвидировать позицию Японии, как державы, первенствующей на Дальнем Востоке. Америка только в 1916 году начинает строить свой громадный флот, который в 1924 — 26 годах должен стать сильнее английского. Эта морская программа, на выполнение которой Америка израсходовала $3^1/_2$ миллиарда долларов, является для Америки главным средством давления на Англию. Англия — союзник Японии, и первая задача Америки состоит в том, чтобы уничтожить англо-японский союз, изолировать Японию. Между тем Америка строит корабль за кораблем, и Англия видит, что это уже не шутки. Тогда Америка выступает с предложением устроить конференцию в Вашингтоне для решения вопроса об ограничении вооружений. Политический смысл американского маневра был прост. Америка действи-

тельно могла продолжать вооружения. Хотя у нее финансовые затруднения, на которые уже было указано, но она все таки имеет достаточно средств для того, чтобы поставить английский флот на второе место. Состояние финансов Англии не позволяет ей увеличивать расходы на морские вооружения, и действительно после окончания войны она уже не строит новых судов. Поэтому Америка поставила перед Англией вопрос: „если вы согласитесь изолировать Японию, то мы откажемся от нашей большой судостроительной программы и облегчим ваше положение". Тот отклик, который это предложение встретило в Англии, является главным симптомом происшедшей в Англии перемены. В статье от 25 июля прошлого года, написанной при первом известии о Вашингтонской конференции, главный орган английской торгово-промышленности буржуазии, орган Сити — „Экономист" говорит с глубокой меланхолией: „в продолжение веков Великобритания была главнейшей морской державой, и в ее руках находилась охрана всех морей. В будущем Британия, Америка и Япония должны будут объединить свои морские силы вместо того, чтобы вооружаться друг против друга, если мы хотим спасти мир от самой изнурительной, самой ужасной из всех войн — от продолжительной морской блокады". И дальше говорится: „Соединенные Штаты являются теперь самой богатой и поэтому потенциально самой сильной державой в мире. Если они решили иметь самый большой флот в мире, флот сильнее нашего, то ничто не может помешать им сделать это. Если мы будем настолько глупы, что начнем соперничать с Америкой и строить флот против нее, то мы будем биты". Англия поняла, что миновало время ее первенства на море. Если вспомнить, что в 1912 году, перед войной, когда английский военный министр Лорд Эльден приезжал в Берлин для переговоров с Германией о взаимном ограничении вооружений для избежания войны, Германия предлагала Англии установить соотношение сил в 16 английских линейных кораблей на 10 германских, и что Англия отвергла это предложение, так как оно давало ей слишком малый перевес; что она хотела, чтобы английский флот был по меньшей мере равен соединенному флоту двух любых держав, — если мы вспомним все это и заметим, что теперь Англия не в состо-

яний конкурировать даже с одной только Америкой, то происшедшая перемена положения выступит с полной ясностью. В виде уступки Англии Америка согласилась на то, чтобы американские и английские морские силы были равны. Америка отказалась от постройки новых линейных кораблей с политической целью изоляции Японии. Англия пошла на это соглашение, отказалась от роли владычицы морей, согласилась иметь флот, равный американскому. Она пошла на это под давлением экономических затруднений и по настоянию своих колоний, солидарных с Соединенными Штатами Северной Америки в их антияпонской политике. Остается вопрос, почему Япония согласилась на то, чтобы при соотношении сил Англии и Америки как 5:5 ее морские силы относились бы к морским силам каждой из этих держав порознь, как 3:5? Чтобы понять это, нужно, с одной стороны, учесть внутреннее положение Японии, а с другой — стратегическое соотношение сил на Тихом Океане.

Некоторые характеризуют внутреннее положение Японии, как прелюдию к социалистической революции. Это не верно. Внутреннее положение Японии ближе всего напоминает положение Англии в 1842 году, когда старая протекционистская политика аграриев привела к борьбе между торговым классом и дворянством за понижение таможенных ставок, за понижение цен на сырье и продукты массового потребления. Борьба между фритредерами, представлявшими интересы буржуазии, и крупными земледельцами, связанными с финансовыми сферами, была основным элементом в социальном развитии Англии в первой половине XIX века. Одновременно с этой борьбой шла борьба фермера, земледельца-арендатора против тягот, которые навьючивали на него лендлорды, и широкой волной разливалось движение рабочих, которые только что начали реагировать на порожденные капитализмом каторжные условия жизни, — шло чартистское движение. В Японии мы имеем положение, целиком напоминающее это соотношение сил в Англии. Здесь происходит борьба между земельной аристократией, связанной с финансовой верхушкой и военно морской кликой, возглавляемой партией Сеюкай, с одной стороны, и молодой торгово-промышленной буржуазией, руководимой пар-

тией Кенсекай,—с другой, причем за буржуазией идет крестьянин-арендатор, угнетаемый и слишком высокой арендной платой, и дороговизной, и податями. И на фоне этой борьбы вырастает широкое, неоформленное еще революционное движение. Если все это показывает, что в Японии идет покамест борьба буржуазии за государственную власть, то с другой стороны, имеется глубочайшее отличие от положения в Англии в 1840—50-х годах. В Англии революционное рабочее движение было тогда побеждено, потому что открытие золотых россыпей в Калифорнии, развитие английских колоний дало огромный толчок промышленному развитию Англии и открыло возможность эмиграции. Гигантское развитие английской промышленности дало возможность настолько повысить заработную плату и так понизить цены на жизненные припасы, что английская буржуазия смогла отбросить английский рабочий класс на 50 лет назад и сделать его классом, который за подачки со стола буржуазии отказался от своих исторических задач. Япония находится в другом положении, чем Англия, это метрополия капитализма. Когда на континенте едва только начиналось экономическое развитие Германии, Франции и Бельгии, Англия имела уже громадные колонии, опираясь на которые имела возможность дешевого производства. Япония же имеет конкурентов в лице Америки и Англии, стран, которые экономически сильнее ее во много раз. Находясь в состоянии полной изоляции, японский империализм должен прежде всего искать себе выхода, и пока он не найдет его, он не в состоянии улучшать положение своих рабочих. А это ведет к обострению борьбы буржуазии с пролетариатом. Исходя из этого, нужно смотреть на предстоящий период борьбы пролетариата в Японии не как на 1917 год, а как на период, напоминающий русский 1903 год, когда наростали силы либеральных элементов, земцев, кадетов и т. д., когда одновременно с этим шла волна забастовок (ростовские события), подымалось крестьянское движение. Существование японского парламента и некоторой свободы печати ускоряет развитие революционных сил. Поскольку господствующий класс Японии хочет удержать свое влияние и выиграть время, он должен пойти на уступки. Поэтому то Япония согласна сократить свои вооружения, которые по-

глощают 52% ее бюджета, соглашается увести свои войска из Сибири. Японское правительство ставит теперь своей целью борьбу с дороговизной, успокоение крестьян и рабочих, стремясь таким путем изолировать буржуазию. С другой стороны, делаются попытки успокоить ту же буржуазию путем уступок со стороны правительственной партии Сеюкай, создается „беспартийное правительство" адмирала Като, который вел переговоры в Вашингтоне. Внутреннее положение Японии было одной из причин, заставивших Японию пойти на сокращение вооружений; другой, не менее важной, было стратегическое положение, в котором она находится.

Литература, освещающая стратегическое положение на Дальнем Востоке, дает вполне ясную картину. Эта литература тем ценнее, что авторы ее принадлежат к различным нациям и армиям. Сюда относятся: работа английского морского писателя Байватера об условиях стратегической борьбы на Тихом океане и о развитии американского и японского флотов, работа американского морского офицера Нокса под заглавием „Исчезновение американского флота" и интересная работа двух бывших офицеров русской армии, генерала Головина, бывшего начальника штаба 8-й армии Колчака, и адмирала Бубнова. Все эти работы приводят к следующим выводам: Англия и Америка имеют значительный перевес над Японией в числе линейных кораблей. Однако, в морской войне первостепенное значение имеет расстояние военных баз данного флота от места сражения. Все японские первоклассные военные базы находятся на расстоянии 500 или 700 морских миль от места будущего сражения, так что потерпевший аварию японский корабль может быть в течении одного-двух дней доставлен на буксире в док. Плавучие японские доки находятся под руками. Таким образом Япония в состоянии использовать свой флот так, как если бы он был фактически в три раза сильнее. Что касается Америки, то она вообще располагает очень малым числом баз. Из наиболее важных для борьбы в Тихом океане американских баз, одна база на Гавайских островах находится на расстоянии в 3350 морских миль от следующей базы на Филиппинах, которая явится первым объектом борьбы. В свою очередь эта последняя находится на расстоянии в 1500 морских миль от предполагаемого места морского сражения и

не может быть достаточно сильно укреплена, так как там, по географическим условиям, нельзя оборудовать большой гавани. Таким образом, в случае войны, американский флот будет находиться в самых невыгодных условиях. Американские, английские и русские стратеги согласны в том, что пока американский флот, после объявления войны, сосредоточит достаточные силы на месте сражения и обеспечит себя нефтью, углем и т. д., на что потребуется месяц времени, Филиппины будут захвачены Японией, и это случится уже на третий день. Если принять в расчет возможность действий Англии и Америки против Японии, то нужно указать на то, что у Англии имеются очень сильные морские базы, а именно: одна в Сингапуре, а другая в Гонгконге, при чем они удалены от места сражения меньше американских, но больше японских. Из этих двух баз одна—Гонгконгская—не вполне надежна: ее можно обойти с суши. Вот почему милитаристическая Япония пошла на переговоры с Сунятсеном, вождем южно-китайской революционной партии; она сделала это, чтобы заручиться поддержкой Юга против Англии (Гонгконга). Базой, вполне безопасной, может считаться только Сингапур. Если принять во внимание значение аэропланов и подводных лодок и то громадное количество островов, которыми располагает Япония, то ясно, что она может беспрерывно беспокоить американский флот, прежде чем он появится на месте решительного сражения. Все эти соображения приводят писателей-стратегов к единодушному мнению, что Японию нельзя победить на море. Северные подступы к Японскому морю находятся в руках Японии, проход в Японское море с юга закрыт с того момента, как Порт-Артур очутился в руках Японии. И если бы даже соединенный английский и американский флот ворвался в Желтое море, то доступ в Японское море был бы для него труднее, чем в Дарданеллы. Но Япония не имеет железа, угля, нефти, она располагает недостаточным количеством риса, и если Англия и Америка объединятся, то они в состоянии будут блокировать Японию с моря. Судьба Японского империализма зависит от того, сумеет ли Япония в этом случае получать необходимые ей припасы сухим путем из Китая или из России. Тут японская политика попала в тупик.

Политикой захвата, политикой 21-го условия Япония создала против себя в Китае ненависть, объединяющую все живые силы пробуждающейся к новой жизни китайской нации. Захватническая политика Японии в Сибири восстановила против Японии русский народ, и японская политика стоит теперь перед историческим решением: или японская буржуазия, победив аграриев и милитаристов, сумеет повести либеральную империалистическую политику, или Япония будет разбита по тем же причинам, по каким была разбита Германия. Поражение Германии в мировой войне обусловливалось многими причинами. Но главной причиной победы союзников над Германией было то обстоятельство, что старые юнкерские и аграрные слои Германии не были в состоянии создать политические, психологические предпосылки победы германского империализма. Если прочесть воспоминания одного из самых умных германских политических деятелей, адмирала Тирпица, то можно установить, что уже в первые дни войны он отмечает в своей записной книжке следующее: „мы будем разбиты, несмотря на первоклассную армию и флот, ибо у нас нет политического руководства". Прусская феодальная клика и ею ассимилированные буржуазные элементы не умели руководить политикой страны. Они позволили политически изолировать себя, хотя имели множество возможностей заключить союз не только с такими мертвецами, какими были старые Турция и Австрия. А внутри страны они сумели восстановить против себя не только пролетарские массы, но и другие слои населения, и, в конце-концов, Германия была разбита. Японская буржуазия могла бы руководить развитием Китая, а на деле она восстановляет Китай против себя. Не подлежит ни малейшему сомнению, что она, зная Китай лучше, чем западные капиталистические державы, являясь его близкой соседкой, могла бы получить от него добром и уголь, и железо. Она могла бы стать во главе движения желтой расы, ее борьбы за равноправие. Но японская военщина, привыкшая приказывать, знающая только разбои, восстановила Китай против себя. Для Советской России, как революционной державы, американский капитализм, как самый сильный, является более опасным врагом, чем японский. Отношение Советской России к борьбе японского и американского капитализма не пред-

решено. Она могла бы остаться нейтральной, и Япония могла бы через Владивосток получать все, что ей нужно. Для этого ей нужно было бы только отказаться от империалистического разбоя в Китае и в России. Руководящие слои Японии еще не решились на перемену своей политики и вряд ли на это решатся. Военщина дворянского происхождения не является классом, умеющим вести политику, основанную на взаимности и учете сил. Идея уступок японским народным массам ей чужда, так как по характеру своему она воплощает в себе самый варварский, самый необузданный период империализма. Сумеет ли японская буржуазия в близком будущем изменить эту юнкерскую политику—неизвестно. Ясно только то, что господствующий класс Японии потрясен в своем основании. Он смущен, ищет новой политики, выводит поэтому свои войска из Сибири, начинает переговоры с Советской Россией. Но одновременно он приподнимает либеральную маску и полагает, что ему все-таки удастся украсть Северный Сахалин. Выдвигая с одной стороны лозунг незахватнической политики по отношению к Китаю, содействия ему, он с другой стороны поддерживает Чанзо-Лина, этот оплот китайской реакции, и вызывает против себя враждебное чувство народных масс Китая. И, потеряв самоуверенность, поняв, что нельзя бросаться в войну, даже имея стратегические шансы на победу, но без подготовки тыла, без обеспечения себя железом, углем, нефтью и хлебом,—японские империалисты ведут политику проволочки, и пошли поэтому на Вашингтонское соглашение.

Что же дало Вашингтонское соглашение? На этот вопрос было бы очень трудно ответить на основании одних газетных сведений. Стратегическая литература дает ответ и на это. Америке удалось формально разбить англо-японский союз, но Америка еще не заключила союза с Англией, не заручилась ее поддержкой. Это ясно вытекает из того факта, что и после Вашингтонской конференции осталось в силе разделение американского флота на Тихоокеанскую и Атлантическую эскадры. Если флот, который должен выступать как одна боевая единица, составлять административное и стратегическое целое и в качестве такого учиться маневрировать, для чего требуется его прикрепление к определенной стратеги-

ческой базе, если этот флот разделен на две части, несмотря на то, что мог бы соединиться через Панамский канал, то это показывает, что нет еще англо-американского соглашения против Японии, что Атлантические морские силы Америки направлены против Англии. Вторым доказательством этого отсутствия англо-американского соглашения является то обстоятельство, что когда Япония потребовала, чтобы американцы отказались от укрепления Филиппин, Америка выдвинула, как встречное требование, чтобы Англия не укрепляла Гонгконга. Если бы существовало англо-американское соглашение, то Гонгконг был бы важной базою для самой Америки, она не требовала бы его невооружения в ответ на требование о невооружении Филиппин. Можно считать таким образом доказанным, что Америке удалось добиться формального уничтожения англо-японского договора ценою отказа от войны с Англией, но что, с другой стороны, Англия ничем не связана в случае будущей войны. Если до того времени не будет создан англо-американский трест, связывающий обе державы во всех мировых вопросах, то Англия будет играть ту же роль, какую играла Америка в европейской войне—то-есть выжидательную, она вмешается в войну в тот момент и на той стороне, когда и на какой ей это будет выгодно. Америка теперь экономически наиболее сильная держава; ее флот также сильнее английского. И так как капиталистический мир стал теперь на путь соревнования и конкуренции, то Америка является потенциально наиболее опасным врагом Англии. Самым решающим вопросом всей мировой политики, вопросом, на который теперь нельзя дать еще положительного ответа, является: будет ли создан англо-саксонский капиталистический трест, военный и экономический, объединенный трест Англии и Америки, или же между этими странами развернется политическое соперничество и начнется борьба именно потому, что они конкурирующие державы? Стоя пред этим вопросом, каждая из них пытается захватить в свои руки главные политические козыри, которые они могли бы пустить в ход друг против друга.

Четыре миллиарда долларов американских претензий к Англии—это первый козырь Америки. Второй ее козырь—это возможность вооружить Францию против Англии. В Ва-

шингтоне был поставлен вопрос об устаревших кораблях, ненужных Америке, и об ограничении числа линейных кораблей, но не было ограничено, несмотря на настойчивые требования Англии, число подводных лодок, которые Англия называла „пиратскими судами". Франция заявила, что подводные лодки являются средством защиты, и Англия поняла, что это значит. Вдоль всего пути, по которому идут суда с хлебом и сырьем для Англии, лежат опорные пункты и базы Франции. За Танжер, расположенный против Гибралтара, французы ведут борьбу. Против Мальты лежит французская Бизерта, против Суэца французы стремятся создать базу в Сирии. Французы находятся в Джибути у Адена, остров Мадагаскар, западный берег Африки—все это французские военные базы. При таком положении вещей французские подводные лодки смогут сделать то, что не в состоянии была сделать Германия, не имеющая морских баз. В случае войны они смогут блокировать Англию. Если немецкие военные суда и подводные лодки должны были оперировать в треугольнике между Гельголандом, Вильгельмсгафеном и Килем, имея перед собою большое пространство, охранявшееся английскими подводными лодками, то французские военно-морские силы в Нормандии и Ламанше находятся только в нескольких часах расстояния от Англии. Борьба за самостоятельность Ирландии—это борьба за то, будет ли существовать в тылу Англии военная база, не находящаяся в ее руках. Таковы главные козыри Америки против Англии.

Англия, со своей стороны, располагает возможностью поддержки Японии против Америки и Германии против Франции. Отношение Англии к России также во многом зависит от решения вопросов борьбы за Тихий океан.

При таком положении вещей можно сказать с уверенностью, что Вашингтонская конференция решила только один вопрос, вопрос отказа Англии от морского владычества. Все другие вопросы остались нерешенными. Япония уходит из Сибири, это—следствие Вашингтонской конференции. Япония начинает борьбу за свою гегемонию на Дальнем Востоке в новых условиях.

Приведенные факты являются ответом и на вопрос о позиции Советской России на Дальнем Востоке. Несмотря на нынешнюю экономическую слабость Советской России, она

является силой, которая может решить исход борьбы за Тихий океан. Если она войдет в антияпонскую коалицию, то это, разумеется, может привести сначала к тому, что Россия потеряет приморскую полосу, дающую ей выход к Тихому океану. Но в конечном итоге такая позиция Советской России неминуемо привела бы к поражению Японии, которая тогда могла бы быть отрезанной на суше от Европы, а, одновременно, на море блокированной американским флотом. И, вместе с тем, она была бы вынуждена вести борьбу и на суше. И, наконец, моральное значение России, как очага революции, поддержало бы, при непосредственном соседстве России и Китая в Туркестане и в Сибири, тот отпор, который дал бы Японии Китай. Являясь решающим фактором в возможной антияпонской коалиции, Советская Россия является, разумеется, решающим фактором и по отношению к Америке. Ее политика может определить исход борьбы, которая собирается разыграться на Дальнем Востоке.

Но само собой разумеется, Советская Россия определяет свою политику, исходя из интересов трудовых масс России и всего мира. Она не стоит принципиально ни на почве антияпонской, ни на почве антиамериканской ориентации. Рост ее значения на Дальнем Востоке будет зависеть от энергии, с которой она будет защищать свои западные границы, и будет усиливаться с каждым днем. То решение вопроса о нефти, угле и железе на Дальнем Востоке, в котором одну из главных ролей будет играть Советская Россия, окажется лучшим ключом к сердцам и карманам сильных мира сего в Америке, чем все дипломатические переговоры, чем все призывы к гуманности, чем все указания на то, что 150-миллионный русский народ никого не трогает, ни на что не посягает, а только хочет жить.

В условиях, где новые группировки только начинают выкристаллизовываться, единственный вывод, который можно сделать после обозрения всего международного положения, состоит в том, что главнейшим решающим фактором служит только реальная сила. Если Советская Россия, окончив гражданскую войну, не допустит вспыхнуть новой гражданской войне, если она сумеет прежде всего поднять свое земледелие, а затем оборудовать у себя хотя бы узкую, но доста-

точную промышленную базу, — то значение Советской России при будущем решении вопросов м ровой политики будет более значительно, чем когда-либо. И если при этом политика России останется политикой, вызывающей к себе глубочайшие симпатии широких рабочих масс всего мира и возрождающихся к жизни народов Востока, то этот моральный перевес еще более усилит ее значение, ибо тогда народные массы всех без исключения стран проникнутся убеждением, что в лице Советской России явилась новая сила, которая, координируя свои действия даже с капиталистическими странами и осуществляя интересы своей страны, вместе с тем защищает интересы рабочих всего мира, интересы всех угнетенных.

6. Новая группировка великих держав, предстоящие столкновения и международный пролетариат.

Наше изложение показало, как изменилось соотношение сил, лежавшее в основе Версальского мирного договора.

В экономическом отношении Соединенные Штаты Северной Америки сделались решающей мировой силой. В лице их Англия имеет более опасного противника, чем когда-либо могла стать Германия. Кардинальный вопрос состоит в том,—будет ли эта экономическая конкуренция и дальше обостряться или же будет достигнуто сотрудничество англо-саксонских держав. От того или иного решения этого вопроса зависит дальнейшее развитие мировой политики. В данный момент еще невозможно ответить на этот вопрос. Все находится еще в начальной стадии, и никто не сумел бы сказать, что из этого выйдет. В английских капиталистических кругах ясно понимают, сколь опасно конкурировать с Америкой, и стремятся к сотрудничеству с ней. Но, с другой стороны, такое сотрудничество может быть достигнуто лишь на почве отступления английского капитала перед американским, который, ни с чем не считаясь, выдвигает свои интересы на первый план. Английская дипломатия постоянно говорит о необходимости такого сотрудничества, но вместе с тем она убеждена в своем превосход-

стве над американской и думает, что в ее руках крупные козыри, которые дадут ей возможность одурачить Америку. Таким образом, происходит борьба тенденций сближения и конкуренции, которые в конечном счете могут привести к англо-американскому соперничеству в мировом масштабе. Приобретенный нами в истории опыт говорит, что два крупные промышленные государства, обладающие значительными морскими силами, обычно вступают в борьбу друг с другом, а не приходят к соглашению.

Противоречие американских и японских интересов—факт, от которого не отделаешься одними фразами. Это противоречее интересов переплетается, сверх того, с англо-американским соперничеством, и развитие первого будет в значительной степени зависеть от развития последнего. Во всяком случае, оно является фактором, определяющим положение на Тихом океане.

Англо-французская борьба за гегемонию на европейском материке, связанная с борьбой за преобладание на Ближнем Востоке, является на ряду с англо-американским соперничеством продуктом послевоенного развития. Это противоречие интересов Англии и Франции—главный фактор европейской политики, и его дальнейшее развитие будет зависеть от развития отношений между Англией и Америкой. Военному преобладанию Франции на континенте не хватает соответствующего экономического базиса. Она может им заручиться лишь в том случае, если ей удастся образовать франко-германский железо-угольный трест, будь то путем изменения своей политики по отношению к Германии, будь то путем насилия. В состоянии ли она будет это сделать или нет, будет зависеть от обострения или смягчения англо-американского соперничества. Если наступит обострение, то Франция, в качестве европейского орудия Америки, получит от нее необходимое прикрытие тыла для своей борьбы с Англией.

Германия и Австрия стали объектами мировой политики, и поэтому предстоящее развитие, начавшаяся перегруппировка соотношений между державами не откроют им выхода из создавшегося положения, разве только в Германии победит пролетарская революция и сделает страну активным фактором политики. Перегруппировка соотношений

европейских капиталистических держав может изменить лишь направление, откуда сыпятся удары на германскую буржуазию. Фактором мировой политики бывает лишь тот, кто обороняется. Германская буржуазия, связанная по рукам своей борьбой с германским пролетариатом, не может думать об активной обороне против Антанты. Она может только менять форму зависимости.

Россия уже стала активным фактором мировой политики. Это признание, сделанное парижским „Тан" в номере от 17 октября, приобретает тем более серьезное значение, что оно появляется на страницах официального органа той самой власти, которая долгое время не признавала за Советской Россией характера первоклассной державы. Вся территория России—от Березины до Владивостока, от Ледовитого океана до Черного моря—собрана в руках российского пролетариата. Опираясь на Красную армию, уже доказавшую свою силу, опираясь на национальную политику, принимающую самым тщательным образом во внимание национальные потребности нерусских народностей российской федерации, опираясь на добрые отношения с народами Востока, которые, вопреки всем ошибкам и промахам дипломатии, с каждым днем все более и более убеждаются, что и на Ближнем и на Дальнем Востоке только Россия является оплотом освободительного движения народных масс в их борьбе с империализмом, используя противоречия внутри мирового капитала,—Советская Россия, несмотря на свою экономическую слабость, крепко стоит на завоеванных ею позициях, благодаря которым она все более и более становится одной из наиболее могущественных мировых держав.

Обострятся ли и когда обострятся очерченные здесь противоречия настолько, чтобы вызвать новую всемирную войну, нельзя сказать заранее. Мировая буржуазия так сильно потрясена мировой войной, последствий которой она до сих пор не может преодолеть, что она страшно боится новой мировой войны, которая будет означать конечную победу мировой революции. Поэтому она судорожно ищет новых компромиссов. Но расщепленная на враждебные друг другу капиталистические группировки, неспособная подчинить свои частные интересы общим интересам мирового ка-

питала, она обречена выполнять работу Пенелопы. Она то и дело сама распускает едва только сотканную сеть соглашений. Теперь, как и раньше, находящаяся во власти незначительных клик, бессильных и безмозглых дипломатов, игрушка честолюбия военных генералов, она неспособна проводить политику экономического восстановления. И поэтому банкротство Версальского мира вместо того, чтобы положить конец напряженному состоянию и привести к могущему обеспечить мирное развитие соглашению между отдельными крупными державами, поведет, наоборот, к новым столкновениям из-за нового дележа мира.

Во всех этих столкновениях, происходивших со времени заключения Версальского мира, международный пролетариат в своем подавляющем большинстве был не субъектом, а лишь объектом мировой политики. Он играл лишь пассивную роль, которая потенциально определялась его силой в грядущей войне. Лишь страх, что когда-нибудь придет конец его овечьей покорности, тревожил капиталистические государства.

Политика вождей большинства международного пролетариата, 2 и $2^1/_2$ Интернационалов и Амстердамского объединения профессиональных союзов, способна была скорее ослабить, чем усилить эту тревогу буржуазных правительств. Классическим примером духовной и политической немощи большинства рабочего класса является опубликованный 10 октября протокол переговоров представителей английских профсоюзов с Ллойд-Джорджем. Пришедшие к нему для того, чтобы объявить ему войну, на случай объявления им внешней войны, они сами запутались в противоречиях своей позаимствованной от буржуазии идеологии и покинули его его же пленниками. Вожди пролетарского большинства боятся революции не меньше, чем буржуазные правительства. Потому то и приходится им ограничиваться заклинаниями, протестами и проклятиями. Потому то и вынуждены они впрягаться в колесницу промышленного капитала, пробуждающего в них надежду на то, что он предпочтет извлекать прибыль из пота рабочих, а не из их крови, и в тот момент, когда международный капитал, исходя из интересов извлечения ма-

ксимальной прибыли, кладет в сторону пастушескую свирель, на которой он разыгрывал мирную мелодию, они оказываются беспомощными, обманутыми, бессильными, неспособными к борьбе. Ненависть к революции вовлекает их в борьбу с Советской Россией, и в этой борьбе они становятся союзниками капитала против единственной революционной державы в мире. То обстоятельство, что они молчали во время Генуэзской конференции, больше того—сознательно саботировали всякую попытку наступления международного пролетариата на международный фронт капитала, свидетельствует о том, что они опустились до роли сознательных пособников международного капитала в его стараниях силой добиться реставрации капитализма в России. Факт этот целиком подтверждается поворотом вправо меньшевистских партий, заметным как по статьям Мартова и Дана в пользу реставрации капитализма и буржуазной демократии в России, так и по письму вождя английской рабочей партии Клайнса, выступающего перед Советским правительством за ратификацию того самого договора, который социал-демократическая печать клеймит, как измену российской революции и сдачу ее позиций. Политика вождей пролетарского большинства готова содействовать восстановлению капитализма, если только он откажется от войны. Она не отличается от политики либерального промышленного и торгового капитала и подобно ей бессильна.

Коммунистический Интернационал единственная часть международного пролетариата, ведущая активную революционную мировую политику. Мобилизуя изо дня в день рабочие массы для борьбы с экономическими последствиями войны, мобилизуя их для революционной борьбы, он становится пролетарским фактором мировой политики. Его политика поддержки Советской России—это составная часть той гигантской борьбы, которая ведется им как против империалистической войны, так и против империалистического мира за перестройку всего мира на пролетарских принципах.

В лице Советской России рабочий класс имеет государственный центр своей революционной борьбы, и если сикофанты из 2 и $2^1/_2$ Интернационалов бросают Коммунистическому Интернационалу упрек в том, что он отстаивает

государственные интересы России, то Коминтерн может спокойно ответить им: интересы российского пролетарского государства суть интересы организовавшегося в форму государственной власти российского пролетариата, первой, победоносной части мирового пролетариата, а потому они совпадают с интересами рабочего класса всего мира. Что ни день, то явственнее и явственнее обнаруживается развал международного капитализма, способствующий усилению мощи Советской России и в то же время толкающий все более и более широкие массы пролетариата на революционную борьбу. Советская Россия и Коммунистический Интернационал становятся таким образом день ото дня все более крупным и мощным фактором международной политики. Они используют свою силу для освобождения международного пролетариата и его союзников, закабаленных крестьянских масс Ближнего и Дальнего Востока и народностей черной расы. Трудно сказать, сколько времени будет длиться эта борьба. Коммунистический Интернационал должен учитывать возможность медленного поступательного движения мировой революции, как это делает Советская Россия. Это неизбежно связано с временными поражениями и отступлениями, это требует применения в борьбе всевозможных средств, а прежде всего основательной подготовки к борьбе. В понятие этой подготовки входит тщательный анализ всех изменений мировой политики, который необходим, если рабочий класс хочет играть в этой политике все более и более крупную роль. Потому то борьба Коммунистического Интернационала все теснее и теснее переплетается со всеми перипетиями мировой политики, потому то Коммунистический Интернационал должен внушать своим отрядам во всех странах единообразное понимание каждого отдельного события в области мировой политики, развивать в них одинаковое понимание общего хода событий, пробуждать в них единую страстную волю, направленную не только на понимание и объяснение фактов, но и стремящуюся повлиять на ход вещей, ускорить исторический процесс, изменить лицо действительности. Это—воля к мировой революции, орудием которой служит рабочий класс.

Москва, 28/X. 22.

II. Наступление капитала и тактика Коминтерна.

Речь, произнесенная 15 ноября 1922 г. на IV конгрессе Коммунистического Интернационала с приложением заключительного слова.

Товарищи, в основе всех наших прошлых и отчасти будущих тактических дебатов лежит в сущности один вопрос: вопрос о наступлении мирового капитала против пролетариата и о пролетарских методах самообороны. Говорим ли мы о боеспособности Французской Коммунистической Партии, или о едином фронте, или о рабочем правительстве, в основе всех этих тактических вопросов неизменно лежит один и тот же объективный вопрос о наступлении капитала.

Вопрос о наступлении капитала многими товарищами трактуется слишком узко. Слишком узко, во-первых, потому, что под наступлением капитала обычно в первую очередь понимают вопрос о понижении заработной платы и удлинении рабочего дня. Во вторых, потому что всю историю мировой революции социал-демократы пытаются втиснуть в два механически друг от друга отделенных фазиса: в фазис наступления пролетариата и в фазис контр-наступления капитала, эту вторую фазу они рассматривают как победу контр-революции. Поэтому я полагаю, что мы лучше всего поймем позицию, которую надлежит занять Коммунистическому Интернационалу, если в кратких чертах вспомним ход развития мировой революции в ее конкретных проявлениях. Рискуя даже, быть может, показаться несколько поверхностным, я все же хочу попытаться это сделать.

1. Наступление пролетариата.

Русская революция, вопрос о которой был нами подробно обсужден при рассмотрении предыдущего пункта порядка дня, была воспринята пролетариатом, как событие международного масштаба. Мировая буржуазия, однако, несомненно в большей степени, чем мировой пролетариат, поняла, что русская революция обозначает начало международного наступления пролетариата. Достаточно прочесть секретные докладные записки, представленные в 1917 году и в начале 1918 года руководителями центральных держав своим правительствам, чтобы убедиться в этом. Вспомните хотя бы докладную записку графа Чернина. Она вам покажет, насколько хорошо руководители центральных держав тотчас после мартовской революции, т.-е. еще до октябрьской победы, поняли, что русская мартовская революция пробила брешь в капиталистическом фронте, пробила ее после того периода войны, в продолжение которого, благодаря банкротству социал-демократии, различные буржуазные клики отплясывали свою военную свистопляску на спине пассивно настроенных народных масс. Записка Чернина покажет вам, насколько хорошо руководители центральных держав понимали, что на мировой арене появляется новый исторический фактор. В своих воспоминаниях Людендорф повествует о том, как военное положение Германии заставило его пропустить большевиков в Россию, хотя он отлично понимал угрожающую опасность, и как впоследствии считал себя вдвойне обязанным подавить русскую революцию. Роковым для всемирного капитала было то обстоятельство, что его внутренние раздоры дали русской революции передышку, позволившую ей организовать свои силы.

Товарищи, после поражения Германии началась вторая волна пролетарской революции. Катастрофа, разразившаяся над Германией и Австрией и сбросившая короны Габсбургов и Гогенцоллернов в уличную грязь, породила такое положение, когда внутренно опустошенный и ослабленный войною и социал-демократической политикой пролетариат был вынужден взять власть в свои руки, так как не было никого другого, кто мог бы попытаться взять эту власть.

Часто слышатся иронические замечания относительно тех иллюзий, которые Коммунистический Интернационал питал при своем возникновении относительно мирового положения. Бывшие центристы, ныне входящие во 2 Интернационал, любят рассказывать о том, сколь оптимистически настроены и близоруки мы были, когда, основывая Коммунистический Интернационал, мы дали ему курс на близкую победу мировой революции. Я позволю себе прочесть вам документ, написанный почти в то же самое время, когда собирался I Конгресс Коммунистического Интернационала. Документ этот принадлежит перу Ллойд-Джорджа. Ллойд-Джордж со своей свитой держали этот документ втайне, лишь в этом году он был опубликован бывшим итальянским премьером Нитти в его книге „Европа без мира". В этой тайной докладной записке, предназначенной для руководителей Версальской Конференции, Ллойд-Джордж говорит следующее:

„Ныне положение совершенно изменилось. Революция находится еще в зачаточном состоянии: в России все еще господствует страшный террор. Европа охвачена революционным настроением. В груди рабочих живет глубокое чувство, но не чувство недовольства, а чувство злобы и возмущения против довоенных условий жизни. Население всей Европы с недоверием смотрит на все начинания в политической, социальной и экономической области. В некоторых странах, как, например, в Германии и России, это беспокойное настроение приводит к открытому возмущению в других странах, например, во Франции, Англии и Италии, оно сказывается в целом ряде забастовок, в известном нежелании работать. Все это признак того, что население столь же сильно жаждет социальных и политических перемен, как и повышения заработной платы"

Под давлением пролетарского наступления Ллойд-Джордж считает довоенные условия существования недостойными человека. Мы увидим, как он впоследствии изменил свое мнение:

„Это беспокойство следует в значительной мере приветствовать; мы никогда не добьемся длительного успокоения, если мы поставим себе целью создать те же условия суще-

ствования, какие были в 1914 году. Этим мы только подвергли бы себя опасности толкнуть широкие массы европейского населения в объятия крайних левых, основной мыслью которых является возродить человечество путем полного разрушения существующего социального уклада. В России эти элементы победили. Но победа их была куплена страшной ценой. Сотни тысяч людей погибли. Железные дороги, города, все здание русской государственности почти целиком разрушены. В известной степени, однако, им удалось удержать широкие массы русского народа в повиновении и, что еще характернее, им удалось создать крупную армию, которая, повидимому, находится под умелым руководством и в которой царит суровая дисциплина. Эта армия в большей своей части готова пожертвовать жизнью ради своих идеалов.

Если мы пропустим еще год, то Россия, охваченная новым воодушевлением, забудет свое миролюбие, ибо в ее распоряжении находится единственная в мире армия, верящая в те идеалы, за которые ей суждено сражаться".

После этой характеристики, достойной того, чтобы познакомить с ней самые широкие массы, Ллойд-Джордж рисует ту опасность, в которой тогда находился капитализм. Слова Ллойд-Джорджа могут послужить хорошим обвинительным актом против социал-демократических партий и, в первую очередь, против германской.

Вот они:

„Величайшая опасность, которую я усматриваю в нынешнем положении вещей, заключается в том, что Германия может решиться доверить свою судьбу большевикам, предоставить свои богатства, свои знания, свой блестящий организационный талант в распоряжение этих фанатиков-революционеров, мечтающих о вооруженном завоевании всего мира. Эта опасность—не пустые бредни. Нынешнее германское правительство слабо; оно не пользуется уважением; авторитет его незначителен, несмотря на это, оно держится у власти. Уход этого правительства был бы равносилен приходу спартакизма, для которого Германия еще не созрела. У спартаковцев есть, однако, аргумент, которым

они постоянно пользуются и который неизменно производит должное впечатление. Этот аргумент заключается в том, что только они одни в состоянии освободить Германию от того нестерпимого положения, в котором она оказалась, благодаря войне".

Далее Ллойд-Джордж говорит:

„Если Германия отдаст себя в руки спартаковцев, то она неизбежно тесно свяжет свою судьбу с русскими большевиками. Если это случится, то вся Восточная Европа будет втянута в водоворот большевистской революции и через год мы столкнемся лицом к лицу почти с 300 миллионами людей, превращенных при содействии германских генералов и инструкторов в гигантскую Красную армию, вооруженных германскими пушками и германскими пулеметами и ежеминутно готовых возобновить свое нападение на Западную Европу".

Товарищи, эта картина, нарисованная тогда наиболее умным вождем европейской буржуазии, отнюдь не имела целью напугать Клемансо и других государственных деятелей. Это скорее фотография того положения, в котором находился мир во время этого второго фазиса пролетарской революции, в момент начала германской революции? Мировой капитал предотвратил эти события, заняв оборонительную позицию на Западе и начав свое первое наступление на Востоке.

Если вы теперь обратитесь к статистике забастовок в 1919 году,—я не хочу вас утомлять приведением всех соответствующих цифр,—то вы заметите усиление пролетарского наступления не только в Германии, но и в Англии и Америке. Английские рабочие в 1919 году добились повышения заработной платы, которое было значительнее, чем то повышение платы, которого они добились в течение всей войны, когда их труд был столь необходим для спасения Антантовского капитализма. Тогда как они в течение всей войны добились повышения еженедельной заработной платы всего лишь на 7 шиллингов, им в одном только 1919 году удалось добиться повышения платы на один фунт стерлингов. Приблизительно для 7 миллионов рабочих они сократили рабочий день на 3—4 часа. В 1919 году 60—80% ан-

глийских рабочих стали пользоваться 8-ми часовым рабочим днем, а порою еще более коротким. В ответ на требование национализации копей английское правительство учредило комиссию Санки, в принципе признавшую требования горнорабочих. По всей Америке не только проходила одна волна забастовок за другой, но весьма характерно для понимания создавшегося положения, что в этой стране, с ее столь сильно развитым индивидуализмом, железнодорожники серьезно обсуждали план национализации железных дорог.

В Германии буржуазия тратила миллиарды, чтобы понизить цены на предметы питания и таким образом уменьшить недовольство рабочих масс. „Социализм приближается",— кричали социал-демократы и правительство в течение всего времени, пока работала „комиссия по социализации". Они кричали об этом, чтобы вызвать впечатление, будто рабочий класс может мирным путем добиться осуществления своих целей.

Всюду на Западе, в странах промышленного капитала, буржуазия заняла по отношению к рабочему классу чисто оборонительную позицию, дабы путем сильного сопротивления требованиям западно-европейских и американских рабочих не толкнуть их в объятия коммунизма.

Вместе с тем буржуазия перешла к своему первому наступлению,—к наступлению против Советской России. Наступление известно у нас под именем интервенции союзных держав в Советской России. Товарищи, таким образом это первое крупное столкновение мирового пролетариата с мировым капитализмом не ограничилось только тем, что русский пролетариат пробил первую брешь в системе мирового капитализма. Больше того, русский пролетариат один боролся за удержание в своих руках этой бреши, тогда как западно европейский пролетариат удовольствовался некоторым улучшением своего положения. Из всех пролетариев Западной Европы только венгерские рабочие перешли в ответное наступление, имевшее целью облегчить положение Советской России и вместе с тем освободить венгерский пролетариат. Эта вылазка венгерских рабочих закончилась полным их поражением: Венгерская Советская Республика была уничтожена.

Товарищи, Советская Россия не только отразила наступление мирового капитала, но в 1920 году, на перевале 2-х главнейших эпох в развитии всемирной революции, на перевале, приведшем к резкому изменению экономической конъюнктуры, Советская Россия перешла от обороны к нападению. Борьба с Польшей была не чем иным, как попыткой начать этот переход. Мне не приходится витать в области фантазии, чтобы показать вам, какое значение для политического положения всего мира имела бы победа русского пролетариата под Варшавой, если бы эта победа была окончательной. Мне приходится только напомнить вам тот факт, что одновременно с вооруженным наступлением русского пролетариата началось первое наступление сравнительно крупной части западно-европейского рабочего класса. Я говорю о движении итальянских рабочих, приведшем к захвату ими фабрик и заводов. Достаточно хотя бы на одно мгновение напомнить вам, какие последствия имело бы продвижение границ первого пролетарского государства за Вислу и захват власти в Италии. Это привело бы к тому, что земледельческие страны Восточной и Южной Европы оказались бы захваченными в клещи двух пролетарских государств; более того, они оказались бы в распоряжении промышленного пролетариата Европы. И если мы сегодня желаем составить себе представление о значении поражения, понесенного Советской Россией и итальянскими рабочими в 1920 году, то нам стоит только конкретно представить себе все возможности, вытекавшие из такого положения вещей.

Неудачный исход военного наступления Советской России на Варшаву и пролетарского наступления в Италии имел разные причины. Советская Россия оказалась слишком слабой в военном отношении, итальянский рабочий класс—в политическом. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что это поражение было поворотным пунктом в истории первого фазиса пролетарской революции. Рудольф Гильфердинг впоследствии как-то заявил, что Марнская победа над большевиками есть дело независимых. Ученый представитель австромарксизма, ныне выклянчивающий себе пост представителя капиталистической Германии заграницей, право, не имеет

никаких оснований приписывать себе победу над Советской Россией. Красная армия была отброшена не силою необычайного красноречия вождя германского центра, а штыками польской шляхетской армии и пушками французского империализма, не успевшего еще присоединиться ко 2 и $2^1/_2$ Интернационалам. Неудачный исход наступления Красной армии на Варшаву, равно как и неудача итальянских рабочих, знаменуют собою начало второго фазиса мировой революции. Неудачи эти совпали с окончанием той мнимо-благоприятной конъюнктуры, которая обусловила уступки, сделанные мировым капиталом западно-европейским рабочим в 1919 и 1920 годах. Неудача эта совпадает с началом мирового экономического кризиса.

2. Контр-наступление капитала.

Я перехожу теперь к рассмотрению этого фазиса. Причиной этого изменения послужило то обстоятельство, которое, в конце-концов, приведет к поражению капитализма. Временно, однако, это обстоятельство необычайно усилило позицию мирового капитала. Я говорю о пресловутом изменении конъюнктуры, о том обстоятельстве, что мировой капитал, с одной стороны, вследствие лишь теперь ясно сказывающихся результатов войны, с другой—вследствие результатов Версальского мира, достиг предела своего расширения. Во всех странах начинается экономический кризис, и значение этого экономического кризиса для политики мирового капитала по отношению к пролетариату лучше всего характеризуется простыми словами, напечатанными в одном из руководящих органов английского капитализма — „Вестминстер Газет“, которая, как известно, ныне является органом Асквита. Вот эти слова:

„Рабочий класс может быть уверен в том, что нет на земле такой силы, которая могла бы предохранить рабочих от ухудшения их жизненных условий, пока существуют голодные люди, борющиеся друг с другом за право существования. Наличие такого рода голодных людей создает условия, при которых установление какого-либо прожиточного минимума является делом невозможным“.

Слова эти были напечатаны в „Вестминстер Газет“ в самом начале мирового экономического кризиса, и они совершенно

верно отмечают основную причину усиления капитала во всем мире. Боеспособность рабочих сломлена, именно потому, что в промышленных странах Запада—о Германии я скажу потом—миллионы рабочих оказались без работы. Простая возможность привлечения безработных рабочих, в случае столкновения с рабочими, занятыми в производстве, подтачивает наступательную силу профсоюзов и ослабляет боевую готовность рабочих.

Я не хочу заполнять свой доклад утомительными статистическими выкладками. Исполком поручил высоко-квалифицированному в этой области товарищу З. Ледеру составление подробного отчета о том, в каком положении находится ныне наступление капитала во всех странах. Но, к сожалению, еще не удалось опубликовать этот отчет, так как он прибыл с большим опозданием. Мы напечатаем его на всех языках. А пока я хочу позаимствовать только несколько основных данных, чтобы показать вам важнейшие изменения, происшедшие в этой области.

Если мы возьмем цифры, относящиеся к Англии, то мы увидим, что в 1918 году произошло 1.250 забастовок, в которых участвовало 1.100.000 рабочих. Общая продолжительность этих забастовок равнялась 6.730.000 дней. В 1919 году число это повышается до 1.411 забастовок. 2.500.000 рабочих бастовало в течение 34.000.000 дней. В 1920 году произошло 1.715 забастовок. Число бастовавших уменьшалось, но все же насчитывалось около 2.000.000 бастующих. Они бастовали в течение 27.000.000 дней. Результатом этих забастовок для 6-7 миллионов рабочих явилось повышение недельной заработной платы на 7 миллионов фунтов. Что касается сокращения рабочего дня, то в 1919 году оно выражается для 6.600.000 рабочих в 6 недельных часах, а в 1920 году для $^1/_2$ миллиона рабочих—в $3^1/_2$ часах. В результате 60—80 процентов рабочих работают ежедневно 8 часов или менее того.

В 1921 году бастовало всего лишь 118.000 рабочих. Экономическое положение 8 миллионов рабочих ухудшилось на 11 миллионов фунтов стерлингов в неделю. В 1922 году заработная плата уменьшалась до августа месяца, для $7^1/_2$ миллионов рабочих недельная заработная плата была снова понижена на $3^1/_2$ миллиона. В то же время только 18 000 рабочих добились повышения заработной платы, и то в

незначительной степени—немного больше 3.000 фунтов в неделю.

Английский капитал не довольствуется этим. Не какой-нибудь отдельный писатель, но ответственный орган английских капиталистов—Английский Промышленный Союз опубликовал меморандум, из которого лондонский „Экономист" приводит следующую цитату:

„Возможно, что придется пойти еще дальше. Рабочие должны быть готовы к тому, чтобы заработная плата свелась к таким размерам, которые обусловят понижение их жизненного уровня по сравнению с периодом, предшествовавшим промышленной депрессии, и даже по сравнению с довоенным периодом, и это понижение будет длиться до тех пор, пока не наступит новый расцвет промышленности. Далее, для того, чтобы это понижение заработной платы могло пройти без излишних обострений, желательно, чтобы оно было проведено как можно более широко и единообразно". (11 февраля и 11 марта 1922 года).

Тот же процесс наблюдается повсеместно и в Америке. Предприниматели не довольствуются понижением заработной платы и сокращением рабочего времени. Повсюду на Западе разгорается борьба против прав, завоеванных профессиональными союзами. В Америке развивается движение за „открытые мастерские". Профсоюзы должны отказаться от права требовать приема на работу исключительно своих членов—от права, которое они завоевали после десятков лет борьбы.

Во время происходившей в этом году забастовки рабочих железнодорожных мастерских высшие судебные органы в Америке усвоили ту же тактику, какая была применена в Англии во время Tafevale,—конфликта, по поводу которого было вынесено судебное решение, вызвавшее в свое время возбуждение среди всего рабочего класса Англии. Профсоюзы объявляются ответственными за тот ущерб, который приносит капиталистам борьба рабочих за их экономические интересы.

В Англии ведется борьба за полное истребление фабрично-заводских комитетов. Один из руководящих представителей английского капитала ставит этот вопрос следующим образом: нужно раз навсегда решить, кто является хозяином на фаб-

риках: предприниматели или советы. В то же время английская консервативная партия собирается нанести удар рабочей партии, выступая в парламенте с предложением запретить профсоюзам употребление находящихся в их распоряжении средств на цели политической борьбы.

Я не стану более приводить примеров, касающихся целого ряда стран, как, например, Швеции, Голландии, Норвегии и Швейцарии, так как здесь мы не находим ничего принципиально нового; относительно Германии я намерен еще поговорить в другой связи. Ясно, что здесь мы имеем дело с проведением в мировом масштабе широко задуманного экономически-политического плана, исходящего из результатов мировой войны. Во время войны мировой капитал выработал план борьбы с ее последствиями в хозяйственной области, заключавшийся в интеграции, в объединении промышленных областей. Проект создания „Центральной Европы", столпа германского империализма с одной стороны, а с другой—вильсоновский, представляли собой не что иное, как план образования крупных империалистических областей, в которых последствия войны ложились бы в равной мере на всех ее участников и, таким образом, легче были бы преодолены. „Центрально европейский план" германского империализма рухнул вместе с последним. Вильсоновский план создания великого англо-американского государства лег в основу проэкта создания Лиги Наций. Но и этот план оказался невыполнимым, вследствие противоречий между национальными группами капитализма.

Версаль знаменовал собою создание нового плана. Его экономическое значение заключается в возложении на побежденные страны расходов по восстановлению капитализма. Но этот план оказался несостоятельным, вследствие сопротивления Советской России и финансового бессилия Германии. Таким образом, мировой буржуазии не остается никакого другого выхода для восстановления капитализма, кроме возложения всех тягостей этого восстановления на широкие слои пролетариата отдельных стран. Если во время войны мы говорили, что единственным побежденным в мировой войне будет рабочий класс, то теперь мировой капитал говорит: „Конечно, только за счет рабочего класса возможно восстановление капитализма". Этому плану следуют капиталисты

всего мира. Чем более ухудшается общее экономическое положение, тем яснее становится, что мировой капитал, в противоположность положению в период после наполеоновских войн, не в состоянии преодолеть мировой кризис.

Перечитайте меморандум, с которым Оуэн обратился к Меттерниху. Он задает там вопрос, что дало Англии возможность справиться с испытанным ею великим экономическим потрясением, и отвечает, что Англия достигла этого, благодаря введению машинного производства. Введение машин увеличило ее производительные силы, так что Англия оказалась в состоянии, преодолев кризис, стать одной из первых стран в экономическом отношении. В настоящее время капитал находится в таком положении, что для своего восстановления ему нужны исключительные средства. Если бы Италия употребила на электрификацию одну десятую часть того, что она затратила на войну, она теперь была бы избавлена от зависимости от английского и американского угля. Но и этой десятой части у нее нет.

Другой путь для преодоления кризиса заключался бы в расширении области сбыта, но по этому пути итти нельзя. Таким образом, наступление капитала оказывается не временным использованием слабости рабочего класса, но широко задуманным планом, проведение которого рассчитано не менее, чем на десятилетний период.

Если это наступление окажется неудачным, то это будет означать победу рабочего класса над мировым капиталом, по крайней мере, в главных странах Европы. В виду решающего значения этой борьбы на жизнь и смерть, ясно, что она не может быть закончена исключительно путем забастовок, с одной стороны, и локаутов, понижения заработной платы и удлинения рабочего дня, с другой стороны. Таким образом, мы приходим к рассмотрению политических форм капиталистического наступления.

Товарищи, многим казалось, что мы неправильно толкуем события, когда на Берлинской Конференции 3-х Интернационалов и во всей нашей агитации мы указывали на то, что борьба мирового капитала за отмену национализации промышленности в России и т. д. составляет часть этого наступления капитала. Большинство очень плохо понимало также связь между борьбой Стиннеса за власть и наступле-

нием мирового капитала против пролетариата. Позвольте мне в нескольких словах остановиться на этой стороне вопроса, которая у нас была очень мало освещена, но которая имеет первостепенное значение для уяснения характера борьбы за необходимые предпосылки экономической победы капитализма.

Отбросить рабочий класс назад, к довоенному положению, и поставить рабочий класс на колени,—этой цели вожди мирового капитала могут достигнуть только, комбинируя внутреннюю борьбу с рабочим классом с борьбой в масштабе мировой политики. Первая попытка проведения плана, лежащего в основе наступления капитала, выяснилась в Генуе и Гааге. В Англии удалось воспрепятствовать стремлению рабочих добиться национализации главных отраслей промышленности. В прошлом году английские рабочие отказались от борьбы за национализацию угольных копей, вынуждены были ограничиться борьбой за повышение заработной платы. И даже здесь они потерпели поражение. В Америке исчезли последние следы движения в пользу национализации. В Германии социалисты воевали на словах в 1919 году, когда нужно было удержать рабочих от их порыва вперед; теперь мы стоим перед продажей железных дорог частным предпринимателям. Единственное государство, в котором промышленность находится в руках рабочего класса—это Россия.

Поэтому борьба против Советской России, имеющая целью посредством финансового бойкота заставить нас отдать обратно фабрики, объясняется не только желаниями капиталистов извлечь как можно большие доходы из России; она имеет принципиальное значение, являясь составною частью всего мирового наступления капитала. Далее, мировое наступление капитала требует разрешения германского вопроса в таком виде, чтобы, во-первых, спасти германский капитализм и, во-вторых, заставить его дать средства на восстановление антантовского капитализма. Политика германского капитала, наиболее ярким выразителем которой является Стиннес, ищет выхода из катастрофического положения, и в теории она его нашла.

Этот выход заключается в продаже всего, что принадлежит государству—угольных копей и железных дорог, для

финансирования которых затем делается большой заем в Америке и в Англии; для выплаты процентов по этим займам, а также репараций служит финансовый план Стиннеса, который заключается в следующем: уменьшение бремени, лежащего на промышленности, путем перенесения его на широкие рабочие массы, что должно дать средства для нового накопления германского капитала. Может показаться, что это исключительно вопрос внутренней германской политики, стоящей вне связи со всей борьбой мирового капитала. Но достаточно только установить связь этой политики с французской политикой, чтобы понять, что мы имеем дело с чем-то более значительным. Если милитаристская часть французской буржуазии и часть промышленников мыслит дальнейшее наступление против революции в таком виде: занятие Рурской области, создание Прирейнского буферного государства, использование Рурского угля и кокса для французской промышленности, отделение южной Германии от Северной, создание поставленного в вассальную зависимость от Франции государства, которое через Рейнское буферное государство связало бы с Францией Австрию и Баварию, то другая часть французских промышленных кругов исходит из совершенно другой мысли. Ее план заключается в создании германско-французского стального и угольного синдиката, который, с одной стороны, дал бы Франции необходимые средства для восстановления, с другой стороны, дал бы Стиннесу возможность проводить свою политику, не обращая внимания на нынешнее соотношение сил в Германии, и таким образом оградил бы Францию от опасности военных авантюр. Французская пресса и сателлиты французской мировой политики уже много раз давали понять, к чему это клонится: без осуществления плана Стиннеса, т.-е. без сокращения административного аппарата, увольнения лишних рабочих, повышения интенсивности труда Германии, увеличения рабочего времени—безо всего этого капитализм не может быть спасен ни в Германии, ни во Франции.

Но Стиннес один собственными силами не может провести этого плана. Когда он выдвинул проект передачи железных дорог в частные руки, он столкнулся с сильным сопротивлением. Поэтому проведение плана Стиннеса должно

быть поддержано ультиматумом Франции, предъявлением со стороны Франции соответствующего требования к германскому правительству. С чем никогда не могли бы примириться германские социал-демократы, если бы это исходило только от Стиннеса, с этим они и германский рабочий класс примирятся, если это будет составлять условие мира, предъявленное Францией. Если этому плану, товарищи, не суждено будет осуществиться, то причиной будет, конечно, не сопротивление германских социал-демократов. Такой причиной может быть при нынешних условиях только сопротивление со стороны английского капитала, находящегося под угрозой создания центрально-европейского железного и угольного синдиката, с которым ему придется соперничать так же, как и с американским капиталом. Таким образом, если план рухнет, то это произойдет в силу внутренних противоречий, существующих в среде контр-революции, а не в силу сопротивления германского рабочего класса, которое в настоящее время ничтожно. Этот план Стиннеса, как и весь связанный с ним план экономических мероприятий, не ограничивается одной только Германией.

Ознакомьтесь с речами и с программой Муссолини до победы фашизма. Я здесь приведу только несколько выдержек, которые ясно освещают эту социально политическую сторону вопроса. Если вы ознакомитесь с налоговой программой Муссолини и с его хозяйственно-политическим планом, то вы увидите, что в Италии работают те же силы, которые в Германии действуют в лице представителей крупной, тяжелой индустрии. Итак, привожу цитату из программы фашистов:

„Пересмотр социальных законов, тормозящих промышленность. Реорганизация налоговой системы на более простой, рациональной и успешной основе".

В чем эта основа заключается, вы узнаете тут же из следующих слов Муссолини:

„Нужно, наконец, иметь мужество открыто высказать также и следующую анти-демагогическую истину: в настоящее время рабочий класс менее других обременен налогами, хотя его заработки превышают заработки переобремененных на-

логами средних классов. Кроме того, не следует упускать из виду, что обложение промышленности колоссальными прямыми налогами на капитал, в свою очередь, приводит к косвенному обложению нисших классов, и притом в гораздо более тяжелой форме, ибо стеснение капиталистического хозяйства влечет за собой безработицу и сокращение заработной платы. Нет ничего более ложного, чем стремление обременять налогами „богатых" с целью пощадить бедных".

Если мы перейдем теперь к Франции, то достаточно будет взять книгу Кайо—„Куда идет Франция" или статьи того же Кайо и других компетентных французов в специальном номере „Манчестер Гардиан", посвященном „восстановлению", чтобы убедиться, насколько вся французская политика направлена к максимальному обременению трудовых масс и к елико возможному облегчению состоятельных классов, при чем эта политика достигла размеров, далеко превышающих традиционную налоговую боязнь французской буржуазии.

Товарищи, для осуществления этих планов буржуазии необходимо было принять соответствующие политические мероприятия, и мы видим, что вся Европа стремится вправо. История с Брианом после Каннской конференции и захват власти Пуанкаре представляет собою перемену в рамках прежних внешних соотношений сил, в рамках прежней палаты национального блока, и тем не менее, не подлежит сомнению, что эта перемена вызвана желанием путем энергичной контр-революционной политики удержать в руках наиболее активной части капитала инициативу, готовую выскользнуть из его рук.

Если вы вдумчиво отнесетесь к политическому значению нынешних выборов в Англии, если вы ознакомитесь с речами консерваторов во время предвыборной кампании и с ответами на них Ллойд-Джорджа, то на первый взгляд вам покажется, что перед вами сумасшедший дом. В самом деле, Ллойд-Джордж ведет консервативную политику. Но ведь и консерваторы выдвигают ту же самую программу. Формально ничего не изменилось, но основной смысл всего происшедшего выясняется из следующих двух фактов: 1) из лозунга Бонар-Лоу об „успокоении страны" и 2) из того,

что консервативная партия освободилась от либеральных влияний и всецело находится в руках непримиримых консерваторов. Хотя бы непримиримые консерваторы и составляли лишь незначительную часть правительства, все-таки не подлежит сомнению, что при обострении положения у кормила станет именно эта реакционнейшая часть консерваторов. Речь идет об объединении буржуазных сил, дабы при общем развале, в котором находится буржуазия, спасти все, что можно. Первым дебютом Бонар Лоу была попытка упразднения министерства труда, заявление, что государство должно, по возможности, не вмешиваться в хозяйственную жизнь (pendant к заявлению Муссолини, что он в экономических вопросах является традиционным либералом в истинном смысле этого слова). Итак, никакого вмешательства в хозяйственную жизнь. Это означает предоставление капиталу возможности беспощадно использовать свое всемогущество против рабочего класса.

3. Победа фашизма.

Товарищи, контр-революционные, конспиративные организации облекают эту политику в гораздо более сознательные формы. Мы должны с прискорбием согласиться, что при чтении подпольной литературы контр-революционных кругов, их циркуляров, брошюр и т. д. выясняется, что эти круги в тысячу раз лучше нас осведомлены обо всем, что мы делаем—о последних планах революционной стратегии, даже о ее мелких шахматных ходах,—чем мы о них. В Европе, несмотря на легальное господство контр-революции, существуют также нелегальные контр-революционные организации, охватывающие наиболее сознательные контр-революционные силы. Но план, преследуемый этой сознательной частью контр-революции, мы узнаем только по ее поступкам. Не подлежит сомнению, что германские контр-революционные круги, с полковником Бауэром во главе, находятся в теснейшей связи с русскими монархистами, с венгерским правительством Хорти и с Муссолини; несомненно, что они состоят в контакте с французской военной партией и что когда-нибудь этот контакт обнаружится в политической жизни с полной ясностью. Наблюдая за шахматными ходами

этого правого крыла контр-революции, мы приходим к следующим выводам: оно великолепно понимает, что в средней Европе имеются три возможных очага пролетарской революции: промышленная Германия, Чехо-Словакия и Италия. В виду этого, их план построен на образовании барьера между Германией, Чехо-Словакией и Италией. Стремление создать сильную контр-революционную крепость в Баварии идет рука об руку с попытками отдать Австрию во власть контр-революции.

Началось это с Женевского соглашения, с упразднения австрийского парламента, с упразднения той ничтожной военной силы, которая еще оставалась в Вене в лице пролетарской обороны. В тот момент, когда контр-революции удастся посадить Виттельсбахов на трон, связь с Австрией через Тироль будет восстановлена. Венгрия Хорти будет тогда перенесена в среднюю Европу. Победа фашистов в Италии является лишь одной из ступеней этой политики, которая отчасти ведется сознательно, а отчасти непосредственно вытекает из существующего положения. Оттого-то я и считаю, что для Коммунистического Интернационала очень важно правильное понимание победы фашистов и самого их существа. Поэтому вы мне разрешите остановиться на этом вопросе дольше, чем это допускает политический удельный вес Италии. Я надеюсь, что тов. Бордига, более меня знакомый с этими событиями, поможет выяснению вопроса, внеся в мое толкование необходимые поправки.

В победе фашизма я усматриваю не только механическую победу фашистского оружия, но величайшее поражение, которое социализм и коммунизм потерпели с самого возникновения мирового революционного движения. Я придаю этому поражению гораздо большее значение, чем поражению Советской Венгрии, так как победа фашизма является результатом временного духовного и политического банкротства итальянского социализма и всего итальянского рабочего движения. Фашисты представляют собою буржуазную контр-революцию — эта истина не нуждается в дальнейших доказательствах: те, кто разрушают рабочие организации и укрепляют власть буржуазии, являются контр-революционерами.

Если мы пожелаем отделаться констатированием баналь-

ной истины о победе итальянской буржуазии, то мы тем самым откажемся от возможности понять то, что, может быть, уже в ближайшие месяцы будет иметь величайшее значение для германского и чехо-словацкого рабочего движения. Вопрос заключается в следующем: чем объясняется победа фашизма, в чем он находит точку опоры и, главное, в чем заключается его особая роль в европейской контр-революции? Может быть, достаточно было бы поставить вопрос следующим образом: должны ли мы приравнивать социальное и политическое значение Муссолини значению Стиннеса и Бонар-Лоу или же нет? Я думаю, что нет, хотя программа Муссолини ничем не отличается от программы Бонар-Лоу и Стиннеса. Между ними существует разница, огромная, на мой взгляд. Вспомним только, кем были фашисты и как они появились. После войны с фронта вернулись нисшие буржуазные слои: интеллигенты, фармацевты, школьные учителя, добровольцы и т. д.—все они во время войны играли известную роль. (В Италии интеллигенция всегда играла гораздо большую роль, чем в других странах. Напомню, что до войны наша братская итальянская партия насчитывала около семидесяти приват-доцентов. Из этого одного уже явствует многочисленность итальянской интеллигенции). Итак, они вернулись с фронта, обманутые в своих националистических упованиях, ибо, несмотря на победу, Италия все же не получила того, что предусматривалось в националистской программе.

Они вернулись в экономически совершенно разрушенную страну, и государство не в состоянии было их обеспечить. Они видят рост революционного рабочего движения. К этому движению они относятся враждебно не только потому, что это движение рабочих, но также потому, что они, как интервенционисты, как сторонники войны, в свое время вели борьбу против социалистической партии. А социалистическая партия делает все от нее зависящее, чтоб оттолкнуть от себя не только эти слои, но и военных инвалидов. Вспомните, что в 1919 году многие социалистические муниципалитеты отвернулись от военных инвалидов только потому, что эти последние участвовали в войне,—вспомните неспособность социалистической партии претворить в дело

столь распространенное в массах сознание, что подготовляется нечто новое, что уже невозможно оставаться в прежней колее, тогда вы поймете происхождение фашизма. Вспомните, что во время выборов в декабре 1919 года Муссолини получил в Милане только 4.000 голосов, несмотря на то, что он высказался за контроль рабочих советов над парламентом, за отчуждение земли в пользу крестьян и за постепенную национализацию промышленности. В то время вы нашли бы фашистов отчасти в Фиуме на стороне д'Аннунцио, отчасти же они были рассеяны маленькими группами по всей Италии. Между тем, по всей стране поднимается революционная волна. Дело идет уже не о забастовках, а о полнейшем разложении буржуазной Италии.

Подготовляясь к докладу, я наткнулся, между прочим, на статью польского контр-революционного литератора Новачинского, в которой можно найти интересный материал для картины этого разложения. Эта статья, посвященная развитию итальянской литературы в 1918—22 гг., дает весьма интересные иллюстрации, и я старался проверить их путем бесед с итальянскими товарищами, частью путем просмотра литературных журналов. Оказывается, что с 1918 г. итальянская изящная литература приняла пацифистский, социал-реформистский и порнографический характер—лучшее доказательство разложения буржуазии. После же победы над рабочим классом литература становится националистической.

Один из наших дипломатических представителей за границей рассказывал мне, как в начале 1920 года итальянские дипломаты произнесли в разговоре с ним следующую фразу: „Ладно, мы признаем, что революция побеждает, но пусть она, по крайней мере, дает нам возможность продолжать работать". Таково было положение буржуазной Италии. Сила социализма возрастает, но он разменивает ее на мелочи. В одной корреспонденции какой-то германской буржуазной газеты о решении Муссолини захватить власть говорится следующее. Корреспондент спросил Муссолини: „Рискнете ли вы захватить власть нелегальным путем?" И Муссолини отвечал: „Легальным путем или нелегальным, но я ее захвачу". Социалисты потерпели поражение, потому что они не ответили действием на эти слова. Муссолини почувствовал, что его военная организация и широкие массы,

которые он привлек на свою сторону, обратятся против него, если он не захватит власть. Социалистическая партия была не в состоянии вовлечь массы в борьбу, и это то и дало фашизму возможность усилиться. Итальянская буржуазия, бывшая в начале захвата фабрик рабочими до того бессильной, что Джиолитти, эта лисица из Кунео, заявил, что он не может послать на заводы войска, так как боится, что его побьют на улице, совсем расхрабрился, когда увидел, что рабочие позволили итальянским реформистам убедить себя покинуть заводы. Итальянская буржуазия переходит тогда в наступление.

Возникает вопрос — почему итальянская буржуазия не воспользовалась для этой цели государственным аппаратом— карабинерами, буржуазными судами и буржуазными партиями, которые всецело находились в ее распоряжении. Но буржуазные партии находились в состоянии разложения, на них лежала ответственность за войну, разорившую государство и народное хозяйство, они утратили доверие солдат, служащих и мелкой буржуазии. А Муссолини и националистические мелко-буржуазные элементы выказали молодую волю к власти. Фашисты принесли новую веру, они заявили: „социализм не в состоянии был создать что-нибудь новое, мы же станем между рабочими и капиталистами, мы вынудим капиталистов удовлетворить потребности рабочих; но вы, рабочие, должны работать, вы должны помочь возрождению нации".

Роза Люксембург как-то сказала, что наилучшими защитниками буржуазии являются носители иллюзий. Но иллюзии способна питать только мелкая буржуазия, а так как итальянский социализм оказался иллюзией, то фашисты имели полную возможность противопоставить ему мелко-буржуазную иллюзию. Они обрушились на рабочие организации, которые не сумели защитить себя. В городах и в крупных промышленных центрах массы еще держались друг за друга, но в маленьких городах и деревнях, где рабочие были рассеяны, они стали жертвой фашизма. Фашизм прежде всего сокрушил их силой оружия, потом он начал ими руководить. Не подлежит сомнению, что если в промышленных центрах рабочие массы в душе не примыкали к нему, то в деревнях и в маленьких городах ему удалось захватить рабочих

не только оружием, но отчасти также своей демагогической политикой. В начале его деятельность привела к усилению реформизма.

Реформисты представляли в Ливорно ничтожную группу. На последнем съезде Генеральной Конфедерации Труда за коалицию с буржуазией высказалось 500.000 голосов. Не подлежит никакому сомнению, что в то время, как реформизм вышел из войны пораженным, ему все же удалось привлечь на свою сторону часть рабочих, благодаря тому, что пролетариат не сумел защитить себя против фашизма. Так как Социалистическая партия оказалась неспособной революционным путем победить фашистов, то реформисты увлекли за собою часть пролетариата обещанием защитить пролетариат путем коалиции с буржуазией и участия в буржуазном правительстве. Но расчеты были произведены без хозяина. Переговоры реформистов с теми частями буржуазии, которые боялись победы фашизма (они не верили, что фашисты в состоянии будут управлять государством), послужили одной из причин, по которым фашисты поспешили свергнуть правительство Факта.

Товарищи, если фашизм одержал победу, не встретив ни малейшего сопротивления со стороны рабочего класса, то можно сказать, что дела в Италии из рук вон плохи.

Я избегал нападать за это на отдельных товарищей. Но не можем же мы уподобляться римскому сенату, устраивавшему торжественную встречу разбитому полководцу; мы обязаны сказать, что если наши итальянские товарищи, если Социалистическая партия Италии не уяснит себе причин фашистской победы и нашего поражения, то фашизм будет господствовать долго: борьба с фашизмом требует не только создания подпольной организации, требует не только мужества, которым отличаются итальянские коммунисты, но и нанесения фашистам политических ударов. Коммунисты будут в состоянии возобновить борьбу с фашистами лишь в том случае, если им, вопреки всему, что пережито рабочими массами, удастся воскресить в пролетариате веру в победоносную силу социализма.

Фашисты — это мелкое мещанство, которое захватывает власть, опираясь на буржуазию; оно будет вынуждено проводить не свою программу, но программу капитализма. Вот

почему эта, носящая столь дикие формы, контр-революция на самом деле — слабейшая из контр-революционных сил Европы. Вслед за Муссолини идет громадная свита мелкобуржуазной интеллигенции, и первое, на что он наталкивается, это государственный дефицит в 7 миллиардов. В его программе фигурирует экономия средств, сокращение бюрократического аппарата, а за его спиной стоят уже сотни тысяч людей, домогающихся правительственных должностей. Муссолини орудует черносотенными отрядами, и в момент, когда король утверждает его в качестве министра президента, Муссолини говорит: „демобилизуйтесь, теперь у нас остается только одно войско". Но люди эти колесят по всей Италии не из-за прекрасных глаз Муссолини. Это белые кондотьеры по профессии. Они предъявят свой счет, когда Муссолини захочет опереться на регулярное войско, послав домой эти сотни тысяч наемников. Помогая буржуазии подавить рабочее движение, Муссолини и фашисты впитали в себя все контр-революционные и буржуазные элементы. Внутри фашизма имеется аграрный и промышленный фланги; в процессе борьбы северо итальянской индустриальной буржуазии с южно-итальянскими аграриями дело дойдет до конфликтов, которые поведут к распаду фашизма. Муссолини представляет собой военного диктатора, он — прямая противоположность демократии. Но, вовлекая в свою политику широкие демократические массы, он этим самым способствовал созданию демократического крыла. И как-раз то, что составляет силу фашистов, есть и залог их гибели: своим широким наступательным фронтом, своим энтузиазмом в борьбе они обязаны тому, что сумели стать мелко-буржуазной партией. Но именно в силу этого фашизм окажется не в состоянии проводить политику итальянского капитала, не вызвав возмущения в собственном лагере. Если несколько лет назад тов. Серрати протестовал против нашей аграрной программы, то теперь уже несомненно, что восстановление итальянской партии зависит от того, сумеем ли мы сорганизовать крестьянство для борьбы с фашизмом. Если наши итальянские друзья, коммунисты, хотят оставаться непогрешимой партией, то я им напомню, что такая партия легко найдет себе место в тюрьме. Но если Итальянская Коммунистическая партия хочет стать мощной силой, она должна мобилизовать для

борьбы с фашизмом широкие массы пролетариата и мелкой буржуазии. Мало теоретических резолюций по вопросу о едином фронте; мало теоретических анализов фашизма; мало даже героизма маленькой коммунистической горсточки,—мы должны быть криком стремящейся к освобождению массы.

4. Борьба против контр-наступления капитала.

Товарищи. Наступление капитала, разворачивающееся с растущей силой (как в экономической, так и в политической области), еще не достигло своего кульминационного пункта. Первый вопрос, который оно ставит перед нами, это — каковы перспективы его дальнейшего развития. Имеем ли мы дело с волной контр-революции, пришедшей на смену революционному валу, как это было в 1849 году? Завершается ли здесь цикл революции и контр-революции—вот основной вопрос. Для ответа на него — а ответ этот является предпосылкой нашей дальнейшей тактики — достаточно установить следующее: в основе победы контр-революции в 1849 году лежал экономический подъем, наступивший с открытием золотых россыпей в Калифорнии.

Я не буду об этом подробно распространяться, это можно найти в 3-м томе Маркса. Европейская контр-революция тогда победила потому, что расцвет капитализма сулил прибыль буржуазии, толкал ее на компромисс с аграриями и давал хлеб еще юному рабочему классу, отвлекая таким образом пролетариев от идеи социального переворота. Волна контр-революции, которая катится по всему миру сейчас, характеризуется главным образом тем, что эта контр-революция не опирается на период общего экономического подъема, но представляет из себя попытку насильственным путем остановить экономический распад. Достаточно продумать современное положение английского правительства, чтобы понять, что контр-революция не только не разрешает, но лишь обостряет проблему. Иллюстрирую это простейшими фактами: английский капитализм должен найти выход из безработицы при наличии восточного кризиса, который он может затянуть, но не разрешить, при наличии все растущей американской конкуренции, сокраще-

нии внутреннего рынка, катастрофического падения марки, обострения положения в Индии. Консерваторы попытаются насильственными путями задержать развитие кризиса, но они его лишь ускорят. Они только усилят хаос; в этом отношении прав Ллойд-Джордж, говоря: „вы разобьете все вдребезги" и возражая с своей буржуазной точки зрения, как против победы рабочей партии, так и против победы консерваторов.

Если мы обратимся теперь к политике французской реакции, то окажется, что она несомненно временно укрепила положение Франции, но это было куплено ценой нового конфликта между Англией и Францией на Востоке. Антанта и мир Европы были спасены лишь благодаря тому, что на самом краю пропасти противники опомнились и отступили. Но компромисс между французским и английским империализмом стал еще более невероятен с тех пор, как в Англии победило радикальное империалистическое крыло, как бы франкофильски оно ни было настроено. Что касается Германии, то не подлежит сомнению, что отставка кабинета Вирта и появление на сцене правительства Стиннеса лишь колоссально обострит противоречия. Контр-революция не может дать народу ни мира, ни хлеба; вот почему эта контр-революционная волна, это наступление капитала, несмотря на его стремительность, не имеет никаких шансов на победу. Продолжительность его будет зависеть от того, насколько мы окажемся в состоянии перейти в контр-наступление. Во всяком случае, социальный базис его весьма незначителен. У него нет ни живой силы, ни связи, ни баз, делающих возможной длительную победоносную войну.

Этим самым, товарищи, мы подошли к третьей части вопроса. Мы стоим вплотную перед вопросом об обороне рабочего класса. Товарищи, мы, коммунисты, тоже не можем сказать, что сразу уловили знамения времени. В прошлом году мы все еще спорили по поводу наступления пролетариата. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что мы первые поняли знамения времени и первые появились на арене, чтобы руководить обороной пролетариата, и там, где это возможно, переходить в контр-наступление. Первым опытом этой тактики было открытое письмо германской

партии в 1921 году. Эмпирический характер этого шага явствует из мартовских событий, которые не имели бы места, если бы до конца было продумано фактическое положение, приведшее нас к этому шагу. Со времени 3-го Конгресса мы все более систематично анализировали фактическое положение вещей; выдвинув тактику единого фронта, Коминтерн доказал, что он в состоянии руководить не только наступлением, но и обороной пролетариата.

Товарищи, в чем состоит наш план обороны? Выяснение его основ служит одновременно ответом на наши тактические вопросы. Период бурного наступления пролетариата характеризовался тем, что в атаку переходили все более и более широкие массы. Если вы припомните настроение германского пролетариата в 1919 году, когда не только коммунисты и независимцы, но и широкие круги фабричных рабочих, примыкавших к Шейдемановской партии, были убеждены в том, что мы идем к социализму, полагая, что отличие их от коммунистов заключается только в методах; если вы припомните тот факт, что в Англии в 1919 году социализм впервые стал объектом обсуждения в широких массах, что из-за такого вопроса внешней политики, как поддержка Советской России, в Англии летом 1920 года могла разыграться массовая стачка, то вы, несомненно, признаете самой характерной чертой эпохи наступления пролетариата борьбу его за власть. Наоборот, для ныне переживаемого периода, несмотря на то, что кризис мирового капитала продолжается, несмотря на то, что вопрос о власти объективно все еще стоит в центре всех вопросов,—характерна потеря массами веры в возможность завоевания в ближайшее время власти. Они перешли к обороне.

Товарищи. Мы боремся с идеей буржуазной коалиции, и это, конечно, вполне правильно. Но мы не замечаем, что на очереди стоит уже не коалиция социал-демократов и рабочей партии с буржуазией, но выбрасывание рабочих, а местами и либеральных партий изо всех буржуазных правительств. И вот, даже перед лицом такого факта, рабочая масса в большинстве остается пассивной. Чем объяснить иначе то обстоятельство, что после Герлицкого съезда, на котором социал-демократы изъявили готовность вступить в связь с Стин-

несом, что в глазах любого рабочего было равносильно их капитуляции, лишь в некоторых уголках зашевелились отдельные рабочие группы, но не было бурного протеста со стороны германских рабочих. Смутное сознание, что сила пролетариата слабеет, вот, быть-может, истинная причина той легкости, с которой произошло объединение независимых с социал-демократами (возгласы: „Весьма правильно!" из среды немцев). Вот почему бывшие против коалиции с буржуазией даже „независимые" рабочие согласились объединиться с социал-демократами, лишь бы удержать в своих руках последний атом силы.

Если положение таково, если в широких рабочих массах идея борьбы за захват власти не только не жива, но отодвинута на задний план создавшимся положением, если огромное большинство рабочего класса сознает свое бессилие, то завоевание власти не стоит в порядке дня в качестве ближайшей актуальной задачи.— Таков исторический факт. И если коммунисты, при каком угодно вопросе, даже при вопросе о государственной регулировке ухода за зубами, говорят: лишь при диктатуре пролетариата зубы будут безболезненно выдергиваться (смех), то, быть-может, такие повторения не лишены пропагандистского значения. Однако, ими не упраздняется факт, что наши же товарищи, рабочие коммунисты, убеждены в невозможности в настоящий момент борьбы за власть, сколь бы ни было несомненно наступление — быть может, даже ранее, чем многие думают — непосредственной борьбы за пролетарскую диктатуру, которая охватит ряд государств. Из этого следует: даже если мы и не думаем о тактике единого фронта, если мы даже не будем ставить себе политическую цель установления связи с широчайшими рабочими массами, нам все же придется вести борьбу прежде всего в тех областях, которые для самых широких масс являются наиболее актуальными: за заработную плату, за рабочее время, в области жилищного вопроса, за вопросы обороны от белой опасности, от опасности войны и за прочие требования, выдвигаемые повседневными нуждами рабочего класса. Коммунизм заключается не в том, чтобы прятать голову в песок, говоря: такому хорошему коммунисту как я, не подобает

возиться с такими вещами. Если мы хотим удержать под знаменем коммунизма тех рабочих, которые уже стали на нашу сторону, мы должны сосредоточить нашу борьбу на этих вопросах. Только расширение, углубление и усиление такой борьбы приведет к борьбе за диктатуру. На фабрике, при каждой забастовке, рабочий видит, что бороться за насущные жизненные интересы он может только совместно с другими рабочими.

Более того, он видит, что рабочие, независимо от партийных взглядов, в этих вопросах оказываются единодушными. А раз рабочий чувствует это, то политика коммунистической партии должна ответить им на вопрос, каков смысл факта общих требований рабочих на-ряду с политическим их разделением. И если бы, товарищи, мы не сумели говорить с массами, как носители идеи единого фронта пролетариата, мы превратились бы в маленькую кучку. Что в настоящее время дает нашим рабочим силу оставаться в рядах коммунистической партии? Что привлекает к ней даже новые группы? Конечно, не только наша цель, не только растущее в авангарде понимание необходимости пролетарской диктатуры, но также сознание, что мы являемся элементом объединяющим рабочий класс. Я никогда не чувствовал это с такой силой, как в конце 1920 года, после объединительного съезда, когда я был в Берлине и имел беседу с товарищами. Лозунгом диктатуры пролетариата мы откололи от социал-демократии всех тех, кто, на основании прошлого опыта революции, склонен был принять идею диктатуры пролетариата. Не подготовленные к этой идее рабочие видели один лишь раскол, и товарищи наши чувствовали, что путем пропаганды конечных целей, которые всем создавшимся положением на некоторое время оказались в сознании масс оттесненными на задний план, путем пропаганды раскола они не смогут привлечь к себе новые сколько-нибудь значительные массы рабочих, как бы ни была необходима и важна эта пропаганда.

Они сознавали необходимость говорить с рабочими о том, что эти рабочие думают и чувствуют, о том, что их угнетает, когда они оказываются без работы, и когда им нечего есть. Идея единого фронта представляется рабочей массе, как идея собирания сил рабочего класса для борьбы с теми

страданиями, которые причиняются ему распадающимся капитализмом.

Второй вопрос ставился так: если единый фронт нужен, то каким образом надлежит его проводить? Должны ли мы обратиться к самым широким массам пролетариата и предложить им бороться вместе с нами под знаменем коммунизма? Должны ли мы сказать рабочим: мы отвергаем какие бы то ни было переговоры с профсоюзами и центральными организациями? Самое простое размышление обнаруживает всю нелепость мысли, будто таким способом может быть проведен единый фронт. Социал-демократические рабочие, правда, знают, что их партия против диктатуры, но они все же верят, что партия тем не менее защищает их интересы и поэтому-то они к ней принадлежат. Если эти рабочие массы убеждены в том, что Шейдеман, Грассман, Ренодель, Жуо хотят бороться за восьми часовой рабочий день, то они скажут нам: да, совершенно верно, нужно совместно бороться, но поговорили ли вы об этом с Шейдеманом, Реноделем, Гендерсоном?

Неужели мы должны на это ответить: Шейдеман предатель? Но если бы они были согласны с такой оценкой Шейдемана, то не было бы, ведь, надобности вести среди них пропаганду; они и без того пошли бы за нами. Итак, эта оценка как-раз и разделяет нас, а потому необходимо, если мы хотим единый фронт, несмотря на эту оценку, вести переговоры с вождями 2-го Интернационала. Различие между 2-м и 3-м Интернационалом состоит не в том, что мы за диктатуру пролетариата, а они — нет, но в том, что они не хотят бороться даже за кусок хлеба. Если мы их скомпрометируем, если мы с фактами в руках покажем массам, что они не хотят бороться и почему они этого не хотят, то путь к единому фронту снизу будет открыт.

Но многие товарищи скажут: если мы знаем это, то нам не следует усиливать иллюзии пролетариата, чтобы потом разрушать их. Но речь идет как-раз не об усилении, но, напротив, о разрушении иллюзий. Мы должны их разрушить не словами, но делами. В нашей партии есть чудаки, которые очень боятся, что социал-демократы не дадут разоблачить себя, что они, пожалуй, станут бороться. Я думаю, что ни один человек в здравом уме не отказался бы привет-

ствовать желание социал-демократов бороться. И если социал-демократы упрекают нас, говоря, что мы приходим с кинжалом под плащом, что мы хотим заключить их в объятия для того, чтобы задушить их, то мы отвечаем: это зависит от вас. Докажите, что вы хотите бороться, и тогда мы сможем пройти вместе по крайней мере часть пути. Мы этого не боимся.

Поэтому мы явились на конференцию 3-х Исполкомов вовсе не с намерением представить маневры и танцы, имеющие целью показать, что мы танцуем хорошо, а другие плохо. Мы пришли для того, чтобы сделать попытку организовать единый фронт пролетариата сверху, чтобы дать возможность рабочему классу, если не сразу же перейти в наступление, то по крайней мере защищать свои позиции. План этот потерпел крушение. И притом не только из-за вопроса о всемирном рабочем Конгрессе. Если вы исследуете, в чем была сущность создавшегося положения, то вы увидите, что план потерпел крушение в виду того, что 2-й и $2^1/_2$ Интернационал противопоставили нашему плану обороны свой план капитуляции.

Товарищи, русский вопрос сыграл при этом значительную роль. Поэтому и я должен остановиться на нем. Многим товарищам казалось, что мы имеем здесь дело с маневром социал-демократов, которые желали посредством использования нашей борьбы с меньшевиками, членами $2^1/_2$ Интернационала, отрезать этот последний от 3-го Интернационала. Товарищи, я не переоцениваю умственных способностей социал-демократических вождей. Возможно, что для них здесь речь шла лишь о тактическом маневре. Но вещи продолжают существовать и тогда, когда они не существуют в голове Вельса.

Социал-демократы, т. е. 2 и $2^1/_2$ Интернационалы, предъявили к нам в русском вопросе следующие требования: легализуйте (я говорю не о том, как они представляли себе свое требование, но о действительном содержании его)— легализуйте меньшевиков и эсэров, и тогда мы согласимся поддерживать Советскую Россию. Что это означает? За что борется Советская Россия? Советская Россия борется за оставление фабрик и земли в руках рабочего государства. А в чем заключается программа меньшевиков и эсэров?

В настоящее время программа меньшевиков с полной ясностью формулирована в статьях Мартова и Дана. Она состоит в возврате к капитализму, в отказе от национализации производства. Мартов формулирует эту точку зрения буквально следующим образом: „долой препятствия к развитию капитализма в России". Итак, 2 и $2^1/_2$— Интернационал соглашался поддерживать Советскую Россию в том случае, если она легализует те партии, которые хотят принудить Советскую Россию к капитуляции и добиваются этого отчасти в союзе с капиталистами Антанты. Во время Генуэзской конференции у нас было чувство, что эти люди, вследствие полного отупения и ослепления, не видят, что Советская Россия борется, дабы международный рабочий класс не был отброшен к исходной точке революции, к 1914 году, когда по всему миру фабрики были в руках капиталистов, когда еще не было нигде пролетарского государства; однако, теперешняя позиция меньшевиков, этой партии $2^1/_2$ Интернационала, показала нам, что дело не только в глупости и слепоте, но что это их программа; возрождение борьбы за социализм в России, так как, по словам Мартова, мировая революция вынуждена была отступить по всей линии.

А какова была позиция 2 и $2^1/_2$ Интернационалов в вопросах защиты самых обыденных жизненных интересов западно-европейского пролетариата? Когда мы говорили: борьба за 8-ми часовой рабочий день, когда мы говорили: борьба против понижения заработка, то они не отвечали нам—нет. Они говорили: мы не пойдем вместе с вами до тех пор, пока вы не распустите Профинтерна. Что это означает? Это значит: до тех пор, пока коммунисты не откажутся от борьбы против профсоюзной бюрократии, которая во всех странах приносит в жертву 8-ми часовой рабочий день, той бюрократии, которая в Германии провела удлинение рабочего дня, которая в Англии в черную пятницу предала борьбу горнорабочих, против той профсоюзной бюрократии, которая не только отступает от всей линии, но уже капитулировала. Социальный и политический смысл срыва берлинских переговоров состоит в следующем: мы пришли с планом оборонительной кампании, противники же наши потребовали, чтобы Коммунистический Интернационал и стоящая за ним часть ра-

бочего класса отказались от борьбы. Таков был социальный смысл, резко выразившийся в вопросе о всемирном рабочем конгрессе: вожди 2 и $2^1/_2$ Интернационалов не хотели бороться—вот из-за чего установление единого фронта сверху потерпело крушение.

Товарищи, перед нами стоит теперь вопрос: должны ли мы отказаться от борьбы, должны ли мы отказаться от попыток построить единый фронт не только снизу, но и сверху? Мы отвечаем на это: мы не только не отказываемся от этого плана, но мы должны как-раз теперь взяться за его осуществление. Социал-демократические вожди отлично знают, что начало этой борьбы повлечет за собою прежде всего разрыв коалиции с буржуазией, необходимость для них уйти из коалиции, прежде чем их из нее выбросят; они знают также, что когда Стиннес, Бонар-Лоу, Пуанкаре окажутся одни у власти, то самим этим вождям придется в виду ясности положения, начать под давлением масс борьбу. И мы должны знать, что они будут защищаться от этого руками и ногами, но мы должны добиваться наступления такого момента, когда они вынуждены будут сойти с этой позиции. Если в мае им удалось саботировать первую попытку установления всеобщего единого фронта, то лишь потому, что мы не смогли провести в массах усиленную кампанию за эту идею. Когда наша берлинская организация не смогла организовать депутацию в рейхстаг, то было ясно, что сколько бы ни шумела „Роте Фане", Вельс остается холоден. Лучше было положение на Рейне, в Эльберфельде, но провинция реагирует всегда медленнее, чем центр. Во Франции наши товарищи саботируют эту политику, между тем, как без нее они превратятся не только в политическую секту, но—в секту политиканов. В Италии наш друг Бордига изобрел дьявольски умную идею; идею единого фронта в профсоюзах, но не в политике! Итак, когда мы говорим о борьбе за единый фронт, то мы должны прежде всего сказать, что мы сами еще не ведем этой борьбы единым коммунистическим фронтом. Мы сделали лишь первые шаги к этому.

Далее, если наше давление было недостаточно, то мы должны усилить его. Возможно, конечно, что нам не удастся сразу заставить 2 и $2^1/_2$ Ичтернационалы итти с нами

вместе в международном масштабе, но это не значит, что мы должны отказаться от переговоров с верхушками. Мы должны равняться по тем странам, в которых давление масс сильнее. Здесь мы имеем перед собою фронт противника. Мы прорвем его фронтальной атакой, и прорвем его там, где давление рабочих масс сильнее. Конечно, мы не знаем, удастся ли это в международном масштабе. Если это не удастся, то тем хуже для 2 Интернационала, так как это показало бы, что он обречен на смерть, что он не может спрыгнуть с колесницы буржуазии и вместе с нею скатится в пропасть. Работа эта потребует не мало труда и времени. Но это единственное средство двинуть массы на борьбу и собрать их под знаменем коммунизма.

В заключительной части моей речи, товарищи, я позволю себе вкратце сказать о лозунгах этой борьбы.

5. Лозунги борьбы.

Если требование повышения заработной платы или сохранения 8-ми часового рабочего дня, требование развития организации фабзавкомов являются исходным пунктом нашей деятельности, то в настоящем положении все же мы не можем ограничиться одними этими требованиями. Не только коммунистические, но и совершенно беспартийные рабочие понимают необходимость требования, чтобы им платили 1.000 марок в день, раз они не могут прожить на 500. Но они видят, что повышение бумажной заработной платы не является выходом, и если мы можем ограничиться этими лозунгами в первой стадии борьбы, то по мере ее развития является необходимость выставлять политически, социально-организующие лозунги. В тот момент, когда мы выставим такие лозунги, мы перейдем от обороны к наступлению.

Эти лозунги мы установили уже на Втором Всемирном Конгрессе, исходя из нашего общего анализа разложения капитализма и задач пролетариата. Затем я осветил их в моем докладе о тактике на III-м Конгрессе. В первую очередь мы выставили лозунг контроля над производством. Лозунг контроля над производством необходим по

следующим причинам: он дает рабочему перспективу, он показывает ему, что пролетариат может приостановить экономический развал. Он показывает ему перспективы хозяйственного восстановления, указывает выход из хаоса. Борьба за этот лозунг приведет к борьбе за государственную власть, так как буржуазия будет всеми средствами препятствовать всякому строительству за ее счет.

Коммунистические партии должны поэтому выставлять лозунг „контроль над производством". Не только время от времени в какой-нибудь статье или на каком-нибудь конгрессе. Они должны превратить его в центр своего движения. Они должны суметь объяснить рабочим, что если последние не захватят подлинной власти на фабриках и в мастерских путем контроля над производством, хозяйственный хаос будет возрастать с каждым днем. Лозунг—контроль над производством показывает массам выход, дает руководящую идею их борьбе в ближайший период. Если мы по вопросу о налогах выставляем лозунг: обложение буржуазии путем захвата реальных ценностей—то этот лозунг будет висеть в воздухе, при отсутствии контрольных органов пролетариата, которые могли бы создать для него почву.

Товарищи, эти вопросы должны будут обсуждаться в коммунистических партиях самым подробным образом при выработке программы. Хотя многие товарищи в Интернационале и думают, что, например, вопрос о захвате реальных ценностей является чисто немецкой специальностью, не подлежит никакому сомнению, что при растущем обесценении денег во Франции, Италии и в ряде других стран, этот вопрос является одним из исходных пунктов пролетарской борьбы. В этой борьбе, в которой мы сталкиваемся с буржуазной властью, мы не можем обойтись без лозунгов о нашем отношении к вооруженной силе. Требование передачи вооруженной силы в руки профессионально-организованных рабочих стоит в теснейшей связи с оборонительной борьбой пролетариата, и оно повсюду возникнет стихийно.

6. Рабочее правительство.

Теперь я перехожу к вопросу, который играет большую роль в нашей борьбе против наступления капитала и кото-

рому много внимания уделил в своих тактических соображениях т. Зиновьев,—к вопросу о рабочем правительстве. Его нельзя и обойти, говоря о борьбе против наступления капитала. Тов. Зиновьев дал абстрактную классификацию возможных видов рабочего правительства. Я согласен с этой попыткой классификации. Я дополню ее только указанием на тип рабочего и крестьянского правительства в странах, вроде Польши, Юго-Славии, Болгарии, Румынии и т. д. Однако, для нас сейчас важно вместо абстрактной классификации поставить вопрос: о чем думают рабочие массы, и притом не только одни коммунисты, когда они говорят о рабочих правительствах? Я ограничусь странами, в которых эта идея нашла отклик: Англией, Германией и Чехо-Словакией. В Англии они думают о Рабочей Партии. Коммунизм там не является еще массовой силой. В странах разложения капитала эта идея тесно связана с единым фронтом, и подобно тому, как единый фронт означает для рабочих, что в случае забастовок коммунисты не будут бороться с социал-демократами, а пойдут с ними вместе, так и идея рабочего правительства имеет для рабочих масс аналогичное значение: они думают о правительстве всех рабочих партий. Каково практическое и политическое значение этого лозунга для рабочих масс? На этот вопрос нам надо дать ответ. И какова наша позиция в этом вопросе? Исследуя вопрос, поскольку практически правдоподобно возникновение подобных коалиционных рабочих правительств, можно найти на него тысячу остроумных ответов. Можно сказать, что рабочее правительство является, правда, не необходимым, но возможным путем. Можно парадоксально сказать вместе с т. Зиновьевым, что оно является, правда, не необходимым, но по всей вероятности наименее вероятным путем. Вопрос политически разрешится в зависимости от того факта, будет ли социал-демократия до самой своей смерти итти вместе с буржуазией. Если это будет так, то рабочее правительство становится возможным лишь в форме диктатуры коммунистического пролетариата. Мы не можем определять политику социал-демократов. Нам предстоит решить, вступая во главе масс в борьбу против наступления капитала, можем ли мы сказать этим массам, что мы готовы

бороться за такое коалиционное рабочее правительство, что мы готовы создавать для него предпосылки или нет. Вот в чем вопрос, который можно только запутать в глазах масс мнимо теоретическими рассуждениями. По моему мнению, мы должны во время борьбы за единый фронт ясно и определенно заявить, что если социал-демократические рабочие массы заставят своих вождей порвать с буржуазией, мы готовы принять участие в рабочем правительстве при условии, что оно явится органом классовой борьбы. Но, повторяю, лишь в том случае, если социал-демократы готовы бороться заодно с нами. Конечно, если бы положение было таково, что жареные рябчики летели бы нам в рот, то разговор был бы иной. Представим себе, например, что все в государстве остается по старому. Стиннес распоряжается углем, Фон-Сект распоряжается военной силой и только Шейдеман получает в свое распоряжение дворец рейхсканцлера на Вильгельмштрассе. И вот нас приглашают на эту Вильгельмштрассе. Наш тов. Мейер надевает фрак (смех), берет под руку протестующую Рут Фишер (смех) и ведет ее к рейхсканцлеру. Если бы существовали подобные исторические перспективы, то против идеи рабочего правительства можно было бы привести следующее возражение: прежде всего, генерал Сект выставил бы т. Мейера, Шейдемана и Рут Фишер, после чего рабочему правительству был бы конец. Но в борьбе против наступления капитала дело идет не о парламентской комбинации, а о платформе для мобилизации масс, о боевой платформе. Сейчас вопрос стоит так: либо буржуазия выставит социал-демократов из коалиции, либо они сгниют в этой коалиции, либо мы поможем массам заставить их начать борьбу. Нам могут сказать: с какой стати мы будем ломать себе голову над вопросом о том, что они будут делать. И если бы дело шло только о вождях социал-демократии, то мы, конечно, предпочли бы, чтобы они сгнили. Но когда дело идет о мобилизации социал-демократических масс, то мы должны выставить положительную программу. В какой мере эта программа противоречит диктатуре пролетариата и гражданской войне? В той же мере, в какой передняя, ведущая в залу, противоречит этой по-

следней („совершенно верно"). Конечно, когда дверь закрыта, можно войти в комнату и через стену, даже через каминную трубу (Урбанс с места: „Через камин пролилась кровь"). Товарищ говорит, что через камин пролилась кровь. Я первый раз слышу, что пролетариат начинает строить баррикады на крышах. Даже, когда буржуазия где-либо добровольно передает власть социал-демократии и коммунистам, что, как показывает венгерский пример, исторически не исключено, то за этим следует период ожесточеннейших боев. Может также возникнуть положение, подобное тому, в котором находилась буржуазия в Германии 9-го ноября, когда она просто-на-просто исчезла. Она может оказаться в таком положении, что она передаст власть, в надежде на нашу неспособность удержать ее. Войдем ли мы в правительство через гражданскую войну или через отречение буржуазии,—все равно,—гражданская война является неизбежным результатом рабочего правительства. Рабочий класс окажется не в состоянии удержать власть без гражданской войны. Дело обстоит не так, чтобы мы, коммунисты, заявили, что без гражданской войны мы жить не можем, подобно тому, как Том Сойер считал необходимым освободить негра через подземный ход, хотя двери были открыты. Мы не заявляем, что без гражданской войны мы не получим власти, что без гражданской войны мы несчастны (смех). Нет, гражданская война неизбежна по той простой причине, о которой говорил тов. Зиновьев. Буржуазия может отречься в том или ином случае, но она не отдаст власти окончательно без ожесточенной борьбы. Если социал-демократы окажутся неспособными бороться, мы перешагнем через них. Где бы рабочее правительство ни возникло, оно явится лишь исходной точкой для диктатуры пролетариата, так как буржуазия не потерпит чистого рабочего правительства, даже покоющегося на демократической основе. И тогда окажется, что социал-демократический рабочий должен будет стать коммунистом, должен будет вести гражданскую войну для защиты своей власти. По этой причине, я думаю, что на практике, в процессе развития событий, нам не грозят опасности увязнуть в болоте, поскольку дело идет о подлинных классовых боях, а не о парламентских правительственных комбинациях в маленьких провинциаль-

ных гнездах, как Брауншвейг или Тюрингия, где можно сидеть в правительстве без всякой гражданской войны. Разумеется, я не хочу этим сказать, что даже эти вопросы не имеют значения. Итак, поскольку дело идет о широком фронте пролетарской освободительной борьбы, лозунг рабочего правительства является необходимым направляющим лозунгом, который политически заостряет нашу борьбу. Тот момент, когда рабочие объединятся для борьбы за рабочее правительство и за контроль над производством, явится началом нашего контр-наступления. Когда мы не только защищаем то, что есть, или то, что грозит исчезнуть, а боремся за новые позиции, тогда начинается наступление.

Коммунисты не могут искусственно создать такое наступление. Главная ошибка мартовских боев состояла именно в том, что мы пытались заменить борьбу широких масс волей к борьбе нашей партии. Воля нашей партии к борьбе должна проявляться в методах нашей агитации и организации масс. И чрезвычайно показательно для положения рабочего движения, что наша коммунистическая агитация даже в тех странах, где мы имеем лучшие партии, носит еще отвлеченный характер,что она не проникнута страстностью людей, убежденных в том, что они действительно борются за цели, могущие быть достигнуты в недалеком будущем. Наша борьба все еще производит впечатление чистой агитации, и если мы хотим, чтобы наши прения не скончались от малокровия, чтобы наши Конгрессы не получили значения партийного клуба, в котором теоретически обсуждаются тенденции развития, то наши партии должны на деле практически повести совершенно иную политику, чем до сих пор, другую не в отношении политической линии, а в смысле боевой энергии. И, товарищи, при обсуждении вопроса о наступлении капитала мы должны твердо установить одно: мы должны прежде всего в своих собственных рядах осуществить то, чего мы добиваемся в коммунистических массах. Многие товарищи представляют себе дело так, будто Коммунистический Интернационал может процветать и чувствовать себя здоровым лишь в те моменты, когда волны революции вздымаются высоко, когда пролетарские массы идут в атаку.

Коммунистический Интернационал является не только партией завоевания власти, но и партией борьбы за власть, и поэтому нелепо говорить о том, будто сейчас мы переживаем похмелье— и поэтому партия не может бороться. Таким образом, Коммунистический Интернационал превращают из борца за пролетарскую мировую революцию в паразита этой революции. Не настроение разочарования и ожидание революции, а борьба за каждую пядь земли—вот наш пароль. Наши споры достигнут своей цели только в том случае, если мы поймем, что коммунистические партии могут быть созданы не путем составления и изучения кабинетных резолюций, а путем выполнения наших задач в практической борьбе, в едином фронте пролетариата, в борьбе за разрешение тех вопросов, которые сейчас ставятся историей. И тот, кто усматривает противоречие между тактикой единого фронта и процессом объединения и укрепления коммунистических партий, ничего не понимает в задачах Коммунистического Интернационала. Он не понимает того, что мы должны иметь сильные партии, если мы хотим быть носителями идеи единого фронта, точно так же, как мы должны бороться за единый фронт пролетариата, если мы хотим иметь сильные партии. (Аплодисменты).

Заключительное слово.

Товарищи, дебаты о наступлении капитала свелись отчасти к продолжению дискуссии о докладе Исполкома и о тактике. Этого нельзя было избежать по той причине, что, как я уже указывал в своем докладе, установление отношения к наступлению капитала является в данный момент важнейшей тактической задачей Коммунистического Интернационала. По той же самой причине товарищам пришлось во время дебатов повторяться, что придется сделать также и мне, поскольку я в своем ответе говорившим товарищам должен буду снова коснуться вопросов, уже исчерпывающе рассмотренных в докладе тов. Зиновьева.

а) Перспективы.

Что касается вопроса о характере капиталистического наступления, его форм и перспектив, то, кроме интересной

речи тов. Бордиги о фашизме, заслуживающей более серьезного внимания, чем позволяет мне поздний час, интересно еще замечание товарища Ван-Равестейна, открывшего мнимое противоречие между моими словами и словами тов. Троцкого. Это—недоразумение. Когда я указываю на уклон буржуазного лагеря вправо, на буржуазное наступление, а тов. Троцкий говорит о новой волне пацифизма и социал-реформистского обмана, то разница объясняется тем, что я говорю о сегодняшнем и завтрашнем дне, а тов. Троцкий—о послезавтрашнем,— о позиции буржуазии после того, как выдохнется ее наступление.

б) Опасности справа и слева.

Но вернемся к тактическим вопросам, являвшимся главным содержанием дискуссии. Наступление капитала вынудило нас начать тактику единого фронта, чреватую, как опасностью справа, так и опасностью слева. В дебатах по докладу Исполкома мы сказали, что правая опасность сильнее левой, и я твердо стою на своем. Угрожающие нашей борьбе и нашей тактике в данный момент опасности справа состоят не только в том, что в период между двумя приливами революции часть Коммунистического Интернационала слишком теряет свой коммунистический облик, а в первую очередь в том факте, что под давлением наступающего капитала крупные массы пролетариата становятся пассивными, что они не думают не только о контр-наступлении, но даже об обороне. Это ослабление воли к борьбе со стороны широких пролетарских масс таит в себе, с точки зрения общего положения рабочего класса, величайшую опасность, и тактический вопрос состоит для нас в том, как укрепить волю к борьбе и чего следует избегать, чтобы эта воля к борьбе не угашалась. Я думаю, что если общая линия деятельности Коммунистического Интернационала будет направлена в первую очередь против пассивности рабочих масс, против их неспособности защищать себя, т.-е., против социал-демократии, против $2^1/_2$-ного Интернационала и против тех коммунистических элементов, которые не применяются к положению, а покоряются ему, то в таком случае ошибки слева являются

лишь водой на мельницу центристов („совершенно правильно"), и тут то я возвращаю тов. Урбансу слова, которыми он меня удостоил, но, не в пример ему, я постараюсь доказать их.

Самая главная ошибка в речи тов. Урбанса заключается в неправильной оценке ситуации. Он заявил в своей речи, что в своем докладе я играю в руку центристам тем, что переоцениваю силу капиталистического наступления и не замечаю начатого уже пролетариатом контр-наступления. В доказательство этих своих утверждений он приводит борьбу за сохранение 8-часового рабочего дня во Франции и движение фабзавкомов в Германии. Но я считаю, что для преодоления опасности важнее всего правильно понять ее. Если бы то, что говорит тов. Урбанс, было правдой, если бы контр-наступление пролетариата действительно уже началось, то опасность справа была бы не так велика. Но кричать одновременно о „великой опасности закоснения Коммунистического Интернационала" и о „пробуждении рабочего класса", значит самому себе загромождать путь к правильной оценке вещей. Я не знаю, действительно ли уже перейден высший пункт капиталистического наступления. В ответ на указание тов. Урбанса о ведущейся во Франции борьбе я спрошу: что представляет собой эта борьба? Она является первыми шагами французского пролетариата к самозащите. А что касается движения фабзавкомов в Германии, то я хочу лишь возразить, что в этом вопросе я совершенно согласен с тов. Гернле. Это крупное движение не следует переоценивать; конечно, оно имеет для нас большое значение, ибо мы попытаемся выкристаллизовать в процессе этого движения местные боевые опорные пункты. Широких масс некоммунистических рабочих это движение фабзавкомов еще не захватило, но даже и в противном случае оно не означало бы еще наступления пролетариата,—нет, а лишь самозащиту против ухудшения жизненных условий рабочего класса. Говорить о наступлении мы имели бы право лишь в том случае, если бы массы уже добились успехов в движении фабзавкомов, если бы они добились контроля, по крайней мере, над частью промышленности. Но они делают лишь слабую подготовку к организации оборонительной борьбы, и тут уже кричат о начавшемся контр-наступлении.

Такая оценка вещей подвергает нас опасности понести еще в десять раз большее поражение. Отступление пролетариата еще не остановилось; лишь кое-где рабочие начинают удерживать свои позиции, и кричать при таком положении о начале контр-наступления преждевременно. Такие люди не видят опасности, грозящей со стороны пассивности трудящихся. Достаточно принять во внимание лишь немецкое движение, чтобы понять все значение того факта, что при помощи красивых слов удалось навязать горнорабочим соглашение о сверхурочной работе. Что это доказывает? Не что иное, как то, что рабочие готовы работать дольше и практически отказаться от восьмичасового рабочего дня. Не только руководители прфсоюзов, но и сами рабочие практически отказываются от восьмичасового рабочего дня.

А если так, то мы должны сказать: для того, чтобы оказать действительный отпор наступлению капитала, мы должны видеть его во всей его действительной величине; мы должны видеть опасности там, где они угрожают. Право, опасностей слишком много, чтобы нужно было еще измышлять таковые.

Товарищи. Наступление капитала мы оценили во всем его объеме. Для нас было, конечно, не легко перейти от политики непрерывного нападения на социал-демократию к тактике единого фронта, всегда скрывающей в себе опасности. В первых тезисах тов. Зиновьева этим опасностям единого фронта уделялось большое внимание, ибо мы сказали себе: рабочие массы должны быть мобилизованы для оборонительной борьбы, но коммунисты не должны при этом забывать, что они борются не только за кусок хлеба. Ведь, мы являемся, пока-что, слабейшей частью рабочего движения. Наша пресса значительно слабее прессы 2 и $2^1/_2$ Интернационалов. Такой единый фронт грозит тем, что слабые коммунисты могут слишком сильно опереться на социал-демократов, что мы должны будем отказаться от права первородства, что, борясь совместно с социал-демократическими рабочими против капитала, мы не в состоянии будем одновременно открывать массам революционные перспективы, вести массы дальше, чем это было бы желательно для социал-демократов.

Мы ясно сознавали эту опасность, и поэтому вопрос о нашей тактике и борьбе за единый фронт, в борьбе с наступлением капитала был поставлен нами на расширенном пленуме Исполкома. Этот вопрос мы обсуждаем и сейчас.

Как бы то ни было, товарищи, эта тактика вызвала упреки со стороны товарища Урбанса. В первую очередь он критиковал способ применения этой тактики на конференции трех Исполкомов. Но он не указал, в чем состояли наши ошибки. Он назвал нашу тактику—тактикой пустого желудка. А я думаю, что это—упрек пустой головы. Тов. Урбанс должен был либо заявить: никаких переговоров с верхами, либо указать, в чем состояли наши ошибки в переговорах с социал-демократами и $2^1/_2$-ым Интернационалом. (Возглас тов. Урбанса, что он критиковал недостатки подготовки выступления). В таком случае, позвольте мне обратить этот упрек против вас: Исполком выпускает тезисы, теоретически подготовляющие наши выступления. Партиям это известно, от всех партий привлекаются представители. Они знают, в чем дело. Мы хотим принудить социал-демократов бороться совместно с нами за восьмичасовой рабочий день, против опасности новой войны, против понижения заработной платы, против наступления капитала на Советскую Россию. Всем партиям известно, что это значит. И вот начинаются переговоры. В каждом городе, в каждой стране необходимо, следовательно, оказать величайшее давление на 2 и $2^1/_2$-ый Интернационалы. Кто может оказать это давление? Конечно, не Исполком в Москве и не делегаты на конференции. Это должны сделать партии. И вот я констатирую следующее: первое, что мы сделали по приезде в Берлин, был призыв к организациям: мобилизуйте массы, пошлите в рейхстаг делегации с фабрик, организуйте собрания. А результат. Две табачницы, да еще трое товарищей являются в рейхстаг и начинают разгуливать там. Я убежден, что наша берлинская организация одна из лучших. Но если это вина берлинской организации, то обратитесь, уважаемый товарищ Урбанс, к берлинской, гамбургской и другим организациям, не сумевшим мобилизовать в этом случае широких масс. Несмотря на то, что конференция трех Интернационалов преследовала не организационные цели, а должна была явиться первой попыткой прижать к стене социал-демократов и толкнуть их,

при содействии рабочих масс, на совместную с нами борьбу, организации сделали очень мало. Тут, как вижу, тов. Урбанс падает в обморок. Я перехожу к следующему его упреку.

Величайшей нашей иллюзией он считает наше мнение, будто социал-демократы способны бороться, что вожди социал-демократов, которых мы с 1914 года третируем, как агентов буржуазии, вдруг вынуждены будут стать на путь борьбы. И тов. Урбанс, с 1914 г. слышащий, что социал-демократические вожди—агенты буржуазии, конечно, вопрошает: как могут сражаться агенты буржуазии? Но право, уважаемые товарищи, политика была бы очень легким делом, если бы, назвав кого-либо агентом буржуазии, мы тем самым заклеймили бы его на вечные времена позором и предали проклятию.

Не подлежит сомнению, что поскольку речь идет о руководителях социал-демократии в целом, то они сознательно действуют против революции. Но эти руководители — в Германии, во Франции, в Англии — живут не в безвоздушном пространстве и живут не только в полемике с товарищем Урбансом и со мной. Они опираются в Германии на насчитывающую миллионы членов партию и на другие миллионы, которые бегут за ними. И в зависимости от ситуации эти руководители либо явно стоят на стороне буржуазии, либо же стараются соскочить с ее колесницы.

Припомните один очень простой факт: пятого ноября 1918 года Шейдеман и Эберт ведут переговоры со ставкой: если кайзер сложит с себя корону, то будет спасен и наследный принц и самый трон. А 9 ноября Шейдеман вскакивает на рампу рейхстага и восклицает: „Да здравствует республика". Могут возразить, что он это сделал в целях предать нас („совершенно верно"). Но в промежутке произошла мелочь, которую тов. Урбанс совсем не учитывает: такая мелочь, как крушение Гогенцоллернов, революция и контр-революция. Шейдемановцы предали нас. Но они также помогли нам сбросить Вильгельма с трона; это может отрицать лишь тот, кто не желает видеть и понимать неприятных для него фактов. В своей речи о тактике на расширенном пленуме Зиновьев очень удачно выразился: социал-демократы предают пролетариат, но если это необходимо

для их спасения, тут они могут предать также и буржуазию.

Но тут возникает второй вопрос: можем ли мы придавать этому какое-либо значение? Товарищи, если бы возможно было уничтожать целые партии путем предания их анафеме, то нам достаточно было бы попросить товарища Зиновьева подписать указ об исчезновении с лица земли Шейдемана и его присных. Но так как это невозможно, то мы вынуждены бороться с ними. Весь вопрос лишь в том, когда мы их уничтожим. Возможно, что они так тесно свяжут себя с буржуазией, что не смогут от нее освободиться, и что они будут нами в неустанной борьбе при содействии масс брошены в одну яму с буржуазией. Но возможно также, что наступит период, когда они, убедившись в невозможности коалиции с буржуазией, будут вынуждены согласиться на коалицию с нами, в этой коалиции снова попытаются нас предать, и мы победим их лишь после того, как их политика в процессе коалиции с нами исчерпает себя, и массы придут к нам. Тот, кто не видит этой возможности, кто лишь гадает на пуговицах: любит — не любит, предаст он меня совсем или наполовину, должен ли я бояться или не должен, тот напоминает мне девушек, о которых Гейне сказал: „у них нет ничего, кроме невинности". Вы же, товарищ Урбанс, потеряли даже свою невинность, так как вы не принципиальный противник рабочего правительства, а такая сомнительная невинность, товарищ Урбанс, в принципиальных вопросах имеет очень мало значения.

Но что же означает лозунг рабочего правительства? Товарищ Урбанс намекнул на существующие в этом вопросе крупные разногласия между Троцким, Зиновьевым и мной. Мы неоднократно читали в европейской буржуазной печати о том, как кавалерия Бухарина сражается с пехотой Зиновьева, как сегодня Троцкий арестовывает Ленина, а завтра Ленин — Троцкого. Играть здесь в прятки нет необходимости. Мы — не ослы. В нашем мышлении существуют нюансы. Каждый приступает к вопросу с другой точки зрения. Один рассматривает его преимущественно с точки зрения одного государства, другой с точки зрения другого, так что создаются известные оттенки. Но вопрос в

том: признает ли Исполком необходимым вести в массах агитацию в пользу рабочего правительства или нет? Второй вопрос заключается в том, что означает лозунг рабочего правительства. В настоящий момент в Германии он означает, что мы вступаем в переговоры с социал-демократами, вместе с ними ведем борьбу против буруазной коалиции, и в том случае, если это окажется нужным, поддерживаем рабочее правительство или даже принимаем в нем участие. Стоит ли исполнительный комитет на этой точке зрения или нет? Я утверждаю, что он стоит на этой точке зрения, и это имеет чрезвычайно важное политическое значение. Тов. Урбанс выражает свое отношение к рабочему правительству словом — невозможно; выходит, что в том случае, если нам после крушения буржуазной коалиции придется вести агитацию за рабочее правительство, то он обратится к входящим в социал-демократическую партию гамбургским судостроительным рабочим с такой речью: вы в 7 раз сильнее нас, поэтому мы выдвигаем требование образования вместе с вами рабочего правительства; мы готовы вести за него борьбу, но оно невозможно. Конечно, это бессмыслица. Здесь я должен вкратце указать тов. Шмералю на его следующую большую ошибку. В прошлом он следовал оппортунистической политике, поэтому теперь при каждом своем выступлении он считает нужным осенить себя крестным знамением и заявить: не подумайте, что это оппортунистическая точка зрения, а если вы так думаете, то нам придется начать дискуссию. Я вполне согласен с тов. Шмералем относительно того, что у них борьба за образование рабочего правительства может разгореться в ближайшее время, даже в ближайшие месяцы. Но тов. Шмераль тотчас же косится влево и говорит: я не верю в рабочее правительство, но другие верят в него, поэтому мы должны показывать вид, что мы тоже верим в него. Если так следует проводить политическую кампанию, то я ничего не смыслю в этом деле. Так выступать перед массами в стране, где доллар дошел до 10.000 марок, где проводится понижение заработной платы, где коалиция разваливается, потому что Стиннес против стабилизации марки—бессмыслица.

Может-быть, возможен компромисс. Но я считаю безумием для коммунистической партии стараться стабилизовать что бы то ни было в этой сумятице, при этой неспособности буржуазии справиться с кризисом. Коммунистическая партия должна показать выход социал-демократическим массам, сказав им: вы боитесь диктатуры, а мы стоим за диктатуру. Вы думаете, что можно добиться чего-нибудь мирным путем. Попробуйте. Вы составляете большинство. Вы будете постепенно подвигаться к диктатуре, а мы будем бороться вместе с вами. В этой обстановке наши товарищи, ближе всего, по их словам, стоящие к массам, будут говорить: к чорту буржуазную коалицию. Да здравствует рабочее правительство. Другие же будут говорить: Я не верю, но вы верите (смех). Товарищи, улыбайтесь, мы маневрируем.

Можно ли вести кампанию таким образом? Ведь, должны же мы сказать массам, чего мы хотим, что мы противопоставляем натиску капитала. Мы должны им сказать, что ставим перед ними, как практическую цель, объединение рабочего класса, расколотого в политическом отношении. И если мы подойдем к зовоеванию власти в то время, когда большинство рабочего класса еще не будет готово на все, то мы пройдем с ними все этапы борьбы в твердом убеждении, что сама борьба заставит их усвоить нашу точку зрения.

Если все это оппортунизм (Урбанс: „толкование снов") — мне не нужно заниматься толкованием снов, потому что я толкую то, что считаю вашей мыслью; если у вас нет мысли, то я ничего не могу поделать.

Я хотел бы сказать еще пару слов Германской оппозиционной группе. Товарищи, довольно шуток. Тов. Рут Фишер выступала здесь по вопросу о тактике. Она критиковала отдельные частности тактики Центрального Комитета и мы говорили: правильно. Это была критика, не противоречащая тактике и политике Коммунистического Интернационала. Но тов. Урбанс принципиально отвергает тактику Коммунистического Интернационала, хотя он и не придает этому принципиального значения. Тов. Бордига тоже хочет отвергнуть тактику единого фронта и тоже говорит: „в общем я согласен с этой тактикой, но расхожусь с ней в частностях". Но ведь мы, слава богу, не в буржуазном парламенте, чтобы заниматься такой игрой.

Вы должны или принять тезисы о тактике, или ясно разработать свою собственную платформу и предложить ее на рассмотрение Конгресса, но это хождение вокруг да около, это постоянное да—нет, мы хотели бы, но не можем, мы согласны, мы должны—всем этим легко можно пробавляться в партийных кругах и сколачивать то или иное нужное большинство, но этого нельзя назвать пролетарской политикой.

Товарищи, нельзя смотреть сквозь пальцы на все эти шатания и колебания. Сегодня я прочел статью одного товарища из берлинской организации, т. Гешке. Мне рассказывали, что это хороший революционер. Вот что товарищ пишет по поводу предложенного Тальгеймером проекта программы:

„Уже Маркс в своем манифесте писал о существовании особого рода интеллигентов, которые выступают с теориями, сбивающими с толку рабочий класс, таким образом сознательно или бессознательно помогая капитализму выйти из критического положения".

Таким образом, он добродушно допускает, что может-быть Тальгеймер своим проектом программы и в самом деле бессознательно помогает капиталистам. Но после этого он прикладывает палец ко лбу и говорит:

„Главное, против чего здесь можно возражать,—это часть, касающаяся вопроса о рабочем правительстве. Тем, что признается, что уже в капиталистическом государстве рабочий класс может занимать позиции, дающие ему право участия во власти, и пользоваться этим для пролетарского строительства,—этим совершенно стирается ясная линия, которой мы руководствовались до сих пор, и социал-реформистам дается лишний аргумент, без всякого труда с их стороны".

Итак, нам говорят, что завоевание позиций, дающих право участия во власти внутрикапиталистического государства, это—реформизм. Такими позициями в капиталистическом государстве являются профсоюзы, коммунистическая партия и фабрично-заводские комитеты, если мы умеем ими пользоваться. Такой позицией является также парламент,

если у нас есть там дельные товарищи, которые умеют использовать его в интересах рабочего класса.

Но завоевывать эти позиции в капиталистическом обществе—это реформизм. Вероятно, революционная политика заключается в том, чтобы спокойно созерцать собственное бессилие до тех пор, пока капитализм не доставит нам удовольствия своим падением.

Далее в статье нашего товарища находится следующее интересное место:

„Недавно в „Роте Фане" была помещена выдержка из речи тов. Троцкого, где он говорит, что, завоевав власть, рабочий класс должен не только взять в свои руки буржуазное государство, но в течение некоторого времени сохранять в нем прежние производственные формы с калькуляциями, биржами, банками и т. д. Это такое оправдание тактики сотрудничества и коалиционной политики, лучше которого не могут пожелать и амстердамцы".

Когда Троцкий говорит, что после завоевания власти нужно продолжать калькуляцию, а не действовать на угад, то это оказывается лучшим аргументом в пользу социал-демократов, которые защищают не только калькуляцию, но и спекуляцию при сохранении господства буржуазии.

Все это напечатано в статье под заглавием „Тактика и организация", которая оставлена редакцией без всякого возражения. Что это значит? Если автор хороший коммунист,—а говорят, что это хороший революционный рабочий,—то это указывает на то, что в головах некоторой части лучших революционных рабочих сохранилась еще большая неясность понятий. А вы, вожди этих рабочих, вместо того, чтобы устранить эту неясность, еще усиливаете ее своими сомнениями. В чем заключается опасность ваших сомнений? В том, что они мешают нам, в разгар капиталистического наступления, сплотить коммунистическую партию, дав ей ясную тактическую линию, без которой невозможна борьба. Если вы скажете, что контр-атака пролетариата уже началась, то я отвечу: пролетариат еще не приступил даже к самозащите. Мы еще не сумели сделать наши собственные партии, партии Коммунистического Интернационала, центрами борьбы против наступления капитала. В Италии наша тактика не была проведена, во Франции—

тоже. В Германии делаются слабые первоначальные попытки, и тут вы выступаете с вашими сомнениями, вместо того, чтобы повести массы на борьбу, наполнив последнюю коммунистическим содержанием и преодолев, таким образом, все опасности в самом процессе этой борьбы.

Товарищи, мне говорили, что я в своем докладе сказал, будто рабочий класс в целом ведет борьбу за власть, не сознавая ясно своей цели, будто он убежден, что этот вопрос в настоящее время лишен актуальности. Мне говорили, что это очень опасная мысль (Урбанс с места: „Это было формулировано совершенно иначе"). Может-быть, вы напомните мне, как это было формулировано. (Урбанс: „Они потеряли веру в завоевание власти"). Я принимаю эту формулировку. Если бы рабочие массы в своем подавляющем большинстве верили теперь, что они могут завоевать власть, учредить диктатуру, то согласились ли бы они, тов. Урбанс, на то, чтобы партия выдвинула лозунг рабочего правительства?

Ничто, я думаю, не может оказаться более роковым для Коммунистического Интернационала, нежели непонимание того, что мы теперь переживаем новый,—второй этап, когда широкие массы отхлынули от активного наступления, между тем как, только ведя наступление, широкие массы верят в свою цель. Коммунисты составляют передовой отряд рабочего класса, они верят в диктатуру пролетариата, но стоящие вне коммунистической партии рабочие массы вступают в борьбу только тогда, когда их к этому вынуждают обстоятельства. Большинство рабочего класса теперь не думает о завоевании политической власти, это ясно; кто это отрицает, тот слеп, и будет не в состоянии, в процессе дальнейшего развития событий, способствовать изменению нынешнего настроения масс; он может только плестись в хвосте партии, докучая ей своими придирками, ибо он не в состоянии понять, что партия вынуждена так действовать.

Товарищи, история уже дала нам пример тех ошибок, которых мы теперь должны стараться избегнуть. Когда, после поражения русской революции 1906 года, русский пролетариат оказался в чрезвычайно тяжелом положении, меньшевики заявляли, что революции пришел конец. Капи-

тализм и царизм приобретают устойчивость. Россия вступила на прусский путь политического развития. Большевики же, напротив, говорили: буржуазия и царизм неспособны разрешить хотя бы один из основных вопросов, стоящих перед ними. Поэтому революция еще не кончена. Прокатилась одна волна революции, а вторая еще не пришла ей на смену. Но среди большевиков возникли споры относительно того, что надлежит делать в промежутке между этими двумя волнами. Берлинские товарищи очень не любят слова „отзовизм". Они считают это бранным словом. Они кричат о меньшевизме, а мы, лучше их зная русский язык, отвечаем им другим словом „отзовизм". Отзовизм заключается в том, что говорят: революция должна притти, она придет. „Отзовисты" говорили приблизительно то же самое, что и товарищ, статью которого я цитировал,—что революция явится совершенно неизбежно. Но вожди большевиков не были мистиками; большевики знают, что ход истории определяется экономическим развитием классов, и что если передовой отряд объективно-революционного класса не начнет первым революционной борьбы, то революция может не наступать в течение очень долгого времени, хотя историческое развитие и идет в революционном направлении. Дело идет о наличности революционного класса, во главе которого стоит сознательный передовой отряд. Когда „отзовисты" говорили: „Революция все равно наступит, и нечего итти в парламент, профессиональные союзы, в кооперативы",—то большевики восставали против этого. Существовали и переходные оттенки отзовизма. Подобно тому, как были и будут полуменьшевики и полуцентристы, так бывают и полуотзовисты и полуполуотзовисты, которым надо насильно вбивать в голову правильное понимание вещей. Полемизируя с этими полу и полуполуотзовистами, Ленин, Каменев и Зиновьев говорили: „Да, послезавтра будет революция, но не сегодня, мы еще должны заниматься революционной подготовкой масс".

Товарищи, опасность отзовистских настроений налицо. Это—только оборотная сторона пассивности масс. Вы ждете, пока массы не придут в движение, и это время вы хотите заполнить тем, что делают дети, когда им страшно,—они тогда поют и кричат. Мы же говорим: „Эта тактика опасна: от этой тактики вы должны отказаться. Вы не должны

постоянно хватать партию за руки и мешать ей в ее действиях". В „Большевике" моя первая речь была передана таким образом, как-будто я сказал, что вы помешали партии. Я этого не говорил. Я сказал: ваша опасливость помешает партии, потому что партия думает, что за вами стоит часть ее членов (возглас с мест германской делегации: „Когда мы это сделали?"). Сейчас я вам перечислю эти случаи. Когда был поднят вопрос о реальных ценностях, вопрос о создании налоговой программы, об обложении буржуазии и облегчении бремени рабочего класса. Потрудитесь вспомнить все речи относительно опасности государственного капитализма, которые произносились, когда возник вопрос о рабочем правительстве. Потрудитесь вспомнить ваши собственные речи, произнесенные здесь по вопросу о тактике единого фронта. По всякому удобному поводу вы говорили: „Если товарищи не предадут нас, то во всяком случае они дадут одурачить себя". Во время кампании по поводу убийства Ратенау, во время заседаний Комиссии Девяти вся ваша политика была полна одной заботы, как бы Бухарин и Радек не оказались предателями или глупцами. Такая политика, если ей не будет положен конец, приведет к разрушению партии.

Когда мы, после речи тов. Рут Фишер, слышим подобную речь тов. Урбанса, представителя одной из крупных организаций германской партии, то мы отвечаем: „Уважаемые товарищи, ведите дело на-чистоту, иначе вы, сами того не желая, причините большой вред партии, потому что вы,—я говорю это открыто,—являетесь представителями значительной части пролетариата, на которую мы должны опираться, тем более, что опасность пассивности делает необходимым объединение всех живых пролетарских сил".

Товарищи, я хочу сказать еще несколько слов относительно опасности, грозящей нам справа. Выступавший здесь английский товарищ Вебб обратился к Исполкому со словами: „Не отказывайтесь от 21 условия". Я впервые сегодня узнал, что уважаемому товарищу Веббу не дает спать мысль, что может остаться только 20 условий. Я могу его успокоить. Тов. Зиновьев сказал: „В предстоящих переговорах с правыми группами мы предъявим 42 условия. Может-быть, этого будет достаточно для товарища Вебба. Но представляемая

им партия не так радикальна, как он. Мы должны указать этой партии на одну допущенную ею важную ошибку. Передо мной предвыборное воззвание Английской Коммунистической Партии.

Как применяет Английская Коммунистическая Партия тактику единого фронта? Она говорит: „мы составляем часть рабочего класса, именно его левое крыло".

Но мы хотим стать рядом со всеми другими рабочими партиями. Где ты Ноэми, там и я—Руфь. Я имею в виду не тов. Рут Фишер (смех), а добрую библейскую Руфь. А после этого в перевыборном воззвании говорится: что представляет собой рабочая партия? Входящие в нее рабочие не оставляют желать ничего лучшего, они хотят вести борьбу, но вожди не так хороши. Далее там говорится: и в прошлом, и в настоящем мы встречались с предательством со стороны ее вождей. Но во имя борьбы с капиталистами можно объединиться и с предателями. Раз мы, чорт возьми, проводим тактику единого фронта, то мы готовы пойти на это. Исполнительный Комитет в своем воззвании ясно показал рабочим, что вся политика рабочей партии есть сплошное предательство по отношению к интересам рабочих. Но далее он им говорит: когда рабочая партия победит и станет у власти, она завершит свое предательство по отношению к вам, и вы убедитесь, что ей не нужно ничего, кроме капитализма; тогда рабочие от нее отпадут, или же ей, под давлением рабочих масс, придется стать на путь борьбы, и мы сможем стать рядом с ней. Мы выдвигаем определенный лозунг: „Голосуйте за рабочую партию и в то же время готовьтесь к борьбе против нее".

Когда тов. Вебб предостерегает нас здесь от оппортунизма, мы отвечаем ему: „Тов. Вебб, скорее садитесь в вагон, поезжайте в Англию и там боритесь против оппортунизма, мы вас в этом поддержим".

Вопросы о тактике единого фронта и о наступлении капитала,—это важнейшие вопросы политики будущего года, а может-быть, и будущих лет. Очень возможно, что вожди социал-демократии в течение долгого времени будут оставаться союзниками буржуазии. Но мы надеемся, что, пользуясь давлением их масс, нам удастся толкнуть их на борьбу. Бедственное положение пролетариата, может-быть, еще

ухудшится до тех пор, пока массы не вступят в борьбу. Возможно, что нам тогда придется перейти к атакам по всему фронту. Но мы сделаем это, когда будем достаточно сильны.

Тактика Коммунистического Интернационала должна быть рассчитана на ближайшее время, хотя она открывает перспективы на целую эпоху. Наши перспективы не только не изменились, но даже еще более подтвердились; чем долее длится контр-революция, тем ярче проявляется неспособность буржуазии укрепить свою власть. Для нее не остается никакого выхода—это не агитационная фраза, а наше глубокое теоретическое убеждение.

Что является „передней" и что пресловутым камином—этого теория решить не в силах. Я готов предсказать, что будет через несколько сот лет, но я не решаюсь пророчествовать относительно будущего года, ибо обстановка настолько запутана, что пророчествовать может только тот, кто очень мало понимает в теории. Дело идет о том, чтобы сплотить рабочих и подготовить их к борьбе. Если для этого потребуется вести переговоры с социал-демократами, то мы и от этого не откажемся; и мы делаем это, зная, на основании научной теории, что историческое развитие обостряет классовые противоречия. А когда борьба обострится, мы окажемся в ней решающей силой.

В промежуток между двумя периодами обостренной борьбы нет ничего более опасного, чем эта боязливость, чем это упорное доктринерство. Мы должны итти рука-об-руку с борющимися массами, не опасаясь, что коммунизм сделан из хрупкого фарфора. Мы еще слабы и было бы гибельно для нас этого не видеть. Но мы можем сделаться сильными, только сказав себе, что мы должны делать то, чего требует данный момент. А настоящий момент требует от нас объединения масс для борьбы за ближайшие практические цели, которые перейдут в борьбу за диктатуру пролетариата. (Продолжительные аплодисменты).

III. Коммунистический Интернационал и Восток.

(Речь, произнесенная 23 ноября 1922 г. на 4-м Конгрессе Коммунистического Интернационала).

Товарищи, мы должны еще раз рассмотреть путь, пройденный нами со времеии II Конгресса в вопросе о нашем отношении к движению на Востоке. Вы помните, что когда мы на II Конгрессе Коммунистического Интернационала выдвинули тезис об огромном революционном значении движения на Востоке, о необходимости для Коммунистического Интернационала поддерживать это движение, то эта наша позиция вызвала большой шум не только в капиталистическом мире, хорошо знавшем, почему ему надо опасаться нашего решения, но и в партиях 2 и $2^1/_2$ Интернационалов. Достаточно напомнить вам о том, как Криспин и Гильфердинг рассказывали в Галле, что мы придаем хивинским муллам больше значения, чем промышленному пролетариату, чем такой партии, как Германская Независимая Партия.

Товарищи, история показала, насколько правы были мы и насколько неправы быми все эти господа, говорившие с западно-европейским высокомерием о хивинских муллах. Вы помните, как после Бакинского съезда народов Востока эти люди ругали нас за наш союз с „турками". Что же показала действительность, что показала история? Версальский мир, несмотря на все протесты Гильфердинга, существует попрежнему, и ныне господа Гильфердинги готовы вступить в правительство, дабы служить в качестве лакеев Антанты. Все эти Гильфердинги — только беспомощный объект истории; они умеют только одно—жаловаться всему миру на свои злоключения.

Зато турецкое революционное движение и борьба турецких народных масс, которым мы обещали свою поддержку, уничтожили Севрский договор. И тогда как весь 2 и $2^1/_2$ Интернационалы ничто перед капитализмом,—эта борьба Турции потрясла равновесие всей Западной Европы. И это—лучший ответ на вопрос, является ли движение на Востоке революционным движением, имеет ли оно крупное значение в деле подрыва капиталистической мощи или же это только пустая забава комиссариата по иностранным делам, забава, в которой участвует Коммунистический Интернационал.

После того, как значение восточного вопроса стало очевидным даже для слепых, после этого эти господа затянули иную песню. На этот раз ее завел один из председателей нашего II Конгресса—умерший для коммунизма—г. Пауль Леви. Теперь уже не говорится, что народы Востока и революция на Востоке не имеют никакого значения. Теперь говорится: „Знайте, победа Кемаль-паши—победа Пуанкарэ. И Советская Россия, поддерживая Кемаль-пашу, поддержала тем самым и Пуанкарэ". Пауль Леви во всеуслышание заявил: вот до чего мы дожили. Это выступление Пауля Леви показывает лучше, чем все его статьи о внутренней политике Германии, до чего он пал. Оно показывает, кроме того, насколько прогнила международная социал-демократия. Социал-демократия не понимает, что в процессе всемирно-исторического развития участвуют различные силы. Она не понимает, что сколько бы враждующие между собой клики международного империализма ни старались использовать революционную борьбу народов Востока, это все же не лишает эту борьбу революционного характера и не освобождает мировой пролетариат от обязанности поддерживать революционные течения, обнаружившиеся на Востоке.

Бедняги 2 и $2^1/_2$ Интернационалов не понимают, что международный рабочий класс обязан приложить все силы, дабы помочь народам Востока соединиться с европейским и всемирным рабочим движением для борьбы против мирового капитализма, именно потому, что капиталистические государства пытаются превратить народы Востока в покорное орудие своей борьбы.

И если г. Леви и ему подобные ныне говорят: „победа Турции—ведь это победа Франции",—то они слишком поспе-

шили со своими пророчествами. Лозаннская конференция покажет, что пробуждающийся Восток имеет против себя объединенный фронт всего мирового капитализма. Франция собирается ныне играть на Востоке ту роль, которую до войны играла там Германия. Франция желает противопоставить Англии сравнительно крупное турецкое государство. Но собирается она это сделать не для того, чтобы превратить турецкую территорию в независимое государство, а с целью сделать ее объектом французской экспансии. По вопросу о капитуляциях и о финансовом контроле над Турцией она займет ту же позицию, что и британский империализм. Тогда выяснится, кто был прав: революционные ли силы, Коммунистический Интернационал и Советская Россия, утверждавшие, что, несмотря на все трудности, следует поддерживать движение на Востоке, ибо это движение по существу своему революционно, или те, кто в силу боязни и робости поминутно теряют перспективу грядущих событий.

Тем самым, товарищи, я подхожу ко второму вопросу, занявшему много места в докладах турецких делегатов и наших турецких товарищей. Наш тезис заключался в следующем: эксплоатируемый Восток должен защищаться против международного капитализма и он это сделает. Вот причина, заставляющая всячески поддерживать эксплоатируемый Восток. Но следует помнить, что во главе народов Востока стоят не только не коммунисты, а большей частью даже не буржуазные революционеры. Во главе народов Востока стоят еще представители отмирающих феодальных групп, составляющие офицерство и бюрократию этих стран. Следовательно, поддержка, оказываемая нами народам Востока, по необходимости выдвигает вопрос о нашем отношении к этим правящим элементам. Начавшиеся несколько недель тому назад преследования коммунистов в Турции и борьба У-пей-Фу против бастующих китайских рабочих ставит этот вопрос на практическую плоскость. Мы, коммунисты, можем без всяких дипломатических ухищрений, вполне определенно и открыто говорить о нашем отношении ко всему этому. Обещая пробуждающемуся Востоку нашу поддержку, мы ни на минуту не забывали о той классовой борьбе, которой предстоит разыграться и на Востоке. В 1847 году Маркс писал в „Коммунисти-

ческом Манифесте", обращаясь не только к германским рабочим: „Поддержка буржуазии, поскольку она выступает в качестве революционного фактора". Он обратился даже к революционным элементам Польши с призывом поддержать фракцию крупных польских помещиков, фракцию дворянства, которая занимала в крестьянском вопросе революционную точку зрения. Что это значило? Он отлично сознавал, что буржуазия останется буржуазией, что польское дворянство останется польским дворянством. Он знал, что молодому рабочему движению придется вступить в классовую борьбу с этими чуждыми ему и враждебными классами. Он понял, однако, также, что именно интересы этой классовой борьбы, интересы ее грядущего развития, несмотря на все классовые противоположности, требуют в этот исторический момент поддержки этих классов рабочим классом. Товарищи, преследования турецких коммунистов—часть той классовой борьбы, которая еще только начинает развиваться в Турции,— борьбы не только между рабочим классом, с одной стороны, и молодой буржуазией и бюрократией—с другой, но и в самом лагере правящих слоев. Не секрет, что за эти преследования коммунистов в первую очередь ответственны министр внутренних дел Рауф-бей и Рифад-паша, являющиеся одновременно сторонниками компромисса с Антантой и вместе с тем противниками смещения султана. Не секрет, что устранение султана вызвало в Турции борьбу. И вот возникает вопрос: сложат ли революционные элементы правящего класса оружие перед реакционерами или нет? Если сложат, тогда роль Кемаль-паши окончена, тогда в Турции снова начнется распродажа турецкой территории, тогда турецкий народ снова будет продан за чечевичную похлебку. Если же они не сложат оружия, то они будут вынуждены попытаться противопоставить нападению духовенства, реакционных пашей и всех продажных элементов сопротивление масс. Мы не знаем, какая партия победит, но мы ни минуты не жалеем, что мы сказали турецким коммунистам: теперь, когда вы организовали свою самостоятельную партию, первая ваша задача заключается в поддержке национального освободительного движения в Турции. Дело идет о будущности всего турецкого народа, дело идет о том, пробьет ли народ себе дорогу к свободе или же он сделается рабом мирового ка-

питала? Когда паши начнут продавать турецкий народ, когда вся тяжесть капитуляций, финансового контроля и т. п. ляжет на плечи турецких крестьян, тогда крестьяне поймут, что именно коммунисты и молодой рабочий класс боролись за их интересы и тогда—они соберутся под знаменем Коммунистической партии. И ныне, когда турецкие коммунисты подвергаются преследованию, мы все же говорим им: из-за настоящего не забывайте ближайшего будущего! Период защиты турецкой независимости, имеющей большое международное революционное значение, еще не прошел. Обороняйтесь против ваших преследователей, направляйте против них острие ваших мечей, но помните, что исторически время последней освободительной борьбы еще не пришло, что перед вами еще длинный путь, который вам придется проделать с еще только выкристаллизовывающимися революционными элементами Турции.

Или возьмем, например, положение в Китае. Вспомните, товарищи, ход событий. Когда У-пей-Фу начал свою борьбу против Чанг-Зо-Лина, то опирался на линию Янг-Ти и имел в своем распоряжении арсенал, но он не владел железными дорогами на севере, находившемся в руках лиц, купленных Японией. И что же он сделал? Он обратился за помощью к молодой Китайской Коммунистической партии, и она предоставила ему комиссаров, которые во время борьбы удержали железные дороги для его войск, которые вели там революционную борьбу. Кто в Китае борется против японского империализма, тот борется за революционное развитие Китая. Усвоив это, коммунисты тем самым усилили в рабочем классе чувство независимости и сознание собственного значения. Впоследствии рабочие предъявили У-пей-Фу свои требования и настояли на исполнении части этих требований. Благодаря этой поддержке освободительного движения благодаря выполнению своей исторической задачи, все еще тесно связанной с задачами революционно-буржуазных сил, нашим товарищам удалось укрепить свое положение среди рабочих масс северного Китая. И если порой 2 и $2^1/_2$ Интернационалы беспрестанно говорят нам: „Дураки, разве вы не понимаете, что все эти Энвер-паши и У-пей-Фу вас снова и снова предают!“,—то мы отвечаем им следующее: почтенные господа из 2 и $2^1/_2$ Интернационалов, доколе существует мелкая бур-

жуазия, а вы принадлежите к ней—она все время будет колебаться между капиталом и рабочим классом. Вы, именующие себя социалистами, уже тысячу раз предавали рабочий класс, и тем не менее мы после каждого вашего предательства снова приходим к вам и призываем вас к образованию того самого единого фронта, против которого вы восстаете. Ирония истории заключается в том, что история вас гонит в ряды этого единого фронта, что вы вынуждены, сколько бы вы нас не предавали, помимо вашего желания итти вместе с нами и служить нашему делу.

Вспомните события, происшедшие в Германии. Разве германская социал-демократия, всячески потворствовавшая генералу Лютвицу и иже с ним, не была вынуждена в дни капповского восстания бороться рука-об-руку с коммунистическими рабочими? Правда, впоследствии она их снова предала, но несмотря на это, борьба, которую социал-демократам поневоле пришлось вести совместно с нами, является услугой рабочему классу, ибо, разумеется, правительство Каппа было бы еще хуже нынешнего. Тем паче возможны всякие предательства и колебания на Востоке, где во главе правительства стоит даже не мелкая буржуазия, а отмирающая феодальная каста. Она еще тысячу раз попытается продаться той или иной группе мирового капитала; она еще раз тысячу раз попытается предать революционные интересы страны, но смысл истории заставит ее пойти предназначенным путем. Она должна будет бороться, ибо длительный компромисс с империализмом для нее невозможен. Паши могут, конечно, чтобы обеспечить себе привольную жизнь, и впредь итти на соглашение с империализмом, но если они завтра попытаются содрать с анатолийских крестьян семь шкур, дабы оплатить эти соглашения, то они увидят, что история не напрасно обрекла турецких крестьян на 12-летнюю войну: турецкий крестьянин ныне совсем другой, чем перед войной. Одна из эсеровских газет, которые, конечно, нельзя упрекнуть в излишней благосклонности к Советской России, напечатала корреспонденцию из Константинополя. Газета описывает впечатление, произведенное победами Кемаль-паши, и говорит: „На улицах, покрытых десятками и сотнями тысяч людей, раздавались возгласы двоякого рода: Да здравствует Кемаль-паша! Да здравствует Советская Россия!“

Массы знали, что французы тоже помогали, и несмотря на это не раздавалось никаких возгласов в честь Франции, ибо они инстинктивно чувствовали, что Франция по дипломатическим соображениям действует то в пользу Турции, то против нее. Массы, однако, знали, что Советская Россия, несмотря на столетнюю борьбу между царизмом и Турцией, раз навсегда отказалась от империалистической политики царизма и желает установить братские отношения с турецким народом. И этот факт внедрился в сознание турецкого народа и ведет его по пути к победе.

И поэтому не только с точки зрения Советской России, но и с точки зрения Коммунистического Интернационала мы говорим: не запугивайте нас. Мы рассчитываем не на преходящую политическую линию той или другой группы, а на великий исторический поток, объединяющий рабочие массы Западной Европы с широкими массами Востока для борьбы против всемирного капитала.

Товарищи, позвольте теперь сказать еще несколько слов в связи с докладом о том, что здесь было сообщено о состоянии и о работе наших партий на Востоке.

Как всегда, я начинаю словами: товарищи, не смотрите сквозь розовые очки, не переоценивайте своих сил. Если здесь перед нами выступает китайский товарищ и говорит: „Мы пустили глубокие корни во всем Китае“,—то я должен ответить: уважаемый товарищ, разумеется, хорошо, если, начиная работу, человек чувствует себя достаточно сильным, чтобы выполнить ее. Однако, следует видеть вещи такими, каковы они есть на самом деле. Наша Китайская партия развивается в двух частях Китая и притом сравнительно независимо одна от другой. Товарищи, работающие в Кантоне и Шанхае, мало сумели установить связь с рабочими массами. В течение целого года мы с ними воевали по этому поводу, ибо многие из них полагали, что настоящий коммунист не должен вмешиваться в столь будничные дела, как забастовки. Многие из наших тамошних товарищей запирались у себя в кабинете, чтобы также изучить Маркса и Ленина, как они некогда изучали Конфуция. Так дело обстояло еще несколько месяцев тому назад. Разве при таких условиях возможно, чтобы революция, и без того претерпевшая вследствие падения Сун-Ятсена крупный удар,

внезапно оказалась бы могущественной силой? В то же время можете ли вы быть могущественной силой и на Севере, где партия вообще очень слаба, где она может опереться только на железнодорожников? Товарищ Тальгеймер привел выдержку из статьи Ленина, в которой он говорит: „хвастайся после победы, а не до нее". Это очень мудрое слово, и оно не менее изречений древне-китайских мудрецов достойно быть изученным и понятым.

Китайским товарищам следует в первую очередь обратить внимание на перспективы китайского движения. Товарищи, вы должны понять, что в Китае в порядке дня еще не стоит вопрос ни о завоевании социализма, ни о завоевании Советской Республики. К сожалению, с исторической точки зрения, в Китае не стоит в порядке дня даже вопрос о национальном единстве и о единой национальной республике. То, что мы видим в Китае, напоминает XVIII век в Европе, в Германии, когда капитализм был еще настолько слабо развит, что ему не удавалось образовать национального центра. Если вы говорите о тучунах, о военных губернаторах, если вы кричите: здесь Сун-Ятсен, там У-пей-фу.— что это означает? Это означает, что развитие капитализма начинается с целого ряда центров. И разве может быть иначе у 300-миллионного народа, не имеющего железных дорог? И наша задача заключается в том, чтобы несмотря на далекие перспективы, которые открываются перед нами и за которые вы должны бороться со всем жаром ваших молодых коммунистических убеждений, объединить все силы, развивающиеся в рабочем классе. Мы должны это сделать в двух целях: 1) чтобы организовать молодой рабочий класс и 2) чтобы установить разумные отношения между ними и действительно революционным элементом буржуазии, дабы таким путем организовать борьбу против европейского и азиатского империализма. Эти задачи мы только теперь начинаем осознавать. И, поэтому, товарищи, мы должны себе сказать, что мы обязаны выработать конкретную программу действий, дабы увеличить свои силы. И если Коммунистический Интернационал обращается к западным коммунистическим партиям со словами: „К массам",— то к вам мы обращаемся прежде всего с призывом: покиньте пропитанные духом конфуцианства кабинеты, в которых вы изу-

чаете коммунизм, и подойдите ближе к массам. Не только к массам рабочих, не только к толпе кули, но и к крестьянским массам, взволнованным и взбудораженным всеми этими событиями.

Перехожу теперь к Японии и Индии. В обеих странах соотношение сил очень сходно. Как в Японии, так и в Индии уже существует сильный рабочий класс; в обеих странах царит сильный социальный кризис, происходит борьба за власть между различными слоями буржуазии и дворянства, и в обеих странах мы все же не имеем массового коммунистического движения. Это факт. Посмотрите, например, воззвания, собранные товарищем Катаямой, характеризующие полежение дел в Японии. Они помещены в последнем номере „Коммунистического Интернационала". Эти воззвания чрезвычайно любопытны. Вы найдете в этих воззваниях, легально изданных различными рабочими группами, целую радугу самых различных взглядов от толстовства через синдикализм и коммунизм вплоть до обычного социал-реформизма. И я должен сказать: в этом концерте голос коммунизма звучит еще пока слабее всех остальных.

Почему? Мы еще до сих пор не знали о настроении японских рабочих, которые переживают период, подобный периоду английского чартизма, когда приходится строить мост к конкретным задачам, ожидающим своего осуществления. Эти задачи заключаются в организации рабочего класса, как силы, способной вмешаться в классовую борьбу для установления в Японии демократии. Я считаю, что ход событий в Японии не будет простым повторением событий, имевших место в Англии.

С тех пор прошло сто лет, и само собою разумеется, что темп развития в Японии будет быстрее. Весь ход событий концентрируется, и потому даже в той буржуазной революции, которая сейчас подготовляется в Японии, возникнут Советы, если не как органы власти, то как органы объединения рабочего класса. Но теперь наша задача в образовании профессиональных союзов, в организации коммунистической партии, в выработке разумной программы, которая разъяснила бы рабочему классу ближайшие задачи. Ближайшая задача — повести рабочий класс в бой, как организованное целое.

В Индии мы видим духовный центр. Необходимо здесь отметить, что товарищу Рой за последний год удалось выполнить весьма большую работу: я имею в виду оценку положения в Индии, с точки зрения марксизма, данную в его превосходной книге и развиваемую в его газете. Ни в одной другой коммунистической партии Востока не была проделана такая самостоятельная идеологическая работа; такая работа заслуживает величайшей поддержки со стороны Коммунистического Интернационала. Но практически мы в широком профессиональном движении Индии при вспыхивающих забастовках, — пока еще ничто. Мы еще не сумели при английской оккупации использовать все возможности, которые она вынуждена давать нам, а между тем прием, оказанный там товарищу Рой, показал, что эти легальные возможности налицо. Мы не сумели в качестве практической рабочей партии сделать хотя бы первые шаги, а это все означает: „It's a long ioay to Tipperary". И если товарищи жалуются здесь на то, что интерес к их работе не так велик, то я должен сказать: партия приковывает к себе внимание своей практической работой. Если на Конгрессе в 20-й раз сообщается, что в Персии много рабочих, то, ведь, это нечто такое, что узнается не на таком Конгрессе, а просто из учебников географии.

Товарищи, позвольте мне выразить надежду, что на этом Конгрессе нам удастся поставить на практические рельсы ту работу, которая выполнена нашим восточным отделом и вами, и что затем на следующем Конгрессе мы сможем докладывать о практических организационных успехах. Тогда Интернационал будет не только чувствовать великое значение восточного вопроса, но также знать, что вы проделываете работу, соответствующую огромному значению этого вопроса.

Товарищи, мировое положение сейчас не то, что во время II Конгресса. Во время II Конгресса — это не было высказано, но все делегаты Востока чувствовали это — ход событий на Востоке вел к немедленному серьезному революционному восстанию. Создавшееся сейчас мировое положение, то обстоятельство, что мы вступаем в период, когда революция собирает свои силы, оказало свое влияние также и на положение в восточных странах. И мы должны озабо-

титься прежде всего о том, чтобы проделать там крупную организационную и политическую идейную работу, если мы только хотим сыграть роль в надвигающихся революционных событиях. Конечно, Восток со своими революциями не станет ждать до тех пор, пока наши товарищи во всех остальных странах поймут, что революция это не чтение и переваривание тезисов коммунистической партии, но революционная работа, практическая работа в массах. И когда вспыхивают крупные события на Востоке, как, например, сейчас в Турции, где мы слабы и неорганизованны, тогда эти события проходят мимо нас: мы не можем влиять на них революционным образом. Потому лозунг настоящего Конгресса по восточному вопросу должен быть следующий: „К страдающим восточным массам. К рабочим Востока". Работать над их просвещением. Создавать твердые опорные пункты для Коммунистического Интернационала на Востоке, проделывать практическую работу для подготовки той борьбы, которая предстоит и которая сможет захватить широкие массы. И затем, собрав вокруг себя рабочих, вы должны пойти к крестьянам и ремесленникам, чтобы образовать там ядро не только будущей рабочей партии, но также будущей народной партии. (Оживленные аплодисменты).

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС 1924 г.

I. Перед новой волной революционных потрясений.

I. Международное политическое положение.

(Речь, произнесенная на расширенном пленуме ИККИ 15 июня 1923 г.

Товарищи, за шесть месяцев, прошедших со времени последнего Конгресса, которому я представил письменный доклад о ликвидации Версальского мира, произошел целый ряд важных международных политических событий, сильно изменяющих общую картину положения и требующих от нас целого ряда тактических решений. Но перед тем, как перейти к этому вопросу, я бы хотел посвятить несколько скромных слов великому другу и покровителю Коммунистического Интернационала—лорду Керзону. Он в своей ноте Советскому правительству назвал Коминтерн „Mischievous body" —зловредной организацией и выразил таким образом свое недовольство тем, что мы занимаемся международными политическими вопросами.

а) Ответ Коминтерна лорду Керзону.

Мы умеем ценить ту великую честь, которую нам оказал лорд Керзон этим обращением. Мы знаем и то, что мы не так подготовлены для занятий вопросами международной политики, как лорд Керзон. Никто из нас не посещал Итонского Колледжа, никто из нас в детстве не мечтал стать вице-королем Индии, и мы не представляем класса, который уже триста лет делает мировую политику. Мы представители класса, являвшегося до сих пор объектом мировой политики, которую он изучает не в колледжах английской аристократии. Рабочий класс на своей спине изучал во вре-

мя войны последствия политики разных Керзонов. Это обучение оказалось недостаточным, так как иначе лорд Керзон не имел бы больше возможности свободно занимастья мировой политикой. Мы пытаемся вести рабочий класс дальше в деле обучения и, само собой понятно, делаем при этом ошибки. Если бы точка зрения лорда Керзона принципиально не столь отличалась от нашей, мы бы с той же благодарностью встретили и его критику, с какой встречаем критику наших противников в рабочем движении. Мы не надеемся, что окажемся в состоянии в будущем смягчить критику лорда Керзона и получить от него заверения, что мы представляем приятную ему организацию. Да мы и не стремимся к этому. Мы убеждены, что, занимаясь мировой политикой, мы, во всяком случае, служим тем целям, которые себе поставил и преследует пролетариат и которых он победоносно достигнет, будет ли это угодно лорду Керзону или нет.

б) Крушение мирового плана Ллойд-Джорджа.

Теперь перейдем к интересующим нас вопросам. Первый вопрос, это ставший фактом непосредственно после Конгресса и являющийся крупным поворотом в международном положении англо-американский договор о платеже английских долгов Америке. Второй: оккупация Рура и позиция Англии в этом вопросе. Третий: Лозаннская конференция. Четвертый: англо-русский конфликт. Пятый: фактическая ликвидация Вашингтонского соглашения в Восточной Азии. Это как-будто отдельные, не стоящие между собой в связи события, но в действительности они самым тесным образом связаны друг с другом, и только анализ взаимной связи этих пяти вопросов выявит нам картину международного положения и укажет те задания, которые мы, как Коммунистический Интернационал, должны себе поставить. Для того, чтобы понять, какую крупную перемену в международном положении означает англо-американское соглашение о долгах, необходимо в нескольких словах напомнить о предыдущей фазе английской политики, о политике Ллойд-Джорджа, как она выразилась, во-первых, на Генуэзской конференции, во-вторых,— в известной ноте Бальфура о межсоюзнических долгах.

План, который Ллойд-Джордж старался провести в интересах английского торгового капитала, состоял в следующем: союзники имеют большие долговые обязательства по отношению друг к другу, в первую очередь по отношению к Америке. Одним из крупнейших должников Англии и Соединенных Штатов является Франция. Англия добивалась соглашения, которое имело бы, правда, своим последствием уменьшение французской задолженности союзникам, но зато принудило бы Францию сократить свои вооружения и уменьшить репарационное бремя Германии. Если Франция будет принуждена сократить свою армию, то англо-французские противоречия в борьбе за гегемонию в Европе будут ослаблены, что облегчит положение Англии. Если Франция будет принуждена за аннулирование части ее долгов Америке и Англии, сбросить часть репарационных обязательств Германии, то укрепится германская буржуазия. Так как Германия играла крупную роль в английском торговом балансе, то английская торговая и промышленная буржуазия получила бы воможность освободиться от огромной безработицы, которая стоит Англии 100 миллионов фунтов в год, т.-е. столько, сколько Франция ежегодно требует от Германии по репарационным обязательствам.

Вторая часть плана Ллойд-Джорджа состояла в том, чтобы заключить в Генуе соглашение с Советской Россией, по которому Россия не только была бы втянута в международное капиталистическое общество, но и благодаря ему сама стала бы новым капиталистическим государством. Ллойд-Джордж надеялся, что Советское правительство не только откажется от своего социалистического характера, т.-е. от своего длительного и постоянного стремления шаг за шагом развивать свое хозяйство в направлении к социализму, что в форме концессий на 99 лет оно не только вернет фабрики, принадлежавшие раньше иностранным капиталистам, но и будет вынуждено уплатить долги и выдать так называемые компенсации капиталистам и отдать свои железные дороги, гавани, а, пожалуй, и все еще неиспользованные богатства страны международному капиталу. Русские рабочие и крестьяне должны были бы, таким образом, способствовать реставрации европейского капитализма. Ллойд Джордж заявил в парламенте после

Генуэзской конференции, что вожди русской революции очень умные и трезвые люди. Они имеют за собой немного черни, которая подогревается дикими коммунистами, в роде нашего друга Бухарина, которого он, правда, не назвал, но имел в виду. Исходя из этого, нужно, мол, им, этим умным людям, дело несколько облегчить. Пусть правительство и впредь называется Советским, пусть и дальше разыгрывают „Интернационал", но пусть отдают русские народные богатства европейскому капиталу. Не подлежит никакому сомнению,—его великолепный план это обнаруживает,—что этот бывший представитель английской мелкой буржуазии, а потом английских военных спекулянтов, имел великолепную идею, как лучше всего устроить дела в мире. Но эта идея имеет то общее с знаменитой лошадью Ариосто, что и она также была мертва. Расчет был сделан без двух хозяев: без Соединенных Штатов и без Советской России.

Условиями удачи этого плана было бы, с одной стороны, согласие Советской России, а с другой стороны—американское давление на Францию и готовность Америки предоставить Германии заем. Америка вовсе не думала делать политику Ллойд-Джорджа в Англии. Если только вы примете в расчет цифровые данные за последний период экономического роста Америки, за период высокой конъюнктуры 1922/23 г., тот факт, что производство стали в Америке удвоилось по сравнению с довоенным временем и составляет теперь 50.000.000 тонн, тот факт, что посевная площадь увеличилась с 46 миллионов акров до войны до 98 миллионов, то обстоятельство, что американская индустрия, не взирая на Форднеевский тариф, во все растущем объеме перерабатывает чужое сырье, что она начинает испытывать недостаток рабочих рук,—то все это покажет, почему американская буржуазия нисколько не расположена броситься в европейские дела и вложить крупный капитал в дело восстановления европейского капитализма. Две группы являются противниками политики изоляции. Первая—фермеры; но фермеры составляют только 30% населения Америки, их производство дает лишь 17% национального дохода; только 20% американской продукции сельской промышленности идет за границу. Вторая—финансовые банковские

круги, которые весьма ясно выявили на конференции банкиров в Вашингтоне желание вмешаться в европейские дела. Они рассчитывают таким путем заполучить в свои руки европейскую промышленность. Известное число банков заинтересовано в финансировании экспорта из Европы, который доставляет товары более дешовые, чем американские. Они имели бы возможность получить более крупную прибыль, но за счет американских капиталистов, которые пытались охранить себя от всякой конкуренции с помощью тарифа Форднея. Улучшение экономического положения Америки, несмотря на предостережение Гувера о необходимости помнить и о завтрашнем дне и поддерживать отношения с иностранными рынками, усилило тенденцию С.-А. С. Ш. к изоляции. Если ввоз в Америку извне и усилился, то это ввоз сырья из колониальных стран, к которым и переправляется американское золото. Америка не отказалась от своего обособления. Если она начинает ближе интересоваться мировыми вопросами, то это все больше вопросами ближне-и дальне-восточными и южно-американскими, чем европейскими.

Когда в Америке обсуждался вопрос о германском займе, то директор морганвского треста Ламон указал в своей речи, как трудно было бы банкам мобилизовать капитал для Европы. Он заявил: „мы, банки, не имеем такого большого капитала; мы должны его получить от широких масс мелкой буржуазии, подписывающихся на займы. Но эти массы видят, что Европа разодрана на части, что там существует опасность войны и революции, и говорят: „раньше, чем европейская буржуазия сама не водворит порядка, она не может рассчитывать на помощь Америки". В этом заключаются те общие причины, по которым Америка не согласилась с планом Ллойд Джорджа. Но были еще и другие основания. Ллойд Джордж пытался, говоря в политическом смысле, создать англо-американскую коалицию против Франции. Америка хорошо знает, что французская политика в Европе есть политика разрушения. Но Америка не хочет теперь уже окончательно связать себя с Англией. Англия, как я уже указывал в своем докладе о ликвидации Версальского мира [1]), не имеет на Дальнем

[1]) См. выше стр. 179.

Востоке вполне определившейся политики. Англия не приняла на себя окончательных обязательств по отношению к Японии. Америка не знает, не будет ли она вынуждена во время будущей борьбы на Востоке держаться на-чеку по отношению к Англии. Америка и Англия не только две крупные промышленные, конкурирующие на мировом рынке, державы, но и, кроме того, крупные морские державы. Америка опередила английский флот и еще не знает, не придется ли ей сражаться с ним из-за господства над морями. Сложись такое положение, то Франция оказалась бы не врагом, но возможным союзником. Французские подводные лодки могли бы в таком случае преградить пути, по которым подвозится сырье и хлеб в Англию, а рассеянные по берегам Атлантического и Индийского океанов французские порты служили бы опорными пунктами для американского флота. И вот Америка, поднимающая страшный крик по поводу европейского милитаризма, остерегается в Вашингтоне требовать от Франции отказа от сооружения подводных лодок.

С другой стороны, планы, касающиеся Советской России, потерпели крушение, благодаря маленькой ошибке, совершенной в этом отношении Ллойд-Джорджем. Я однюдь не хочу отрицать, что у нас имеется немного смекалки и весьма много хладнокровия, но Ллойд-Джордж ошибся относительно наших намерений. Быть может он оказался жертвой II Интернационала и меньшевиков, когда предположил, что новая экономическая политика есть не что иное, как парашют для медленного спуска в низины капитализма.

Советская Россия в Генуе и в Гааге заявляла, что она охотно пойдет на уступки иностранному капиталу, если последний предоставит нам кредиты. Но ни при каких обстоятельствах мы не согласны отдать иностранному капиталу нашу тяжелую индустрию и наши железные дороги. Таким образом, план Ллойд-Джорджа был разбит и с востока. При переговорах, происходивших в вилле Альберти, он грозил представителям Советской России тем, что если его постигнет политическая смерть, нам уже не заполучить столь великого друга, и тогда верх возьмет наш враг. Мы же думали: «упаси нас, боже, от наших друзей, а от врагов мы и сами убережемся». Так рушились планы Ллойд-Джорджа,

в) Англо-американское соглашение о долгах.

Появившийся на сцене новый консервативный кабинет принужден был искать иных способов сближения с Америкой. Если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету. И вот английский лорд-канцлер господин Болдуин—совладелец фирмы Болдуин «Limited» отправился в Америку и вернулся оттуда с достигнутым соглашением. Какое это произвело впечатление, я расскажу вам словами Ллойд-Джорджа. Уж слишком они хороши, чтобы их не стоило узнать. Он заявил:

«Мурашки забегали по спине англичанина, когда ему было официально сообщено, что британское правительство окончательно сговорилось на том, чтобы в течение 60 лет выплачивать свыше 30 миллионов фунтов стерлингов в качестве погашения, по принятым на себя Англией от имени наших союзников долгам, притом без взыскания какой-либо компенсации с наших должников в ограждение интересов английских налогоплательщиков».

И неудивительно, что даже по спине такой могущественнейшей капиталистической державы, как Англия, побежали мурашки. Как? Держава-победительница должна платить своему союзнику в войне 300 миллионов рублей золотом в год, не получая ни гроша не только от злой России, но и от добрых союзников, — Франции и Италии? Из налогов, которые взимаются в Англии и которые превышают налоги, платимые буржуазией какой-либо другой страны, около 10 процентов идут на уплату процентов по долгам союзников Англии. Десять процентов английских налогов — на уплату процентов, каковых союзники, с своей стороны, не вносят Англии. Таким путем Англия старалась достигнуть политического сближения с Америкой. Но это не было единственным последствием банкротства плана Ллойд-Джорджа. Вторым последствием было то, что Англия должна была спросить себя: чего ждать дальше со стороны Франции?

г) Рурский вопрос и Англия.

Америка отказалась произвести давление с помощью доллара на Францию, чтобы эта последняя либо заплатила долги, либо выразила готовность уменьшить свое вооруже-

ние, понизить опасность войны в Европе и сократить бремя германских репараций. Перед Англией стоял, следовательно, вопрос, какими средствами она располагает для борьбы с Францией. И тут-то ей пришлось подвести в военном смысле в высшей степени печальный итог. Сила Англии была в том, что она — островное государство. Ни планы Наполеона о вторжении, ни такие же планы Германии не осуществились. После войны Англия должна была констатировать, что она перестала быть островом. Развитие воздушного флота,—развитие за время войны химической промышленности, сложенное с развитием того же воздушного флота, — наградило Англию не одной ахиллесовой пятой: Англия вся состоит теперь из ахиллесовых пят. Если вы прочтете книгу майора Лефебрука, посвященную развитию химической войны, — а майор Лефебрук был одним из руководителей по снабжению Англии химическими средствами борьбы в империалистическую войну,—то невольно напрашивается заключение, что с помощью своего воздушного флота Франция в состоянии уничтожить промышленные центры Англии. Отношение воздушного флота Англии к французскому воздушному флоту—вопрос, который, как вам известно, обсуждался 23 марта в английской верхней палате,—катастрофическое. Англия в апреле 1923 г. располагает 35-ю эскадрильями с 529 летательными машинами. 29 эскадрилий находятся в колониях — в Египте, Индии, Палестине, Месопотамии, Константинополе и т. п. Воздушный же флот Франции должен к 1925 г. состоять из 2.163 машин, из которых 1.772 уже построены; следовательно, Франция в воздухе втрое сильнее Англии. Поистине, каприз истории: франкофильская клика в Англии во главе с «Морнинг Пост» ведет теперь кампанию в первую голову за усиление английского воздушного флота. Так или иначе, лорд Грей был вынужден со всем хладнокровием заявить во время дебатов в английской верхней палате: Англия не может рисковать разрывом с Францией. При таком положении вещей перед Англией возникла проблема: что же предпринять дальше в вопросе о репарациях?

Доллар стоил 9.000 марок, и было ясно, куда это ведет. Была созвана Парижская конференция. Англия представила ей программу, не более благоприятную для Германии в отно-

шении цифр, чем французское предложение; но эта программа не давала Франции гарантий, и последняя отклонила это предложение. Германский же план и вовсе не рассматривался. Бонар Лоу, также как и Пуанкаре, отлично знали, что германский статс-секретарь Бергман ждет с этим планом в передней, но его не впустили. Многие думали, а добродушные немецкие обыватели думают и сейчас, что это было комедией заблуждений. Англичане требовали от Германии больше, чем французы, и довели дело до разрыва с этими последними; англичане так сильно хотели спасти Германию, и, тем не менее, зная, что Бергман дожидается тут же, не впустили его.

Ларчик открывается весьма просто. Англия проводила в Париже провокационную политику. Она хотела, чтобы Франция стала действовать сама и оккупировала Рурскую область. План был ясен. Если Англия не в состоянии отразить французский империализм, то нужно дать этому последнему сломать себе шею о сопротивление немцев. Английское правительство отлично знало, что оно не сможет примириться с продолжительной оккупацией Рурской области французскими войсками. Если Франция останется в Рурской области, то благодаря соединению немецкого угля с рудами Лотарингии и Брие будет создана база не только для французского милитаризма, но и для экономического господства французского капитала над всей Европой — во всяком случае, до Березины. Англичане прекрасно сознают, что им нельзя допускать этого. Но их маневр был рассчитан как-раз на то, чтобы заставить французский план разбиться о подводные камни своей затеи. Англия знала, что с падением мелкобуржуазного германского правительства, с падением Вирта, у власти стало правительство крупной индустрии, что германская народная партия крупных промышленников, которая годами нападала на политику выполнения, — не может остаться у власти, не попытавшись оказать сопротивления. А за этим сопротивлением стояла Англия. Английская политика была такой политикой провокации, примеров какой в истории немного. В Лондоне заявляли о нейтралитете, а в Берлине английский посол лорд Абернон являлся двигательной силой, подстрекавшей германскую буржуазию к сопротивле-

нию. Говорят, что лорд Абернон, бывший ранее председателем правления «Оттоманского государственного долга», не только проявляет большой интерес к красивым женщинам и лошадям, но является также крупным финансистом, спекулирующим на берлинской бирже на падение марки. Мы, испытывая глубокое уважение к английским лордам, убеждены, что никто из них никогда не допустит подобного смешения политики с финансами. Но каковы бы ни были благородные страсти лорда Абернона, в своей игре он преследовал интересы английской политики. Керзон в Лондоне говорил о невмешательстве, а лорд Абернон старался вовлечь Германию в борьбу, при чем он, конечно, обещал помощь Англии в решающий момент.

Таким образом, Англия рассчитывала, что Пуанкаре сломит себе шею о сопротивление горнорабочих, финансирумое буржуазией, и что в нужный момент спор будет улажен путем компромисса, вслед зачем будет создан железо-угольный трест, но уже при участии Англии и Соединен. Штатов. Так как Соединен. Штаты и Англия экономически сильнее Франции, то Англия надеялась, что в конечном счете она, совместно с организационно очень сильной германской буржуазией, овладеет господствующими позициями в железо-угольном тресте. Этот план был весьма попорчен партнером лорда Абернона—германской буржуазией.

Товарищи, то, что происходит за последние полгода на Руре, требует величайшего внимания всего международного рабочего класса. Оно показывает, что международная буржуазия не только не всостоянии восстановить капиталистическое мировое хозяйство, но что даже буржуазия каждой отдельной страны не в состоянии подчинить частные интересы отдельных своих групп своим общим интересам. Германская буржуазия представляет теперь собой стаю гиен, грызущихся из-за каждого куска падали. С точки зрения своей классовой международной политики германская буржуазия была чрезвычайно заинтересована в пересмотре Версальского мира. Но она содействовала победе Пуанкаре, ибо каждая клика германского капитализма думала

лишь о своей непосредственной выгоде. В чем состояла проблема сопротивления? Она состояла в том, чтобы кормить немецких рабочих в Рурской области до тех пор, пока Пуанкаре поймет невозможность для себя сломить сопротивление горнорабочих. Вместо этого, германская буржуазия, не переставая вопить о национальной обороне, вела политику, которую я вам продемонстрирую на нескольких фактах. Германская буржуазия получила от государства много миллиардов бумажных марок в качестве «рурской субсидии», чтобы платить рабочим, когда они не будут работать. Она получила 200 миллиардов бумажных марок для учета своих торговых векселей. Это — 200 миллионов марок золотом. Германская буржуазия получила почти треть золотого фонда Германии, чтобы иметь возможность покупать дешовую валюту, а с ее помощью дешовый уголь. Доллар, поднявшийся в конце января до 49 тысяч, был понижен до 20 и 19 тысяч. Германская буржуазия пришла, как наш референт по вопросам экономической политики, тов. Павловский, подробно изложил в особой статье в «Коммунистическом Интернационале» [1]), к одному окошку банка, получила в кредит бумажные марки, а затем отправилась к другому окошку банка и получила дешевле чем за полцены доллары. Когда было выкачано более 300 миллионов марок золотом, пошла поднятая Стиннесом дикая спекуляция вокруг покрытия в долларах. Последствия известны. Согласно сегодняшней телеграмме доллар стоит уже 100 тыс. марок. Германская буржуазия отказалась от сопротивления. Она взвинтила теперь все цены так, что даже при удесятерении заработной платы рабочий класс был бы едва в состоянии покупать то, что он получал за свой заработок до оккупации. С помощью германского правительства, германская буржуазия попыталась понизить заработную плату. 8 марта «Агентство Вольфа» открыто заявило: теперь заработная плата должна быть понижена. Во всех переговорах предпринимателей с рабочими представители правительства высказывались за понижение заработной платы. Результат был тот, что немецкие рабочие в оккупированной области не получали с 8-го февраля никаких повышений заработной платы, в то время как заработная

---

[1]) Смотри „Коммун. Интерн." № 26—27, стр. 7269—7294.

плата чиновников была повышена. Последствием этого явилась стихийная волна забастовок,—сначала в Рурской области, а затем и во всей Германии, забастовок, которые, как вам известно, привели к тому, что представитель германского правительства д-р Люттербек, ссылаясь на достойный пример Тьера 1871 года, обратился к генералу Дегуту с просьбой оплатить вексель, подписанный французской буржуазией в 1871 году. В 1871 году Бисмарк помог сокрушить Парижскую Коммуну, и поэтому Люттербек требует: теперь помогите вы подавить восстание в Рурской области. Этот документ,—который не только германская партия, но и все партии Коммунистического Интернационала должны были бы распространить по всему миру, как классический документ предательства буржуазией стремлений к национальному освобождению,—является доказательством того, что буржуазия отказалась от сопротивления французскому империализму. И если имперский канцлер Куно, две недели спустя после письма д-ра Люттербек, сказал в своей речи в Мюнстере: „сопротивление еще не окончено, мы будем его продолжать",—то это является попыткой restitio in integrum, восстановления девственности, которое в истории увы! не удается. Германская буржуазия готова капитулировать перед Пуанкаре за счет германского пролетариата. Она сделала германскому правительству такое предложение: тяжелая индустрия, торговый капитал и сельское хозяйство согласны вносить ежегодно 500 миллионов марок золотом для уплаты репараций, при условии отмены 8-часового рабочего дня, передачи железных дорог промышленникам, отмены закона об охране квартиронанимателей и запрещения вывоза, т.-е. при условии, что капиталисты получат право распродавать Германию уже не только в розницу, но и оптом. Так как пролетариат оказался не в состоянии захватить реальные ценности буржуазии, то эта последняя захватывает буржуазное государство в подлинном смысле слова, отнимая у него все самостоятельные экономические источники и возлагая на пролетариат все тяготы.

Нам кажется, что поражение германской буржуазии в Руре, что победа Пуанкаре теперь уже фактически досигнуты, но еще формально не завершены. Под вопросом только то, пожнет ли Пуанкаре сам все плоды победы или должен

будет уступить часть добычи Англии, которая, разумеется, сделает вид, будто бы она опять спасает Германию. Германская буржуазия неспособна даже на капитуляцию. Она выпустила против французов всех псов национализма и теперь уже не может с ними справиться. Она хотела осуществить капитуляцию, попытавшись спровоцировать восстание коммунистов в Рурской области, чтобы с воплем: коммунисты открыли Франции фронт,—раздавить коммунистов и бросить против рабочего класса фашистов и националистов, часть которых была бы не прочь выступить и против правительства. Благодаря бдительности Германской Коммунистической Партии план этот провалился, и германская буржуазия не знает, что же дальше делать. Ее предложение—предложение о порабощении Германии, при чем для себя она добивается роли надсмотрщика над рабами. Она не предоставляет французам возможности самим вести эксплоатацию Германии, а французский империализм опасается, что гарантии останутся лишь клочком бумаги. При таком положении вещей будет заключено соглашение, отдающее Германию на произвол империалистов Антанты. Возможно, однако, и то, что положение останется неразрешенным еще в течение многих месяцев. Когда началась борьба в Руре, Пуанкаре произнес речь по поводу германского предложения об определении суммы платежей Германии международной комиссией банкиров. По своему тону речь эта напоминала ноту Чичерина. Он заявил, что Франция никогда не допустит, чтобы международные финансисты определяли, сколько Франция должна получить и что ей необходимо. Эта социалистическая тирада господина Пуанкаре по адресу международного финансового капитала была направлена против Америки и Англии. Ясно, что в таком международном комитете английские и американские банки играли бы решающую роль, являясь главными заимодавцами. Если Франция победит в Руре, то это, конечно, не означает, что тем самым совершенно устраняются американский и английский капитал. Но так как Франция заявляет, что она не уйдет из Рурской области, пока Германия не уплатит, то это значит, что объект эксплоатации в порядке военной оккупации у нее в лапах, чем, таким образом, ослабляется давление доллара и фунта. Примет ли борьба в Руре революционные формы, будет ли труп

пассивного сопротивления отравлять воздух или же состоится новое соглашение, во всяком случае одно ясно: полгода рурской войны отбросили хозяйство Германии на целые годы назад. Уже одно только регулирование заработной платы на основании цен на товары означало бы революцию в области оплаты труда. Положение германских финансов безнадежно. Надежда германской буржуазии на американский заем была мыльным пузырем. Мы знали это, когда мы требовали займа в Генуе, но германская буржуазия в него верила. А теперь выступает друг немцев Кейнс и заявляет в лондонской «Nation» германской буржуазии, что она в лучшем случае может рассчитывать на благотворительный заем, на милостыню, за которую можно разве только купить сигар, но отнюдь не облегчить финансового положения Германии. Это значит, что Германия идет навстречу грандиозному экономическому краху, это значит, что Англия надолго лишается одного из своих крупнейших покупателей. И тут я прихожу к связи между поражением Англии на Руре и ее русской политикой.

д) Англо-русский конфликт.

Рассматривая основные цифры баланса английской внешней торговли, мы находим следующее:

С 1921 года на 1922 год английский экспорт в не английские страны возрос с 310 до 336 миллионов фунтов стерлингов.

Английский экспорт в английские колонии упал с 208 до 198 миллионов фунтов.

Взятая в целом, торговля Англии с ее колониями возросла со времени войны на 2 проц., что является весьма ничтожной суммой, ибо вы знаете, какое революционизирование цен произошло также и при расчетах на фунты. Результат весьма незначительный, принимая во внимание усилия, которые прилагает Англия, чтобы укрепиться в своих колониях.

Вывоз в Германию, достигавший в 1913 году 29 миллионов фунтов, в 1921—равнялся 12 миллионам, и в 1922 году поднялся до 24 миллионов фунтов. Это означает, что торговля с центральной Европой, несмотря на послевоенную разруху, увеличивалась более ускоренным темпом, чем тор-

говля с колониями. Теперь мы видим, что благодаря рурским событиям этот западно-европейский—немецкий рынок идет навстречу громадному и продолжительному развалу, и что это является причиной усиления направления лорда Бивербрука,—колониального направления в английской политике, несмотря на то, что против него говорят баланс английской торговли и экономические соображения. Часть английской буржуазии находит, что европейское хозяйство обречено на развал. Поэтому эта часть все больше и больше обращает свое внимание на колонии.

Выражением этой тенденции и явилась нота Керзона, направленная против Советской России. Она была отправлена почти в одно время с передачей Германии ноты, в которой Керзон требует от германской буржуазии, чтобы она платила то, на что претендует Франция, и в которой он наглейшим образом третирует германскую буржуазию. В первый момент показалось безумием, что Керзон выступает одновременно и против Советской России и против германской буржуазии в таких выражениях. Но в этом безумии была система. Колониальное направление старалось провести свою политику предания Германии Франции с небольшой долей в пользу Англии, чтобы этой ценой заполучить Францию для борьбы против Советской России и чтобы помешать Франции укрепиться в России вместо Англии. Вы спросите,—почему вдруг борьба против Советской России, почему перемена политики Англии по отношению к Советской России? Причины этого коренятся, как я уже говорил, отчасти в крахе плана Ллойд-Джорджа, отчасти в ходе развития России, отчасти же на Ближнем Востоке.

Начнем с России. Я уже сказал, что Ллойд Джордж расценивал новую экономическую политику, как мост, который Советская Россия перекинула к капитализму. Он надеялся на идеологическое и моральное разложение русской коммунистической партии. Правда, в Итоне лорд Керзон не изучал марксизма, но бывают факты, которые понятны даже и английскому юнкеру. Это—факты весьма простого свойства. Россия не капитулировала в гражданской войне; она победила с оружием в руках. Но гражданская война нанесла ей тягчайшие раны. К этому присоединился голод. Когда на шее у нас была голодная петля, нам хотели на-

вязать в Генуе капитуляцию. В 1922 году у нас был средний урожай, мы преодолели голод всюду, за исключением тех районов, подвозу к которым мешали транспортные затруднения. Впервые за все это время наши рабочие питаются сносно и, как я имел случай убедиться на опыте, лучше германских рабочих. В этом году нами вывезено 23 миллиона пудов хлеба. Если в ближайшие годы у нас будет хороший урожай, мы, пожалуй, сможем—и должны будем—вывозить 150—200 миллионов пудов ежегодно, чтобы дать возможность крестьянину расширить свою запашку. Цены на хлеб столь низки, что крестьянин вынужден будет ограничить площадь засева, если у нас не будет вывоза. С точки зрения своего освобождения от американской монополии в деле поставки ей сырья и хлеба Англия должна была бы это лишь приветствовать. Но с точки зрения английской мировой политики—стремления Англии поставить Россию на колени—что значат эти 150 миллионов пудов хлеба? 150 миллионов пудов хлеба, это—150 миллионов рублей золотом, это значит, что крестьянин, уже теперь в качестве покупателя продуктов легкой индустрии дающий ей возможность подняться, получив за свой хлеб деньги, обеспечит возможность дальнейшего развития и тяжелой индустрии. Советское государство, которому принадлежит монопольное право внешней торговли, извлекает из экспорта деньги для технического снаряжения Красной армии.

Больше того. Ллойд-Джорджу новая экономическая политика представлялась желательной; но новая экономическая политика—основа укрепления Советской России на Ближнем Востоке. От Тегерана до Нижнего ближе, чем до Лондона через Абушир. От Кабула до Нижнего ближе, чем до Калькутты и Лондона. А восточные народы уже свыклись с русскими товарами: еще до войны продукты русской промышленности стали побивать на Ближнем Востоке английские. Нам ясно, что даже и в том случае, если Советская Россия не только откажется от пропаганды, но и, подняв руки к небу, поклянется, что лорд Керзон—величайший друг восточных народов, экономическая эволюция все же будет укреплять позицию Советской России на Востоке. Это, по мнению Керзона, ставит под угрозу упорно проводимую им, в силу

всего прошлого, политическую линию: линию укрепления связи с колониями, в первую очередь с Индией. В 1910 году, в своей речи о роли Индии в Британской империи, лорд Керзон заявлял, что Персия и Афганистан—оборонительный вал Индии. Интересы английского капитала требуют не занятия этих стран, а воспрепятствования укреплению в них влияния России. Советская же Россия, в противоположность царизму, не стремится ни к военному, ни к экономическому господству над Персией и Афганистаном. Но еще больше боится лорд Керзон, чтобы идейное влияние Советской России, поддержанное торговыми сношениями с Востоком, не вывело эти страны из состояния политической безжизненности и не помогло им стать господином в собственном доме. В этом величайшая угроза для английского империализма. Старая царская армия угрожала английскому владычеству в Индии извне. Если персы и афганцы станут свободными народами, это будет способствовать укреплению врага английского империализма внутри его индийского оплота.

Вот почему лорд Керзон сказал себе: или мне удастся поставить Советскую Россию на колени, ввести ее в фарватер английской политики и исключить из числа решающих факторов на Востоке, или нам придется провоцировать войну раньше, чем Советская Россия станет для нас слишком опасной. Как вам известно, Англия любит вести войну чужими руками. Пресловутые телеграммы итальянского представителя в Москве, Амадори, совершенно недвусмысленно разоблачили английский план. Амадори—маленький, лишенный политического значения чиновник—не мог быть автором подобных планов. Он отражал мнение представителей капиталистических государств вообще. План лорда Керзона сводился к следующему. Англия и Италия отходят в сторону, оказывая в то же время давление на своих вассалов, т.-е. на державы, примыкающие к Балтийскому и Северному морям. На стороне Москвы останется лишь Германия, но, полагает Керзон, германская промышленность разрушается и не обладает достаточными средствами для закупки хлеба и сырья. Теперь, после своего поражения на Руре, она не будет в состоянии поставлять России также и товары своего производства. В телеграмме Амадори так

и говорится: Россия будет отрезана от валютных источников. Итак, финансовая и экономическая блокада России. Затем Амадори спрашивает: как сложатся отношения России к соседним государствам? Пассивная оппозиция после разрыва усилится, перейдет в активную; это значит, что петлюровцы, эсеры, грузинские меньшевики и весь прочий сброд получают новые фунты стерлингов. Они будут пропущены через румынский и польский фронты. А затем,—как предполагал Керзон,—мы подумаем, не лучше ли нам, вместо того, чтобы смотреть, как они уничтожают нашу жатву, самим совершить рейд на запад?

Английская политика стремилась спровоцировать войну между нами и Польшей. Вот почему начальник английского генерального штаба граф Каван, вслед за свиданием в Риме с Муссолини, направился прямиком в Варшаву, чтобы сказать польскому правительству: в 1920 году вы потерпели военное поражение благодаря молодости вашей армии, вашей плохой организации и отсутствию поддержки со стороны Англии. Поддержка Англии вам теперь обеспечена. Итак, план сводился к вовлечению нас в новую войну с Польшей, в результате которой мы,—как рассчитывал Керзон,—вынуждены были бы увеличить налоговое бремя, что вызвало бы недовольство крестьянства; таким образом, Керзон надеялся, что экономические тяготы новой войны окончательно взорвут нас. Вторая надежда его была построена на болезни Ленина. Товарищи, мы последователи исторического материализма, но лорд Керзон, совершавший на слоне путешествие в Дели—сторонник культа героев. И он убежден: раз Ленин болен, то все мы потеряем голову.

Мы расцениваем роль тов. Ленина выше, чем это доступно пониманию лорда Керзона. Но его расчеты строились без знания 25-летней истории нашей партии. Председатель Исполкома, тов. Зиновьев говаривал мне частенько,—а я и Бухарин это оспаривали,—что нам нужно ждать еще новых интервенций, что наши противники при помощи штыка станут пробовать, чего мы стоим в отсутствие тов. Ленина. Как-то, в последнее время, за границей, беседуя с одним весьма умным американским журналистом, я спросил его: „Что заставляет лорда Керзона хотеть войны—боязнь,

чтобы мы не усилились, или убеждения в нашей слабости?" Он мне ответил: „Керзон боится, как бы вы не стали чрезмерно сильны, а потому и желает испробовать, чего вы стоите теперь при временном отсутствии Ленина". Английская политика была построена в расчете на раскол и распад нашей партии в результате новой экономической политики.

Мне незачем описывать вам здесь, какими приемами пользовался лорд Керзон с целью вызвать разрыв с Советской Россией. Сказки о тайных заговорах, составляемых нами на Востоке. Не правда ли, как прекрасно звучат они в устах представителя того правительства, которое в период войны, будучи союзником царской России, неслыханнейшим образом интриговала против нее? (Английские документы, перехваченные немецкими агентам в июле 1916 года в Тегеране и опубликованные в Берлине в июле 1917 года, доказывают это неопровержимейшим образом). Распространяться об этом не стоит. В данный момент важнее проанализировать исход этой истории.

Политика Советской России вам известна. Она заявила: если лорд Керзон хочет войны, пусть сам ее ведет. Мы же на сей раз покорно благодарим. Советскаа Россия увидела расставленную ей ловушку. Совершенно ясно, нас хотели оскорбить, рассчитывая, что чувство чести не позволит нам уклониться от разрыва.

Товарищи! Мы—правительство рабочих и крестьян. Когда по истечении десяти лет мы, как я надеюсь, сильно окрепнем, а вместе с нами и весь европейский пролетариат, мы, быть-может, выдумаем специальный церемониал, которым должны будут руководиться в обращении с нами лорды Керзоны, если только они в ту пору вообще еще будут где-либо существовать. Вы знаете, что когда-то Япония, обособляя себя от капиталистического мира, потребовала от голландских купцов, чтобы они при прибытии в японские порты, соблюдали определенный церемониал. Может-быть, в будущем введем подобный церемониал и мы. Теперь же мы говорим себе: дело не в церемониях и не в престиже, а в следующем: лорд Керзон хочет войны, мы же вообще никакой войны не хотим. Если же ее нам стремятся навязать, то мы не

хотим воевать теперь, а тогда, когда при минимальных жертвах сможем доказать, что с Советской Россией шутить опасно.

Лорд Керзон трубит на весь мир, что он одержал победу. Хотя Советская Россия и отказалась отозвать своих послов, но 130 тысяч рублей золотом она уплатила и обещала не вести коммунистической пропаганды в английских колониях. 130 тысяч рублей золотом—приличная сумма, но в своем торжестве лорд Керзон позабыл одно. С меднолобой ограниченностью, в которой итонские воспитанники превосходят даже потсдамских, он упустил из виду два обстоятельства. Одно из них—Россия. Лорд Керзон, сидевший в качестве вице-короля в Индии,—отец индийского национального движения. Его политика раздела Бенгалии на целые годы ускорила развитие революционного движения в Индии. В Советской России, где рабочий класс утвердил свою диктатуру, неотъемлемой частью этой диктатуры является национальное самосознание. Граф Мирбах и генерал Гофман были воспитателями национального чувства русского народа. Когда мы—в ту пору наивные, глупые левые коммунисты—сражались с нашим учителем Лениным и не хотели подписывать Брестского договора, тов. Ленин нам говорил: что можете вы сказать о Брест-Литовском договоре, ведь это пока—простой клочек бумаги. Мы переживем величайшие унижения, и тогда революционные массы России поймут, что необходимы средства для самозащиты, а Гофман и Мирбах окажутся воспитателями национального чувства масс. Лорд Керзон старается продолжать эту воспитательную работу, и мы от него не скроем: мы сумеем перевести на популярный русский язык смысл беседы лорда Керзона с представителями 150-ти миллионного народа так, что он станет понятен самому последнему крестьянину. Но лорд Керзон не делает и в отношении Востока надлежащего вывода из ликвидированного ныне конфликта. Он полагает, что Восток скажет себе: Советская Россия боится войны с Англией, она не может и нас защищать,—и станет лизать сапог лорда Керзона. Лорд Керзон недооценивает положение на Востоке. Народные массы Востока поймут, что представитель Советской России тов. Воровский пал в

борьбе за их освобождение. Они поймут, что мы подвергались опасности войны потому, что английский империализм видит в Советской России друга народов Востока. Народы Востока знают, что мы останемся тем, чем были. И выводы, к которым придет Восток, будут направлены против лорда Керзона.

Лорд Керзон хотел разрыва, он грозил им еще в воскресенье, уже имея в руках нашу последнюю ноту, но порвать не смог, хотя мы в конечном счете и отказались отозвать наших послов. Разрыв ему не удался благодаря мудрой политике Советской России, убедившей не только английскую Рабочую Партию, но и обе английские либеральные партии в том, что войны хочет лорд Керзон, а не мы. Лорд Керзон не смог осуществить разрыва, потому что входящие в состав английской консервативной партии промышленники задумались над тем, к чему это поведет. Достаточно почитать статьи Гарвина в „Обсервере", чтобы видеть, что в лагере консерваторов существует разногласие. Керзон оказался разбитым в своей собственной партии, так как промышленные круги не желали проделывать вместе с ним скачка в неизвестное. С своей точки зрения они были совершенно правы. Разрыв означал бы борьбу по всей линии, и английскому империализму пришлось бы почувствовать ее не только там, где он этого, пожалуй, хотел, но и во всей области английского владычества в Азии. Отступление Керзона, его отказ от требования отзыва русских послов из Кабула и Тегерана были не только результатом сопротивления, оказанного английскими промышленниками, но и крушения его надежд на солидарность союзных и нейтральных держав. Италия, на которую он, в первую очередь, рассчитывал, отошла в сторону. Италии нужна Россия по тем соображениям, что она здесь может получить хлеб в обмен на продукты своей промышленности, в то время как в Америке ей приходится уплачивать за него золотом. Франция непосредственно после ноты Керзона допустила в Марсель делегацию русского Красного Креста и послала торговую комиссию в Москву. Это отнюдь не означает, что она окончательно решила занять в Москве место Англии, а означает лишь то, что в этом конфликте Керзона с Россией Франция не идет цели-

ком за Керзоном. Дания подписала русско-датский торговый договор тоже в период русско-английского конфликта.

Лондонский либеральчый „Дейли-Ньюс" был прав, когда он 5 июня писал:

„Эти документы показали мыслящим непредубежденным людям всех партий, что разрыв между Великобританией и Россией имел бы тяжкие последствия на Востоке Европы, и что экономические интересы той и другой страны диктуют дальнейшее продолжение торговых сношений при помощи всех законных средств; упорядоченные политические отношения между обеими странами будут содействовать развитию торговли; развитие торговли, в свою очередь, будет содействовать упорядочению политических отношений. Такой взгляд на дело завоевывает себе право гражданства не только в Англии. Итальянское правительство тотчас же отозвало из Москвы своего представителя, скомпрометированного весьма нескромными выступлениями по вопросам русской политики. Одновременно с этим получено сообщение о прибытии в Москву французской торговой комиссии. Мы не сомневаемся, что английское правительство поймет истинный смысл этих событий. Они показывают, куда дует ветер с Запада".

Лорд Керзон не достиг своей цели. Ему не удалось ни добиться разрыва с Советской Россией, ни ввести ее в фарватер английской политики. Он только глубочайшим образом задел национальное чувство русских народных масс. Отказываясь от установления добропорядочных отношений с Советской Россией на Ближнем Востоке, правительство Великобритании этим самым сознательно сохранило зародыш новых конфликтов. Придя в ярость от того, что Советская Россия не помогла ему основать на русской почве капиталистически-феодальное княжество, Лесли Уркварт, промышленный заправила интервенции, снова потребовал от английского правительства разрыва с Советской Россией в случае, если она не вернет английским капиталистам фабрик и не уплатит долгов. Этим самым Уркварт обнаружил, почему часть английских промышленников готова поддержать восточно-колониальную политику Керзона в его

борьбе против Советской России. Советская Россия не даст себя поставить на колени. Она не остановится и перед борьбой, если иностранная держава будет посягать на завоевания октябрьской революции. Вот почему мы считаем русско-английский конфликт сигналом, возвещающим огромную опасность, и говорим международному пролетариату: опасность новой интервенции не исключена! Поражение Керзона показывает, как скрещиваются тенденции: крушение Германии и перевес колониального течения имели результатом ноту, обращенную к России, но английские промышленники не хотят окончательно отказаться от Европы и ищут путей спасения своей торговли с Центр. Европой,— колониальное течение терпит поражение. Основываясь на опыте великой всемирной войны, мы можем сказать, что один акт закончился, но что мы—накануне новых боев.

Развал Европы, развал капитализма продолжается. Рурский кризис и события в Гааге доказали, что единственной державой, знающей, чего она хочет, не дающей себя спровоцировать, ясно понимающей, куда ведет путь, является первое рабоче-крестьянское государство—Советская Россия. Другие же не знают, что им делать.

е) Лозанна.

Товарищи, Россия—не единственная угроза английскому империализму: второй его враг на Востоке, это—растущий магометанский мир, опасный тем, что у него есть пункт государственного сплочения—Турция. В независимой Турции живет лишь 8 миллионов людей, но, ведь, кроме этого, имеется еще 60 миллионов магометан-индусов, и борьба Турции за независимость играет роль первоклассного революционного фактора, усиливающего существующее среди индусов-магометан брожение и возбуждающего Индию против ее угнетателя—английского империализма. Вот почему Англия пытается задавить Турцию, вот почему она натравила на нее своего греческого вассала. Турция вышла победительницей. Война греков против Турции была составной частью программы Ллойд-Джорджа: она сводилась к соглашению с Россией, вступающей на путь капиталистического развития и отказывающейся от своей революционной роли на Востоке, и—в

качестве компенсации—к разгрому Турции. Ллойд-Джорджу не удалось склонить Россию на сторону капитализма, не удалось ему и разбить Турцию. Керзон пытался разорвать революционный фронт на Востоке по другой линии. Он вернулся к политике своего старого учителя—лорда Биконсфильда: борьба с Россией, мир с Турцией. Турция в настоящее время слишком слаба, чтобы отвоевать Месопотамию и Аравию, т.-е. вернуть то, что у нее отнято Англией. Согласно расчету Керзона, легче подкупить 8 миллионов турок и через их посредство сохранить свое влияние в завоеванных областях, чем достигнуть соглашения с Советской Россией. Такая политика Керзона привела в Лозанне к поразительнейшей смене декораций, какую только знает дипломатия.

Французы явились в Лозанну в качестве „друзей" турок и пытались использовать последних в игре против Англии. Кончилось тем, что французы стали врагами мусульман, а Керзон их пророком. Произошло это под давлением фактов. Франция в былое время являлась кредитором Европы (60% турецких долговых обязательств находятся в руках французов). Французский рантье ссужал деньги восточным странам. Главным заимодавцем Турции была Франция, а не Англия. При открытии Лозаннской конференции главнейшими вопросами были не территориальные вопросы касательно Аравии и Месопотамии, а вопрос о размерах и гарантиях уплаты долгов. И тут-то дипломатическая игра Франции оказалась сорванной. Англия принялась весьма мудро за обсуждение в первую голову английских дел, упиралась, шла на уступки, а в заключение лойяльно „поддержала" Францию в ее требованиях. Срыв первой Лозаннской конференции был вызван финансовыми требованиями, предъявленными французами. Англия пыталась утвердить свое влияние в Ангоре не только с целью сведения на-нет революционного значения Турции, не только, чтобы выбить Францию из седла на Ближнем Востоке, но и по иным соображениям. Дружеские связи с Турцией обеспечивают ей Моссул ценой ничтожных экономических уступок господствующему в Турции слою. Обеспечив за собой моссульскую нефть, можно пытаться использовать Турцию против Баку.

Преследование Керзоном этой цели, повидимому, объ-

ясняется непониманием существующего на Востоке положения. Населенная 8 миллионами жителей Турция с 1909 года не выходит из состояния войны. По словам товарищей, посетивших русские голодающие районы, положение турецких крестьян хуже виденного ими в России. Лишь благодаря величайшей энергии, проявленной правительством, и глубокой уверенности крестьян, что они борются за свою национальную независимость, Турции удалось одержать победу в войне с Грецией. Попытка повести этих крестьян на борьбу против кого-либо, не нападающего на Турцию, это—ход, который закончился бы подобно греческому ходу Ллойд-Джорджа. Лорд Керзон считается лучшим в Англии знатоком Востока. Орган фабианцев „The New Statesman" писал, что Керзон знает о Востоке все, кроме того, что же, в сущности, надо делать. Лорд Керзон полагает, что Турция и поныне та же, что и во времена Абдул Гамида. Но достаточно взять пару фактов из жизни Турции, чтобы понять, сколь ошибается Керзон. В Турции, где сила религии больше, чем в Европе, и где султанат на протяжении веков был связан с калифатом, что сообщало ему религиозную святость, Кемаль-паша, захватив султанат и низложив султана, отделил, таким образом, султанат от калифата, а муллы оказались не в состоянии создать на этой почве крупное антиправительственное народное движение. Когда на съезде в Баку мы включили в состав президиума одну женщину, восточные коммунисты высказали нам соображение, что лучше было бы этого не делать: на Востоке женщина не должна присутствовать на собрании мужчин; нам следует щадить этот предрассудок. Когда теперь читаешь, что в происходившей в Смирне экономической конференции принимали деятельное участие 300 женщин, факт, свидетельствующий, что женщины, следовательно, вовлечены в политическую жизнь; когда слышишь, что организованный правительством смирнский съезд распался на классовые группировки, что рабочие сражались там с купцами, а купцы с крестьянами,—то видишь, что эти годы борьбы имели результатом глубокое социальное расслоение Турции, и что, следовательно, в корне неправильно оценивать положение дел на Востоке так, как это делал лорд Керзон, полагая, что достаточно

формулировать английскую волю в соверенах, чтобы стать сувереном Турции.

Больше того. Советская Россия поддерживала революционную Турцию не из доверия ко всякому паше, назвавшему себя однажды народным комиссаром и пославшему телеграмму Ленину, но в силу глубокой уверенности, что интересы русского крестьянства совпадают с интересами восточного и что интересы Советской России солидарны в этом отношении с интересами международного пролетариата. В результате этой поддержки народные массы Турции видят в России не врага, а единственную державу, которая им помогла в тяжелое время. Мы считаем, что, цепляясь за идеи лорда Биконсфильда, лорд Керзон уподобляется человеку, который, согласно русской поговорке, на свадьбе поет заупокойную, а на похоронах свадебную. Один из лучших публицистов Англии Сайдботсом (Sidebothom) в одной из своих статей говорит, что лорд Керзон по своим идеям принадлежит прошлому столетию. К сожалению, нам пришлось не только ликвидировать царизм в России и бороться с русской помещичьей идеологией прошлого столетия. Повидимому, приходится и в Англии еще убирать представителей идей XVIII века. Это—весьма тяжелая обязанность. Во всяком случае, мы уверены, что новая политика, опирающаяся на массы, и здесь одержит верх над старым дерьмом, которое извлекает лорд Керзон из прадедовских книг.

ж) Ликвидация Вашингтонского соглашения.

Товарищи, разрешите мне теперь в кратких словах обрисовать вам пятый факт, который иллюстрирует перемену в международном положении за последние месяцы. Вашингтонское соглашение, заключенное в январе 1922 года великими державами, заинтересованными в Восточной Азии, должно было стабилизировать положение на Дальнем Востоке. Россия не была приглашена, не была признана великой державой и не сочтена заинтересованной в Восточной Азии; в ответ на это мы уже через несколько недель были во Владивостоке. Великие державы не пришли в Вашингтоне к соглашению о разрешении восточно-азиатского вопроса. Последний является, в первую очередь, вопросом о разделе

Китая, вопросом о том, как поделить Китай между великими державами. Эти последние удовлетворились соглашением не прибегать к новым вооружениям, впредь до заключения окончательного соглашения по этому вопросу. Это временное соглашение уже опрокинуто. „Впечатление таково, что даже соглашение об ограничении морских вооружений, явившееся результатом переговоров между представителями Англии, Америки, Японии, Франции и Италии, в конце-концов, оказывается клочком бумаги",—пишет в январском номере 1923 г. „Фортнайтли Ревью" (Двухнедельное Обозрение) выдающийся английский писатель по морским вопросам Арчибальд Хэрд. Вашингтонским соглашением ограничивалось число существующих и запрещалась постройка новых дредноутов. Возникшее благодаря этому соотношение сил было весьма выгодным для Англии и Америки. Но Япония поняла, что это значит. Она поняла, что это равносильно удушению Японии в будущем, и хотя и подчинилась вашингтонскому соглашению, но изменила свой стратегический план. Старый стратегический план предполагал в случае войны с Америкой дать сражение в Тихом океане и разгромить здесь американские дредноуты, не подпустив их к Филиппинам. Этот план был изменен. Японский стратегический план, как это вытекает из всех военных мероприятий Японии, состоит теперь в том, чтобы дать врагу произвести нападение. Япония прервала постройку дредноутов и принялась строить быстроходные крейсера и подводные лодки. В 1925 году у Японии будет не менее, чем 25 современных линейных судов и крейсеров, и 70 подводных лодок. Английский эксперт по морским вопросам Байуотер опубликовал недавно статью, в которой он доказывает, что 153.000 рабочих было занято на японских верфях во время Вашингтонской конференции. Ни один рабочий не был уволен: 153.000 рабочих работают и теперь на японских верфях. Япония переходит к политике обороны в китайских водах, где стратегическое положение таково, что легче проникнуть в Дарданеллы, чем напасть на Японию через Китайское море и Цусимский пролив. Посредством тайного укрепления островов Бонин, произведенного перед Вашингтонской конференцией, Япония еще более укрепила свое стратегическое положение. Соединенные Штаты тоже не теряли времени даром.

„Идеалисты думали,—пишет Арчибальд Хэрд в цитированной выше статье,—что война 1914—18 гг. будет последней войной. Но, как кажется, она лишь посеяла семя новых войн. Многие нации находятся на краю банкротства, некоторые из них неспособны платить проценты по своим долгам, но это не оказывает никакого воздействия на их вооружения. Духовные и политические вожди Соединенных Штатов заявляют, что они не станут перевязывать раны Европы, пока европейские государства не раскаются и не сократят своих расходов на вооружения. Но в то же самое время американское правительство требует в бюджете на текущий год 256 552.000 долларов на армию и 289.881.000—на усиление флота".

Соединенные Штаты приступают к увеличению числа небольших крейсеров, истребителей и т. д., несмотря на то, что им не приходится защищать дальних путей сообщения с разбросанными колониальными владениями, как на это ссылается Великобритания. „Если американское общественное мнение примет это требование, а Конгресс его утвердит, то это будет смертельным ударом для Вашингтонского соглашения",—пишет Хэрд.

С своей стороны, Великобритания начинает восстановление мира с того, что жертвует 9 миллионов фунтов стерлингов на расширение военной базы у Сингапура. Это означает не только полнейшее изменение тамошней ситуации со стороны Англии, но является, как кажется, также шагом по пути сотрудничества Англии с Америкой и как бы ценой, которую Англия платит Америке, как союзнику против Японии. Это будет означать сосредоточение ядра английского флота поблизости от Тихого океана. Таким образом, и Англия обходит Вашингтонское соглашение, запрещающее возведение новых укреплений на Тихом океане. Такое положение на Дальнем Востоке означает возрастающее обострение американско-японского антагонизма. Это положение усиливает зависимость Японии от Советской России. Ареной борьбы явится китайская территория. Вся внутренняя борьба в Китае является в большей или меньшей степени борьбой империалистических держав из-за Китая. Россия является соседом Китая вдоль длинной границы. Россия может на-

пасть своими войсками в тыл Японии. Это означало бы, что Япония должна была бы бороться на два фронта. Мир и дружественные отношения с Россией необходимы Японии, чтобы помешать Америке заключить с Советской Россией антияпонский союз. По этой причине Япония склоняется теперь в пользу заключения мира с Советской Россией.

з) Задачи Коммунистического Интернационала.

Таковы важнейшие новые факты. Разрешите мне теперь сделать из этих фактов несколько выводов.

Первый вывод напрашивается сам собою. Пресловутое восстановление Европы уступило место „Тресту сокрушения Европы", как озаглавил свой роман один остроумный русский писатель. Взятая в целом политика всех капиталистических стран является поистине трестом сокрушения Европы. Лучше этого дела не сделать, даже если намеренно добиваться развала Европы. Это снова показывает, что, как мы это и сделали на IV Конгрессе, наша политическая линия должна строиться в расчете на крупные мировые потрясения, что, несмотря на наступление капитала, не только нет основания констатировать восстановление капитализма, а наоборот, необходимо признать, что мы стоим перед все ускоряющимся развалом Европы.

Американский капитализм временно усилился. В Англии можно констатировать небольшие улучшения в экономическом положении. Но старый континент, на котором преимущественно протекает пока-что наша борьба, где существуют крупнейшие революционные противоречия, идет не навстречу покою, а навстречу тяжелым боям. Автор превосходной книги о роли Америки в войне, книги, которая говорит красноречивее в пользу диктатуры пролетариата, чем многие из наших агитационных книг,—Джон Кеннеди Тернер,—говорит в предисловии: „Сложите число солдат и бюджеты на вооружения,—они больше чем до войны, а поэтому и опасность войны больше теперь, чем в 1914 г.". Это первый вывод.

Второй вывод тот, что единственная твердыня революции, Советская Россия, находится теперь в опасности. Именно потому, что мы становимся сильнее и что надежды капиталистов разложить нас посрамлены, именно

поэтому мы в опасности. И мы говорим вам: знайте, что твердыня всемирной пролетарской революции, Советская Россия, находится в постоянной опасности, что Лозанна и нота Керзона, это—удары колокола, сигнализирующие опасность. Советская Россия сильна, она будет защищаться и не даст себя сразить, даже в том случае, если будет вынуждена бороться собственными силами. Но от международного пролетариата будет зависеть, будет ли новое нападение на Советскую Россию отражено одинокой Советской Россией, или же в контр-наступление пойдет весь пролетариат.

Третий вывод: германский рабочий класс переживает величайшую опасность, а вместе с ним переживает эту опасность и германская революция. Зиновьев сказал здесь и я вполне с ним согласен: „В Германии мы быстро идем вперед". Это несомненно. Разложение германской буржуазии растет с каждым днем и это создает новую большую полосу опасностей. Германская буржуазия попыталась исказить характер рурской забастовки, превратив ее в рурское восстание, она попыталась нанести кровавое поражение германскому рабочему классу, прежде чем сама падет его жертвой. Германская партия маневрировала совершенно правильно. Но бедствия рабочего класса так велики, что для партии невозможно будет ограничиться лозунгом: не давайте себя спровоцировать. Ей придется бороться. И в этом-то и кроется главная опасность. Германия—крупная колония Франции. Эту колонию невозможно эксплоатировать, когда в ней господствует революция. Поэтому Франция заинтересована в том, чтобы разгромить германскую революцию. Если на этот раз предложение Люттербека было отвергнуто, то в следующий раз, когда опасность будет больше, оно будет принято. Германский рабочий класс находится между двух огней: между германской буржуазией и фашизмом, с одной стороны, и французским империализмом, с другой. Здесь необходимо заявить французским товарищам: французская партия еще слаба, она еще молода, но ей предстоит выполнить большие международные задачи.

Четвертый вывод состоит в том, что революционное движение на Востоке находится в опасно-

сти. Позавчера мы получили известие, что в Тегеране англофильскими элементами на английские деньги свергнуто националистическое, полудемократическое правительство. Каково положение в Турции—ясно. Элементы, работающие в пользу соглашения с Антантой и Англией, это те же элементы, которые стремятся к подавлению коммунистического движения, так как это последнее становится в Турции центром крестьянского движения. Здесь недостаточно сказать, что мы, русская партия, выполним наш долг, диктуемый нам этой опасностью. Здесь мы должны апеллировать к нашим английским товарищам, призывая их обратить внимание на колониальные вопросы; мы должны энергично побуждать их, чтобы они, несмотря на всю молодость своей партии, взяли на себя большую часть работы по поддержке революционного движения на Востоке, ибо, сделав это, они будут защищать не только это движение, но и самих себя. Вождь рабочей партии, Макдональд, сказал в своей речи по поводу ноты Керзона: — если верно, что Советское правительство поддерживает революционное движение на Востоке, то Керзон прав в своих обвинениях. Если рабочие и крестьяне в Персии, Турции и Индии подумают, что таково мнение английского рабочего, то горе английскому рабочему классу в тот момент, когда он будет бороться за власть, когда все будет зависеть от того, будут ли египетские или персидские крестьяне его врагами или друзьями и будут ли они поставлять ему хлеб. С этим призывом мы обращаемся к английским товарищам; ведь, они—англичане, а это значит, что они лучше других разбираются в вопросах мировой политики. Они могут стать мостом между европейским пролетариатом и медленно развивающимся рабочим классом и крестьянскими массами Востока.

Таковы мои выводы. Я не предлагаю немедленно сместить Керзона. Этого еще не можем сделать ни мы, ни вы. Мы не предлагаем призывающих к кровавой борьбе воззваний, а обращаем наше внимание на усложнение политического положения, на грядущие бои и на великое значение работы, которую мы должны проделать, как мировая партия пролетариата, борющегося за свое освобождение. Мы обратили ваше внимание на работу, которую мы должны выполнять не только в час опасности, но и каждый день.

Мы пережили в течение этих месяцев факт, ужасающие размеры которого мы даже полностью не осознали: мы видели, как перед оккупацией Рура, перед всеми этими подготовлявшимися на глазах у пролетариата событиями в Гааге собрались представители многих миллионов рабочих,—это собрание видело опасности, понимало их и... не пошевельнуло и пальцем. Мы вторично пережили 1914 г., и в этом главный урок. Если бы у буржуазии хватило решимости, то произошла бы новая война без революции. Мы были бы не в состоянии ей воспрепятствовать. Для этого мы слишком слабы. Необходимо, по крайней мере, постичь все значение этого факта и сделать из него вывод, что мы обязаны обращать в тысячу раз больше внимания, чем до сих пор, на вопросы мировой политики и не в качестве зрителей, а в качестве пролетарских борцов. (Продолжительные аплодисменты).

2. Ослабление наступления капитала и задачи Коминтерна.

(Речь, произнесенная на сессии Бюро Коминтерна Молодежи 13 июля 1923 г.).

Товарищи, на сессии расширенного пленума в докладе, посвященном мировому политическому положению, [1]) я уже обрисовал международные политические отношения за последнее полугодие. Я не буду здесь повторять уже сказанного мною в докладе — я сделаю лишь пару дополнений, необходимых в виду наблюдавшегося со времени расширенного пленума дальнейшего развития событий.

а) Международное положение.

В качестве такого рода добавлений к докладу укажу на три факта: англо-французскую борьбу вокруг Германии, направленные против Франции подготовительные работы Англии по организации воздушного флота и, наконец, назначение создаваемой англичанами морской базы в Синга-

[1]) См. выше стр. 309.

пуре. Какое же изменение вносят эти факты в набросанную нами в период расширенного пленума картину положения? Товарищи, факты эти нисколько не меняют картину и лишь усугубляют ее. Характеризуя в нескольких словах тогдашнее положение, можно сказать, что типичнейшим признаком его было, с одной стороны—обострение противоречия интересов Англии и Франции, противоречия, достигшего теперь невиданных еще размеров, с другой стороны — полнейший развал Центральной Европы, с третьей—обострение положения на Дальнем Востоке. Таковы три характерные черты отношений между капиталистическими государствами.

Принявшая в последние недели явно острые формы англо-французская борьба вновь пробудила в Германии надежду на помощь со стороны английской буржуазии. Борьба эта как-будто противоречит высказанному мною в докладе утверждению, что Англия махнула рукой на Германию, предоставляя ее усмотрению Франции. Такого рода вывод был бы неправильным. Английское правительство борется отнюдь не за спасение Германии, а за то, чтобы при предстоящей капитуляции были приняты в расчет и интересы Англии. Английское правительство добивается, чтобы, в момент германской капитуляции, Франция, диктуя свои требования германской буржуазии, руководилась не только собственными интересами, но приняла бы во внимание и интересы английской промышленности и английской буржуазии. Как далеко может пойти Англия в этой борьбе? Ответом на это служит предъявленное английским правительством парламенту требование санкционировать новые крупные кредиты на постройку английского воздушного флота. Самым фактом этого требования английское правительство признает себя в области военной авиации отсталым, а так как борьба в воздухе будет иметь решающее значение в грядущей войне между Францией и Англией, то несомненно, что английское правительство в данный момент не может пойти на разрыв с Францией. Его дипломатические ходы служат проявлением борьбы за признание английских интересов, но отнюдь не свидетельствуют о близком разрыве между Англией и Францией. В данный момент еще нельзя предвидеть степени развития и форм этой борьбы. Ясно одно — мы переживаем не канун войны между Англией и Францией, а лишь период

дипломатических конфликтов и вооружений, могущих в будущем привести к войне. Новый скачок доллара в Берлине на 100% вверх в течение одного месяца свидетельствует о том, как мало может ожидать для себя Германия от этой борьбы. Борьба может лишь затянуть процесс развала Германии. Даже в момент, когда две борющиеся за гегемонию державы вцепились в волоса друг-другу, германская буржуазия не в состоянии справиться с положением, хотя бы и ценой отдачи себя в кабалу Франции.

Что касается третьего вопроса—положения на Дальнем Востоке, то дискуссия на страницах английской печати по вопросу о создании морской базы в Сингапуре, совершенно недвусмысленно показывает, что база создается в качестве оплота против Японии. Полковник Репингтон без обиняков заявляет на страницах „Дейли Телеграф", что теоретически мысля, врагом надо признать Японию; при этом он, по обычаю военных дипломатов, высказывает надежду, что имеющиеся в Японии друзья Англии сумеют предотвратить необходимость использования этой морской базы против Японии. Факт создания Англией базы против Японии имеет громадное значение для суждения об общем мировом положении. Как вам известно, последней крупной схваткой вокруг Дальнего Востока была Вашингтонская конференция. Что касается отношений между Англией и Японией, то первая отказалась от союза, но не приняла на себя никаких обязательств в отношении Америки. В Вашингтоне американское правительство, в качестве компенсации за свой отказ от укрепления морской базы в Филиппинах, требовала от Англии аналогичного отказа от укрепления морской базы в Гонконге. При наличии соглашения на предмет совместного выступления против Японии, Америка не требовала бы от Англии отказа от укрепления морской базы. Если в настоящее время Англия все же укрепляет свою базу против Японии, то это свидетельствует о дальнейших успехах англо-американского сближения, направленного против Японии.

Из этой общей характеристики положения, поскольку дело касается взаимоотношений между капиталистическими государствами, явствует, что мы переживаем период растущего развала мировой капиталистической системы: с одной стороны — обострение противоречий между

Англией и Францией, с другой — обострение противоречий между Англией и Америкой — и Японией.

В вопросе о взаимоотношениях всей мировой капиталистической системы с Советской Россией мне немного остается добавить к 1-му докладу. В момент моего выступления с докладом у нас уж были сведения о намерении английского правительства, несмотря на наш отказ отозвать советских послов из Кабула и Тегерана, мирно ликвидировать конфликт. Остается сказать, что Советским правительством получена от английского краткая нота, с требованием уплаты 13.000 фунтов за убитого и за арестованного шпиона. Эти 13.000 фунтов лорд Керзон получит, но, как показывают происходящие в последние недели события в Персии, больших выгод из конфликта ему не извлечь.

Знаменоносец национального движения в Персии, молодая буржуазия, торговый слой, оказали приехавшему пригласить персидских купцов в Нижний-Новгород представителю Советской России, тов. Малышеву, прием, наглядно показывающий, что авторитет Советской России на Востоке нисколько не пал, и что молодая буржуазия в целом считает Советскую Россию оплотом своего национального освободительного движения.

Товарищи, вот те немногие добавления, которые мне приходится сделать к докладу моему на расширенном пленуме ИККИ; теперь я могу приступить к основной задаче сегодняшнего доклада — показать вам оборотную сторону медали, т. е. нарисовать в международном масштабе картину внутреннего положения, отношений между трудом и капиталом и взаимоотношений в лагере самой буржуазии.

б) Борьба в лагере буржуазии.

Товарищи, позвольте мне, сбрисовывая положение, ограничиться пока простым констатированием наиважнейших фактов, отнеся выводы ко второй части доклада. Эта, я бы сказал, калейдоскопическая или кинематографическая картина взаимоотношений отдельных классов тем более важна, что международный пролетариат слишком схематически представляет себе эту грандиозную арену борьбы.

Начну с наисильнейшей мировой капиталистической державы—Северо-Американских Соединенных Штатов. Вы уже

знаете, что победа республиканской партии в Америке знаменовала победу реакции. Не потому, чтобы демократическая партия и Вильсон служили чему-либо иному, а не интересам капитала. Принципиально демократы не отличаются от республиканцев, но в Америке экспонентами актуальных интересов демократической буржуазии служат поочередно то демократы, то республиканцы. Республиканский режим выразился в проведении форднейского тарифа, ограждавшего американские тресты от конкуренции европейской буржуазии. Движение в пользу покровительственных пошлин всегда было тесно связано с наисильнейшими американскими трестами. Таким образом, проводя неслыханные раньше по своим размерам таможенные пошлины, правительство Гардинга обнаруживало свою истинную сущность правительства крупнейших американских трестов. Режим Гардинга был режимом опиравшейся на тресты американской реакции. Если взять внутреннее положение Америки не к моменту водворения Гардинга в правительстве, а теперь, то мы увидим новый фактор — сильное фермерское движение. Это крестьянское движение, направленное против политики трестов, против выжимания пота из деревни и против эксплоатации фермеров крупным капиталом, представляет собой фактор громадного значения. И прежде всего, оно свидетельствует о крупной бреши, образовавшейся во фронте американской реакции. После войны Америка превратилась в лагерь самой ожесточенной шовинистской реакции. Эта страна, — единственная, вышедшая из мировой войны истинным победителем,—сумела объединить вокруг своего крапленного знамени все слои буржуазии, в первую голову для борьбы с пролетариатом. Вам уже известно, что после войны на молудую компартию и революционные профсоюзы обрушились свирепые преследования, вынудившие партию уйти в подполье. Рост фермерского движения, ведущего к распаду обеих капиталистических партий и к образованию „беспартийной лиги", что имеет результатом формирование левого крыла фермеров, тяготеющего к союзу с пролетариатом, — все это свидетельствует о том, что господство американской капиталистической реакции пошатнулось. Наилучшим доказательством служит факт выхода из подполья компартии, легализующейся под видом

Уоркерс Парти, а также то обстоятельство, что привлечение Уоркерс Парти к суду (процесс Фостера и Рутенберга) кончилось протестом даже со стороны притянутой к процессу в качестве свидетеля против коммунистов части буржуазии. То обстоятельство, что коммунистов в Америке не линчуют и не четвертуют, уже само по себе доказывает, что в этом царстве демократии не все обстоит благополучно, и что силы реакции слабеют.

Переходя от Америки к Европе и начиная обзор с Англии, приходится упомянуть о победе, одержанной английскими консерваторами на выборах осенью прошлого года. Правда, за английских консерваторов голосовала лишь одна треть всех английских избирателей, но они все же собрали относительное большинство и, таким образом, в качестве наисильнейшей партии, очутились у власти. Весьма существенно понять, что знаменует собой эта победа. Она объясняется в первую очередь поражением либералов. На выборах потерпели поражение либералы, представители торгового капитала, стремящиеся к восстановлению Европы. Победу одержали представители английской тяжелой индустрии, группирующиеся вокруг консерваторов и образующие нынешнее правительство вместе с помещиками, как представителями преимущественно класса рантье. Эти рантье и представители тяжелой промышленности поставили крест на стараниях восстановить Европу. Они заостряют английскую политику в сторону усиленного развития производительных сил колоний, повышенной эксплоатации Индии и Египта и сугубой эксплоатации английского рабочего класса. В то время, как коалиционное правительство 1919 г. под давлением бурного натиска со стороны пролетариата, как вы знаете, кокетничало даже с идеей национализации шахт и железных дорог, нынешнее правительство есть правительство безудержного господства капитала, отказывающееся от какой бы то ни было защиты рабочего класса. Программа первого премьера консервативного правительства, Бонар Лоу, сводилась к лозунгу: „порядок и спокойствие“; его преемник, господин Болдуин, характеризуется на страницах издаваемого английским правительством на востоке органа „Near East“ в выражениях, которые прекрасно характеризуют вообще всю политику английских консерваторов. Газета говорит, что господин

Болдуин никогда раньше не занимался политикой, но что этот трезвый человек прекрасно разбирается в своих собственных делах. Еще не будучи премьером, он заявлял, что, разорвав связь с фирмой „Болдуин Лимитед", предпочитает заняться в своем имении свиноводством; этот самый Болдуин оказался призванным решать судьбы не только 50-миллионного населения Англии — английского народа, но и судьбы полумиллиарда людей, живущих под скипетром Англии. Он призван править полумиром и постарается выполнить эту задачу сообразно принципам свиноводства.

Но, товарищи, мы видим, что столь желанные для господина Бонар Лоу порядок и спокойствие в Англии не водворились. По переходе власти в руки Бонар Лоу и консерваторов, их застиг англо-русский кризис и тяжелый рурский кризис, который им не удается разрешить и доселе. Они вынуждены платить долги Америке и переживают теперь одну большую стачку за другой. Им приходится иметь дело с расправляющим свои члены враждебным им рабочим классом, отдавшим на выборах свои 4 миллиона голосов представителям рабочей партии. Одновременно с этим им приходится иметь дело с раздираемым изнутри и разбитым либерализмом, что в данный момент облегчает их положение в парламенте, но в исторической перспективе лишает их видов на будущее. Потому что, при создавшемся сложном положении Англии, значительная часть буржуазии не согласится с тем, что великой державой надлежит управлять согласно принципам „Болдуин Лимитед" плюс свиноводство. Развал либерального крыла английской буржуазии знаменует рост силы пролетариата.

Теперь перенесемся через канал из Англии во Францию. Что мы там видим? При всех голосованиях в палате господин Пуанкаре собирает громадное большинство. Но это свидетельствует лишь о том, что в погоне за сохранением, уже не могущего быть ею спасенным, Версальского договора, французская буржуазия готова на авантюры. Но вынужденность такого поведения свидетельствует лишь о том, что господство упоенной своей победой французской мелкой буржуазии, надеявшейся, что расплачиваться за все будет Германия, глубоко потрясено. Весной 1924 года во Франции предстоят выборы, и правительству придется сказать, каким

образом рассчитывает оно покрыть ростущий дефицит, как думает оно заштопать дыру в бюджете. Правительство национального блока обещало, что за все будут платить немцы. Если Франции удастся обосноваться в Рурской области, то через пару лет, при наличии укрепления капитализма в мировом масштабе, Франция получит, конечно, крупные прибыли. Но, пока что, это не сулит ничего, кроме крупных расходов, в результате которых французской буржуазии придется еще крепче нажать налоговой пресс для выкачивания денег из крестьян. Еще печальнее было бы положение национального блока, если бы ему пришлось уйти из Рурской области, не достигнув никаких результатов.

Такое положение ведет к распаду национального блока; последний, хотя и служит интересам крупных банков и тяжелой промышленности, но вынужден считаться и с интересами большинства избирателей, т.-е. крестьянства. Ближайшие месяцы принесут с собой развал национального блока и рост крестьянской оппозиции во Франции.

Товарищи, если перенестись теперь взором из Франция в Италию, мы узрим там картину, подробно очерченную в превосходной брошюре Джулио Аквилла, посвященной фашизму и вышедшей на-днях из печати, о тактическом подходе которой мне еще придется поговорить, но которую в качестве фактического материала можно смело рекомендовать вниманию всех коммунистов.

О чем свидетельствует эта картина? Фашизм оказался не в состоянии выполнить хотя бы единый атом своих обещаний. Товарищи, каждая и революция, и контр-революция начинается с выдачи векселей, по которым позднее приходится расплачиваться. Подводя баланс русской революции, мы видим, что и она, бесспорно, погасила лишь одну часть экономических векселей, раздав пока только землю крестьянам. Правда, она и рабочим отдала фабрики, но пока еще не сумела окончательно превратить эти фабрики в центры пульсирующей жизни, обеспечивающие благоденствие пролетариата.

Но между векселями, выплачиваемыми в течение шести лет русской революцией, и векселями фашистского режима есть существенная разница: русская революция выдала векселя двум классам, интересы которых в принципе не противоречат друг другу, хотя и не совпадают, — рабочим и

крестьянам. Подъем крестьянского хозяйства в Советской России является одним из условий подъема и процветания пролетариата. Этот подъем сейчас уже налицо и ложится в основу улучшения положения русского рабочего класса. Русская революция вынуждена просить держателей векселей отсрочить платеж по ним, но эти держатели прекрасно чувствуют, что уплачено-то по векселям будет.

Фашистская контр-революция выдала векселя классам со взаимно противоположными интересами. Она сулила рабочим работу и обеспеченное существование, капиталистам—увеличение прибыли и господство на фабриках, мелкой буржуазии, интеллигенции—растущее влияние на общественную жизнь Италии, увеличение благосостояния, и наконец, всему итальянскому народу—политику силы, поднимающую авторитет Италии во всем мире. Что же мы видим? До сих пор фашистскому правительству удалось лишь одно: раздавить рабочее движение, силком втянуть рабочих в фашистские профсоюзы. А результаты каковы? Оно передает железные дороги и военную промышленность частному капиталу, понижает заработную плату рабочих (это понижение уже достигает в среднем 30%). А что получили крестьяне? Ничего. Одновременно с введением налога на заработную плату растут и налоги, тяготеющие на крестьянстве.

Что дало оно промышленникам? Оно не укрепило их мирового положения. В период войны и после нее Муссолини занял и вынужден был занять позицию, резко враждебную Англии: Англия господствует над Италией уже в силу своей гегемонии на Средиземном море. Грезя о могучей Италии, Муссолини, этот выразитель идеологии империалистической интеллигенции, должен был поднять знамя революции против Англии. Муссолини, основавший свой „Пополо“ на французские деньги, тащится целиком на поводу у Франции. Больше того: во имя укрепления своей власти внутри страны он вынужден отказаться и от каких бы то ни было планов борьбы с Югославией.

На днях „Дейли Телеграф“ нескромно разболтал, что итальянское правительство прекрасно было осведомлено о предстоявшем в Болгарии перевороте, и что итальянский шпионаж поддерживал близкие связи с совершившими переворот. Не знаю, выболтает ли в ближайшие дни орган

Муссолини, какую роль играла в болгарских событиях тайная агентура лорда Керзона, но во всяком случае, не подлежит сомнению, что Муссолини лишен возможности выступать против Югославии, которую поддерживает поставляющая ей военные суда Франция. Он вынужден совершать обходный маневр и поддерживать в Болгарии противников Югославии, чтобы, таким образом, обуздать последнюю.

Данное Муссолини от имени фашистского правительства обещание быть сильным, справедливым и экономным оказалось мыльным пузырем. Экономное правительство вынуждено расширять кадры войска и полиции. Экономит он лишь за счет пролетариата и крестьянства. Это заставляет Муссолини все больше и больше опасаться за судьбу своего правительства. Наглядный пример отношения к фашистам—поведение партии пополяри, крупной крестьянской и мелкобуржуазной партии, в парламенте поддерживающей Муссолини, а на своем съезде не только отказавшейся отождествить историю своей партии с фашизмом, но даже ставшей к нему в оппозицию. Недовольство итальянских либералов, сброшенных пинком ноги Муссолини на навозную кучу истории, враждебная фашистскому правительству позиция „Корьере делла Сера",—все это свидетельствует о том, что в буржуазию начинает проникать сознание непрочности фашистского режима, неспособного обеспечить мир, безопасность и сугубую эксплоатацию. Это проникающее, как в мелкобуржуазные массы, так и в верхушки буржуазии сознание начинает разлагать фашистсткую партию. Мы, русские коммунисты, склонны отнестись особенно осторожно к тому, что пишется о разложении фашизма. Вот уже целые пять лет, как на страницах буржуазной печати появляются сообщения то об аресте Ленина, то об аресте Троцкого, то о распаде нашей партии на 10 частей. Я не верю в столь близкое разложение фашизма, но не подлежит сомнению, что Муссолини вынужден одновременно бороться против аграрного крыла фашистов и преодолевать сопротивление, оказываемое ему в лагере его мелкобуржуазных и пролетарских сторонников, а выдающиеся вожди фашизма уже открыто говорят в печати о том, что капиталисты заблуждаются, полагая, будто фашистская революция имеет целью предоставление им свободы действия, и подчеркивают, что фашизм должен оказывать

давление и на капиталистов. Если мы видим не только наличие разногласий в фашистском лагере, но и роспуск фашистских провинциальных конференций по приказу Муссолини и вооруженные столкновения между отдельными фашистскими частями в Риме и других провинциальных городах,—то разве все это не свидетельствует о том, что чувство неуверенности проникло уже в лагерь фашистов.

При этом не следует забывать, что, в отличие от русской Компартии, спаянной в единый монолит ее 25-летней историей, фашизм представляет собой еще молодое и слабое образование. Итальянскому фашизму не оправдать пробудившихся надежд мировой буржуазии, мечтавшей о победоносном, железном кулаке, дающем возможность восстановить капитализм на костях рабочего класса. Если, обезьянничая, а не подражая Ленину, Муссолини говорил о вступлении с января во второй период фашизма, период строительства, начавшегося после разрушения старого государства, то мы можем ему ответить: этого первого периода фашизм никогда не переживал—он не разрушил, а лишь дезорганизовал старое государство. Второй же период и не начинался, больше того,—начался другой период: не строительства, а разложения, распада фашизма.

Итальянский фашизм был приветствован английским королем, лордом Керзоном, американским послом Чайльдом. Как представители страны, гордящейся тем, что она родоначальница парламентаризма—представители английской демократии, так и представители страны, заложившей первые основы буржуазной демократии в Джефферсоновской конституции, склоняют свои знамена перед фашизмом, который, как известно, готов ликвидировать и парламентаризм, и демократию, согласно выработанному им проекту реорганизации парламента. В основе их поведения лежала надежда на то, что фашизм раздавит европейское рабочее движение. Недавно сторонники Муссолини встретили его возгласом: „Да здравствует свобода!“. На это он им ответил: „Оставьте эти глупости!“. Несколько ребяческой оказалась преждевременная радость господина Керзона, английского короля, портреты которого так напоминают Николая II и американского посла Чайльда. После итальянского фашизма им никогда уж не придется пережить аналогичную радость в мировом масштабе.

Товарищи, обратимся теперь к северу, к Германии. Мы видим, что борьба за Рур становится исходным пунктом новой грандиозной классовой войны в Германии. Германская буржуазия втянулась в Рурскую войну в твердом убеждении, что ей удастся уменьшить бремя Версальского мира настолько, чтобы быть в состоянии восстановить хозяйство за счет рабочего класса. Расчеты ее не сбылись. Полгода Рурской оккупации принесли с собой катастрофический развал германского капиталистического хозяйства и определили процесс формирования в Германии трех крупных группировок, которым в ближайшем будущем так или иначе предстоит померяться силами.

Лагерь средней буржуазии, зажиточного мещанства, рабочей аристократии, лозунгом которых служит: quieta non movere, предоставьте все своему течению, совершенно не интересуется прекрасной вещью, именуемой германской республикой. Этот лагерь по своему социальному составу объединяет германскую обрабатывающую промышленность, германские торговые круги, часть пацифистской демократической интеллигенции, богатое католическое крестьянство и рабочую аристократию; он день ото дня слабеет. Последние выборы в муниципалитет и ландтаг—взять хотя бы исход выборов в Мекленбург-Стрелице—свидетельствуют об увядании этого среднего лагеря. Этот средний лагерь, стремящийся укрепить завоевания ноябрьской революции, штурмуется с двух сторон; с одной стороны,—рабочим классом, не могущим дольше жить при подобном положении вещей, с другой стороны—мелкой буржуазией, служащими, техниками и мелкими ремесленниками, которых в социальном отношении раздавливают капиталисты. Этим социальным слоям в материальном отношении живется в тысячу раз хуже, чем рабочим. В последнем номере газеты Парвуса „Восстановление" вы найдете статью доктора Мамлока, посвященную положению германских врачей. Если одновременно с этим вы заглянете в труды Общества социальной политики, посвященные вопросу о положении германской интеллигенции, вы увидите, что этим пролетариям в стоячих воротничках, жившим и прежде не слишком-то хорошо, теперь приходится значительно хуже, чем рабочим. Одна часть их ищет спасения на пути мелкого мошенничества, мелкой спекуляции,

другая кидается к физическому труду, третья погружается в болото нищеты. Так жить нельзя, и они пытаются смести нынешний режим под знаменем национализма, под знаком возврата к тем временам, когда у власти был кайзер, грезивший о мировом господстве, и когда каждый интеллигент и мещанин ежедневно ел мясо.

Этому движению уже не восстановить былой германской империи, но оно будет иметь громадное значение в деле разрушения нового германского государства богачей, возникшего на основе германской революции. Эта масса служит пушечным мясом для единственной реальной силы, пытающейся восстановить былой капиталистический порядок: эта сила—помещики и представители тяжелой промышленности, Стиннесы и Вестарпы, правда, не принимающие лично участия в тайных организациях германских националистов, но финансирующие и поддерживающие их, подобно итальянским представителям тяжелой промышленности, подобно Банку Ди Сконто. Они надеются восстановить свое господство при помощи бунта мелкой буржуазии. В Германии вы видите, таким образом, завязку новой грандиозной борьбы, и если в былое время добродушный немец обвинял большевиков в изобретении термина „гражданская война", то теперь сама Германия создает все мыслимые формы гражданской войны. Там вы найдете все, начиная с тайной организации, тайного судилища, организующего политические покушения, пассивного сопротивления, этой формы борьбы угнетенных восточных народов, и вплоть до открытой классовой борьбы; современная Германия—географическая карта всех форм гражданской войны. Миновали времена, когда Гейне говорил, что славная Германия—стоячее болото. Нет другой страны, где бы отдельные части буржуазии так яростно свирепствовали друг против друга и против рабочего класса, как в Германии.

Товарищи! Я перехожу теперь на юг, где совершился Болгарский переворот. Что он означает? Болгарский переворот знаменует победу небольшой клики городской интеллигенции, бюрократии и офицерства; это не массовое движение, а военный заговор: при помощи юнкерского училища и кавалерийского полка заговорщикам удалось одержать победу над крестьянским правительством, и они попы-

таются установить режим, соответствующий интересам слабой городской буржуазии, бюрократии, военщины. До войны фактическая власть в Болгарии принадлежала не буржуазии, а тонкому слою буржуазной интеллигенции, действовавшей в интересах только еще формирующейся буржуазии и распростершей свою длань над крестьянством.

Товарищи! Делая обзор внутреннего положения буржуазных государств, я прошу вас вспомнить характеристику, данную ему на Гамбургском конгрессе прославленным марксистом II Интернационала Отто Бауэром. Подобно Иеремии на берегах Альстера, он проливал слезы и говорил, что вернулись времена после Венского конгресса. Подобно тому, как Венский конгресс закончил собой период революционных потрясений, так и теперь мы переживаем период победоносной контр-революции.

Но, ведь, после Венского конгресса вплоть до 30-х годов в Европе царило мертвое спокойствие: меттерниховская система в центральной Европе, режим ничему не научившихся и ничего не забывших Бурбонов во Франции, реакционный режим в Англии, огнем и мечом раздавивший люддистское движение, огнем и мечом пытавшийся подавить только-что пробуждавшееся молодое рабочее движение. За пределами же Европы находились народы и страны, не игравшие в ту пору никакой роли в истории и служившие лишь притягательным объектом для английских купцов, стремившихся сплавлять туда свои хлопчатобумажные и мануфактурные товары. То ли теперь? Нам приходится иметь дело не с победой контр-революции после краткого периода революции, но с борьбой между молодой нарастающей революцией и контр-революцией. Мы живем в период, когда буржуазия пытается разрешить неразрешимую задачу: восстановить мировой капитализм.

Мы являемся свидетелями возникновения в лагере самой буржуазии борьбы, разлагающей ее силы, делающей невозможным возврат к старому, не говоря уже о невозможности его с экономической точки зрения. А возгорающаяся в Америке борьба мелкой буржуазии против трестов, в Англии—либералов против консерваторов, что означает она? Как это понимать, если человек, вчера еще занимавший пост английского премьер-министра—и при том не самый глупый

из них—если Ллойд-Джордж ныне перед лицом всего света хулит свое собственное дело—Версальский договор? Как понимать, если во Франции, этой стране победительнице, французская буржуазия вынуждена сказать себе: всего четыре года, как кончилась война, и уже приходится либо вести новую, либо признать Версальский договор несуществующим? Что значит, когда в центре Европы, в наикрупнейшей промышленной стране европейского материка происходит не только борьба между трудом и капиталом, но и вооруженная борьба между отдельными группами буржуазии? А одновременно с этим возникновение консолидирующего пролетарские силы фактора,—первого пролетарского государства? Посмотрим же, как развивалась борьба рабочего класса в последние шесть месяцев. Начну с Советской России.

в) Растущее сопротивление рабочего класса.

У всякого из вас, кому пришлось бы изучать положение России, посетить фабрики, говорить с рабочими, наблюдать массу на улицах, — не на демонстрациях, а на бульварах, — у всякого, кто посетит деревню, создастся впечатление устойчивости существующего положения вещей. Вам станет ясно, что положение рабочего класса на русских фабриках уже сейчас значительно лучше положения германских рабочих. Вы увидите, что связь между пролетариатом и крестьянством окрепла, хотя крестьянству и приходится еще нести тяжелое бремя налогов. Но это отнюдь еще не означает, что русской революции уже не грозит никакая опасность. Поскольку русские фабрики еще не достигли хотя бы уровня довоенного, русская революция еще не вышла из полосы опасностей, и пока в руках пролетариата не окажется хотя бы одного промышленного государства, русской революции придется занимать оборонительное положение. Но стоит сопоставить Россию 23 года с Россией 19, 20 и 21, и мы увидим, что силы ее удесятерились.

Констатировать этот факт, значит признать, что основная цель мировой контр-революции не достигнута. Целью наступления капитала был возврат к положению 1914 года. Чем же отличается мировая картина 1923 г. от 1914 года? Конечно, не тем, что низло-

жена Германия. Капиталистическому миру уже и раньше приходилось переживать и восхождение одних, и нисхождение других капиталистических государств. Обратясь к истории более ранних времен капитализма, мы увидим, что господствующее экономическое положение занимали то итальянские города, то юная феодально-капиталистическая Испания, то голландские торговцы перцем, затем Англия, против нее поднявшаяся Франция и, наконец, в 70-х годах встала на ноги промышленная Германия. Факт поражения Германии в мировой войне еще не свидетельствует о коренном изменении мирового положения.

Что же мы видим теперь? Мы являемся свидетелями возникновения новой государственной системы—пролетарской, противоставляющей себя системе капиталистических государств. Такова федерация социалистических государств бывшей Российской империи. Она носит название не России, а Союза Социалистических Советских Республик. Слово Россия в названии отсутствует. Кое-кому из товарищей по этому поводу, пожалуй, взгрустнется. Мы же надеемся, что новое наименование широко открывает двери для присоединения других социалистических государств, не расположенных на территории бывшей России, и лишает нас необходимости видоизменять название социалистической государственной системы, разумеется,... для того, чтоб это присоединение имело место, вы должны совершить революцию в паре стран.

Итак, в противовес капиталистической системе государств, начинает формироваться пролетарская система, оказывающая противодействие капиталистическому миру. Этот последний пытался, но неудачно, раздавить ядро этой новой системы государств. Эта составная часть баланса имеет громадное значение при подведении итога и показывает, сколь нелепо говорить подобно Отто Бауэру, о временах после Венского конгресса.

Но это не единственный фактор нашего положительного баланса последних месяцев. Наступление капитала еще не ликвидировано, но оно уже перевалило через кульминационный пункт. Наилучшим доказательством этого факта служит, на ряду с усилением Советской России, вновь начавшееся усиление проф-

союзов. 1921 и 1922 годы характеризовались отливом членов из профсоюзов. В настоящее время, как в Германии, так и в Англии количество профессионально организованных рабочих неуклонно растет; одновременно с улучшением экономической конъюнктуры в Америке и Англии начался грандиозный процесс амальгамирования профсоюзов. Мы видим, как рабочий класс использует первую представившуюся ему возможность для устройства новых стачек. Мы уже были свидетелями стачки сельскохозяйственных рабочих в Англии. Теперь происходит стачка докеров. Мы видим, как разрастается стачка горнорабочих в Америке. Наблюдается и целый ряд мелких стачек. Мы видим, что буржуазия этих стран оказывается вынужденной вновь повысить заработную плату.

Рабочее движение опять начинает итти в гору, после глубочайшей депрессии, пережитой им в 1921 году.

Товарищи, если вы себя спросите, что означает победа Рабочей Партии в Англии, то мы, вопреки нашему критическому отношению к ней,—это даже не второе издание II Интернационала, а, если говорить о вождях, то это новое издание либеральных рабочих вождей, тщетно старающихся облачиться в тогу социализма,—вопреки этому, мы все же скажем: было бы нелепо за вождями и даже за современным состоянием рабочего класса не видеть крупного сдвига, выражением которого служит факт голосования 4-миллионной рабочей массы за представителей Рабочей Партии. Господин Сидней Вебб, идеолог и сведущий крючкотвор английской Рабочей Партии, заявил в своей вступительной речи на съезде этой партии: „Мы враги классовой ненависти в том духе, как ее проповедывал Маркс; основателем английского социализма является не Маркс — а Роберт Оуэн". Господин Сидней Вебб весьма ученый человек, он знает Англию лучше, чем все английские правительства, вместе взятые, но он столь же мало способен воскресить социализм Роберта Оуэна, как Болдуин—воскресить Англию Эдуарда VII или Виктории. Английский рабочий класс начинает конституироваться, как класс. Делает это он сначала робко. Он еще не освободился от либеральной идеологии,

но так или иначе, он начинает чувствовать себя классом Уже одно то обстоятельство, что из этой принаряженной и приглаженной Рабочей Партии, вожди которой перед появлением в парламенте в первую голову штудируют книгу о хорошем тоне, что из этой Рабочей Партии в парламент попадают простые рабочие, которых высокопочтенные джентльмены именуют грязными псами, свидетельствует о том, что английский рабочий класс уже не тот, что был до войны. И если даже либеральным псевдо-социалистическим вождям английского рабочего класса еще 20 раз удастся обморочить пролетариат, если даже им удастся еще раз убедить его в том, о чем распинается господин Сноуден на страницах буржуазной „Морнинг Пост", утверждая, что Рабочая Партия не тронет ни единого волоска на голове капиталистов и будет ликвидировать капитализм медленно и незаметно для него самого, то все это лишь означает, что, очутившись у власти, господа Сноуден и Вебб будут стараться проводить подобного рода политику. Но это отнюдь не означает, что их старания завершатся успехом.

Буржуазия станет бороться и против „мирной экспроприации". „Дейли Телеграф" в ответ на речь Вебба на конгрессе писал: „Господин Вебб говорил весьма гуманно, как цивилизованный человек, но пират есть пират, хотя бы он и выступал в белых перчатках". Мы берем на себя защиту Вебба и Сноудена: это не пираты, они только хотят чуточку обмануть старуху историю, но в итоге окажутся обманутыми сами. Рабочий же класс осуществит их программу своим особым путем, соответствующим своеобразной английской обстановке (это не будет повторением того, что имело место в России: ничто в истории не повторяется), но все же путем классовой борьбы. Английский пролетариат уже вступил в полосу этой борьбы и будет бороться, потому что бороться он вынужден. Невозможность возврата к временам Эдуарда VII, королевы Виктории и Оуэна объясняется тем, что Англия времен Оуэна и королевы Виктории обладала монополией в области торговли. Во времена Эдуарда VII она этой монополии уже лишилась, но все же была наисильнейшим промышленным государством с наипрочнейшей базой. В настоящее время наисильнейшим промышленным государством является Америка. В настоящее время Англию гнетет тяже-

лое бремя финансового долга, и она лишилась в лице Европы наилучшего рынка для сбыта своих товаров; современной Англии приходится иметь дело с более серьезными, чем когда бы то ни было раньше, военными, морскими и промышленными конкурентами, а расколотые раньше на две части английские рабочие, одна часть которых—рабочая аристократия—не хотела бороться, не чувствуя в этом потребности, другая же бороться не могла, эти английские рабочие теперь, подобно всем прочим пролетариям, вынуждены бороться против буржуазии, если хотят жить.

Товарищи, в 1919 году II Интернационал старательно пытался доказать рабочим, что они не должны производить революции в Европе, пока не произойдет революция в Англии и Америке. Статс-секретарь Австрии, господин Отто Бауэр, выпустил в 1919 году анонимную брошюру,—как государственному мужу ему не подобало высказывать глубокомысленных идей, так как государственные люди обязаны не иметь никаких идей,—где он доказывает: европейская революция не может дальше развиваться, пока не произойдет революция в Америке и Англии. Теперь мы имеем дело в Англии не с началом революции, но с пробуждением классового самосознания пролетариата, начинающего конституироваться в класс, и вот—мужи II Интернационала уже пытаются обмануть рабочий класс на чечевичной похлебке и удержать не только от революции, но и от революционных идей. А господа Бауэры, что делают они? Они приветствуют это, как путь к социализму. Товарищи, мы не верим в существование географического атласа, заранее предусматривающего, где суждено начаться революции. Революция начинается там, где начинается. Мы никогда не держались того мнения, что германские рабочие, русские рабочие, итальянские рабочие не должны производить революции раньше, чем не сломят шеи английской буржуазии рабочие английские. Мы и прежде, и теперь убеждены, что европейский материк, в случае победы рабочего класса, выдержит борьбу против блокады со стороны англо-саксов и даже против подводных лодок и цеппелинов англо-саксонского капиталистического мира, если только последнему суждено будеть пережить европейский капитализм.

Но не подлежит никакому сомнению, что нарастание рабочего движения в Англии знаменует начало наступления пролетариата. Господа из Рабочей Партии полагают, что можно спастись, не пустив в Рабочую Партию наших товарищей из боязни, как бы они не испортили их овечек, но консервативный публицист Ян Колим, в ответ на статью Филиппа Сноудена, заявляет, и не без основания, на страницах „Морнинг Пост": „Из года в год Рабочая Партия отказывается принять в свой состав компартию, и из года в год растет в ее рядах количество людей, требующих допущения коммунистов. Господа из Рабочей Партии полагают, что коммунизм может быть принесен в их ряды лишь членами коммунистической партии. Мы же убеждены, что еще того вернее будет принесен коммунизм в их ряды английским капитализмом, и в силу этого мы приветствуем факт развития Рабочей Партии в Англии, как доказательство пробуждения английского рабочего класса".

Товарищи, если, обозревая положение на континенте, мы возьмем такой факт, как последние выборы во Франции, давшие в одном округе 52.000 голосов национальному блоку и 40.000 коммунистам, и вспомним, какой незадачливой представлялась французская компартия,—многие даже в наших рядах верили, что лонгетисты,—как рабочая партия, гораздо более слабые,—получат на выборах больше голосов, чем мы—на самом деле они получили лишь одну четверть количества, полученного нами,—то и здесь мы увидим свидетельство роста боевого духа и воли к борьбе в рядах рабочего класса.

Мне не приходится здесь говорить о Германии. Неуклонно катящаяся по Германии волна стачек говорит о том, что германский рабочий класс вынужден бороться, и что он действительно борется. У нас имеются еще более веские доказательства пробуждения рабочего класса. Проследите за сообщениями из Венгрии, этой страны белой диктатуры, страны, где коммунизм был разбит, что объясняется его молодостью, слабостью и отсутствием прошлого, и где поэтому так трудно воссоздать коммунистическое движение. Массовые стачки в Венгрии доказывают, что даже белогвардейская диктатура не спасает буржуазию от пробуждения рабочего класса. Если господин Отто Бауэр

и говорит о временах кладбищенского спокойствия, царившего после Венского конгресса, то делает он это исключительно для очистки своей совести. Итак, на-ряду с неуклонно идущим процессом развала в лагере буржуазии, на противоположном полюсе происходит собирание сил пролетариата, который пробуждается и крепнет. Но, повторяем, период наступления капитала еще не миновал. На нас еще будут сыпаться удары, еще во многих местах придется вести чисто-оборонительную борьбу, и все же... наступление уже перевалило через свой кульминационный пункт.

г) Гаага и Гамбург.

Возникает вопрос, как все это отражается на рабочих партиях. Мы остановимся на двух съездах, имеющих неслыханно громадное значение для коммунизма: на съезде в Гааге и съезде в Гамбурге. Те, кто имел случай присутствовать на Гаагской и Гамбургской конференциях, вынесли гнетущее, удручающее впечатление. Но в этом то и кроется громадное революционное значение этих конференций.

Чем была Гаагская конференция? В Гааге собрались представители 24 миллионов организованного пролетариата. Что побудило их собраться? Сознание, что в настоящее время опасность войны грозней, чем в годы, предшествовавшие всемирной войне. Они собрались, чтобы организовать борьбу рабочего класса против войны, опасность, которая была в их глазах столь крупной, что они себе сказали: для отпора этой опасности мы должны образовать коалицию... даже с буржуазным пацифизмом. Перед такой опасностью не приходится спрашивать, каково знамя, под которым с нею борешься.

Посмотрим же, товарищи, что решили они предпринять против опасности войны? Отправляясь в Гаагу в качестве представителей русских профсоюзов, мы получили от тов. Ленина инструкцию,—вероятно, в ближайшее время она будет опубликована,—представляющую собой выдающийся документ революционного реализма Ленина. Он нам сказал: первый ваш долг заявить в Гааге: кто обещает саботировать войну путем всеобщей стачки или восстания, если война начнется, тот или дурак,

или обманщик. Война нагрянет аки тать в нощи, раньше, чем массы смогут ориентироваться. А буржуазная машина уж такова—этому учит нас опыт последней войны—что она смешает все карты, делая из правого дела неправое, из черного белое. Когда разразится война, громадное большинство трудящихся будет увлечено на поля битвы. Заявите в Гааге, что задача наша совсем не в том, чтобы строить планы на случай, если бы разразилась война, но работать так, чтобы устранить самую ее возможность. Мы указывали амстердамцам, что завтра нам грозит оккупация Рурской области, новые нападения на Советскую Россию, крупные конфликты на Востоке. Мы спрашивали их, что намерены они против всего этого предпринять. Это еще не война, но подготовка ее. Мы предлагали им согласиться на минимуме, понятном для всякого честного рабочего: совместная агитация против опасности войны, устройство общими силами недели агитации против войны, создание подпольных организаций для агитации против войны в армии и однодневная демонстративная стачка с целью объединить массу, внедрить в нее сознание своего единства и дать почувствовать буржуазии, что мы начинаем организовываться для отпора возможной войне. Эти предложения были отвергнуты и была принята резолюция, говорящая, что детей надо воспитывать так, чтобы они не затевали войн. Затем начались разговоры по вопросу о значении кинематографии в борьбе против войны.

Подводя политический итог Гаагскому конгрессу, мы говорим: вожди европейских профсоюзов, II и II$^1/_2$ Интернационалов, собравшиеся в Гааге, готовы были, не пошевельнув пальцем, допустить, чтобы рабочий класс вновь погнали на бойню без противодействия с его стороны. Гаагская конференция была повторением 4 августа 1914 года. Не подлежит никакому сомнению, что поскольку дело касается вождей Амстердамского, II и II$^1/_2$ Интернационалов, они вторично потерпят крушение, как только вспыхнет война. Мы, революционеры, подводя итог, должны исходить из этого факта.

Что показал Гамбургский конгресс? Во-первых, наличие даже и в социал-демократических рабочих потребности в

международном объединении для борьбы против опасности войны и фашизма. Во-вторых, присущее вождям II Интернационала стремление не допустить рабочих до борьбы и сбить их с толку своими фразами, своей наружной готовностью к борьбе. Все вы знакомы с отчетами Гамбургского конгресса. Я не буду на них останавливаться. Я лишь на одном примере покажу вам, каково значение Гамбурга. Гамбург, подобно Гааге, принял резолюцию против опасности войны. Но, ведь, в Гаагской резолюции говорилось даже и о том, что на войну надо ответить общей стачкой. После Гамбургского конгресса состоялась конференция английской Рабочей Партии. О ней я уже говорил. Каковы принятые ею решения? Рабочая Партия отказалась объявить себя республиканской партией. Что еще? Она отказалась принять на себя обязательство голосовать против военного бюджета. Господин Гендерсон заявил: мы стремимся овладеть правительственной властью, а это невозможно, поскольку мы заявим, что отказываемся от обороны страны. Не знаю, удастся ли ему обмануть и сбить с толку английских рабочих, делая вид, будто он не понимает, что одно дело защищать Англию, имея в руках власть и беря на себя ответственность за действия Англии, другое дело санкционировать вооружения английского капиталистического правительства, готового повернуть оружие против Советской России, против индусского и египетского народов, против английских пролетариев. Он отказался голосовать против расширения английского воздушного флота, а флот этот когда либо будет служить в первую голову для расстрела крестьян Индии и Месопотамии, не желающих уплачивать требуемых с них налогов. Гендерсон—сторонник независимости народов. Он защитник Грузии. И в то же время, будучи членом Исполкома II Интернационала, он санкционирует и намерен и дальше санкционировать кредиты на воздушный флот, сейчас бомбардирующий индусских и месопотамских крестьян и готовый бомбардировать завтра французских рабочих и Советскую Россию. Это сопоставление Гамбургских фраз с одной стороны и дел английской Рабочей Партии с другой,— а Рабочая Партия не рядовая партия II Интернационала, она его руководящая партия—показывает, что представляющие

часть рабочего класса вожди II Интернационала на самом деле — агенты буржуазии. Пусть себе эти господа сколько угодно вопят, что это только брань, все уже это факт, — они несомненно помогают буржуазии надуть рабочих.

Теперь я подхожу к вопросу: как возможна пред лицом таких фактов тактика единого фронта, каковы итоги этой тактики и что делать дальше?

д) Проблема единого фронта.

Со времени конференции трех Исполкомов в Берлине и до Гамбургской конференции положение дела с точки зрения тактики единого фронта резко изменилось. Вспомните только: в Берлине по приглашению Венского Интернационала была созвана конференция трех Исполкомов. В ту пору существовал Венский Интернационал, заявлявший: „Я не солидарен ни с коммунистами, ни со II Интернационалом. Я посредник между теми и другими. Историческая задача моя в объединении их действий". Мы съехались, разговаривали, и дело расстроилось по той простой причине, что оба Исполкома — II и II½ Интернационала — заявили: если вы искренно хотите совместного с нами выступления против опасности войны, фашизма и в пользу 8-часового рабочего дня, вы должны ни больше, ни меньше, как реставрировать капитализм в России. Таков единственный смысл предъявленного нам этими людьми требования — предоставления свободы меньшевикам и эсерам, которые в свою очередь требуют от нас отказа от новой экономической политики — этого требует Мартов — и возврата к старой политике буржуазии. Они требовали от нас открытия дверей для нападения мирового капитала (таков смысл требования о восстановлении Грузии). Конференция потерпела крушение благодаря тому, что, в качестве непременного условия совместной борьбы с нами против наступления капитала в Европе, они требовали предоставления русскому капитализму возможности воскреснуть. Они выступали в защиту программы, выдвинутой Ллойд-Джорджем в Генуе. Но все же они с нами разговаривали и заявляли о своем намерении совместно действовать. А что показала Гаага? В Гаагу были приглашены буржуазные пацифисты. Предложение пригласить Коммунистический Интернационал было отвергнуто. Но

были приглашены русские профсоюзы и—в качестве известного профработника—поехал в Гаагу я.

Чем объясняется подобного рода поворот тактики II и II$^1/_2$ Интернационалов? Что у умного на уме, то у дурака на языке. Эту роль взял на себя господии Грумбах, а вторил ему господин Флиген, которого я раньше считал умнее. Вот намеченный ими план. Они говорили: главная опора мирового коммунизма—русская компартия. Если нам удастся пообтесать ее резерв и основной оплот—русские профсоюзы, превратив их в „благопристойных людей", разговаривающих с нами столь же мирно и благопристойно, как вынужден разговаривать Радек, и если они, действительно, станут так себя вести, то это все будет свидетельствовать об одном: русские ищут смычки с европейским рабочим движением, подобно тому, как они ищут смычки с европейским капитализмом. Если при этом они ищут путей постепенного перехода, соглашаясь вначале координировать с нами свои действия и приостановить борьбу против нас, то это уже начало сдвига в международном масштабе. В таком случае они и в Европе будут соответствующим образом воздействовать на компартии и постепенно вернут их в лоно II Интернационала. Господин Грумбах сказал: „Некоторое время вам придется посидеть в карантине. Мы посмотрим, серьезно ли ваше намерение заключить с нами мир". В присланном мною в ту пору Исполкому Коминтерна первом отчете говорилось: эти люди нас не поняли, мы должны им в этом помочь. Еще энергичней будем бороться за единый фронт, но дадим понять, что охоты объединяться с ними у нас нет. Так мы и сделали. Когда же наша делегация потребовала в Гамбурге заключения соглашения на предмет совместного выступления против войны, господин Фриц Адлер, у которого за душой не осталось ничего, кроме расстрелянного револьверного патрона, заявил: „Мы не можем сидеть за одним столом с людьми, стоящими на точке зрения диктатуры в рабочем движении". А ведь в мае 1922 года мы были настроены отнюдь не менее „диктаторски", чем в 1923 году. Но в ту пору господин Адлер считал возможным усесться с нами за один стол. Больше того. Он считал своей исторической задачей играть роль стула для нас и для II Интернационала или моста между нами и им. В 1923 г. господин

Адлер нашел принципиальные обоснования своего отказа от переговоров с нами; это весьма печально, печально не для нас, но как иллюстрация, наглядно показывающая, что политическому падению сопутствует падение моральное. Ибо, если Фриц Адлер, с которым мы боролись, но которого все же считали честным человеком, способен измышлять подобные аргументы, значит он прекрасно сознает, что обманывает рабочих. Ложью больше, ложью меньше, не все ли равно. Оставим выпотрошенного Адлера [1]) украшать своим чучелом Лондонский Исполком и спросим себя о причинах, столь изменивших положение.

Товарищи! Разница между отношением II Интернационала к нам в Берлине и Гамбурге аналогична разнице между политикой Керзона и Ллойд-Джорджа в отношении Советской России. Нас гладили по головке, чтоб принудить Советскую Россию к медленной замаскированной капитуляции, когда же эта политика потерпела крушение, английская буржуазия это поняла, она предъявила ультиматум и стала проводить политику Керзона. II$^1/_2$ Интернационал полагал, что мы охотно дадим себя обмануть и, пойдя на совместные выступления, понемногу дойдем до объединения с ним, объединения на почве социал-демократической программы, в ее плоти и крови. Он и думать не хотел, чтобы Коминтерн, соглашаясь на совместные действия, не только ограждал независимость своего существования, но и посягал на II и II$^1/_2$ Интернационалы. Если же дело обстоит так, то и разговаривать мол нечего. Итак, подводя итог тактике единого фронта в применении к вождям и представителям II и II$^1/_2$ Интернационалов, мы должны констатировать, что баланс получился отрицательный. Но в исторической перспективе этот отрицательный баланс является положительным: чем безнадежнее тактика единого фронта — в смысле непосредственных выступлений совместно с вождями II Интернационала—тем более чревата она результатами. Без всяких специальных разоблачительных маневров с нашей стороны рабочие на языке фактов убедятся, что II Интернационал не имеет намерения бороться—ни сообща, ни

---

[1]) Адлер—по немецки—орел. Прим. перев.

в одиночку. А это приведет к полному разложению в рядах II Интернационала.

Я подхожу теперь к успехам, которых мы достигли в борьбе за единый фронт. Мы имеем Берлинскую конференцию транспортных рабочих, знаменующую идейный раскол в лагере амстердамцев. В то время, как в Гамбурге II Интернационал отгораживает себя целым лесом щитов—не от фашистов, а от делегаций Коминтерна и от Гамбургской организации компартии, более слабой, чем организация социал-демократическая,—в то самое время секретарь Амстердамского Профинтерна Эддо Фиммен, секретарь английского союза транспортных рабочих Роберт Вильямс беседуют с представителями русских профсоюзов по вопросу о создании общего фронта борьбы против фашизма и войны.

Товарищи, многие спрашивают: не собирается ли Эддо Фиммен нас обмануть, что представляет собой Эддо Фиммен? Я имел в Гааге крупное столкновение с Эддо Фимменом и весьма сожалею, что не присутствовал при произнесении Фимменом речи, с которой я теперь ознакомился по брошюре. Сделай я это раньше, я бы еще в Гааге знал, что такое Фиммен. Вне всякого сомнения, это человек, честно стоящий на точке зрения классовой борьбы. Эддо Фиммен примыкал к левому крылу старой социал-демократической партии Голландии. Он не сделался коммунистом, придавая меньше значения пропагандированию самых радикальных форм классовой борьбы, чем пребыванию в рядах рабочего класса. Он надеялся, что голландская социал-демократическая партия и впредь будет партией классовой борьбы. Перед социал-демократической партией Голландии не возникало дилеммы: за или против войны. И Эддо Фиммен не мог уяснить себе того, что в этом лагере за рабочий класс бороться нельзя. Затем подоспела германская революция, ликвидация войны и массовый прилив членов в профсоюзы. Очутившись во главе Амстердамского Профинтерна, часть честных классовых борцов питала надежду, что широкие массы Амстердамского Профинтерна в процессе войны чему нибудь да научились. Читая историю Амстердамского Профинтерна, видишь, что Эддо Фиммен был инициатором борьбы против белогвардейской Венгрии и за

поддержку Советской России. Он один из первых стал работать в области оказания помощи голодающим Советской России. Из речи Фиммена в Гааге видно, что он еще не разделался с иллюзиями, что он и по сей день верит в Амстердам, но что он полон воли к борьбе. Только поздней, в Гааге понял Эддо Фиммен истинную сущность Амстердама. Он увидал, как соботируют каждую попытку борьбы. В период Рурского конфликта Фиммен убедился, что, в сущности говоря, ни II, ни Амстердамского Интернационала не существует, что они не намерены пошевельнуть ни единым пальцем и служат агентами своих правительств. В ответ на выдвинутое амстердамцами обвинение Фиммена в предательстве, мы говорим: беда Эддо Фиммена в том, что он принимал всерьез фразы амстердамцев. Эддо Фиммен борется не за коммунизм, но за принципы, отстаивать которые амстердамцы обязались и которым они изменили,—за принципы классовой борьбы. Мы еще не можем предвидеть дальнейшей эволюции Эддо Фиммена. Еще неизвестно, какую борьбу придется нам с ним выдержать, но поступок Фиммена—честный революционный поступок, и значение его усугубляется тем, что он свидетельствует о каком-то сдвиге в массах амстердамцев. Если бы тяготение Фиммена,—не к коммунизму, а к выполнению данных амстердамцами же обещаний—носило личный характер, амстердамцы уже давно бы ему сломали шею. Они этого не делают, не дерзают делать.

Это доказывает, что в рабочих массах Амстердамского Интернационала нарастает воля к борьбе, и что лжевожди амстердамцев не дерзают нанести удар левым. Энтузиазм, с которым приветствовали Фиммена на съезде железнодорожников в Чехо-Словакии — в Аусиге — то, что социал-демократические газеты не рискнули напечатать его речь, и она появилась лишь на страницах коммунистической печати — тот факт, что даже такой колеблющийся человек, как Вильямс, вынужден итти вместе с Фимменом, все это доказывает, что движение это принимает широкий массовый характер, и что оно проникло в глубь II и Амстердамского Интернационала. Чем упорнее будут господа из II Интернационала уклоняться от общих выступлений с нами, тем сильнее будет развал в рядах II Интернационала и откол его.

Товарищи, у нас есть еще один опыт из области применения тактики единого фронта. Опыт этот проделан в Германии, с германской социал-демократией, резко сопротивляющейся тактике единого фронта. В общеимперском масштабе она отвергает возможность совместных выступлений с нами. Но в промышленных центрах, где сильно давление со стороны рабочего класса, социал-демократическим вождям приходится мириться с тактикой единого фронта. В промышленном центре — Саксонии социал-демократические рабочие заставили вождей пойти на сотрудничество с нами. Поддерживая социал-демократическое правительство Цейгнера, порвавшее союз с буржуазией, мы этим самым показали, что неправы социал-демократы, говорящие, будто мы прибегаем к тактике единого фронта исключительно в целях их разоблачения. К сожалению, разоблачают себя они сами. Наша ближайшая цель — общее выступление пролетариата, и мы уже доказали свою искреннюю готовность на уступки с целью оказания поддержки малейшему наступательному движению социал-демократов. Но, товарищи, саксонский опыт наглядно обнаружил и опасности, которые таит в себе эта тактика, и на которые мы указывали уже раньше. Социал-демократов надо поддерживать в их наступательном движении; но следует, однако, безоговорочно занимать враждебную им позицию во всех случаях их пассивного или враждебного пролетариату поведения.

Эта опасность не была учтена своевременнно нашей германской партией. Вам уже известны события в Дрездене, Бауцене, Лейпциге, где Цейгнеровская полиция, во главе с фашистами и правыми социал-демократами — полицейскими приставами Флейшером и Менке, стреляла в рабочих. Не подлежит никакому сомнению, что Цейгнер этого не хотел, но у него не хватило мужества своевременно отшвырнуть фашистских офицеров, произвести чистку полиции и удалить из нее правосоциалистических саботажников и провокаторов. Долгом нашей партии было сказать правительству Цейгнера: или — или; или мы поддерживаем тебя, усматривая в тебе наличие хоть и слабого намерения дать отпор фашизму, или мы отказываемся иметь с тобой дело, если

ты допускаешь, чтобы фашисты стреляли в рабочих, а право-социал-демократические саботажники и провокаторы произносили при этом свой аминь. С 30 мая партией ничего не было предпринято. Это крупная ошибка. Партия не уяснила себе границ тактики единого фронта. Границы эти таковы: мы можем поддерживать колеблющихся, толкая их в борьбу, но сами никогда не должны колебаться. В этом хаосе скрещивающихся тенденций рабочий класс всегда должен видеть в лице Компартии силу, которая не дрогнет и не поколеблется.

Компартия не только не должна брать на себя ответственности за расстрелы безработных, требующих куска хлеба у буржуазного общества,— такого рода ответственности не несет она и в Саксонии,— но она ни единого дня не должна поддерживать правительство, именующее себя рабочим и в то же время берущее на свою совесть трупы рабочих, не тронув и волоска на голове буржуазии. Идя на союз, надлежит помнить: если Талейран прав, говоря, что союз всегда сводится к тому, что один сидит в седле, а другой на себе везет, то мы предпочитаем быть в седле, а отнюдь не везти. Мы вовсе не намерены служить фиговым листком буржуазному правительству.

Товарищи! Опыт проведения в жизнь тактики единого фронта ее не только не опроверг, но десятки раз убеждал нас в правильности проводимой нами тактики, благодаря которой нам, если и не удастся увлечь крупные социал-демократические партии на совместные с нами действия, то во всяком случае удастся мобилизовать широкие массы социал-демократических рабочих для дружной борьбы за ближайшие требования. Мы исправим кое-какие совершенные нами при проведении этой тактики промахи, но будем стойко ее держаться.

Подхожу к последней части моего доклада, к новым задачам, объективно выдвигаемым мировым положением, сформулированным расширенным пленумом. Подтвердив правильность тактики единого фронта, мы пошли еще дальше. Тактика единого фронта равносильна соби-

ранию пролетариата, как класса, равносильна мобилизации пролетарских масс.

Работая над выполнением этой первой задачи, мы в то же время должны ставить себе еще и вторую. Резолюция о рабоче-крестьянском правительстве и фашизме есть дальнейший шаг вперед. Она выдвигает перед Коминтерном проблему союзов, формально или фактически необходимых рабочему классу для одержания победы.

е) Вопрос о политическом союзе.

Слово союз обычно связывают со словом компромисс; это, разумеется, пугает наших товарищей, еще не совсем освободившихся от пут старой социал-демократической фразеологии. Не теряя попусту слов, я предлагаю вам прочесть главу о компромиссах в брошюре Ленина „Детская болезнь левизны". Чем отличаемся мы от социал-демократов в вопросе политического союза? Тем же, чем отличались русские большевики от русских меньшевиков. Большевики никогда не мечтали о завоевании рабочим классом власти путем изолированной борьбы. Такая борьба исключала бы возможность победы рабочего класса в странах, где он в меньшинстве. Победа рабочего класса возможна лишь при отсутствии объединенного фронта буржуазии. Революция начинается вовсе не обязательно в тот момент, когда рабочей массе не остается ничего иного, как поднять знамя революции. Воля рабочего класса к завоеванию власти еще не устраняет возможности быть разбитым. Идейного сплочения сил нигде достигнуть не удалось, аппарат же буржуазии чрезвычайно силен. Если буржуазия обладает силой и сплоченностью, то в руках ее не только средства военного принуждения, но и школа, печать, аппарат всех ее партий, обрабатывающих значительную часть рабочего класса. Революционные же рабочие составляют незначительное меньшинство. Необходимой предпосылкой революции является не только воля рабочего класса, но и развал, раскол в рядах буржуазии. Больше того: воля рабочего класса к революции растет по мере того, как он видит раскол и слабость в рядах противника. Коммунисты не должны надеяться на изолированную победу рабочего класса. Она исторически не-

мыслима. Они должны понять, что для победы рабочему классу нужны союзники. Весь вопрос в том, где их искать. Русские меньшевики отличались от большевиков тем, что они говорили: союз рабочего класса с либеральной буржуазией есть путь для победы над царизмом.

Европейские же меньшевики — социал-демократы — говорят, что союз рабочего класса с либеральной „демократической" буржуазией есть даже путь к социализму. Он якобы служит гарантией прочности демократического строя, на основе которого мало-по малу можно проводить социализм. Анализируя разногласия в лагере германских социал-демократов в довоенный период — там надо искать корней не только борьбы большевиков с меньшевиками, но и идейных корней современного коммунизма,— припоминая борьбу левых радикалов с Каутским, начинаешь понимать, что основная идея Каутского, это спасение от империализма в союзе с либералами. Что же показывает нам опыт? Всюду, где только социал-демократы вступали в союз с либеральной буржуазией, дело кончалось их поражением и по миновании опасности буржуазия их выбрасывала из правительства. В России меньшевики потерпели поражение, благодаря своему союзу с кадетами. Они были разбиты в октябре. В Германии их коалиция с либеральной буржуазией помогла ликвидации ноябрьской революции. То же самое и в Австрии.

Современные сторонники союза с буржуазией горько жалуются на невозможность хотя бы коалиции с ней. В тот самый день, когда Турати предложил либеральной итальянской буржуазии заключить с ним союз, либералы оказались вытесненными из правительства, и в нем водворился Муссолини. Когда же Бальдези вознамерился было войти в правительство, Муссолини ему сказал: покорнейше благодарю. Вот почему эти люди не дерзнули внести в Гамбургскую программу идеи коалиции с либеральной буржуазией — эту альфу и омегу их позиции. Это побитые псы, вознамерившиеся было объединиться с колбасой и вместо того получившие палку.

Может ли рабочий класс найти себе других союзников? Да, может. Во всех странах, где имеется городская и сельская мелкая буржуазия и бедное крестьянство, нынешнее положение вызывает расслоение этой крестьянской

массы. В первое время по окончании войны крестьяне разбогатели, благодаря растущей дороговизне сельско-хозяйственных продуктов, в результате же накопленные ими богатства разлетелись в прах, подобно керенкам, собранным русскими крестьянами. Лежавшие в сундуках деньги в один прекрасный день оказались пригодны лишь для оклейки ими стен, вместо обоев. Положение беднейшего крестьянства всюду в Европе ухудшается. Ухудшается оно и в Америке. По мере экономического развала все более и более резко ухудшается его положение. Возьмем хотя бы Францию: положение, в котором очутилась там буржуазия, заставляет ее во имя своего спасения нагромождать все большие и большие налоги на крестьянство. Так обстоит дело во всех странах. Всюду крестьянство является тем крупным слоем, с которым мы можем связаться и который мы можем, по меньшей мере, нейтрализовать.

Для этой цели необходимо, как уже указал тов. Зиновьев на расширенном пленуме Коминтерна, преодолеть пережитки социал-демократической идеологии в области крестьянского вопроса. В Германии в период войны существовало натуральное обложение крестьянства. Крестьянин должен был поставлять государству, по ценам ниже рыночных, некоторое количество хлеба, зерна. Это, казалось бы, соответствовало интересам рабочего класса. В прошлом году разгорелась крупная борьба вокруг цен на хлеб и размеров натурального обложения. Социал-демократы вопили, что крестьяне слишком требовательны, а коммунистическая печать старалась перещеголять социал-демократов и требовала повышения натурального обложения и понижения твердых цен. Трудно представить себе что-либо более нелепое. Кто враг германского рабочего класса? Крестьянин? Германский рабочий класс не сумеет удержаться у власти после победы, если не сможет сговориться с бедным и средним крестьянством. Исторический враг не крестьянин, ликвидировать нам предстоит не господство крестьян, а господство королей железа и угля. В чем же состояла наша задача? Нужно было добиваться обложения крупной буржуазии, дающей государству возможность поставлять рабочим по дешевым ценам хлеб. Это возможно и в форме натурального обложения. Крестьянин поставляет государству по де-

шевым ценам причитающийся с него хлеб. Государство же обязано, в качестве компенсации, поставлять крестьянству по столь же дешевым ценам взимаемые в качестве обложения со Стиннеса, Клекнера и прочих промышленные товары. Вместо этого, мы стали заострять свою борьбу не против Стиннеса, а против крестьянства. Это свидетельствует о том, что мы еще не сбросили с себя социал-демократической скорлупы. Лозунг рабоче-крестьянского правительства, разумеется, потребует от партии тщательной работы в смысле ориентировки. Довольно уже смотреть на все городскими глазами, пора усвоить психологию русских коммунистов. Они не перестают быть борцами пролетариата, но, когда ночью в деревне дождь с градом, они утром выходят на поле смотреть, не уничтожил ли он хлеба. Они чувствуют себя ответственными за судьбы народа. Когда мы жили в Швейцарии, нам было безразлично, едим ли мы хлеб аргентинский, американский или русский. Но теперь мы знаем, что от урожая крестьянского хлеба зависят судьбы народа, русского пролетариата. Завоевав власть, рабочий, разумеется, должен остаться пролетарием — революционером, но классовый интерес подсказывает ему необходимость понять потребности класса, без которого ему не удержать в своих руках власти. Ни в одной из книг, посвященных вопросу социальной революции и писанных до русской революции, авторы не задаются вопросом: что мы станем есть после социальной революции? Ни в единой. В ту пору мы были еще очень далеки от революции, нас отделяли от нее горы и реки, теперь же этот вопрос просится на уста не только каждого теоретика, но и каждого рабочего. Поговорите-ка с английским революционным рабочим, и он вам скажет: в Англии есть на семь недель хлеба, откуда добыть его в случае революции? Тот же вопрос задаст вам и германский и итальянский рабочий. Рабочий класс должен в первую голову разрешить эту проблему теоретически: он должен создать аппарат связи с крестьянством.

Какое значение приобретает в этой связи лозунг рабоче-крестьянского правительства? Разумеется, если он принимается партиями лишь формально, чтобы поднимать за него руку на конгрессах, ничего не предпринимая практически, то это — мертвый лозунг. А между тем этот лозунг дает воз-

можность подойти к крестьянству и с ним заговорить, он дает формулу будущего и вынуждает нас заняться вопросом о взаимоотношении с крестьянством.

Но крестьянство это не единственный слой, который предстоит завоевать — если, может быть, и не на сторону коммунизма, то на сторону признания рабоче-крестьянского правительства единственно способным вывести мир из создавшегося положения. Если вы меня спросите, каково главное отличие русской революции от революций западноевропейских, я вам укажу на два основных различия. Первым характерным признаком запада является наличие крупных, сплоченных массовых организаций пролетариата, не примыкающих к коммунизму. Тактика единого фронта, едва только намечавшаяся в процессе русской революции, имеет целью привлечение этих масс на свою сторону для совместной с ними борьбы. Тактика единого фронта свидетельствует о готовности компартии войти в коалицию с некоммунистическими рабочими партиями в целях завоевания власти. Второй характерный признак: роль интеллигенции — технического персонала — в грядущей западно-европейской революции. Проблема эта не нова. Каждому, задумывавшемуся над вопросом об европейской революции,— не с точки зрения ее сходства с русской революцией,— над этим приходилось задумываться в 1918 году, но этим не исчерпывается вопрос в 1919 — но размышлявшему над вопросом об отличии европейской революции от русской, ясно было одно: благодаря наличию более многочисленного, более тесно сплоченного пролетариата и сравнительно более узкого аграрного базиса, гражданская война в Западной Европе будет иметь в тысячу раз более опустошительные последствия, чем в России. В России можно было смести пару городов, но нельзя было расстрелять всей России. Если же окажется занятой Рурская область, то не будет ни нефти, ни топлива для германских железных дорог, или если в процессе революции будет разрушена германская промышленность, то пролетариат не сможет искать спасения в деревне, а затем медленно строить заново промышленность, как это делаем мы. Так обстоит дело во всех промышленных странах. В 1921 году в одной из своих речей Ллойд-Джордж сказал, что если покатится по наклонной плоскости Англия, ей это грозит в

тысячу раз большей опасностью, чем России. Он прав. Но разве это, действительно, как говорят социал-демократы, аргумент против революции? Разве отсюда следует, что из боязни более гибельных последствий разрушения, мы должны пытаться строить социализм вместе со Стиннесом? Конечно, будь у нас возможность купить Стиннеса, постепенно откупиться от буржуазии и таким образом избежать гражданской войны, каждый из нас охотно пошел бы на это. Экспроприация без вознаграждения—не принцип, но горькая необходимость. Возникает вопрос: есть, ли средство ослабить неизбежный в процессе гражданской войны развал промышленности? Конечно, есть; и притом в самой промышленности. Надо только уметь использовать многочисленный технический персонал. Почему же не удалось использовать его в первые годы русской революции? По весьма простой причине: при царизме значение русской интеллигенции было равно нулю. При Керенском она стала у власти. Останься Россия в колее буржуазного государства, господствующее положение в ней принадлежало бы, разумеется, буржуазии, и государственный аппарат остался бы в руках буржуазной интеллигенции. Вот почему она саботировала пролетарскую революцию. Вторым основанием для саботажа был порожденный революцией Брестский мир. Пришлось пройти через полосу величайшего национального унижения, оттолкнувшего от нас интеллигенцию.

Каково положение в Западной Европе? Буржуазный строй пролетаризирует во всех странах интеллигенцию. Война создала тип не только нового богача, но и нового бедняка, деклассированного интеллигента. Интеллигент видит, как растут капиталистические мамонты. Судьбами Германии управляет Стиннес. Отвратительная картина—видеть как за спиной германского народа пара людей распоряжаются судьбами Германии. Крупнейшие предприятия, объединяющие тысячи рабочих и сотни техников, служат лишь объектом спекуляции. Положение интеллигенции хуже положения пролетариата. Русская интеллигенция считала русскую революцию бунтом черни, нашедшим свое выражение в бегстве с фронта солдата и крестьянина; западно-европейская же интеллигенция воочию наблюдает крушение капиталистической системы. В Германии трудно найти

книгу популярнее „Заката Европы" Шпенглера. О чем это свидетельствует? О том, что ясно всем: буржуазия катится по наклонной плоскости. Этот распад создает почву, на которой можно завоевать слои интеллигенции и повести их с нами в борьбу. В Америке и в Англии обстановка, в которой очутилась эта интеллигенция, толкает ее на путь связи с либеральной идеологией. В странах побежденных она толкает интеллигенцию на путь связи с фашизмом, национализмом.

ж) Отношение к фашизму.

В первой части своего доклада я нарисовал вам картину нашего отношения к фашизму, картину прилива и отлива мировой революции и контр-революции в Европе. Сделал я это не только для того, чтобы доказать нелепость утверждения Отто Бауэра, сравнивающего наши времена с временами после Венского конгресса, но и чтобы помочь вам разобраться в различного рода оттенках, существующих в лагере контр-революции. Это поможет нам легче понять отношение к фашизму. Я уже упоминал о брошюре тов. Джулио Аквилла и указывал, что она содержит в себе великолепную картину фашизма, но неправильные тактические выводы. В этой брошюре говорится: фашизм это историческая форма, в которую вылилось стремление крупного капитала упрочить свое господство на спине рабочего класса и таким образом восстановить капитализм. Товарищи, так ли это, или вернее, исчерпывается ли все этим утверждением? Если бы это было так, то спрашивается, какова же разница между Хорти, Муссолини, Керзоном и Цанковым? Каким образом попала власть в руки Хорти? После венгерской советской революции он водворился на штыках буржуазии. Он одержал победу не при помощи враждебного советской власти крестьянского движения, не при помощи мелкой буржуазии, но при помощи румынских бояр, подобно тому как в Финляндии белогвардейская диктатура победила при помощи германского милитаризма. Что принес с собой Хорти? Старый режим Венгрии. Что делает Хорти? Он вынужден служить богам, которые царят и властвуют при капиталистическом строе—банковому и финансовому капиталу. Хорти позволяет громить на улицах евреев, и все же он служит еврейским

банкирам. Что нас ждет в случае упрочения режима Хорти? Разумеется, власть финансового и промышленного капитала.

А кому Керзон служит? Опять-таки классам, занимающим в Англии экономически господствующее положение. Он служит промышленному и финансовому капиталу.

Кому служит Муссолини? Ведь, железные дороги и телефоны скупает не Серрати, а тот, кто купить их может: банковые и промышленные концерны. Муссолини покровительствует Коммерческому Банку, этому выразителю интересов тяжелой индустрии.

Каково будет поведение Цанкова? Ему придется прибегнуть к европейскому кредиту и пойти на уступки европейскому капиталу.

С точки зрения конечной цели контр-революции нет разницы между Керзоном, Муссолини, Цанковым, Хорти и убитым французами Шлагеттером. Все, кто не стоит на почве пролетарской революции, кто не стремится водворить господство пролетариата, независимо от чего они исходят, кончают восстановлением капитализма. Сказать, что фашизм—форма восстановления старого капитализма, все равно, что назвать Керзона, Муссолини, Хорти и Цанкова — фашистами. Ночью все кошки серы. Важно не только проанализировать конечную цель движения, но и определить, на какие слои оно опирается, потому что надо строить тактику в зависимости от результатов подобного анализа. На тех, кто служит опорой Керзону, мы повлиять не можем. Нам не перетянуть на свою сторону Сити. Что же касается крестьян и рабочих, на которых опирался Муссолини, то их завоевать на свою сторону мы, несомненно, можем. Нелепо и бессодержательно именовать всякую контр-революцию фашизмом.

О чем же свидетельствует победа английских консерваторов? О прочности капиталистического строя в Англии, где промышленная буржуазия и банковый капитал еще могут одерживать победы при помощи легальных средств. Если вы спросите меня, какова разница между Хорти и Муссолини, то я скажу, что Хорти победил при помощи румынского штыка, имея

слабую опору в мелкобуржуазной массе. Муссолини же победил во главе крупного движения мелкой буржуазии, а Цанков одержал верх при помощи государственного переворота, не имея за собой большинства страны.

Где надо искать корней фашизма? Я уже касался этого в своей речи на IV Конгрессе и в докладе о наступлении капитала. Напомню лишь вкратце основные, высказанные мною тогда мысли.

Италия вышла из войны хотя и не побежденной, но с разрушенным хозяйством. Социалистически настроенный пролетариат не обладал достаточной силой для того, чтобы в союзе с крестьянством и мелкой городской буржуазией одержать победу и установить новый экономический строй. Мелкобуржуазные массы, вливавшиеся в движение в поисках новизны, разочаровавшись в социал-демократах, стали орудием крупного капитала, стремящегося подавить рабочий класс. Мелкобуржуазная масса надеялась установить новую власть, способную создать новую Италию.

Какой линии надо держаться в Италии? Джулио Аквилла говорит в своей брошюре о „едином фронте пролетариата". К этому сводится весь его рецепт. Объединение рабочего класса вокруг единого выступления необходимо. Но разве можно разбить Муссолини в изолированной борьбе? Ведь, Муссолини опирается на широкие слои крестьянства и мелкой городской буржуазии. Можем ли мы сделать их своими союзниками? Несомненно, что режим Муссолини будет способствовать росту их бедствий: для противодействия широкому мелкобуржузному фашистскому движению прежде всего необходим единый фронт пролетариата, а затем и союз с мелкой буржуазией для совместной борьбы против фашизма.

Перехожу к вопросу о германском фашизме. Победа революции или контр-революции в Германии определит на пару лет судьбы всей центральной Европы. Многих товарищей, вероятно, удивила моя статья о Шлагеттере. Вряд ли кто-либо упрекнет меня в сентиментальности. Конечно, люди, умирающие во имя фашизма, мне несравненно симпатичнее тех, которые воюют за неприкосновенность своего чиновничьего поста.—Но... в вопросах политики чувство не

играет никакой роли. Целью моей статьи, своеобразная форма которой приковала к себе внимание как друзей, так и врагов, было возбудить вопрос об отношении германского рабочего класса к националистически настроенной, мелкобуржуазной массе. Эта цель мною отчасти достигнута. Чрезвычайно интересно подвести итог. Как реагировала на эту речь „Крейццейтунг“ и „Ди Цейт“, орган аграриев и промышленников, стоящих за спиной националистических, „народных организаций? Они предостерегали народную массу от расставленных нами ловушек. Аграрии и представители тяжелой промышленности тратят деньги на создание тайных союзов, могущих служить орудием в борьбе за интересы крупного капитала. Господа Стиннес и компания жаждут соглашения с французской тяжелой индустрией. Эта же последняя, в своей борьбе за львиную долю в картели, опирается на французскую армию. И вот германская тяжелая индустрия старается противопоставить вооруженной силе конкурентов хотя бы тайные общества, взрывающие мосты и деморализующие оккупационные войска путем нападений на вражеские посты. Дело доходит до крупных столкновений, льется германская кровь,—конечно, господа представители тяжелой промышленности об этом сожалеют—они не изверги, им тоже присущи человеческие чувства,—однако, с точки зрения грядущей доли прибыли во франко-германском железо-угольном тресте это вовсе не плохо: Пуанкаре окажется изолированным в мировом масштабе, утеряет симпатии и вынужден будет стать уступчивее при переговорах. А когда за кулисами все будет готово, так что дипломатические марионетки смогут начать свою пляску, будет спровоцировано восстаньице коммунистов, на которых натравят „народников“, и, по просьбе какого-нибудь Люттербека, генерал Дегут восстановит спокойствие под треск пулеметов и при глубоком молчании „национальной печати“, 90% которой, согласно свидетельству Георга Бернгардта, находится в полной зависимости от господ Стиннеса и Гугенберга. Если при этом французские пулеметы отправят на тот свет не только нас, рабочих-коммунистов, но и „горячие националистические головы“, это тоже будет хорошо: национальным героям место в былинах, а в дела им нечего совать свой нос. Удивительно ли, что при наличии таких планов хлебные, угольные и

железные спекулянты предостерегают „народников“ от наших „ловушек“, открывающих мелкобуржуазной массе глаза на совершаемый обман. Каков поп, таков и приход: удивительно ли, что Вулле и Гаумиг подняли вопль на страницах „Германской Народной Газеты“: жид, жид, жид! Это свидетельствует лишь о том, что они сознательно подхалимствуют Вангенгеймам, Вестарпам и Стиннесам, сколько бы они от них ни отмежевывались публично. Но то, как отозвались на мою речь „Гевиссен“ и многие другие органы германских националистов, показывает, что в руководящих органах германского фашизма имеются элементы, ищущие истинного пути. Мое выступление, конечно, не могло докатиться до националистической массы, оно оказало действие лишь на верхушки, теперь задача К.П.Г. найти доступ к этой массе. Она справится с задачей, если при всяком адресуемом фашистам слове и при каждом предпринимаемом по их адресу шаге будет учтено то обстоятельство, что фашистская масса, за исключением нескольких десятков негодяев, не понимает, каким целям она служит, не понимает, что ведет борьбу за пару лишних процентов для Стиннеса. Она борется потому, что целыми неделями не видит мяса, потому что ходит в лохмотьях, потому что найти комнату—это целая трагедия, а купить рубашку—целое семейное событие, да еще потому, что интеллигент не имеет возможности купить себе книжки. Ремесленник или мелкий торговец видит, как уплывает все, что ему удается заработать, вспоминает о временах кайзера, когда можно было купить шесть кружек пива, и мечтает о возврате к былому величию Германской империи. Смешно думать, что не единым хлебом живут лишь рабочие, что лишь они грезят об идеале. Идеалом мелкого мещанства была великая и сильная империя, которая теперь лежит в осколках. В рамках этой империи интеллигент грезил об экспансии, открывающей для него всякого рода возможности, а мещанин хотя и ничего от нее не получал, но бежал вслед военному оркестру и восторгался величием империи. Теперь все это великолепие миновало. Осталась лишь материальная нужда, да моральные страдания.

Товарищи, фашистская опасность велика. Не будь фашизм расколот на столько частей, он уже одержал бы по-

беду в Германии. Его победе мешает его внутренний раскол; если же ему удастся добраться до власти, то германским фашистским массам предстоит пережить еще более горькие разочарования, чем те, что выпали на долю итальянских. Муссолини некуда спешить. Ничто его не заставляет сразу перевалить все бремя на мелкую буржуазию, но когда Стиннес при помощи фашизма заключит мир с Люшером на спине германского пролетариата, он взвалит на крестьянство десятикратное бремя налогов и во имя поднятия „доходности" железных дорог выбросит на улицу не только рабочих, но и тысячи техников. Фашистское правительство выкинет за борт все фразы о национальном благоденствии и будет искать мира с Версальскими поработителями. Товарищи, если при такого рода положении мы обращаемся к фашистским националистическим массам, то это не коварные козни и не хитроумная политика, в которой один стремится надуть другого. Игра здесь ведется в чистую. Здесь не место коварству. Дело в следующем: широкая масса германских националистов—это мелкобуржуазная масса, которую пролетаризирует крупный капитал. На ее бедствиях он строит свое благополучие. Эти массы идут на поводу у крупного капитала, в силу банкротства германского социализма, в силу того, что ноябрьские деятели в Германии оказались способны лишь лакейски подводить лошадь Стиннесу. Растоптавшая свое знамя и предавшая демократию старым кайзеровским генералам социал-демократия превратилась в пугало. Обнищавшая, совершенно выбитая из колеи мелкобуржуазная масса не встречает со стороны социал-демократии поддержки в борьбе с материальными, политическими и духовными бедствиями. Почему бы им стоять за демократию? В чем ее притягательная сила? Ради чего станут они за нее бороться? Ведь, социал-демократы представляют каждому свободу поклонения любым богам, они говорят—республика или монархия,—не в этом дело, пусть каждый сам решает этот вопрос. Их социальное законодательство дает возможность крупным промышленникам загребать миллиарды, тогда как в Германии впервые на протяжении всей ее истории—свирепствует скорбут, изо дня в день распространяется детский туберкулез, и инвалиды не могут добиться хотя бы куска хлеба. На кого же излучает

социальную теплоту такая республика? Германсакя республика существует лишь потому, что кайзер бежал, но на троне сидит господин Эберт, а на маленьких тронах, как их ни называй, сидят чиновники социал-демократы бок-о-бок с чиновниками—„демократами". Как же могут массы, сбившиеся с толку в своем миросозерцании и потрясенные до дна в своих душевных переживаниях, считать прибежищем в своих бедствиях эту буржуазную демократию, которая не может даже указать им пути спасения, не может даже указать германскому народу, как спастись, которая на своем знамени начертала всего лишь один лозунг: „Германский народ, кроме цепей, тебе приходится терять еще и прибыли Стиннеса да твоих верных чиновников".

Этой республике нехватает даже мужества, чтобы сказать: мы перестаем существовать, как нация, мы превращаемся в колонию европейского капитала; еще меньше у нее мужества, чтобы сказать: пусть сегодня мы покоримся, но мы будем готовиться к борьбе.

Как же относится к этим массам коммунистическая партия? Компартия, которая ведет борьбу во имя спасения рабочего класса от нужды социальных бедствий, должна вести борьбу и за облегчение участи мелкой буржуазии, и это не только потому, что ее надо привлечь на свою сторону, но и потому, что пролетаризированные мещане в противном случае превратятся в штрейкбрехеров, в группу германских пинкертонов, орудующих против рабочего класса.

Теперь о духовных страданиях массы, о нашем отношении к Версальскому договору. Мы, коммунисты, не можем обещать, что, очутившись у власти, тотчас же порвем Версальский договор. Но совершенно ясно, что германский пролетариат не сможет захватить власть, покуда масса германского народа не уверует в то, что он всеми силами будет бороться, чтобы сбросить иго чужеземного капитала. Когда мы заключали Брестский мир, интеллигенция вопила, но широкие крестьянские массы знали, что им нужен мир, и этот мир проложил путь новой России. Теперь, четыре года спустя по заключении Версальского мира, германские рабочие массы понимают, что он ведет к развалу. Если коммунистической партии удастся показать массам, что

она вождь в борьбе не только за кусок хлеба, но и за освобождение германского народа из под ига чуже-земного капитала; если германская компартия будет проводить эту тактику не в качестве маневра, но сообразуясь с интересами германского пролетариата, она не станет заключать союзов с бандами фашистских убийц, вопреки тому, что говорят о ней социал-демократы, но даст почувствовать широким массам мелкой буржуазии, что компартия несет освобождение всему германскому народу. Если социал-демократы по поводу моей речи станут вопить, что мы расставляем „ловушки" крестьянству, но в результате сами очутимся в положении обманутых, мы им ответим, что чья бы корова мычала, а ваша бы молчала, и что не им говорить нам подобные вещи, им, мальчишески оставшимся с носом в Каповском путче. Коминтерн знает, что нам придется вести вооруженную борьбу с громадной частью фашистов, и потому мы говорим: единый фронт пролетариата, пролетарские сотни, вооруженной рукой защищающие пролетариат от фашистов, а в случае необходимсти и нападающие на них и одновременно с этим расширение базиса нашей атитации.

Итальянская компартия потерпела поражение не только потому, что на стороне Муссолини была вооруженная сила, но и потому, что она не сумела связаться с мелким крестьянством и мелкой городской буржуазией. Она была еще слишком молода, еще только начинала группировать вокруг себя пролетариат. Наша партия в Болгарии оказалась разбитой на-голову не массовым фашистским движением, а при помощи военного заговора, состряпанного небольшой кликой, и объясняется это тем, что она не сумела связаться с крестьянством, потому что еще крепко сидела в социал-демократической скорлупе. Нам не хочется, чтобы ту же ошибку повторили германская и чехо-словацкая партия, от которых будет зависеть в ближайшие годы судьба коммунизма. И они этих промахов не совершат, если только не будут смотреть на фашизм, как на борьбу чисто военного характера, а будут понимать, что это не только дело рабочего класса, но и крупная политическая борьба про-

летариата, ищущего и находящего себе союзников в мелкой буржуазии. При этом партия должна иметь в себе мужество осознать, что представляет собой стремление к диктатуре и что требуется для ее осуществления.

Товарищи, что означает диктатура пролетариата? Нельзя понимать дело так, будто рабочий класс оседлает нацию и станет на ней ездить. Нет, он поведет громадное большинство нации навстречу лучшему будущему. О чем свидетельствует диктатура пролетариата? Она претендует сделать рабочий класс представителем нации. Мы были противниками самообороны Германии, когда она была империалистическим государством, воевавшим с другими странами из-за дележа добычи. В ту пору германские социал-демократы были „лжепатриотами". Теперь мы говорим германским пролетариям: ваш долг бороться не только за улучшение своего положения, но и служить факелом, освещающим народу путь к лучшему будущему. Вчерашние „патриоты" милостью кайзера, военные социалисты по этому поводу обвиняют нас в национализме.

з) Накануне новых схваток.

Итак, предоставим им честь быть стражами Версальского мира, а сами будем готовить народные массы к решительной борьбе против него. Товарищи, задачей расширенного пленума было бы не только подтвердить правильность тактики единого фронта, но и дать понять коммунистическим массам всех стран, что такое тактика искания союзников, и где таковых надо искать, для того чтобы вместе с ними предпринять ближайшее выступление. Наши амстердамцы, а также некоторая часть Коминтерна, полагают, что мы, произнося слово союзник, клянемся в верности на вечные времена. Если бы крестьяне и мелкие буржуа до конца шли бы с нами нога в ногу, то они были бы не союзниками, и мы бы приняли их в лоно Коминтерна. Под понятие союзника подходят те, кто объединяется на предмет выполнения определенных конкретных задач. На выборах 1907 года мы заключили союз с правыми эсерами. Теперь они сидят в Лубянской тюрьме. Мы взяли в свои руки власть совместно с левыми эсерами. В июле 1918 года мы их выбросили из состава правительства. Но в процессе видоизменения нашего отношения к партиям, слу-

жащим выразителями интересов мелкой буржуазии, мы старались укрепить свою связь с нею, постоянно стремились сохранить связь с крестьянством. А интеллигенция? В 1905 году в состав нашей партии входила масса интеллигентов, после 1905 года они из нее вышли. В октябре 1917 года они были нашими противниками и саботировали нашу власть. Теперь у нас имеются десятки тысяч интеллигентов некоммунистов, даже из среды старого царского офицерства, пользующихся нашим полным доверием. Мы воспитали их при помощи всякого рода средств, сначала ставя их к стенке, а затем облачая полным доверием. Взаимоотношения классов основаны не на любви, а на учете своих интересов. Имеются классы, от которых нас отделяет пропасть, и другие, среди которых в процессе ближайшей борьбы мы можем найти себе союзников. Насколько удастся нам связаться с ними на более продолжительное время, покажет история. Надо уяснить себе две необходимости: 1) укрепления, усиления строительства Коминтерна в целом и его секций и охвата широких политических горизонтов; 2) подыскивание себе союзников для предстоящей решительной борьбы; с ними нужно итти вместе и вместе бить нашего заклятого врага. Наш заклятый враг—крупно-капиталистические слои общества, стремящиеся в мировом масштабе восстановить капитализм, наиболее ярким выражением чего является Версальский мир. Обстановка нашей борьбы по сравнению с 1921 и 1922 гг. значительно улучшилась. За это время усилился, как в международном, так и в национальном масштабе развал среди наших врагов, рабочие массы чувствуют в себе прилив энергии, а мы, Коминтерн, успели накопить много опыта. Теперь предстоит готовиться к борьбе в новой обстановке, при помощи нового, более отточенного оружия и с новыми союзниками. Мы не зовем итти напролом, инициатива пока еще в руках врага, а мы только прощупываем его фронт. Но надо стоять на страже, используя каждый представляющийся случай, дабы от обороны, которую теперь можно организовать в тысячу раз лучше прежнего, перейти к наступлению, там, где этому благоприятствуют обстоятельства. (Рукоплескания).

II. Переворот в Болгарии и Коммунистическая Партия.

Доклад на заседании расширенного пленума И.К.К.И. 23. VI. 1923 г.

Мы намерены предложить вам текст воззвания к болгарским рабочим и крестьянам. В этом воззвании ясно очерчено наше отношение к государственному перевороту в Болгарии и намечена общая линия политики Болгарской Партии. Сначала мы предполагали предложить Конгрессу резолюцию, критически освещающую положение вещей и тактику нашей Партии в Болгарии. Мы держимся того взгляда, что государственный переворот в Болгарии знаменует решительное поражение нашей Партии. Хотелось бы надеяться, что поражение это не будет непоправимым. Но во всяком случае это—величайшее поражение, какое когда-либо приходилось на долю коммунистической партии, его нельзя сравнить даже с победой фашизма в Италии, по той простой причине, что Итальянская Коммунистическая Партия молода и слаба, в то время как Болгарская имеет за собой свыше $^1/_4$ всех избирателей и является крупнейшей и сильнейшей массовой партией Болгарии; таким образом, поражение это свидетельствует не только об усилении контр-революции, но и о крушении тактики Болгарской Компартии.

Мы отказались от мысли выносить здесь подобную резолюцию. Согласно последним, полученным из Болгарии сведениям, на коммунистическую партию обрушились крупные преследования.

1. Значение поражения в Болгарии.

Мы считаем необходимым высказать свой взгляд на создавшееся положение, по следующим соображениям:

1) Произведенный в Болгарии государственный переворот есть составная часть победоносного шествия мировой реакции. Крестьянское правительство в Болгарии было единственным чужеродным организмом в сфере господства буржуазии на Балканах, единственным правительством, которое буржуазный мир считал враждебным городской буржуазии, правительством крестьянства, несмотря на его старания выполнить заключенный в Нейи договор. Достаточно только послушать, как приветствуют падение Стамболийского фашистские органы, начиная с „Морнинг Пост" и кончая печатью Стиннеса, чтобы понять, что на Балканах произошел крупный сдвиг в сторону мировой реакции.

2) Сложившееся в результате государственного переворота якобы буржуазно-демократическое правительство находится в тесном контакте с русской контр-революцией. В этом перевороте, несомненно сыграло свою роль и врангелевское офицерство. Внимание, уделяемое болгарскому государственному перевороту русской контр-революционной печатью с „Рулем" во главе, свидетельствует о надеждах контр-революции на усиление своей позиции, благодаря перевороту.

3) С точки зрения мировой политики, этот государственный переворот является одним из эпизодов в борьбе двух состязающихся ныне за европейскую гегемонию держав,— Франции и Англии.

Падение Стамболийского, победа нового белогвардейского правительства равносильны приобретению английским правительством лишнего пункта опоры для враждебной Советской России политики окружения ее с Востока. Орудие Франции, Малая Антанта, поддерживая правительство Стамболийского, как проводившее политику выполнения заключенного в Нейи мирного договора. Если переворот в Болгарии и произошел без прямой материальной поддержки со стороны Англии и Италии (Италию беспокоят вопросы Адриатики и потому она борется с Юго-Славией), то не подлежит ни малейшему сомнению, что Англия и Италия на стороне клики,

победоносно совершившей государственный переворот. Когда юго-славское правительство собиралось дипломатически выступить против совершившего государственный переворот болгарского правительства, английский посол в Белграде, Юнг, постарался этому воспрепятствовать. Разумеется, мы не считаем себя призванными охранять заключенный в Нейи мирный договор, но при оценке создавшегося международного политического положения, надо учесть, что Великобритания в данный момент берет в свои руки инициативу окружения Советской России. В такой связи переворот приобретает значение опорного пункта в новой игре по окружению Советской России. Из этого одного уже видно, что перед нами событие громадного политического значения, и что отнестись к нему надо весьма внимательно.

4) Победа белогвардейцев в Болгарии, несомненно, придаст прыти фашистам всех стран. За какие-нибудь три часа горстка офицеров свергла правительство, имевшее за собой, бесспорно, громадное большинство крестьян. Разумеется, это подействует поощряюще на фашистских авантюристов во всех странах и в первую очередь в Чехо-Словакии, немецкой Австрии и Германии.

5) Впервые в битве участвовала крупная коммунистическая партия. Она потеряла сражение и, что еще печальнее— у нас уже имеется болгарская печать от 9/16 июня,—она этого даже не замечает. Целую неделю после поражения Партия не понимала истинных причин его и отстаивала правильность своей позиции с точки зрения коммунистической тактики. Необходимо еще констатировать: ни одна коммунистическая газета в Европе не заявила по собственной инициативе, что мы имеем здесь дело с поражением Коминтерна, поражением, объясняемым не превосходством сил противника, но недостатком воли к борьбе в коммунистической партии. Находятся и такие коммунистические газеты, которые перепечатывают и распространяют теорию болгарских товарищей. Итак, отнюдь не с целью разыгрывать роль судьи пред лицом одной из наших партий, но по практическим соображениям мы должны предварительно поделиться с представленными здесь руководящими элементами всех коммунистических партий нашим

взглядом на промахи болгарских товарищей раньше, чем сказать об этом широкой массе болгарских товарищей, потому что, повторяю, нам грозит опасность повторения подобного рода ошибок и в Чехо-Словакии, где положение весьма схоже. Могут они иметь место и в Германии.

Позвольте же мне теперь кратко остановиться на событиях и восстановить в вашей памяти главнейшие факты, поскольку это необходимо для правильного суждения о создавшемся положении вещей.

2. Социальная структура Болгарии и ее политические группировки.

Первый вопрос состоит в следующем: имели ли болгарские товарищи возможность избежать этого поражения? Такова ли социальная и политическая структура Болгарии, чтобы можно было в одиночку или в союзе с крестьянством помешать белогвардейскому перевороту? Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. Социальная структура страны такова, что 80—90% ее населения—крестьяне. Из 700.000 самостоятельных крестьянских хозяйств 285.000 обладают площадью размером меньше 30 дек. При современном уровне сельского хозяйства в Болгарии этих крестьян можно считать полупролетариями. 283.000 крестьянских хозяйств обладают площадью от 30 до 100 деков каждое. Судя же по докладам наших товарищей в Болгарии, крестьянин, земельный участок которого не занимает 100 дек., является бедным крестьянином. Это означает, что социальная смычка для нас была возможна с пятьюстами тысяч крестьян. Городская буржуазия весьма слаба, крупной буржуазии там вообще не имеется, городскую буржуазию составляют купцы, ремесленники, спекулянты, интеллигенты и бюрократы. Итак, это не класс, сильный своей ролью в производстве. Рабочий же класс, хотя количественно и незначителен, но организован лучше, чем в любой другой стране. Если на 100.000 рабочих приходится 40.000 членов партии, то это уж процент, равного которому мы не встречаем ни в одной другой стране.

Последней по счету является военная каста. Согласно заключенному в Нейи мирному договору, армия демобилизо-

вана. Таково в схематических чертах соотношение общественных сил.

Политическая конъюнктура: господствовавшие целых 40 лет буржуазия и генералитет в процессе войны обанкротились и были сметены недовольством крестьянства. Об этом свидетельствует голосование на выборах. В 1920 году буржуазные партии, вместе взятые, получили 250.000 голосов, в 1923 году—219.000. Коммунистическая же Партия в 1920 году собрала 148.000 голосов, а в 1923 г.—230.000. Коммунистическая Партия одна получила больше голосов, чем все буржуазные партии вместе взятые. Наисильнейшей партией, в качестве правительственной, имевшей возможность оказать давление на выборы, является крестьянская партия. В правительственной партии было зарегистрировано 121.000 членов, в том числе 115.000 бедных и в лучшем случае мелких крестьян. Итак, по своему социальному составу эта партия была пригодна для коалиции с нами. Как вы знаете, благодаря руководящей ею маленькой интеллигентской клике партия эта считается с незначительным слоем сельской буржуазии больше, чем с идущими за нею широкими крестьянскими массами. Считая Коммунистическую Партию своим единственным сильным конкурентом в рядах крестьянства, правительство обрушило на коммунистов преследования, внеся этим сильное озлобление в их ряды. Но не подлежит сомнению, что Коммунистическая Партия, со своей стороны, не сделала всего необходимого для того, чтобы принудить партию Стамболийского к коалиции или расколоть ее.

Партия недостаточно работала среди крестьянства. Об этом свидетельствуют факты. Видя, что Стамболийский не хочет итти с нею нога в ногу, она не сумела разоблачить его пред лицом крестьянской массы, вызвав этим раскол крестьянской партии.

Больше того. Я не упомянул об одном весьма значительном для всей политической ситуации элементе, который показывает, как можно было оперировать против Стамболийского. В современной истории Болгарии крупную роль играет македонский вопрос. Македония, населенная крестьянством, относительно которого трудно решить, сербы это, или болгары, давно уже служит предметом спора между Сербией

и Болгарией. Потерпев поражение в войне, крестьянская партия, Стамболийский, отказались от Македонии, при чем не только формально; чтобы укрепить свои позиции, Стамболийский, на основании заключенного в Нише договора с Юго-Славией, стал кроваво преследовать эти старые македонские организации. По своему социальному составу—это организиции мелкого и беднейшего крестьянства, у них революционное прошлое, они боролись против господства крупных турецких помещиков, против сербской буржуазии, у них имеются старые подпольные революционные организации. Они издавна сочувствуют русской революции. Македонские организации представляют собой социально фактор, с которым мы могли бы блокироваться для борьбы против Стамболийского. Они представляют собой крупную военную силу, имеют подпольные вооруженные организации. Связавшись с ними, можно было оказать на правительство Стамболийского давление, потребовав от него, чтобы оно,—даже и выполняя Нишский мир,—не преследовало этих организаций. Партия не только этого не сделала, но—самое характерное,—македонский вопрос вообще не играл роли в ее освещении тактических вопросов. Два месяца назад Кабакчиев написал статью о положении в Болгарии. Она была напечатана в „Инпрекоре". Я ее теперь перечел. Во всей статье, во всех тактических построениях ни слова по македонскому вопросу.

3. Международное положение на Балканах.

В защиту своей политики Партия приводила такой довод: мы можем захватить в свои руки власть, но международное положение таково, что нас задушат. Я обращаю особое внимание на этот аргумент тех товарищей, которые у себя в странах, я обращаюсь к чешским товарищам—очень часто аргументируют тем же. Болгарская Партия изображала дело так, точно победа для нее возможна лишь в том случае, если свалится с неба, если это будет легко, если Болгария будет окружена морем революции.

Изолированное положение Болгарии, окруженной Сербией, Грецией и Румынией, таит в себе, разумеется, большую

опасность для болгарской революции и должно было сдерживающе действовать на Болгарскую Партию. Но в последние годы это положение было облегчено греко-турецкой войной и греческой революцией, уже посеявшей было искру революции на Балканах. В период греческой революции Болгарская Партия и не шелохнулась. Она выжидала более благоприятного стечения обстоятельств. Контр-революция поняла, что в политике необходимо брать инициативу в собственные руки. С международной точки зрения положение контр-революции, этой совершившей переворот офицерской и бюрократической клики, тоже нелегко. Опирающееся на македонцев правительство представляет собой угрозу Сербии, и ему приходится бояться последней. И все же контр-революционеры дерзнули. Контр революция поняла то, чего не сумела понять наша старая коммунистическая партия: что в решительные моменты надо дерзать, что у совершившихся фактов есть своя логика, что, беря инициативу в свои руки, затрудняешь положение противнику.

4. Причина поражения.

Товарищи, причина поражения в том, что наша Болгарская Партия с ее старым социал-демократическим марксистским прошлым, Партия, сделавшая колоссально много в области пропаганды и организации, не сумела перейти от агитации и оппозиции к действию, когда пробил для этого исторический час. Та же опасность грозит и многим другим нашим партиям. Отношение наших болгарских товарищей к крестьянству и к национальному вопросу было результатом отсутствия у Болгарской Партии той решимости, без которой нельзя вести революционной борьбы. Лишь благодаря отсутствию этой решимости бороться Партия, вопреки правильному теоретическому пониманию аграрного вопроса, вопреки высказываемого товарищами согласия с нами в македонском вопросе, практически не сумела привести Ахерон в движение.

Это поражение носит решительный характер. Смешно было бы думать, что в крестьянской стране при наличии распыленности массы, захватившие в руки власть и государственный аппарат, не смогут долго держаться даже и

при всей своей социальной незначительности. В момент совершения государственного переворота в Софии нужно было действовать: мы были единственной во всей стране централизованной силой. На нашей стороне были железнодорожники, телеграфисты, в наших руках была связь, были рабочие массы. Больше того. Не подлежит сомнению: в момент борьбы крестьянской партии за свое существование налицо были все исторические данные для коалиции с нею, вопреки всему, что нас от нее отделяло. В момент, когда восстал Корнилов, отношения между нами и Керенским были не лучше, а хуже, чем между болгарскими товарищами и Стамболийским, и, однако, наша Партия пустила в ход всю свою энергию, чтобы отразить Корнилова. А после выступления Корнилова Ленин в своей статье о компромиссах прямо предлагал заключить коалицию с меньшевиками и эсерами.

Вместо того, чтобы стараться понять свое поражение, Болгарская партия, наоборот, силится приукрасить его. Перед нами воззвания Болгарской Партии. Они—самое печальное во всем поражении. Мы имеем воззвания от 9-го, от 15-го и еще целый ряд статей. Точка зрения Партии такова: борятся две клики буржуазии, мы же, рабочий класс, стоим в стороне и требуем и надеемся на предоставление нам свободы печати и всех прочих прекрасных вещей. Таково воззвание от 9-го.

Партия дезавуировала ту часть рабочего класса, которая без руководства со стороны Партии боролась рука-об-руку с крестьянством. В своем воззвании от 16-го—никогда в жизни не читал ничего более обескураживающего—Партия заявляет, ни больше, ни меньше, как следующее.

„Сотни и тысячи рабочих и крестьян арестовываются и предаются суду на основании исключительного закона о борьбе с бандитизмом, по обвинению в сопротивлении произведенному государственному перевороту. Мы заявляем, что благодаря неясности ситуации, сложившейся в момент гражданской войны между двумя буржуазными кликами, часть рабочих выступила в защиту своей жизни и семьи, но никакого участия в борьбе за власть не принимала".

Рабочие соблюдали нейтралитет и лишь в момент опасности, когда открылась стрельба, они тоже стреляли, потому

что имеют жен и маленьких детей, а не потому что боролись против государственного переворота...

Теория соблюдения нейтралитета в отношении двух лагерей буржуазии, провозглашение себя единственной партией, защищающей конституцию,—это то, на основани чего строил свой заговор против Стамболийского царь Борис и держат в тюрьме наших товарищей; подобного рода вещи свидетельствуют не только о внешнем поражении, но и о внутреннем разложении руководящих органов Партии. Мы будем весьма рады, если окажется, что Партия здоровее своих руководителей. Во всяком случае, мы должны стараться осветить этот вопрос перед товарищами.

Долг коммунистических партий, когда идет борьба между крупно капиталистическими слоями, по всему своему прошлому представителями интересов капитала—с одной стороны, и мелкобуржуазным крестьянством—с другой, не ограничиваться ролью простого зрителя, нейтрального элемента, но пытаться, если только невозможно захватить власть в свои собственные руки, войти в коалицию с мелкобуржуазными слоями населения.

Не марксизмом, а чрезмерным мудрствованием отзывает утверждение, что якобы, в данном случае противостоят друг-другу равно враждебные нам два слоя буржуазии. Ведь мы знаем, что нигде в мире крестьянство до сих пор еще не стояло у власти. Вытаскивать на свет третий том „Капитала“ и констатировать, что крестьянство есть тоже составная часть буржуазии,—значит пренебрегать революционным долгом.

5. ИККИ и Болгарская Партия.

Теперь о доле вины Исполкома Коминтерна в этом деле. Я вам приведу пару фактов, дающих возможность об этом судить. Еще в период II Конгресса из Болгарии являлись сюда небольшие группы товарищей, обвинявшие Партию в том, что она в 1918 году, в момент низвержения царя Фердинанда и его режима, не захватила в свои руки власти. То были частью группы авантюристов в роде Харламова, перепечатывавшего статью Каутского о терроризме и одновременно прикидывавшегося „левым коммунистом“, частью

добрый, но заблуждавшийся пролетарский элемент. Мы весьма тщательно рассмотрели это обвинение, зная по опыту Капповского путша в Германии, сколь необходимо прислушиваться к подобного рода предостережениям.

В процессе комиссионной работы конкретные обвинения были опровергнуты. Было ясно, что в 1918 году Партия не могла взять в свои руки власть. Все же должен сказать, мы были смущены, чувствовали, что в царстве датском что-то гнило, результатом чего и было выпущенное нами 4 мая 1921 года обращение к съезду Болгарской Партии.

Позвольте мне его огласить, оно не слишком длинно.

6. Обращение Исполкома Коминтерна к съезду Болгарской Компартии.

„Исполком Коминтерна шлет братский привет съезду Болгарской Компартии. Болгарская Коммунистическая Партия, наследница мужественной и последовательной партии тесняков, является одной из лучших массовых партий Коминтерна. Она в числе первых безоговорочно приняла принципы коммунизма. Болгарская Компартия, как часть Коминтерна, сумела еще теснее связаться с бедствующими рабочими и крестьянскими массами, завоевать себе новые господствующие позиции и противостать правительству капиталистов и сельских кулаков. Исполком Коминтерна надеется, что Болгарская Компартия подвергнет на своем съезде тщательнейшему рассмотрению свою организационную и политическую деятельность с точки зрения их соответствия требованиям, предъявляемым к коммунистической партии историей. Участие в парламенте и в муниципалитете должно быть использовано не для мелкореформаторской работы, но для пробуждения и революционизирования масс. Эта революционная работа требует наличия нелегальных организаций, так как буржуазия в любой момент борьбы может разрушить легальные организации партии. Революционные выступления не сваливаются с неба, и предпосылки для них не могут быть созданы только путем агитации и пропаганды. Они создаются, когда партия муже-

ственно и решительно стремится обострять и расширять каждый социальный конфликт. Лишь этим путем борьба за частичные требования может вырасти в борьбу за политическую власть. На Балканах борьба за политическую власть легче, так как буржуазия балканских стран не так хорошо организована, как западно-европейская; завоевание власти пролетариатом и беднейшим крестьянством в одном из балканских государств вызвало бы могучий отклик в каждой из соседних стран, так как повсюду на Балканах правительствам приходится преодолевать крупнейшие затруднения. Революция на Балканах не только освободила бы балканский пролетариат от ига капитализма и балканское крестьянство из когтей ростовщического капитала, но невероятно приблизила бы победу революции в Центральной и Западной Европе. Революция в аграрных странах юго-восточной Европы уменьшила бы для Германии и Италии опасность оказаться отрезанными от подвоза американского хлеба. Она ускорила бы процесс назревания революции в Азии, куда до сих пор революционные искры залетали лишь из России. Твердо надеясь, что сознание возложенных на него историей обязанностей воодушевит съезд Коммунистической Партии Болгарии на новые напряженные усилия, Исполком желает ему энергичной и плодотворной работы.

Да здравствует Болгарская Компартия!
Да здравствует революция в балканских странах!
Да здравствует Коминтерн!
Да здравствует всемирная революция!".

Как видите, мы не считали возможным критиковать и высказали все опасения лишь в ряде положений. Позднее мы беседовали с болгарскими товарищами на многих заседаниях Исполкома. Я напоминаю, что во время греческой революции мы в течение свыше пяти часов доказывали Попову и Иорданову необходимость выступления Болгарской Партии. Посланный нами в Болгарию представитель Исполкома участвовал в ряде заседаний Комитета Болгарской Партии, где обсуждались все эти вопросы. Мы можем сказать что еще в ту пору предвидели опасность. Вина наша в том, что мы боялись вмешаться во внутрен-

ние дела крупной старой коммунистической партии, не решились сказать Партии всю правду и ввести в старый Центральный Комитет, куда входили и прекрасные испытанные образованные товарищи, рабочих, которые, пожалуй, стали бы проводить более революционную политику. Мы можем упрекнуть себя лишь в том, что мы убоялись сетований на московские указы: это немалая вина, и мы надеемся, что не только компартии извлекут общий тактический урок из настоящего положения в Болгарии, но и на основании опыта, который будет, быть-может, стоить болгарским пролетариям сотней и тысячей жизней и отодвинет на Балканах на долгое время победу революции, поймут необходимость нашего отказа от невмешательства. Мы глубоко убеждены, что в отношении стран, подобно Норвегии, далеких от бурного потока событий, мы можем быть весьма сдержаны, давая назревать вещам в процессе внутреннего развития. Но не так обстоит дело там, где судьба революции должна решиться в ближайшее время. Я убежден, что после этого опыта уже не найдется ни единого коммуниста, который бы не понял необходимости нашего вмешательства именем Коминтерна в подобного рода случаях, минуя всякие организационные сомнения. Когда Партии нашей грозит опасность быть разбитой без борьбы, когда грозит победа фашизма—мы должны напомнить ей, что долг каждой коммунистической партии, если она имеет за собой массы, дерзать и бороться, даже с риском быть разбитой. Потому что, даже если ее ждет поражение, отнюдь не предуготованное в данном случае, партия покажет рабочим массам, что у них есть боевой центр, вокруг которого они смогут объединиться, как только пойдет на-убыль наступление капитала и наступит момент разложения фашизма.

III. Право самоопределения народов и Соединенные Штаты Европы.

I.

Версальский мир трещит по швам. То, что сейчас происходит в Германии, есть его смерть. Это, во всяком случае, конец Версальского мира. Это конец его и в том случае, если германские народные массы восстанут и возьмут дело своего освобождения в собственные руки; это конец его и в том случае, если эти массы не найдут достаточных сил для борьбы и предоставят дело буржуазии.

Версальский мир оторвал куски от тела старого германского государства; Версальский мир наложил тяжелое бремя на немецкий народ. Но он, по крайней мере, оставил видимость независимой Германии тем, что он образовал Лигу Наций и предоставил Германии право потом вступить в нее. Этим самым Германии была предоставлена возможность изменения Версальского договора через Лигу Наций. Теперь Лига Наций является ширмой, за которой разыгрывается борьба между Францией и Англией; она не имеет ни малейшей силы не только для того, чтобы противостоять этим двум руководящим державам, чтобы приостановить рурский грабеж, но даже и для того, чтобы призвать к порядку даже третьестепенную державу, как Италия, когда последняя, цинично попирая договор Лиги Наций, заявляет: „Так я хочу, так я приказываю".

Какие же надежды может вызвать в немецком народе возможное присоединение его к Лиге Наций при той защите, которую она оказывает своим первоначальным членам? Довольствуется ли теперь Франция теми „правами", которые Версальский мир предоставил французскому империализму? Нет. Вопреки ясному

смыслу Версальского договора, она оккупирует Рурскую область, важнейшую часть Германии, и заявляет: „Здесь я стою, здесь я остаюсь, пока вы не платите". Версальский мир предусматривал периодический пересмотр пунктов экономического договора, но он не предвидел, что этот пересмотр платежеспособности немецкого народа будет происходить посредством штыка французской оккупационной армии. Правительство германской республики предлагает Пуанкаре за освобождение Рура заложить всю Германию и предоставить Франции участие в Германской промышленности. Г-н Пуанкаре не хочет на это согласиться, так как он предпочитает синицу в руках журавлю в небе. Но если бы г. Пуанкаре и согласился на предложение правительства Штреземана, то следствием этого было бы господство Франции над Германией. От финансовой и экономической независимости Германии, которая и без того уже значительно сужена, останется лишь одна тень.

Немецкий народ рвется из цепей Версаля. Если ему удастся разорвать эти цепи, то все же для него не будет никакого возврата к условиям, существовавшим до войны. То, что мы называем Версальским миром, не есть только договор с Германией, но и включает все договоры, которые регулируют взаимоотношения в Средней и юго-восточной Европе. По крайней мере, значительная часть этих взаимоотношений коренным образом изменена благодаря исходу войны. Как германский, так и международный пролетариат должен себе ясно отдать отчет в сущности изменений, которые оставила за собой война. В своей борьбе против версальских цепей пролетариат должен понять, какие результаты этой войны являются преходящими и должны ими быть устранены, и какие являются революционным фактом, из которого следует исходить. Мы тут не хотим нарисовать всей мировой картины, мы не хотим обсуждать всех образовавшихся взаимоотношений, мы хотим коснуться только тех из них, с которыми европейский пролетариат должен будет в ближайшие годы считаться.

Рабочие, даже настроенные коммунистически, до сих пор смотрят с некоторым пренебрежением на образованные по-

сле войны государства: Чехо-Словакию, Польшу, Латвию, Эстонию, Финляндию, Литву, Юго-Славию. Это презрение по отношению к отдельным государствам, как, например, к Польше, смешано даже с глубокой ненавистью. Политика этих государств, ставших вассалами Антанты, обращающихся со своими рабочими, как с рабами, питает это настроение рабочих. Но было бы крайне близоруко поддаваться этому настроению в политике. Рабочие Германии, а также, конечно, и в первую очередь российские, должны освободиться от этого настроения, они должны себя спросить, как это случилось, что широкие массы польских рабочих до сих пор не только принадлежат к польской социалистической партии, партии 2-го Интернационала, но даже входят в националистические рабочие союзы; они должны себя спросить: как случилось, что широкие массы крестьян и рабочих Чехо-Словакии стоят за свое государство? В этом и сказывается то, что народные массы видят в этих новых государственных образованиях выражение своего освобождения от национального ига. Польский рабочий страдал не только потому, что он рабочий, но он страдал и под игом немецкой и русской бюрократии и потому, что он был польским. Громадное большинство рабочего класса в Верхней Силезии было за присоединение Верхней Силезии в Польше, потому что экономический гнет в Верхней Силезии был одновременно и национальным. Чехо-словацкий народ был 300 лет под гнетом немецких помещиков, а потом немецких капиталистов и чиновников. И что же удивительного, если он теперь отстаивает свою независимость.

Пролетарские партии должны это освобождение народных масс от чужого национального ига признать не только, как факт, но и как революционный факт, окончательное закрепление которого должно стать специальной задачей пролетарской революции. Международный пролетариат не должен забывать в своей борьбе против версальских цепей, что эти цепи во многих странах заменили собой цепи старой независимости. Он не должен ставить себе за-

дачей восстановление прежнего господства над народами Востока и разрыв их национального организма, а, наоборот, он должен революционным путем освободить еще и те народы, которые полностью или частично находятся и сейчас под национальным игом.

Только если международный пролетариат это поймет, он не натолкнется в своей победоносной борьбе на сопротивление этих народных масс.

II.

Но не означает ли это национальное освобождение усиление хаоса, балканизацию Европы, разрыв ее на мелкие нежизнеспособные организации? Нет, наоборот. Освобождение от национального гнета даст силы народным массам этих стран изжить свою национальную узость, национальное недоверие и обособленность. Когда эти народы станут у себя господами, введут свое национальное управление, освободят свою культуру от чужого ига, тотчас же перед ними станет вопрос: как объединить хозяйственные усилия для дела восстановлений? Тогда они поймут, что безумно трудящимся отделяться друг от друга и раздроблять свои хозяйственные силы. Уже довоенная Европа задыхалась в старых собственных границах. Теперь этих границ стало еще больше, и когда массы будут свободны в национальном отношении, они все больше проникнутся сознанием, что эти границы являются петлей на их шее. Когда Вильсон выступил со своей идеей о „Лиге Наций“, он, правда, в капиталистической форме понял потребность экономического развития. Буржуазия, для которой целью борьбы была нажива, конкуренция, не могла провести в жизнь эту идею. Между Америкой и Англией существует теперь в форме покровительственного тарифа Форднея более высокий барьер, чем когда бы то ни было. „Фритредерская“ Англия проводит теперь покровительственную тарифную политику в форме законов против „Демпинг“, то-есть конкуренции путем низких цен и целого ряда таможенных мер; мелкие государства подражают большим. Только одна Германия, которая не пользуется правом наибольшего благоприятствования, дает пример свободной

внешней торговли, так же, как она вынуждена одна давать человечеству пример разоружения...

Только рабочий класс сможет и будет вынужден, чтобы удалить обломки и начать дело хозяйственного восстановления, превратить Европу в единое хозяйственное целое. Когда Каутский, Ренодель и др. хотели впрячь пролетариат в колесницу вильсоновских идей о создании соединенных штатов Европы под господством буржуазии, это, конечно, было буржуазной утопией. Пять лет, прошедшие после войны, наглядно показали, что это утопия. Теперь в период революции, в период, когда большая часть территории царской России представляет собой свободный Союз Советских Республик, когда в Средней и Южной Европе разгораются революционные бои,—теперь постановка тов. Троцким вопроса о Соединенных Штатах Европы является реальным революционным действием. Каждая страна, в которой пролетариат захватит власть либо в форме диктатуры, либо в переходной форме рабоче-крестьянского правительства, столкнется с проблемой: как найти военную и экономическую опору в уже существующих пролетарских государствах? Пролетариат каждой страны, которая освободится от ига буржуазии, будет вынужден раскрепостить силы даже самого маленького народа, живущего в этой стране, а это может быть осуществлено лишь при условии независимого конституирования этого народа, освобождающегося даже от мельчайших остатков национального угнетения, и, наконец, в форме союза с остальными рабоче-крестьянскими государствами.

Когда во время войны часть польских, германских и голландских коммунистов вела с тов. Лениным теоретическую дискуссию о праве на самоопределение (см. № 2 „Форботен“, Берн, 1916 года, „Бремер Арбейтер Политик“), тогда мы задавали вопрос „разве социализм не снесет границы и не создаст одно хозяйственное целое?“ В отличие от тов. Ленина, мы тогда недостаточно конкретно представляли себе ход мировой революции. Мы недостаточно конкретно понимали разнообразие условий, в которых пролетариат ведет борьбу за социализм. Быть-может, через столетие после победы над капитализмом по-

литические границы между народами исчезнут; быть-может, после векового существования социализма пролетариат разделит не только Европу, но и весь мир на экономические районы. Но в период борьбы за власть,— а в мировом масштабе она затянется, по крайней мере, до тех пор, пока в важнейших промышленных странах не будет проведен социалистический строй,—пролетариат одновременно будет организовывать нации, как самостоятельное целое, и федерировать их для экономических и политических целей. В противном случае, пролетариат будет иметь против себя не только классовые интересы буржуазии, но и национальные стремления и недоверие народов.

III.

Эти вопросы играют большую роль в странах, в которых пролетариат принадлежал и принадлежит к господствующим нациям, угнетавшим другие народности. Нужен был великий гений Ленина, чтобы так страстно подчеркивать, что российский пролетариат должен выступить освободителем угнетенных национальностей. Русские рабочие, не знавшие национального гнета, мало интересовались этим, и нужны были многие годы воспитательной работы тов. Ленина и развития РКП, чтобы для них стало ясно, что пролетариат станет сильнее, а не слабее, когда изживет наследство политики национального угнетения царизма и российской буржуазии. Только таким образом, только, как освободитель угнетенных народов, русский пролетариат мог вести до сих пор угнетенные народы по пути свободного союза с российским пролетариатом и совместной борьбы с мировым капиталом. Это большая воспитательная работа в России еще не закончена.

Германский пролетариат, германская компартия должны начать эту работу в Германии с полной энергией и поставить ее с полной четкостью. Сегодня германский народ сам является объектом угнетения со стороны Антанты и ее вассалов, но до войны Германия, так же, как и Австрия, была страной национального угнетения. И велика та ненависть, которую это угнетение вызвало в польском и чешском народах. До войны германские рабочие казались безразлич-

ными к национальному вопросу: они не понимали борьбы поляков против их национального угнетения. Более того, немецкий национализм по отношению к полякам и чехам часто выступал под маской интернационализма. Теперь рабочие Рейнской, Саарской и Рурской областей и части Польши чувствуют над собой кнут национального угнетения. Но из этого еще не следует, что они стали понимать национальные настроения тех народов, которые в свое время были угнетены германской буржуазией и юнкерством. Они еще не усвоили языка, на котором они должны говорить с польскими и чешскими крестьянами и рабочими. Они должны усвоить этот язык, если они хотят освободить себя. Когда пробьет решительный час, польская буржуазия, по приказу французской, спустит с цепи всех псов национализма, чтобы подготовить нападение на борющийся немецкий народ; она попытается уговорить польский народ, что германские рабочие выступают, как исполнители заветов Фридриха II и Бисмарка, угрожая польской независимости, и таким путем буржуазия может достигнуть успеха.

Германская коммунистическая партия вместе с российской должны своей повседневной работой, своим влиянием на народные массы доказать, что они не только не угрожают независимости латышского, чешского, эстонского и литовского народов, но что они видят в их независимости фундамент того здания, которое европейский пролетариат построит после своей победы. Когда Советская Россия вела тяжелую борьбу с польской буржуазией и дворянством, борьбу, которую они начали, когда она в этой борьбе апеллировала даже к национальным чувствам некоммунистических элементов и говорила им: „мы, признающие право на самоопределение за всеми народами, мы не дадим свести на нет право самоопределения и русского народа“, в то же время тов. Троцкий закрыл военно-техническую газету за то, что бывший офицер царской армии, который и до сего дня является уважаемым и преданным командиром советской армии, обнаружил в одной из своих статей шовинистическое антипольское настроение.

Германская коммунистическая партия является единственной партией, которая может вести немецкий народ к борьбе за свержение версальского ига. К этой борьбе она зовет не только пролетариев, но и все те элементы мелкой буржуазии, которые честно хотят бороться за будущее германского народа; все шире становится круг некоммунистов, даже бывших националистов, которые видят в рабочем классе единственного спасителя немецкого народа, а в компартии — вождя этого народа.

Мы охотно подаем руку для совместной борьбы, но мы должны им сказать: „речь идет не о восстановлении старой германской империи, речь идет не о том, чтобы вернуться назад, а о создании нового германского государства, освободить немецкий народ от рабства, но не наложить цепей на другие народы".

Право на самоопределение немецкого народа, как и других угнетенных народов, является боевой целью коммунистической партии Германии. Стряхнуть цепи — первый шаг; сплочение для общей борьбы народных масс — второй шаг; агитация за Соединенные Рабоче-Крестьянские Штаты всей Европы — вот путь, посредством которого мы не только завоюем сердца пролетариев всех стран, но при помощи которого мы разрешим самые трудные вопросы, поставленные историей. Гг. социал-демократы говорили нам, что если мы выдвинем право на самоопределение народов, то мы лишь отобразим взаимоотношения Восточной Европы и Азии, где еще происходит национальная борьба. А вот теперь в сердце Европы 70 миллионов немцев борются за свое самоопределение. Что считали невозможным, стало теперь фактом: чужая, грубая власть хочет установить свое господство над великим промышленным народом. Знамя самоопределения само просится к нему в руки. Это делает из борющегося германского народа друга всех угнетенных, учит его понимать нужды и недоверие тех, которые были под гнетом германской буржуазии и германского юнкерства. Борющийся германский народ должен протянуть всем другим народам не старый гогенцоллерновский кнут, а руку для братского союза.

(„Правда", 25 и 26 сентября 1923 года).

ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПОРАЖЕНИЯ.

I. Октябрьское поражение и дальнейшая борьба германского пролетариата за диктатуру [1]).

Германский пролетариат потерпел в октябре 1923 года тяжелое поражение. Оно состоит в том, что пролетариат не только оказался не в состоянии помешать захвату власти фашистской военной диктатурой, но и еще более в том, что он не оказал никакого сопротивления этому захвату власти. Это обстоятельство требует от всех германских, от всех международных коммунистов в высшей степени серьезного и в высшей мере холодного изучения причин поражения и выяснения, не совершила ли К.П.Г или Коминтерн больших ошибок, и в чем эти ошибки состояли. Изучение этого вопроса имеет крупное практическое значение. Германский пролетариат ждут новые великие бои, в которых он победит лишь, если осознает совершонные ошибки и в будущем станет их избегать. Международный пролетариат и весь Коммунистический Интернационал должны учиться на этих ошибках, чтобы в соответствии с октябрьскими уроками германского пролетариата улучшить свою позицию и свою организацию.

---

[1]) Подробный анализ уроков октябрьского поражения будет дан в 3-м томе сборника работ, посвященных истории германской революции. Здесь печатаю итоговые тезисы, как материал к оценке о б щ е г о вопроса о тактике единого фронта. Тезисы эти были написаны мною в январе 1924 года, но выражали общую точку зрения тов. Троцкого, Пятакова и мою. Названные товарищи не успели только внести частные исправления.

I. От рурского вторжения до диктатуры Секта.

Победа фашистской диктатуры генерала Секта в октябре 1923 года является результатом правильного развертывания сил контр-революции и крупных ошибок, совершонных Коминтерном и К.П.Г в развертывании пролетарских сил в Германии. Германская тяжелая индустрия и немецкие юнкера воспользовались вторжением французов в Рурскую область для того, чтобы как нельзя более ухудшить положение не только германского рабочего класса, но и мелкой буржуазии. Во время рурской войны городская мелкая буржуазия была совершенно экспроприирована. Тем самым была уничтожена возможность продолжения политики компромисса крупного капитала с мелкой буржуазией и рабочей аристократией. Поэтому тяжелая индустрия и юнкера должны были оттеснить мелкобуржуазные партии: социал-демократию центр и демократов от фактической власти, они должны были сами взять всю власть в свои руки, ибо лишь величайшая концентрация государственной власти в руках фашистской диктатуры давала им возможность укрощать пробуждающиеся к новым революционным боям массы рабочего класса и мелкой бужуазии, которые с течением времени должны были обратиться против них. Тяжелая индустрия и юнкерство систематически подготовляли этот захват власти, обращая всю ненависть экспроприированных мелкобуржуазнных масс против французов и возлагая на мелкобуржуазные партии, подписавшие Версальский мирный договор, ответственность за последствия Версальского мира. Используя, таким образом, антифранцузское и „антимарксистское“ [1]) настроение мелкобуржуазных масс, они оказались в состоянии не только усилить рейхсвер, но и создать на-ряду с ним тайные фашистские союзы, число членов которых достигает сотен тысяч.

Коминтерн и К.П.Г рассматривали рурскую войну с самого ее начала, как этап развития в Германии революции. Прекращение „политики выполнения“, т.-е. острейший конфликт

---

[1]) Фашисты пытались изобразить соц.-дем., как „марксистскую“ партию.

германской буржуазии с Францией, прекращение политики „делового сотрудничества", т.-е. взгромождение всех тягот рурской войны на пролетариат и мелкую буржуазию, прекращение ввоза угля и железа из Рурской области,—все это должно было вызвать такие крупные классовые бои, что было ясно, что рабочий класс Германии опять пришел к поворотному пункту. Воззвание Лейпцигского партейтага К.П.Г, резолюции Франкфуртской Конференции, резолюции весеннего совещания представительства К.П.Г с Коминтерном показывают, что как К.П.Г, так и Коминтерн поняли, что их германский пролетариат находится у поворотного пункта, что, поскольку Партия в силу тактики единого фронта, в силу постоянной работы в массах социал-демократов и беспартийных рабочих собрала вокруг себя широкие массы пролетариата, — теперь надо не только завоевать прочное большинство пролетариата, а и повести его на борьбу, как революционную силу, поставившую себе конкретную задачу завоевания политической диктатуры, как единственного выхода из положения, в котором находится германский народ. К сожалению, Коммунистическая Партия Германии не сумела с достаточной энергией, с углубленной силой провести избранную ею и одобренную Коминтерном линию. Партия не преодолела во время рурского конфликта свои исторические слабости. Она совершила три ошибки, которые она должна изгладить, дабы ей оказались по силам великие задачи, перед которыми история поставит ее уже в ближайшее время.

1. Слабость Партии состоит в том, что она недостаточно умеет сосредоточивать в конкретной ситуации все внимание своих членов и широчайших рабочих масс на том пункте, от которого в данный момент все зависит и в соответствии со своим растущим влиянием усугублять борьбу за этот пункт, короче говоря: развить в течение многих месяцев политическую кампанию. Партия не сумела во всех частичных боях, которые она вела в этот период, поставить в центр вопрос завоевания власти пролетариатом, использовать весь рурский кризис и всю разожженную им экономическую и политическую борьбу, чтобы прогрессивно

углублять волю пролетариата к власти. Она всегда делала такие попытки, но они не выходили из начальной стадии.

2. Вторая слабость Партии состояла в том, что она не умела создавать в своей рурской кампании организационные пункты концентрации нарастающей энергии рабочих масс, которые должны были сделаться базой массовой борьбы за власть. Партия правильно оценила фабзавкомы, как предуказанную историей германской революции форму сплочения широчайших масс пролетариата. Она поняла, что пред лицом господства желтых профсоюзных бюрократов в профессиональных организациях, фабзавкомы призваны сделаться резервуарами революционной энергии пролетариата, что, поэтому, надо взять руководство ими в руки Коммунистической Партии, чтобы через их посредство получить возможность руководить некоммунистическими массами. К.П.Г всегда поддерживала движение фабзавкомов, но она не дала движению соответствующее его расширению число руководящих организаторов, она не сумела достаточно прочно связать фабзавкомы во всей стране, она не сумела сделать их носителями борьбы за государственную власть.

3. Третьей и исторически легче всего объяснимой слабостью Партии было то обстоятельство, что она недооценивала значение организации восстания и его подготовки. В такой стране, как Германия, где не существует всеобщей воинской повинности, где нет армий, подготовка восстания, вооружение пролетариата значительно труднее, чем в других странах. Трудности можно преодолеть только в том случае, если руководящие партийные товарищи всецело сознают значение подготовки восстания и умеют нести это сознание в широчайшие массы. Часть руководящих германских товарищей придерживалась того взгляда, что пролетариат не в состоянии в сколько-нибудь значительной мере вооружиться. Этот взгляд заранее парализовал энергию Партии в смысле подготовки восстания. Другая часть руководящих товарищей, сознававшая значение технической подготовки, изолировала таковую от общей борьбы пролетариата. Она ставила себе задачей создание пролетарских сотен и их

вооружение, но не понимала, что это возможно лишь в теснейшей связи с общей борьбой германского пролетариата. Она не понимала, что создание пролетарских сотен, что их вооружение осуществимы в более или менее широком масштабе, лишь если рабочие массы будут при каждой стачке, при каждой демонстрации видеть пролетарские сотни за работой, как охрану пролетариата, что лишь в этом случае они станут помогать нахождению складов оружия противника, прятать наше оружие, одним словом, что рабочие массы должны усматривать в пролетарских сотнях свои передовые отряды.

Исполком Коммунистического Интернационала не уделил достаточного внимания этим слабостям К.П.Г. Он не помог ей с достаточной энергией преодолеть эти слабости. На летнем заседании расширенного Исполкома Коминтерна ИК вместе с германскими товарищами рассматривал вопросы рурской борьбы более с пропагандистской точки зрения, нежели под углом зрения организации непосредственной борьбы.

Свержение правительства Куно крупным массовым движением конца июля и августа дало понять К.П.Г и ИК, что час пробил. То, что Исполком и К.П.Г до сих пор говорили во всех своих воззваниях, а именно, что рурская война должна повести к решающим столкновениям социальных сил Германии, стало теперь осязаемым фактом. Большая коалиция явно была последней картой „легального“ господства буржуазии в демократических формах. Было ясно, что большая коалиция должна явиться лишь кратковременным эпизодом, за которым последует либо захват власти фашизмом, либо же захват власти пролетариатом. Так как захват власти фашистами угрожал германскому пролетариату большими опасностями, то германская Партия и Исполком должны были всеми силами стараться предотвратить захват власти фашизмом и, либо держать его под угрозой развертывания пролетарских сил, не давая ему уничтожить последние свободы рабочего класса и, таким образом, выиграть время для подготовки рошающей борьбы, либо же даже попытаться самим захватить власть. Поэтому К П.Г была права, когда она лихорадочно приступила

к подготовке вооруженного восстания и старалась наверстать потерянное. Час перехода противника в наступление не был известен и, следовательно, была еще возможность наверстать потерянное. К сожалению, К.П.Г не использовала с достаточной энергией и с достаточной осмотрительностью короткое оставшееся в ее распоряжении время. Августовская волна забастовок оказалась кульминационным пунктом движения. Недостаточное самостоятельное движение пролетариата К.П.Г не старалась заменить рядом крупных политических выступлений, которые могли бы мобилизовать пролетариат. Она примирилась с удушением ее печати, с роспуском фабзавкомов, не отвечая на удары реакции демонстрациями и политическими забастовками. Она не старалась каждодневно вызывать борьбу, чтобы усуглублять ее. Вся ее энергия была направлена на встряску членов Партии. Потому, что она не ввела пролетариат в каждодневно нарастающую борьбу, потому, что она не сумела сплотить под руководством коммунистов разочарованные политикой большой коалиции социал-демократии рабочие массы вокруг фабзавкомов, потому, что она не сумела противопоставить фразам левой с.-д. дела коммунистов путем массовых выступлений,—она была не в состоянии повести рабочие массы в борьбу в момент наступления фашизма, в момент карательной экспедиции против Саксонии. Основываясь на уроках русской революции, Роза Люксембург учила германский пролетариат, что массовая забастовка не представляет собой чего-то скоропалительного, что она не является зонтиком, который можно раскрыть сразу. Это забыла К.П.Г, и она готовилась к последнему удару, готовилась без разгона схватить противника за горло. Когда это оказалось невозможным, Партия очутилась в таком состоянии духа, что уже не могла сделать даже возможного, не могла, по крайней мере, повести пролетариат на борьбу с фашизмом даже такими средствами, как забастовки и демонстрации.

2. Саксонский эксперимент.

При обсуждении возможностей борьбы против фашистского наступления К.П.Г и Коминтерн совершили еще один большой промах: они с недостаточной эластичностью отнеслись к общему положению в Германии и поставили все на саксонскую карту. Значение Саксонии и Тюрингии для освободительной борьбы германского пролетариата ясно вытекает из географического состава Германии. Центральная Германия отделяет Баварию, страну крестьянской контр революции, от Мекленбурга, Померании и Восточной Пруссии, центров юнкерской контр-революции. Захват власти пролетариатом в Саксонии дал бы ему выгоднейшую арену развертывания сил в смысле разъединения сил противника. Возможность захвата власти пролетариатом в Саксонии облегчалась тем, что старая красная Саксония не только является непоколебимым оплотом К.П.Г, но что там одновременно пролетарские массы оказывали на с.-д. такое давление, что вожди с.-д. оказались вынужденными пойти на коалицию с К.П.Г против буржуазии. К.П.Г и Исполком не питали никаких иллюзий насчет склонности вождей левой социал-демократии сделать Саксонию исходной точкой революционной борьбы против германской буржуазии, но Исполком и К.П.Г надеялись, что если коммунисты своим вступлением в саксонское правительство дадут социал-демократическим массам доказательство своей готовности вместе с ними защищать избранное в демократическом порядке рабочее правительство, то саксонские рабочие — социал-демократы вступят в борьбу против вооруженного вмешательства центрального правительства. Исполком и К.П.Г рассчитывали, что, благодаря вступлению в саксонское правительство, Коммунистической партии удастся 1) осуществить в центре Германии единый фронт пролетариата, 2) получить в руки оружие, которое даст возможность создать первые единицы германской красной армии. Исполком и немецкие товарищи совершили ошибку, не учтя, что этот план, может, не удастся, и не приготовили на этот случай другого плана.

И при проведении в жизнь саксонского плана тоже были сделанны крупные промахи. Представители К.П.Г вступили

в правительство, хотя это не было постановлено саксонским конгрессом фабзавкомов. Правительство возникло на основе коалиции Коммунистической и социал-демократической партий, при чем в конгрессе фабзавкомов в Саксонии не был создан орган, который явился бы носителем государственной власти. И после вступления в правительство К П.Г тоже не установила постоянного организованного контакта со всеми местными фабзавкомами в Саксонии. Поэтому у нее не было организованного средства давления на колеблющихся социал-демократических вождей. Саксонские товарищи и вся партия в целом не сумели поставить защиту саксонского рабочего правительства в центр пролетарской политики Германии. Ни одна организация К.П.Г не сумела вызвать хотя бы только демонстрации в целях защиты саксонского рабочего правительства от грядущего вооруженного воздействия центра, ни одна организация не сумела организовать препятствие к перевозкам войск в Саксонию. Недостаточное понимание со стороны Партии заранее помешало ей настолько разузнать местонахождение складов оружия противника, чтобы было возможно захватить оружие в саксонской полиции в первый же день по вступлении в правительство и немедленно заняться вооружением пролетариата. Поэтому генерал Мюллер смог без всякой борьбы овладеть оружием саксонской полиции. Отсутствие контакта с фабзавкомами не дало Партии возможности заранее знать настроение левых социал-демократических масс, не позволяло ей либо извлечь эти массы из-под влияния вождей левой социал-демократии, либо же в сознании недостаточной поддержки с их стороны своевременно отказаться от саксонской попытки и попытаться создать из Берлина оборонительный фронт всего пролетариата, отказавшись от плана организации борьбы за власть из Саксонии. Совершонные Партией в Саксонии ошибки вытекают из вышеочерченных ошибок слишком поздней практической ориентации Партии и слабостей в проведении общего плана кампании.

3. Октябрьские уроки и тактика единого фронта.

Октябрьское поражение подняло на-ряду с вопросами об особых слабостях К.П.Г еще и вопрос общего характера, а именно, вопрос о различиях в применении единого фронта в период непосредственной борьбы за власть на основе уже завоеванного более или менее приблизительного, более или менее стабильного большинства пролетариата. Начиная с III Всемирного Конгресса, Коминтерн делал тактику единого фронта основой своего метода завоевания большинства рабочего класса для всех коммунистических партий. Чтобы подойти к социал-демократическим и беспартийным массам, которые после отлива первой революционной волны 1918—1919 гг., после преодоления кризиса демобилизованного капитализма уже не считали вопрос о завоевании власти злободневным вопросом, Коммунистический Интернационал постановил мобилизовать массы на почве их повседневной борьбы за хлеб, работу и свободу, на почве частичных и переходных требований. Он поставил себе задачей практически доказать массам, что социал-демократы отличаются от коммунистов не своим нежеланием бороться за диктатуру пролетариата, но что они не хотят бороться и за ближайшие интересы пролетариата. Этот наглядный метод обучения можно было применить к некоммунистическим рабочим только в том случае, если коммунистические партии борются против социал-демократических партий не только устной агитацией, а если они, предлагая вождям социал-демократии совместные выступления, направленные к защите пролетариата, разоблачают перед всем пролетариатом, кто с ним и кто с буржуазией. Поэтому Коминтерн отклонил требование т.-н. левых коммунистов отказаться от переговоров о совместных выступлениях с вождями социал-демократических рабочих. Коминтерн стремится к единому фронту снизу, т.-е. к объединению рабочего класса на классовую борьбу, но высказывается также и за попытки осуществления единого фронта сверху путем переговоров и компромиссов с вождями социал-демократии, если это оказывается необходимым для объединения пролетариата снизу. Тактика

единого фронта была не только методом агитации и организации рабочих масс, она являлась в то же время попыткой завоевания стратегических позиций для борьбы за диктатуру. Коминтерн выдвинул на своем IV Конгрессе лозунг рабочего правительства не только в качестве регулятивного агитационного лозунга; в тезисах IV Конгресса он ясно определил, в каких случаях он готов участвовать в таких рабочих правительствах. Он заявлял:

„В известных случаях коммунисты должны изъявлять готовность образовать рабочее правительство совместно с некоммунистическими рабочими партиями и рабочими организациями. Но они могут это сделать лишь тогда, когда существуют гарантии, что это рабочее правительство действительно поведет борьбу против буржуазии в вышеуказанном смысле".

Вышеуказанный смысл заключался в следующих выражениях:

„Элементарнейшие задачи рабочего правительства должны состоять в том, чтобы вооружить пролетариат, обезоружить буржуазные контр-революционные организации, ввести контроль над производством, свалить главное бремя налогов на имущие классы и сломить сопротивление контр-революционной буржуазии.

Такое рабочее правительство возможно лишь в том случае, если оно рождается из борьбы самих масс и будет опираться на боеспособные рабочие органы, созданные нисшими слоями порабощенных рабочих масс. Но и рабочее правительство, вышедшее из парламентской группировки сил, т. е. правительство чисто-парламентского происхождения, может повести к оживлению революционного рабочего движения. Само собой разумеется, что создание подлинного рабочего правительства, дальнейшее удержание такового правительства на почве революционной политики должно вести к ожесточенной борьбе или даже к гражданской войне с буржуазией. Уже одна попытка пролетариата образовать такое рабочее правительство с самого начала натолк-

нется на сильнейшее сопротивление буржуазии. Лозунг рабочего правительства способен поэтому сплотить пролетариев и развязать революционную борьбу".

Вступление представителей К.П.Г в саксонское правительство служило цели вооружения германского пролетариата на борьбу за диктатуру в государстве. Это был, следовательно, шаг, предпринятый в соответствии с резолюцией IV Всемирного Конгресса. Крушение саксонской попытки, вызванное тем, что К.П.Г не удалось выполнить поставленные ей революционные задачи, не является аргументом против правильности резолюций IV Конгресса. Исполком отказывается сделать саксонское поражение исходной точкой пересмотра постановления IV Конгресса, как того требовала резолюция представителей берлинской парторганизации на последнем пленуме Ц.К К.П.Г, обвинявших в октябрьском поражении тактику единого фронта в том виде, в каком она была принята Коминтерном. Исполком Коминтерна усматривает в ошибках, совершонных в октябрьские дни в применении тактики единого фронта, повод к поднятию другого вопроса: вопроса о различии тактики единого фронта в период, когда мы боремся за большинство пролетариата, и когда мы боремся непосредственно за власть. В период борьбы за большинство рабочего класса переговоры с вождями социал-демократических партий являются средством привлечения социал демократических масс к коммунистической партии. В период же борьбы за власть такие переговоры могут сделаться источником величайшей опасности. Во время решающей борьбы К.П.Г должна быстро и энергично, ни с чем не считаясь, принимать и проводить в жизнь соответствующие решения. Переговоры с социал-демократическими вождями допустимы лишь постольку, поскольку они не нарушают быстроты и решительности коммунистического выступления. Они должны быть непродолжительными, их должно вести под давлением масс и тотчас же разорвать их, как только они станут препятствовать нашей свободе действий. Этот-то вопрос Исполком поставит в порядок дня ближайшего расширенного пленума или V Конгресса Комин-

терна, но отнюдь не вопрос о пересмотре тактики единого фронта, которая должна проводиться в странах, где мы еще не находимся непосредственно в борьбе за власть, согласно решению IV Конгресса Коминтерна.

4. Дальнейшее развитие германской революции и задачи К.П.Г.

Октябрьское поражение не закончило революционного кризиса Германии, а обострило его. Какие социальные перемены приносит с собой победа фашизма? Диктатура генерала Секта,—это диктатура тяжелой индустрии, юнкеров, оставляющая рейхстаг в качестве декорации, но фактически опирающаяся в первую голову на штыки рейхсвера и шупо. Эта диктатура родилась на почве полной капитуляции ноябрьской демократии и в первую голову ее главных оплотов — социал-демократии и профсоюзной бюрократии. Передача Эбертом исполнительной власти генералу Секту, одобрение социал-демократическими вождями вооруженного воздействия на Саксонию сделали правых социал-демократов помощниками и придатком фашистской диктатуры. Вся мелкобуржуазная демократия Германии, в том числе и социал-демократы, означают лишь кулису, которая должна скрыть господство фашизма от взоров трудящихся масс. Но одновременно с этим переходом мелкс-буржуазной демократической и социал-демократической партий в лагерь фашизма, фашистская диктатура будет способствовать переходу мелкой буржуазии и мелкого крестьянства в лагерь революции. Мелко-буржуазные массы дали убедить себя, что фашистская диктатура спасет их от экономической гибели. Налоговая политика фашизма, извлечение последних грошей из карманов мелкой буржуазии путем мошенничества с устойчивой валютой, безжалостная ростовщическая политика аграриев и угольных и железных баронов откроют этим мелкобуржуазным массам глаза на то, что фашистская диктатура—их смертельный враг, что пролетарская диктатура—их единственное спасение. Положение рабочего класса при фашистской диктатуре будет с каждым днем ухудшаться. Временные облегчения в роде понижения цен на продовольствие в

декабре не задержат этого процесса, а сделают его еще более резким и ощутительным. Фашистская диктатура не может ни уменьшить безработицы, ни дать хлеба безработным. Фашистская диктатура, возникшая в качестве национальной диктатуры, бессильна пред лицом явной недвусмысленной измены тяжелой индустрии, продающейся победоносному французскому империализму. Тем самым фашистская диктатура обманет национальные чувства мелко-буржуазных масс, облегчившие ей захват власти, и сделает их источником борьбы против крупного капитала и юнкеров. Исполком целиком присоединяется к характеристике фашистского правительства, данной в резолюции И.К К.П.Г, и тем самым присоединяется и к мнению ИК, что борьба против фашистской диктатуры, ее каждодневное обострение и усугубление и подготовка вооруженного восстания на основе приобретенного в октябре опыта являются ближайшими задачами К.П.Г. Исполком со всей энергией выступает против всякой попытки истолковать революционные задачи, поставленные себе компартией Германии, как опереженные, как отодвинутые на неопределенный срок. Исполком приветствует попытки Партии организовать безработные массы в советы безработных и сделать движение безработных рычагом революционного движения. Он усматривает в защите фабзавкомов вторую задачу Партии. Надо сделать подвергающиеся преследованиям фабзавкомы центром нашего сопротивления на фабриках и заводах. Исполком приветствует Веймарскую конференцию, и постановление К.П.Г становится во главе всех элементов в профсоюзах, старающихся спасти это боевое средство пролетариата, ставя себе задачей удаление из профсоюзов желтых вожаков и таким путем спасая профсоюзы от участи, уготованной им Д'Аррагоной и иже с ним в Италии, где профсоюзы осуждены на полное бездействие. Исполком призывает К.П.Г сделать все, чтобы помешать расколу рабочего класса на умирающих от голода безработных и цепляющихся за ломоть хлеба на предприятиях, отказывающихся от борьбы рабочих.

Все эти выступления в области борьбы рабочего класса, борьбы за сохранение фабзавкомов, 8-часового рабочего дня, за повышение заработной платы, за спасение профсоюзов надо вести так, чтобы вокруг К.П.Г сплотились рабочие,

хотящие бороться. Нелегальная Коммунистическая партия должна сделать все для завоевания прочного большинства в рабочем классе. Этот единый фронт снизу требует жесточайшей борьбы не только против правых вождей социал-демократии, но и против т.-н. левых вождей, доказавших в октябрьские дни, что как только дело коснется перехода от оппозиционных фраз к революционным делам, они также предают пролетариат, как и правые вожди. Исполком видит врага в лице левых вождей социал-демократии, ибо они препятствуют отпадению социал-демократических рабочих от фашистской социал-демократии, пробуждая в рабочих массах иллюзию, что социал-демократия еще может стать из орудия выдачи рабочих масс на произвол фашизма орудием борьбы этих масс.

Но это освобождение рабочих масс от влияния левых социал-демократических вождей не может совершиться только путем агитации против этих последних. Оно требует, чтобы К.П.Г показала массам, что она способна принести величайшие жертвы за их освобождение. Исполком приветствует старания К.П.Г снова и снова выводить рабочие массы на улицы, вопреки высылке нарядов шупо с ее танками и броневиками, он приветствует решение К.П.Г применять для защиты демонстраций бастующих рабочих от насилий фашистской диктатуры пролетарские сотни. Лишь если Коммунистическая Партия и дальше пойдет по этому пути, не останавливаясь перед жертвами, она внушит сочувствующим ей массам веру, что К.П.Г является бесстрашной, доблестной руководительницей в борьбе германского пролетариата за его освобождение.

Исполком рекомендует К.П.Г продолжать свою политику борьбы за влияние на пауперизированную страдающую мелкую буржуазию. Никогда еще не представлялось пролетариату более выгодного момента для приобретения союзника в лице городской мелкой буржуазии и мелкого крестьянства, как при господстве фашизма. С этой целью К.П.Г должна внимательнейшим образом следить за борьбой в лагере фашизма, выкристаллизовывать ее социальное содержание, освобождать мелко-буржуазные массы от фашистской идеологии, сравнивая перед ними дела и слова различных фа-

шистских клик. Никогда еще перед пролетарской освободительной борьбой не вставало такое непосредственное веление сделать свое знамя знаменем освобождения нации, как в настоящий момент, когда каких-нибудь 100.000 вооруженных мужиков господствуют над 60-миллионной нацией и служат важнейшей лейб-гвардией тех, кто распродает нацию оптом и в розницу.

5. За единство Партии.

Исполком беспощадно вскрыл упущения К.П.Г и свои собственные промахи. Лишь таким путем можно их преодолеть. Ничего не приукрашивая, мы шаг за шагом констатировали уроки октябрьского поражения и теперь нам еще остается ответить на вопрос: была ли виновна в этих ошибках Партия в целом или только ее Ц. К., или только часть ее Ц. К. Мы изложили слабость всей Партии. Мы подчеркиваем здесь, что ни одна организация Партии не была свободна от этих слабостей. Достаточно лишь констатировать, что берлинская организация, строже всех других критиковавшая Ц. К., первая подала сигнал к прекращению забастовки Куно вопреки Ц. К. по той причине, что она была в состоянии провести забастовку железнодорожников и рабочих электрических установок. Достаточно констатировать, что берлинская организация в течение всего времени с августа и до октябрьского поражения не провела ни одной демонстрации, что она молчала, когда был принят закон о расширении полномочий, когда была запрещена наша пресса, и что она не поддержала наших саксонских товарищей ни одной демонстрацией. Достаточно констатировать, что она вела в решающую неделю бесконечные переговоры с вождями левой социал-демократии и профсоюзов вместо того, чтобы попытаться вывести рабочих на улицы. Слабости К.П.Г, — это слабости молодой революционной партии, вожди которой учатся правильно руководить Партией на своих ошибках и поражениях. Исполком, поэтому, решительнейшим образом отвергает попытку вождей берлинской организации противопоставить себя Партии, как призванных критиков, придерживающихся тактики, которая, будучи принята Партией, обеспечила бы победу ей. Если бы Пар-

тия преследовала тактику, которую предлагали ей вожди берлинской организации еще с 1921 года, то она бы не понесла поражения в октябре по той простой причине, что она была бы сектой, которая и вообще не могла бы поставить себе задачу завоевания власти. Требование вождей берлинской организации охарактеризовать октябрьское отступление Партии, как неправильное, мало того, как предательство, Исполком со всей решимостью отвергает. Если бы Партия провозгласила в октябре восстание, как это предлагали берлинские товарищи, то сегодня она лежала бы со сломанной шеей. Партия совершила при отступлении большие ошибки, которые мы выше критиковали. Но самый факт перехода в отступление отвечал положению вещей и был одобрен Исполкомом. Связываемые с этим отступлением обвинения в предательстве, требование смещения Ц. К. Партии означают панику, угрожающую существованию Партии. Сопротивление, которое оказали вожди берлинской организации, противоположно вождям Гамбургской тоже левой организации,—попытке Ц. К. Партии приостановить отступление, собрать отступающие массы в демонстрациях, доказывает, что вожди берлинской организации ничему не научились на поражении. Ибо важнейший урок октябрьских событий следующий: без приближения рабочих масс к врагу в обостренной частичной борьбе не может быть окончательной борьбы. Тот, кто принимает позы революционного вождя и в то же время противится многотрудной партийной работе, мобилизации рабочих масс на углубленную частичную борьбу, доказывает, что он не в состоянии служить делу революции, что он прикрывает революционными фразами неспособность к революционным действиям.

Исполком призывает Партию в целом всеми силами солидарно приступить к разрешению великой задачи подготовки вооруженного восстания против фашистской диктатуры.

Исполком призывает все партийные организации энергичнейшим образом противодействовать всякой попытке расколоть Партию. Исполком призывает партийные орга-

низации самым неуклонным образом придерживаться постановлений Ц. К. Партии. Нелегальной Партии нужна железная дисциплина. Исполком призывает Ц. К. Партии создать эту дисциплину путем выяснения положения в Партии и в заводских ячейках, путем обращения ко всем членам Партии. Исполком убежден, что Ц. К. Партии окажется в состоянии обеспечить с помощью Партии в целом единство Партии и, таким образом, помочь германскому пролетариату подготовиться к грядущим великим боям.

II. Что такое эпоха социальной революции.

I.

„Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, не во время последней войны, так после нее, не в ту, так в ближайшую, следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, и организовывать, и закалять, и подготовлять к войне против буржуазии своей страны и чужих стран".

Так писал Ленин 1 ноября 1914 года в одной статье „Социал-Демократа", озаглавленной „Против течения". В статье этой он перед лицом краха II Интернационала развивает уже все свои основные идеи: эпоха империализма рождает эпоху гражданской войны. Уничтожение капитализма невозможно „без отчаянной гражданской войны или ряда войн". Надо основать III Интернационал для подготовки этой войны. Развертывая знамя революционной коммунистической работы, Ленин оставляет открытым вопрос, удастся ли собрать вокруг этого знамени гражданской войны рабочие и мелко-буржуазные массы во время этой войны или после нее, или, быть может, только в следующую войну.

Но этот „пессимизм", быть-может, объясняется только тем фактом, что статья была написана в начале войны, когда не слышно было еще раскатов грома революции? Так вот место доклада Ленина о международном положении, про-

читанного 19 июля 1920 года, при открытии второго съезда Коминтерна:

„Товарищи! Мы подошли теперь к вопросу о революционном кризисе, как основе нашего революционного действия. И тут надо, прежде всего, отметить две распространенные ошибки. С одной стороны, буржуазные экономисты изображают этот кризис, как неприятное беспокойство, по изящному выражению англичан. С другой стороны, иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный.

Но это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя „доказать", что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплоатируемых. Пытаться „доказать" наперед „абсолютную" безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и словечки. Настоящим „доказательством" в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо „доказать" теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции".

Смысл этой речи Ленина простой: если пролетариат не найдет достаточно силы и организованности в себе, чтобы использовать международный послевоенный кризис буржуазии, то буржуазия найдет—плохой ли, хороший ли—исход, ибо нет безысходных положений. Эту речь сказал Ленин в момент, когда Красная армия перешла в войне с Польшей от обороны к наступлению, и Ленин очень оптимистически оценивал мировую обстановку.

В статье своей „Лучше меньше, да лучше", появившейся в „Правде" 4 марта 1923 года, Ленин дает очень сжатый, но содержательный анализ международного положения.

Он указывает на то, что система международных отношений сложилась теперь таким образом, что в Европе одно из государств порабощено государствами-победителями—это Германия. Затем ряд государств, и притом самых старых государств Запада оказались в силу победы в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие „социального мира".

В то же время целый ряд стран Востока: Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистской войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Он указывает на то, что западноевропейские страны завершают свое развитие к социализму, но завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерно „вызреванием" в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистской войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистской войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения.

Делая выводы из этого положения, Ленин обращает внимание на два главных затруднения создавшегося мирового положения.

На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, при чем этот раскол осложнился тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталисти-

ческого развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так-называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплоатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западноевропейских государств.

Но из этой оценки Ленин не делает никаких пессимистических выводов, он намечает вопросы, затруднения революции, считается с возможностью заминок, считается даже с возможностью, что рабочий класс позволит мировому капиталу еще раз завлечь себя на поле сражения (смотри его инструкцию для нашей делегации, отправлявшейся в Гаагу). Но он не впадает в уныние потому, что он великолепно понимает, что такое „период мировой революции". Многие коммунисты, зазубрив, что с мировой войной начинается период мировой революции, понимали это не по-ленински. Они считали, что после войны немедленно вспыхнет везде революция, восстание народов ликвидирует господство империализма, революция победит, по крайней мере в капиталистических странах, очень скоро. Ленин высмеивал такой упрощенный взгляд еще в 16-м году. Борясь в статье под заглавием „О карикатуре на марксизм" (напечатана в первый раз в 1—2 номере ленинградского журнала „Звезда" в 1924 году) против взглядов тов. Бухарина, Пятакова и моих по национальному вопросу, он пишет:

„Эпоха 1789—1871 гг. есть особая эпоха для Европы. Нельзя понять ни одной национально-освободительной войны, которые особенно типичны для этого времени, не поняв общих условий этой эпохи. Значит ли, что все войны этой эпохи были национально-освободительные? Конечно, нет. Сказать это значило бы договориться до абсурда и на место конкретного изучения каждой отдельной войны поставить смешной шаблон. В 1789—1871 г.г. бывали и колониальные войны и войны между реакционными империями, угнетавшими целый ряд чужих наций.

Спрашивается: из того, что передовой европейский (и американский) капитализм вступил в новую эпоху империализма, вытекает ли, что войны теперь возможны лишь империалистические? Это было бы нелепым утверждением, не умением отличить данное конкретное явление от всей суммы разнообразных явлений эпохи. Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам".

Для Ленина дело шло в данный момент о том, чтобы доказать, что в эпоху империализма возможны и не империалистические, национальные войны. Он не занимается систематическим анализом понятия „историческая эпоха", но он дает все таки сущность этого понятия. „Эпоха буржуазных революций",—это означает для него время, когда в решающих странах Европы (в конце XVIII и начале XIX в. направление истории решалось еще в Европе) сила буржуазии выросла до таких размеров, что вся Европа, чтоб не говорить обо всем мире, созрела к буржуазному перевороту. Во-вторых это не означает, что все страны с развивающимся капитализмом в Европе одновременно созрели к перевороту. От буржуазной революции, связанной одновременно с освободительной национальной войной, в Голландии до буржуазной революции в Англии миновало около ста лет. От английской буржуазной революции до американской, которая началась с колониальной войны, миновало больше ста лет. То же с французской революцией. Буржуазная революция в Германии проходила через целый ряд этапов, революционных и контр-революционных войн. Период буржуазной революции окончился в Европе на юго-востоке победой сербско-болгарского крестьянства в войне с Турцией в 1911 году, на Востоке Февральской, или более точно, даже Октябрьской революцией, ибо только она освободила русское крестьянство.

Само собой понятно, что я не хочу этим сказать, что пролетарская революция в Европе должна продолжаться триста лет, но из понятия „период пролетарской революции", „эпоха пролетарской революции" уже следует, что дело идет о длинном процессе борьбы. Во первых, о социалистической революции дело может

итти только в странах развитого капитализма. Когда мы будем бороться в Европе за социализм, в это время народные массы колониальных стран будут проделывать национальные революции и вести национальные войны. Во-вторых, пролетарская революция не будет происходить одновременно во всех капиталистических странах. Быть-может, она будет происходить в обратном порядке, чем мы ожидали, побеждая сначала в менее развитых капиталистических странах, где классовое соотношение сил—соотношение крестьянства и рабочего класса, близость к Советской России — создаст более благоприятные условия для победы революции. Наверно победы будут чередоваться с поражениями. Быть-может, между победами в одной стране и победами в других будет лежать большой промежуток времени. Никто не может исчерпать всех конкретных возможностей развития, но одно не подлежит ни малейшему сомнению, что „эпоха потому называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам", как говорит Ленин в выше цитированной статье по национальному вопросу. С мировой войной началась не мировая пролетарская революция, а только эпоха, период пролетарских революций. Это означает, что мировая война доказала, что буржуазия является для капиталистических стран уже разрушительной, а не созидательной силой, что результаты войны должны в Европе толкать рабочие массы на борьбу за власть против буржуазии, в колониальных же странах должно усилиться движение против европейской буржуазии.

II.

В 1917 году произошла пролетарская революция в России. Ее влияние, как и поражение в войне с Антантой, привело к крушению монархии в Германии и Австрии, к установлению там рабочей власти. Но рабочий класс не был в состоянии власть эту удержать, он сдал ее в своем большинстве добровольно буржуазии. В 1919 году меньшинство германского рабочего класса было побеждено буржуазией при помощи социал-демократов. Раньше еще была побе-

ждена тоже при помощи социал-демократов Советская Венгрия и Советская Бавария. В 1920 году итальянский рабочий класс, захватывая фабрики, подошел к вопросу о революции. Он отдал их обратно буржуазии под влиянием реформистов. Советская республика потерпела поражение в войне с белой Польшей, но она не только удержалась, но укрепляется с каждым годом. Таким образом, мы имеем победоносную пролетарскую революцию в России, охватывающую громаднейшее пространство от Тихого океана до Березины, и поражение всех попыток пролетарских революций вне России. Это положение ввергает часто в глубокий пессимизм хорошие коммунистические элементы, которые не прошли школы марксизма и ленинизма, и ожидали, что период пролетарских революций будет победоносным шествием, быстро заканчивающимся торжественным праздником. Присмотримся к вопросу, исчерпывается ли картина мира победой пролетарской революции в России и поражением ее на Западе.

Посмотрим на дело с мировой точки зрения, не только с европейской. Северо-американский капитализм преодолел свой громадный экономический кризис 21 года. Американская промышленность, переросшая во время войны свои довоенные размеры, двигается вперед, обслуживает с каждым днем все больше южно-американские и восточные азиатские рынки. Развитие капитализма в Восточной Азии и Индии шагает вперед. Но это поступательное движение капитализма на американском и азиатском континентах, на побережьях Атлантического, Тихого и Индийского океанов является одновременно основой целого ряда глубоко революционных процессов, Аграрный кризис в Америке, вызванный глубокими сдвигами в земледельческой технике открытием Панамского канала, сокращением рынков сбыта в Европе, ведет за собой брожение среди массы американских крестьян, уничтожая таким образом обособление американского пролетариата. Одновременно мы имеем налицо наплыв фермеров в города, оказывающий давление на рабочий рынок, что сулит ухудшение положения американской рабочей аристократии. Само собой понятно, что американские фермеры не будут работать на условиях европейских чернорабочих, но все-таки они могут пошатнуть положение аме-

риканских рабочих. Таким образом, в Америке на базисе более развитого капитализма создаются условия, если не немедленного революционного кризиса, то значительного обострения классовой борьбы. Вся американская политика проникнута глубоким беспокойством, находящим выражение в попытках создания мелко-буржуазной партии.

Пока что, дело идет лишь о создании мелко-буржуазной, а не рабочей партии, даже тогда, когда этот процесс развивается под флагом рабоче-фермерской партии. Но такая мелко-буржуазная партия, сигнализирующая уход рабочих фермерских масс и городской мелкой буржуазии от партии, представляющей интересы крупного капитала, означает перелом в истории Америки, где крупный капитал господствовал безраздельно над мелкой буржуазией. Однако развитие не остановится на этой „третьей партии". Лафолет, которого поднимают на щит мелко-буржуазные массы, быть может, лично непродажный человек, с реформаторскими стремлениями, но и Вильсон не продавался по аршинам и фунтам и гремел, как иерихонская труба насчет реформы. Короли трестов не хотят быть подвергнуты никаким реформам и найдут наверно средства, чтобы „реформировать" партию мелко-буржуазной реформы, что в свою очередь очистит путь массовой партии революции в Соединенных Штатах. Между прочим, в Мексике в продолжение 10 лет борется за свое существование рабоче-крестьянская революция, имеющая, благодаря положению Мексики и наличию в ней нефти, громадное значение. Она за последние годы усиливается, принимая во многих частях страны чисто большевистский характер.

Усиление капитализма в Индии и Китае (в этом последнем он делает замечательные успехи, несмотря на гражданскую войну) является основой усиления национальной борьбы молодой туземной буржуазии за освобождение. Усиление революционного брожения в Китае затрудняет работу японского империализма, как и его европейских собратьев, что в свою очередь должно отозваться на их внутреннем положении, прежде всего вызывая обострение борьбы промышленной буржуазии Японии с пиратскими финансовыми и милитаристскими кругами.

Революционное движение в Индии значительно глубже, чем мы в состоянии оценить. Рабочее правительство Англии не собирается изменить политику английского империализма по отношению к Индии. Но так как оно является симптомом ослабления английской буржуазии, то оно вызывает к жизни другое отношение к себе со стороны индийской буржуазии, чем то, в котором последняя находилась по отношению к английскому буржуазному правительству. Индийская буржуазия приходит к убеждению, что если покрепче напирать, то можно добиться результатов. Мы стоим в Индии перед расширением и усилением революционного движения, которое в свою очередь отзовется на положении в Англии.

Волна революционно национального движения докатывается даже до таких отсталых стран, как Персия и Турция. Они были, благодаря войне оторваны от мирового оборота. Уже то незначительное экономическое оживление, которое заметно теперь в Персии и Турции, усиливает торговый капитал в этих странах и является основой усиления национальных движений в этих странах. Достаточно вдуматься в вопрос, что означает уничтожение султанского престола и изгнание халифа для страны, в которой церковь была ближайшим образом связана не только с государством, но и с жизнью народных масс, чтобы понять, что уничтожение халифата является симптомом глубоких социальных сдвигов в Турции и что оно сигнализирует глубокие революционные перегруппировки в настроении масс. Ангорское правительство, отстояв независимость страны от Антанты, что, само собой, представляет уже поражение мирового империализма, не пошло после Лозанны на сделку, закабаляющую экономически Турцию. Наоборот, оно ликвидировало режим капитуляций. После изгнания султана, халиф и его двор стали центром интриг иностранного капитала и турецкой контр-революции. Разгон этого осиного гнезда даст в руки турецкого правительства значительные материальные средства (вакуфы, церковные земли), облегчит его отпор иностранному капиталу. Обострение классовой борьбы в Турции явится неизбежным результатом этого сдвига, несмотря на то, что руководители революционной Турции все еще мечтают о мире со своими внутренними врагами.

В Персии подъем национального движения. Риза-хан, военный из простонародья, творец молодой персидской армии, наверно не изучал Мацини и не читал речей Фихте к немецкому народу, но создал армию, которая в первый раз покоряет бахтиар и другие племена, находящиеся на содержании у английского капитала. Армия эта становится стержнем государственной централизации против феодального разброда. Национальное движение оживает несомненно в городах. Неизвестно еще, будет ли оно определять политику Риза-хана или он—политику национального движения. Это не маловажный вопрос, это вопрос о национально-демократическом или национально-либеральном ходе развития. Но факт налицо, что дело национального освобождения Персии от ига английского империализма идет вперед.

Не подлежит никакому сомнению, что Восток проснулся и что мы находимся в начале глубочайшего революционного процесса, охватывающего сотни миллионов людей, традиционная покорность которых была одной из основ господства мирового капитала и сравнительного спокойствия в Европе.

Старая Европа корчится в болях рождения нового мира. Господа капиталисты и их прикрыватели торжествуют, что мировая революция еще не победила. Но Англия—главная капиталистическая страна—имеет, 6 лет спустя после окончания войны, полтора миллиона безработных. Все страны европейского материка переживают процесс уничтожения средних слоев буржуазии. В одних странах, как Германия, экспроприация средних слоев городской буржуазии приняла грандиозные размеры. Во Франции, Италии этот процесс не подвинулся так далеко, но падение франка и лиры знаменует, что крупный капитал сваливает в растущей мере тяготы войны на мелко-буржуазные массы. Одновременно идет процесс громадной концентрации промышленности. В одних странах, как во Франции, на расширенной базе, в других, как в Германии, на суженной. Это означает громадное обострение социальных противоречий, даже если-бы удалось решить проклятые вопросы, которые задерживают и срывают попытки восстановления капитализма в Центральной Европе. Мы только что пережили самую острую форму борьбы франко-германской буржуазии—Рурскую войну. Она привела германскую буржуазию на

край пропасти. В октябре прошлого года революция стучала в ворота германской буржуазии. Слабость компартии не позволила ей нанести решающий удар германскому капиталу. Германская буржуазия добилась временной стабилизции своей валюты на внутреннем рынке. Но эта стабилизация висит на волоске франко-германского соглашения. В данный момент из небес буржуазной прессы слышны хоры ангелов, поющих „аллилуя". Комиссия экспертов выработала доклад, который предлагает такой грабеж в Германии, что даже господин Пуанкаре принципиально согласен. Но так как и вождь II Интернационала, господин Макдональд, примыкает к принципам господина Пуанкаре, то господствующей в Германии клике не остается ничего другого, как тоже принципиально соглашаться в надежде, что пока что получат кое-какой заемчик, а там будет видно. Но виды эти на заем не очень хороши. Мало того, уже ближайшие недели могут принести решительное ухудшение положения, начать новый период революционного кризиса, который снова поставит вопрос о завоевании власти рабочим классом. Падение франка, затрудняя положение французского правительства, должно было способствовать соглашению между германскими и французскими капиталистами. Но 4 мая может значительно затруднить это положение. Если в Германии при выборах усилится значительно, что не подлежит ни малейшему сомнению, не только мелко-буржуазный фашистский фронт, но и партия помещиков, то это поставит под знаком вопроса возможность франко-германской сделки. Поддержка французского франка английскими и американскими банками показывает, что англо-американский капитал готов поддержать французскую буржуазию в деле дележа германской добычи. Но франко-германское соглашение упирается в последнем счете в вопрос о международных долгах. Без освобождения от обязанности уплаты своих долгов Англии и Америке Франция не может итти на значительные уступки германской буржуазии. Но Америка этих уступок не делает Англии, считая, что раз Англия в состоянии уплачивать в год 300 миллионов золотых рублей, то только дурак откажется от такой выгоды даром. Не подлежит ни малейшему сомнению, что американцы смотрят на английский долг, как на средство связать англичан против Японии или же как на

предмет обмена за важные стратегические пункты в Караибском море. Англия же без американских уступок по отношению к себе не пойдет на уступки по отношению к Франции и из экономических соображений, как и потому, что французская задолженность является средством давления на Францию в вопросе о вооружении, в вопросе о стремлении Франции к гегемонии в Европе. Америка, не добившись общего соглашения с Англией насчет мировой политики, не определяет своего отношения к англо-французским конфликтам. Факт этот влияет самым решительным образом на невозможность решения франко германского вопроса. Пенелопа-Европа все разрывает ткань, сотканную в моменты, когда назревающий революционный кризис толкает ее на попытки компромисса. Старый капиталистический мир, обостряя социальные конфликты, не в состоянии похоронить старого империалистского конфликта и предупредить новый. Он держит Европу над пропастью революционных потрясений. Волна революций 1919—20 гг. может ежедневно подняться снова. Ее кормят глубокие источники классовых и международных потрясений.

Это состояние старого капиталистического материка является основой беспрерывных социальных конвульсий. Капиталистическая Европа то является свидетелем восходящей звезды Муссолини, т.-е. победы фашизма, являющегося политикой тяжелой промышленности, устанавливающей свою диктатуру при помощи мелко-буржуазных масс, то снова видит метеор рабочего правительства Англии, являющегося с точки зрения исторической маленьким намеком на крупное обстоятельство, на господство пролетариата в самой промышленной стране в Европе, но исполняющего в данный момент невольно роль средства расшатания господства английской буржуазии. Между маяком фашизма и разных форм вильсонизма, ллойд-джорджизма, т.-е. ослабления режима буржуазии, идет ее развитие. Формой стабильного господства современного капитала может быть только буржуазная демократия, ибо капитализм, втягивающий в водоворот экономической жизни десятки миллионов, не может спокойно господствовать, отказывая этим миллионам

в участии в политической жизни. За 4 года, прошедших от последних выборов в Германии, она пережила самые разнообразные формы сочетания социальных сил, от господства буржуазного блока через господство коалиции буржуазии с рабочей аристократией к господству тяжелой промышленности и помещиков под прикрытием диктатуры Стального Шлема; так шло развитие этой великой промышленной страны, которая не была в состоянии найти равновесия. Правительство германских помещиков, выдвигающих вопрос о земледельческих пошлинах, правительство агентов Стиннеса, экспроприирующих бесстыдно и безжалостно не только мелкую буржуазию, но капитал обрабатывающей индустрии, не может долго удержаться, если ему приходится опираться на миллионы разоренных и взбесившихся мелких буржуа. Ни диктатура тяжелой промышленности, в форме фашистской, ни диктатура, прикрытая сделкой с рабочей аристократией, не является формой господства, обеспечивающей спокойное существование капиталистического мира. Здесь налицо противоречия, которые ищут революционной развязки.

Картина мира полна противоречивых явлений: расширение капитализма в Америке и колониальных странах, потрясение его в Европе; громадный рост капиталистической концентрации, обнищание мелкой буржуазии; аграрный кризис в Америке, рожденный не только сокращением рынков сбыта, но и понижением стоимости земледельческих продуктов, обострит аграрный кризис в Европе, расслоит деревню; попытки свалить все издержки войны на пролетариат приведут к его мобилизации—это показывают результаты выборов в Италии как и рост оборонительной борьбы германского пролетариата, несмотря на его октябрьское поражение. Неустойчивость международного положения не может быть лучше характеризована, как двумя фактами: после Генуи, рурский конфликт и ультиматум Керзона—это один факт. Другой—тот, что японское землетрясение, неслыханная стихийная катастрофа, понадобилось для того, чтобы внести известное умиротворение в японско-американские отношения.

Весной прошлого года вождь $2^1/_2$ Интернационала, Отто Бауэр, сравнивал нашу эпоху с эпохой после Венского конгресса—временем чернейшей реакции. Его товарищ по

так-называемой австрийской школе марксизма, Рудольф Гильфердинг—„ерзац"—мозг германской социал-демократии, подводит год после этого изречения мудрого венского Эдипа снова итоги эпохи. В передовице основанного им нового журнала „Общество" он пишет:

„Миновало 10 лет со времени взрыва войны, а мир все еще не нашел ни экономического, ни политического, ни духовного равновесия. Развитие идет диким потоком. Человечество переживает эпоху бури и натиска громадных размеров и силы. Когда кончилось революционное движение 48 года, Маркс мог уйти в науку. Тогда, после революционной бури наступило тихое время, и массы отдали безучастно свои судьбы в руки снова восстановленного абсолютизма и бонапартизма. Для такой реставрации сегодня глубина и размеры социального брожения слишком велики. Война встрясла массы, их чувство силы повысилось, они остаются, как действующий фактор на сцене истории. Возвращения к старым формам господства над массами нет".

Мелкобуржуазный утопист ищет примерения между феодальными королями промышленности и рабочей демократией, как выход из положения, как то новое, чем чревата новая эпоха. Но новая эпоха не чревата компромиссами между рабочим классом и буржуазией, между эксплоатируемыми нациями и капиталистической олигархией. Она чревата новыми революциями, новыми национальными войнами, новым обострением классовых отношений. Чтобы вызреть, они потребуют времени, но они налицо. Компромиссы между государствами, между классами выполняют только моменты между фазами борьбы, которая разыграется на расширенном базисе. И насколько дело идет в отношении рабочего класса и буржуазии, то эти „компромиссы" представляют собой даже не видимость „социального мира", как выражался Ленин, а мира, навязанного сегодня побежденному классу, который завтра встанет на борьбу.

III.

Что такое эпоха пролетарской революции, этому учил нас великий реалист революционер Ленин. Если мы этого не понимали все в 16-м году, то теперь этого не понимать, после уроков многих лет, было бы величайшим тупоумием.

Но опыт последних лет говорит не только то, что эпоха революции это время продолжительных боев на разных участках фронта с разным счастием. Если было опасным не делать тактических выводов из продолжительности эпохи, то не менее опасно было бы не делать выводов из таких фактов, как октябрьское поражение германской компартии, которое было возможным только потому, что мы не предвидели рурского обрыва. Эпоха социальной революции—это не есть эпоха незаметных молекулярных изменений, которые выясняются только после промежутков времени. В переплете революционных и контр-революционных явлений будут происходить социальные обрывы чаще, чем можно этого ожидать. Мировая почва минирована. И эти обрывы возможны так же в пользу контр-революции, как и революции. Это не позволяет застывать нашей работе в формах исключительно подготовления коммунистических партий. Советская Россия взялась всеми силами за воссоздание своего хозяйства. Но вот керзонский ультиматум поставил ее под угрозой, поставил перед ней вопрос о новой вооруженной обороне. Октябрьские события в Германии поставили бы ее перед необходимостью боевой готовности и на случай победы революции и на случай такой победы контр-революции, при которой Франция оказалась бы хозяином в Берлине. Поражение германской коммунистической партии имело своим источником тот факт, что мы чересчур мало реально считались с возможностью социальной катастрофы и недостаточно к ней подготовлялись, несмотря на то, что мы теоретически ее предвидели. Коммунистический Интернационал, детище эпохи социальной революции, должен объединить в себе дух, необходимый для постройки пролетарских партий, для долгой осады капитализма, но единовременно подготовляющий их к скорому штурму или мужественному отпору выпада противника.

III. Работа Исполкома Коминтерна за год.

(Речь на XIII Съезде РКП (б) 28 мая 1924 г.)

Работа Исполкома Коминтерна за год распадается на два периода: на период растущих конфликтов, растущей революционной ситуации, и на период послеоктябрьский, на период идущей назад волны революции, растущего нажима капиталистов. Исполком Коминтерна и наша делегация работали, таким образом, в период известного перелома. Мы имеем два если не этапа, то два зигзага исторического развития. В первой части нашей деятельности мы должны регистрировать два крупнейших поражения: поражение коммунистов в Болгарии и поражение их в Германии. Эти два поражения надо сопоставить, попытаться найти, что в них есть общего и в чем их различие.

Часть товарищей в Коминтерне пытается представить дело так, что германское поражение является результатом применения тактики единого фронта. Другие товарищи, более снисходительные, говорят, что это поражение является результатом плохого применения тактики единого фронта.

В Болгарии поражение является результатом, как говорит тов. Бухарин, неприменения тактики единого фронта. Болгарская коммунистическая партия не применяла тактики единого фронта по отношению к социал-демократической партии, но она пыталась применять и применяла тактику единого фронта снизу, по отношению к крестьянским массам. Болгарской коммунистической партии удалось в ряды свои втянуть порядочное количество крестьян. (Говорят, что от одной трети до половины членов Болгарской партии—крестьяне). В то же время она не применяла тактики единого фронта по отношению к соц.-демократической партии.

Но где же источник ее поражения? Источник поражения Болгарской партии состоит в том, что она, видя надвигающуюся контр-революционную угрозу, не решалась итти в бой, считая, что при том международном положении Болгарии, какое в этот момент было налицо, при том положении, когда в продолжение 24-х часов София могла быть занята румынами или юго-славянами, нельзя брать власть. Таков был взгляд руководящих кругов партии на положение вещей, взгляд, который определял всю ее тактику. Реальной причиной того, почему партия не шла в бой, было то, что руководители партии были убеждены: взять власть можно, но удержать нельзя. Товарищи, когда мы говорим о коммунистических партиях в других странах, то нашим русским товарищам очень трудно конкретно представить себе, что стоит за ними. Коммунистическая партия Болгарии есть одна из преданнейших и лучших по своему марксистскому образованию партий. Эта партия в громадном большинстве состоит из пролетариата ремесленного, а не промышленного. Нерешительность руководителей партии связана и с этим. Поражение в Болгарии, таким образом, было результатом и неслыханно тяжелого международного положения, и социального состава партии, который не позволял ей и ее руководителям решиться на взятие власти.

Я перехожу к поражению в Германии. В чем источник поражения в Германии? И, прежде всего, в чем состоит это поражение? Есть товарищи, которые говорят, что причиной нашей ошибки была переоценка ситуации, ибо не было налицо такой революционной ситуации, какую мы себе представляли. Если бы, действительно, не было такой революционной ситуации, то понятно, что как бы ни было тяжело поражение, мы бы все-таки могли в известной мере спокойнее относиться к нему. Но—и тут я вполне согласен с германской левой—поражение в 10 раз более глубоко. Суть поражения в том, что была исключительная по своей остроте революционная обстановка, и коммунисты не сумели ее использовать. Припомним главные факты. Разрыв между германской буржуазией и французской. Война за Рур, впоследствии катастрофический развал хозяйства. Развал в лагере буржуазии. Как бы дооценивали или недооценивали разногласия в лагере германской буржуазии, но факт на-

лицо: в Мюнхене рейхсвер был выдвинут для того, чтобы стрелять в Людендорфа, бывшего главнокомандующего, и стоявших за ним фашистов. Это не часто встречается. Это знаменовало в значительной мере развал государственной власти. Дальше, никогда не было такой волны сочувствия к коммунистам в рабочих массах и среди мелкой буржуазии, как в тот момент. Если мы при таком положении не только не были в состоянии взять власть, но даже принять бой, данный нам противником, дать отпор, если мы в результате поражения имеем потерю 8-часового рабочего дня, 30% зарплаты и пока-что некоторую стабилизацию буржуазного режима, то яснее ясного, что здесь мы имеем громаднейший сдвиг равнодействующей социальных сил направо, мы имеем поражение.

Каковы причины этого поражения? Снова установимте факты. В октябре сражаться было нельзя. Этого мнения держался весь Исполком без исключения. Это мнение оспаривала только германская левая. Почему нельзя было вообще сражаться, а не то что драться за власть? Потому, что не было оружия. В Саксонии коммунисты имели восемьсот винтовок против 42-тысячного рейхсвера. Гражданская война есть война. Партия была безоружна, а без вооружения сражаться нельзя.

Но не только в этом дело. Почему коммунисты не могли сражаться? Почему коммунисты не могли даже защищаться? В чем тут дело? Товарищи, Германская партия, как и Коминтерн вместе с ней, черезчур поздно пришли к убеждению, что дело идет о решительном бое. Ибо одни сознательно, а другие бессознательно исходили из предположения, что борьба за два процента в угольном и железном синдикате, борьба за то, кто будет иметь в нем большинство, кончится скорым компромиссом. Предпосылки примененной тактики и сделанные ошибки в недооценке революционности положения основаны были на том предположении, что нельзя было думать, что германская буржуазия поставит на карту свое существование из-за двух процентов участия в трестах угольном и железном. Так оценивали положение все. Лучшим доказательством является факт, что в июле месяце собранный здесь пленум Исполкома Коминтерна занимался вопросами политической пропаганды, не ставя во-

проса о захвате власти в Германии. Только с июля германская партия сделала подсчет, что означают ее пролетарские сотни, и пришла к убеждению, что она не располагает никаким вооружением вообще. В июле Исполком Коминтерна получил первый доклад, в котором был поставлен вопрос не о вооружении, а о том, что нет вооружения. Не надо никаких других доказательств. Кто на основе статьи или какой-нибудь телеграммы будет доказывать, что это неверно, пусть докажет, как возможно было при другой оценке положения, чтобы июльский расширенный пленум Исполкома Коминтерна был конференцией политической пропаганды, а не подготовки борьбы за власть в Германии. Вся коммунистическая партия Германии так оценивала положение. Левые товарищи германской партии весной подписали здесь совместно выработанную резолюцию об общей линии. Они были на расширенном Исполкоме Коминтерна, и ни один не сказал, что мы стоим перед захватом власти. И когда Исполком Коминтерна в сентябре изменил политику и решился итти на борьбу за власть, то на решающем заседании представители немецких левых продолжали так же неопределенно смотреть на ближайшие перспективы, как и представители большинства ЦК. Левые критиковали немецкий ЦК по части пропагандистской линии и т. д., но не ставили ребром вопроса о захвате власти. Если бы они так думали и не довели до громаднейшего конфликта в партии, то они были бы предателями. Но они не были предателями. Надо ли было в сентябре решиться на то, на что Коминтерн решился? Надо ли было попытаться итти на борьбу? Надо было, ибо с августа месяца стало ясно: или коммунисты возьмут власть, или фашисты. И было правильно решение: сделать все, чтобы не дать себя захватить врасплох; но, к сожалению, коммунисты не успели этого сделать. В то время, когда с Коминтерном совещались представители немецкого Центрального Комитета, в Германии был принят основной закон о фашистской диктатуре, была задушена коммунистическая пресса. А партия в это время ждала, не решалась итти на бой, не в состоянии была раскачать рабочие массы. И когда раньше, чем ожидалось, перешли в наступление фашисты, германская партия оказалась захваченной врасплох. Чтобы фашисты раньше коммунистов

перешли в наступление, этого никто не предполагал. Они оказались лучше организованными, они имели больще политической инициативы. Они перешли в атаку, и перед этой атакой коммунисты оказались не только без оружия, но и без массы, втянутой рядом политических кампаний в бой, и без массовых органов, при помощи которых можно было бы принять и выиграть бой.

Товарищи, саксонская карта была бита, но кто критикует саксонскую карту с точки зрения того, что Геккерт или Бетхер,—которые, кстати, прощены и которые теперь сидят среди святых,—говорили плохие речи в парламенте, тот не видит основного. Основное несчастье партии, основная ошибка партии и главный урок поражения заключается в том, что, когда идешь на единый фронт с социал-демократами, нужно итти с собственными массовыми органами, при помощи которых можно припереть к стенке соц.-демократов,—с фабзавкомами, профсоюзами, громадной организованной силой. Коммунары этого не имели не только в Саксонии, но не имели и в Берлине, и в Гамбурге, находившихся в руках левых. Кто этого не видит, тот не видит основного. Ибо главный урок германского поражения (я к этому позже приду) состоит для меня в том, что при тактике единого фронта,—сверху ли, снизу ли,—коммунары не будут делать ошибки только тогда, когда в решающие моменты в массах будут иметь великолепно организованный боевой кулак, который может самостоятельно выступать.

Товарищи, почему коммунары его не получили? Тут я подхожу к главным источникам нашего поражения. Тов. Бухарин говорил здесь об оппортунизме группы Брандлера. Выходит, что во всем Интернационале не оказалось более оппортунистической группы, чем группа Брандлера, Тальгеймера, Цеткиной. Я спрашиваю, товарищи, как можно объяснить тот факт, что в германской коммунистической партии наиболее оппортунистической группой оказалась та, которая с 1910 года была непрерывно в борьбе с Каутским, которая с первого дня войны начала нелегельную борьбу и стояла внутри партии за раскол социал-демократии? Не тов. Роза Люксембург, а тов. Тальгеймер является тем человеком, который 4-го августа первый сказал в партии, что гер-

манская социал-демократия есть смердящий труп,—слова, которые Владимир Ильич считает исторической заслугой Розы Люксембург. Как могло случиться, что группа, которая вынесла на своей спине всю тяжесть нелегальной борьбы против войны,—что группа, которая основала коммунистическую партию в Германии, группа, которая своей деятельностью привлекла на свою сторону массы независимцев, что тот самый Брандлер, который в марте 1921 года пошел в мартовское наступление,—как случилось, что такая группа оказалась самой оппортунистической группой, против которой теперь мобилизуется весь Интернационал, против которой теперь выдвигаются тягчайшие обвинения со стороны людей, пришедших к нам в 1919 году, которые в 1918 году еще писали статьи в честь Вильгельма, которые еще в 1919 году не знали, где им место—в армии ли Пилсудского, или в нашей партии? Как это случилось, товарищи? Я заявляю, что группа Брандлера сделалась жертвой общей слабости партии,—слабости, созданной не благодаря их тактике, а вопреки их тактике.

Если руководящая теперь в партии группа была все время противником единого фронта,—а доказано, и это признают все, что, только благодаря применению тактики единого фронта, коммунисты являются теперь массовой силой,—то я говорю: в пользу группы Брандлера идет то, что коммунисты—массовая партия, а в счет ошибок я отношу тот человеческий руководящий материал, которым приходилось орудовать группе Брандлера. Мы имеем среди него огромное большинство членов партии, которые никогда не были даже в социал-демократической партии. Мы имеем там рабочий молодняк. Мы имеем в руководящем слое партии, кроме молодежи, выдвинутой после 1919 года, большой слой бывших профессионалов, бывших партийных чиновников, независимых соц.-демократов. Через их руки проводилась политика Брандлера, и тот факт, что Брандлеру не удалось выдвинуть нового активного рабочего слоя, а пришлось действовать с кадром партийного чиновничества, помешал создать тесную связь с массой, которая обеспечивала бы победу.

Тов. Бухарин в доказательство оппортунизма брандлеровской группы, как источника поражения, цитировал одно

место из резолюции лейпцигского съезда 1923 года о едином фронте, о рабочем правительстве. Товарищи, пойти на трибуну партийного съезда и рассказать ему, что в октябре, когда Брандлер и другие вступили в правительство, когда вся власть была в руках генерала Мюллера, Брандлер надеялся на продолжительный блок с социал-демократами и на мирное врастание через рабочее правительство в диктатуру пролетариата,—это, товарищи, есть злоупотребление вашим незнанием положения. Ведь, когда коммунисты вступили в правительство, саксонская полиция была в руках противника. Саксония, скруженная со всех сторон рейхсвером, ежедневно ждала момента его выступления, и главный аргумент, почему в сентябре тов. Брандлер и другие высказывали опасения против вступления в правительство, был тот, что „они нас прихлопнут". Тов. Брандлер—строительный рабочий, который, по одному меткому заявлению бывшего нашего тов. Леви, „когда аргументирует, то бросает кирпичами". В ответ на нападки за его формулировки Брандлер часто говорил: „Плохая формулировка? Но я найду вам в моих речах еще более плохую формулировку". Судить Брандлера по его теоретическим формулировкам—это очень дешево.

Но если его формулировка, как говорит тов. Бухарин,—оппортунистическая, предрешающая поражение, то где же мы были тогда, когда она была принята. Почему Исполком не дезавуировал этой формулировки перед октябрем? Почему вы только плакали в жилетку из за этой формулировки? Почему вы, имеющие опыт двадцати лет не только гражданской войны, а и внутрипартийной, так-сказать, войны, почему в Коминтерне вы не поставили ультимативно вопрос о том, что это—формулировка оппортунистическая, за которую мы не будем нести ответственности? Очень легко доказать, что эта формулировка совпадает с формулировкой IV конгресса. Я не буду здесь вдаваться в теоретические споры. Но если мы, руководители Коминтерна, имели перед собой такую группу врожденных оппортунистов, из которых оппортунизм так и выпирал в резолюциях, которые левая немецкая мудрость считала источником всякого оппортунизма, то где же мы были? Или вы хотите нести ответственность только за победу и не хотите нести

ответственности за поражение? На это, товарищи, никто не пойдет. Этот номер не пройдет в истории.

Но, товарищи, не пеняйте на себя. Не этот оппортунизм, не это было источником поражения. Источник поражения состоит в том, что хотя германская партия уже пять лет находится в гражданской войне, выходит из подполья и возвращается в подполье, но это—молодая партия, не умеющая еще организовывать революцию.

Что означает оппортунизм? Оппортунизм, по словам Владимира Ильича,—это сделка в пользу части рабочего класса с господствующим классом за счет большинства трудящихся. Это есть оппортунизм. Можно сказать, что есть оппортунизм активный, когда ты грешишь с буржуазией, и оппортунизм пассивный, когда ты ничего не делаешь, но позволяешь себя насиловать. Если же вы называете оппортунизмом недостаточно активную политику германской партии, тогда вся политика германских коммунистов, как и всего Коминтерна, была оппортунистична, ибо массовые революционные партии не выскакивают готовыми из наших брошюр. И я буду очень рад, если теперь передовая революционная партия наша,—например, французская партия,—окажется лучшей в действии. Пока-что я должен только удостоверить тот факт, что во время рурской борьбы, исход которой может решить судьбы германской революции, коммунистическая партия Франции не имела в Рурском бассейне на нелегальной работе ни одного своего представителя, что работали там только французские комсомольцы без помощи партии. И я это не сегодня выдвигаю. Я это говорил в присутствии тов. Лозовского, самым жестким образом говорил тов. Росмеру, говорил это в сентябре тов. Кашену. И когда партия, ни одной демонстрацией не ответившая на расстрел в Рурском бассейне, не пославшая не только сотни, но даже десятка французских коммунистов для нелегальной работы во французскую армию, в то время, когда расстреливали германских рабочих,—когда эта партия в лице некоторых своих вождей берет на себя смелость кричать об оппортунизме Брандлера, то, товарищи, это зрелище для богов!

1. Организационная ошибка Коминтерна.

Какие выводы сделали мы из этого поражения? Какие сделала выводы германская партия, старое большинство германского ЦК и германской партийной конференции? Они сделали их 3-го ноября, до того, как представительство Коминтерна получило от последнего хотя бы одну телеграмму с указанием о тактике. Они сделали следующие выводы: никаких переговоров с предателями социал-демократами, которые являются помощниками фашистов; борьба за единый фронт снизу; социал-демократ, который не рвет со своей партией, нам не союзник. Это был первый вывод, сделанный большинством ЦК под руководством Брандлера. Второй вывод был: не знаем, окончательное ли это поражение. Фашистский режим встретит громадные затруднения. Всеми силами взяться за вооружение, всеми силами за боевую подготовку партий! Третий вывод: начать кампанию демонстраций на улицах, потому что доказано, что с места прыгать нельзя. Эту перестановку тактики партии сделала вся партия, сделал старый ЦК 3-го ноября.

Товарищи, какие добавочные выводы сделал Исполком Коминтерна по предложению нашей делегации? К лозунгу „Долой социал-демократов и фашистов"! Коминтерн добавил еще один лозунг: „Долой Брандлера и его группу"! Этот лозунг был единственным тактическим изменением, которое ввел Исполком Коминтерна.

Товарищи, в политике нет сентиментов, и если нужно производить самую больную личную операцию, то никакие заслуги прошлого не могут и не должны оградить товарища от ответственности за свои ошибки. Я вполне стою на этой точке зрения. Но я критикую это решение, ставлю его под знаком вопроса, с точки зрения целесообразности.

Когда представители Исполкома Коминтерна приехали в Дрезден, в ночь, после занятия города рейхсвером, тов. Брандлер заявил, что он дал приказ об отступлении, и что если представители Исполкома Коминтерна считают этот приказ неправильным (курьеры были еще не разосланы), то он подчиняется беспрекословно. Когда после ознакомления с положением представитель Исполкома Коминтерна

решил, что нельзя принимать боя, и одобрил решение ЦК, Брандлер сказал: если вы согласны на отступление, то вы должны мною пожертвовать, потому что после этого вы будете вместе со мной ответственны за поражение. Я считаю, что представитель Исполкома Коминтерна действовал правильно, отвечая, что из политических соображений Брандлер должен оставаться на-посту. Прежде всего, при отступлении не меняется командующий; во-вторых, битый вождь лучше десяти небитых, и в-третьих, в партии, где половина членов—безработные, где половина членов партии не была раньше в рабочем движении, где отовсюду прет синдикалистское влияние,—если люди типа Брандлера уйдут от руководства этой партией, партия будет сброшена с рельс и на левой политике сломит себе шею. Я считаю, что этот аргумент представителя Исполкома Коминтерна был правилен, решение было правильно. С ним соглашался и т. Зиновьев. Это было тогда, когда он уже знал все подробности поражения и положения в германской партии. Поражение я отношу к 21-му октября, а позже тов. Зиновьев, формулируя 7-го декабря первоначальный набросок плана работ по немецким делам для членов делегации Исполкома Коминтерна, написал в нем следующее: „Что касается положения в германском ЦК,—а это положение я считаю самым важным,—то другая комбинация кроме той, которая есть, невозможна".

Это предложение тов. Зиновьева не сменять руководящую группу партии было сделано 7-го декабря, когда, повторяю, он знал абсолютно все, когда имел все документы, когда вернулась делегация Коминтерна.

И я считаю, что тов. Зиновьев был прав, а Исполком был позже неправ, когда решил выбросить за борт старых руководителей партии, ее основателей,—людей, которые ее строили, людей, которые, несмотря на все свои ошибки, имеют большой опыт и больше политического чувства ответственности, чем нынешний Центральный Комитет партии. Говорите, что хотите,—что Брандлер сделал сто ошибок, но он, совместно с Коминтерном приняв решение итти в наступление и ориентировавшись позже в положении на месте, сказал себе: я не пойду в бой, который будет в данных условиях стоить головы двадцати тысячам рабочих и обречет их на

поражение. Принимая это решение, Брандлер рисковал своей политической головой, все же он дал приказ к отступлению. Я говорю, что без людей с таким чувством ответственности, каковы бы ни были их ошибки, нельзя построить коммунистической партии. Коминтерн не всегда успевает во-время учесть обстановку на местах, и те партии, вожди которой не будут иметь мужества, которое проявил Брандлер, эти партии будут биты и биты без конца.

Товарищи, я говорю об этом прошлом не для личной защиты,—мне нечего защищаться. Я это говорю для того, чтобы информировать съезд нашей партии. Дурак тот коммунист, который, услышав мнение такого съезда, как наш, скажет себе: „Я во сто раз умнее“ и т. д. Тут вопрос идет не о формальном принципе,—тут идет вопрос о том решении съезда, которое надо десять раз проверить, не ошибся ли он. Я это говорю потому, что вы не знаете немецкой обстановки, как, мне кажется, знаю ее я.

2. Что дальше?

Я задаю вопрос, что же дальше? Этот вопрос для меня более важен, чем прошлое, ибо для меня, как работника Коминтерна и коммуниста, не важно рассчитываться с прошлым, а важно, как бороться дальше. Тов. Бухарин здесь, в первой части своего доклада, пытался дать анализ международного экономического положения. Я с этим анализом, хотя он по краткости времени, понятно, мог быть только очень схематичным, в основе согласен. Тов. Бухарин говорил, что мы имеем налицо некоторую стабилизацию внутри капиталистической системы, что, как он говорит, в рамках общего цикла упадка кривая лезет немножко в гору. Я согласен с ним, когда он говорит, что нельзя ни с каким научным правом сказать, что кризис капитализма преодолен, что мы имеем нормальное буржуазное общество. Для такого утверждения нет не только научного материала, но нет и фактов. Начинающаяся стабилизация может быть еще сорвана международными столкновениями, сорвана борьбой рабочего класса. Я согласен с ним, когда он говорит, что даже если стабилизация будет более продолжительной, то на почве ее мы не будем иметь довоенного состояния, а

новую почву для революционной массовой борьбы. Я согласен с ним, когда он говорит, что поэтому вся основная задача коммунистической партии осталась старой, и в их агитации диктатура пролетариата и Советская власть должны стоять на первом месте, и с этой точки зрения должна быть освещена их работа. Коммунисты, может-быть, в ближайшие месяцы, в той или другой стране на основе рурского опыта, если не учтут всех обстоятельств, могут оказаться безоружными. Надо совершенно серьезно готовиться к этому бою.

Но, товарищи, когда выдвигаешь вопрос о возможности капиталистической стабилизации, то, ведь, этим вы говорите, что она действительно возможна. Два года назад тов. Варга сделал доклад Коминтерну о хозяйственном упадке, развале капитализма, а новый доклад тов. Варги, выпущенный теперь, носит название „Развал, или стабилизация капитализма?". Он ставит вопрос так, как тов. Бухарин. Он говорит, что еще неизвестно, куда повернет история. Но сделал ли тов. Бухарин из своего основного анализа политические выводы? Сделал ли он попытку продумать, какую нам вести политику при стабилизации капитализма? Этой попытки не было. И мало того, когда тов. Бухарин давал свой обзор международного положения, у него недоставало одной интереснейшей вещи—подсчета результатов выборов. Не было, таким образом, попытки анализа соотношения сил в рабочем классе. Я сейчас вам докажу, что не было.

Но, товарищи, когда мы должны определить нашу тактику, то нам, во всяком случае, надо задуматься о соотношении сил в рабочем классе, ибо это соотношение будет определяющим звеном в нашей тактике. Проследим по странам. Англия: коммунистическая партия—пока-что маленькая пропагандистская группа. Реформисты держат в своих руках рабочее движение, и коммунистическая группа настолько слаба, что из чувства своей слабости сделала попытку путем сближения с Макдональдом войти в связь с реформистскими рабочими массами. Мы имели оппортунистическую политику во Франции. Я вполне согласен с оценкой тов. Зиновьева, что парижская победа—громаднейшая победа, что она означает громадный поворот, что партия стала массовой партией; но, товарищи, кроме Парижа существует еще два основных

важнейших и значительнейших района: Па-де Кале и департамент Дю-Нор (Северный департамент), крупные угольный и текстильный районы. Какое соотношение сил там, товарищи? Там социалисты не вступали в блок с буржуазией, так как они чувствовали себя сильными. Каковы цифры? 150.000 в этих рабочих районах собрали социалисты, которые выступали самостоятельно, в то время, как коммунисты собрали только 64.000. Это показывает, товарищи, как партия коммунистов слаба там. Париж—политический центр. Но главные массы промышленного пролетариата находятся на Севере, этой в прошлом твердыне радикального рабочего движения, оплоте гэдистской партии. Пока коммунисты не завоюют Севера и не усилят профессиональных союзов, мы можем быть радикальной парламентской фракцией, но не боевой партией масс.

3. Положение в Германии.

Товарищи, я перейду к Германии. В Германии социал-демократы потерпели громадное поражение, но и насчет этого поражения не надо терять голову. Во-первых, нельзя сравнивать цифры 1920 г. с цифрами 1924 г. по следующей простой причине: в 1920 г. раскололась независимая социал-демократия, которая имела 5 миллионов голосов. Тогда от нее половина ушла к коммунистам, и надо сравнивать голоса социал-демократии с коммунистами не за период 1920 г., а по местным выборам 1921—23 гг. Тогда картина будет такова, что коммунисты увеличили в основных рабочих районах свои голоса, в Рурском бассейне они вышли победителями над соц.-демократами, они били их в основных рабочих районах Берлина. Не хуже коммунисты их били также в основном, в брандлеровском районе, в Хемнице, где победа коммунистической партии только на несколько процентов меньше берлинской, и где организации были в руках единомышленников Брандлера. Но, товарищи, социал-демократия еще большая по составу рабочая партия, более пролетарская, чем в 1920 году, ибо она потеряла сейчас мелкобуржуазных попутчиков. Нам надо это знать, мы еще будем иметь тяжелую борьбу с социал-демократами. (Голос с места: „Мы это знаем“!). Вы это знаете. Но когда в цен-

тральном органе германской компартии пишут: „Мы—самая сильная партия в пролетариате", то это неверно. Когда у нас говорят, что коммунистическая партия в Германии сейчас так же сильна, как германская социал-демократия перед войной, то это неверно. Перед войной в Германии было 15 миллионов избирателей, из них 4 миллиона социал-демократов. Теперь избирателей 30 миллионов, а коммунисты имеют 4 миллиона (теперь избирают и женщины), и коммунисты в народной массе сейчас наполовину слабее, чем социал-демократы перед войной. Это надо учесть и видеть.

Наилучшим наше положение оказалось в земледельческом районе Прикарпатской Руси и в Болгарии, где, несмотря на полнейший разгул контр-революции, коммунистическая партия держалась великолепно, завоевав громадные массы. Это показывает нам, что основное затруднение в рабочей аристократии, в социал-демократии, что в странах земледельческих коммунистам легче итти на прорыв фронта. Но если положение обстоит так, если тов. Бухарин считается с возможностью продолжительной заминки, если социал-демократия еще является громадного значения фактором в рабочем движении, если мы только в Германии и Франции начинаем подходить к завоеванию сердцевины рабочего класса,—то из этого надо сделать выводы о последствиях такого положения и при более скором, и при замедленном развитии. Какие опасности мы имели бы в обоих случаях? Ту опасность, что рабочий класс еще не разуверился в социал-демократии, что не исключена возможность обмана значительной части массы социал-демократами. Мы будем иметь в обоих случаях основную опасность справа.

4. Опасности справа и слева.

Опасность справа не состоит в том, как это себе представляет вождь большинства французской партии тов. Трен, что существует заговор со стороны правого крыла. Боже милый, я дал бы что-угодно за то, чтобы это правое крыло было сколько-нибудь посмелее, чтобы оно как-нибудь формулировало свои взгляды,—тогда легче было бы с ними бороться. Что я в них ценю,—это то, что они так дорожат единством с Коминтерном. Чего я не ценю,—это то, что они

так боятся нашей критики, что они подписывают любую радикальную резолюцию. Но опасность совсем не в этом, а в том, что рабочий класс—и вожди, и массы отходят от социал-демократии очень медленно, очень медленно изживают социал-демократические иллюзии. Опасность состоит в том, что легче на бумаге писать коммунистические резолюци, чем в капиталистически стабилизующейся стране, со старым социал-демократическим движением проводить истинно-коммунистическую политику.

Значит, основная необходимость фактически заключается в борьбе направо. Но, товарищи, случайно ли это было, что на II Конгрессе Коминтерна, где мы выработали 21 условие против правой опасности,—из них даже пять не проведены в жизнь нашими коммунистическими партиями, что на этом же конгрессе шел бой, который вел тов. Ленин против левого уклона по вопросу о парламентаризме, по вопросу о профсоюзах? Случайно ли, что на III Конгрессе тот же самый бой с левым уклоном оказался уже в центре? Случайно ли то, что на IV Конгрессе по отношению к Чехо-Словакии мы имели тот же бой, хотя он был несколько слабее? Случайно ли то явление, что когда я дал одному товарищу заполнить анкету: какие книги читают члены нашей берлинской организации?,—оказалось, что из 20 членов партии только 2 имеют марксистские книги, изданные перед 1918 г.? Чем это объясняется? Случаен ли такой теоретический уровень у западного революционного молодняка? Это не упрек, а констатирование факта. Как возможны такие вещи, когда член Политбюро германской партии, член ЦК партии тов. Рут Фишер в органе партии, который носит славное имя „Искры", имеет мужество писать следующие вещи для просвещения германских рабочих. Я прочту только одно место, чтобы вы видели весь букет:

„Бороться с централизмом Брандлера путем ссылки на организационные взгляды Розы Люксембург, — это значит лечить триппер впрыскиванием сифилиса".

Товарищи, я вам это прочел, поверьте, не для сенсации, не для насмешки,—я это цитировал, как доказательство неслыханного теоретического уровня в коммунистической партии. Вождь ЦК, член Политбюро нашей партии при воспоминании имени Розы Люксем-

бург не имеет других ассоциаций, кроме упомянутой. Когда я прочел это место в пропагандистском органе берлинской левой, я не смеялся, а мне стало жутко. И если уровень партии позволяет ее руководителям вести такую пропаганду, если Исполком Коминтерна принужден употреблять все усилия, чтобы заставить ЦК партии сопротивляться уходу членов партии из профсоюзов, то я не знаю, как тов. Бухарин может здесь выйти и сказать, что мы имеем в Германии такое руководство, с которым мы вполне солидарны в основном,—руководство, которое вполне сплочено. Ведь, только несколько дней назад были напечатаны в „Правде" два послания Коминтерна к германской компартии и статья тов. Зиновьева о германской компартии, в которой он видел громадные опасности и ставил вопрос так, что это руководство может или вывести партию на широкую дорогу, или ее погубить. Как же опасности являются так скоро и так же скоро исчезают? В Америке партия готова была заключить подлинный блок с буржуазными партиями, в Англии коммунистическая партия послала поздравления Макдональду, в Германии опасность со стороны Брандлера, а теперь со стороны левых. А теперь вдруг опасности исчезают, и тов. Бухарин через две недели после опасности говорит, что все обстоит благополучно. Факт налицо, что немецкая левая имеет большинство в партии, и что всякая попытка навязать другой ЦК была бы авантюрой. Но неверно, что эта левая добилась большой выборной победы. С января и февраля, со времени выборов в ландтаги в Саксонии, Тюрингии, Мекленбурге, Любеке, Баварии и Бремене, партия потеряла под ее руководством 30% голосов. Почему? Потому что она 6 месяцев занималась не политикой, а внутрипартийной тактикой. В тот момент, о котором говорит тов. Бухарин, что надо итти в бой за промежуточные слои, когда в Германии свирепствует аграрный кризис, партия за все время выборов не издала ни одной брошюры к крестьянам, ни одного воззвания, в партийной печати не было ни одной статьи. В стране, которая страдает под игом Версальского мира, левые молодцы говорят: начихать нам на национальный вопрос,—это политика Радека. Это значит, что партия не проводит ни в аграрном, ни в национальном вопросе ленинской политики. Партия, которая должна преодолеть себя, дабы удерживать

своих членов от бегства из профсоюзов, не в состоянии вести порядочную профсоюзную работу.

Партия, которая считает тактику единого фронта наполовину измышлением советской дипломатии и наполовину порождением дьявола оппортунизма, не в состоянии ее применять ни снизу, ни сверху, ни сзади, ни спереди. (Смех). Должны ли мы об'явить анафему? Понятно, нет. Германская партия развивается, мы должны ей помочь. Но нельзя выступать с официальным оптимизмом. Когда тов. Зиновьев предостерегал в своей статье, он был прав. А когда тов. Бухарин, выступая с докладом, который будет определять тактику на конгрессе, не говорит, что нужно бороться на два фронта, он здесь не говорит основного. Он меняет тактику и не говорит того, что надо говорить. На борьбу на два фронта пойдет всякий, кто воспитывался под влиянием русской революции и ее уроков. Но на борьбу только против правых, даже существующих фактически правых, я не пойду, ибо это означает разрыв рабочего авангарда с широкими массами рабочего резерва. Ведь, это отдаст руководство синдикалистским элементам, которые в состоянии возбудить прекрасных передовых рабочих, а не потянуть за собою широчайшие массы рабочих, которые еще не настроены коммунистически.

Еще один вопрос. Когда мы шли на III Конгресс, какой лозунг мы дали?—„К массам!“. Когда мы шли на IV Конгресс, какой лозунг мы дали? Центральным лозунгом тогда был—„единый фронт, рабоче-крестьянское правительство“. Мы сконцентрировали лозунг „к массам!“. А теперь какой лозунг будет у нас? Я из доклада тов. Бухарина не услышал этого. Разве это лозунг—борьба против правых? Это тактическое направление партии. А на каких вопросах, как мы будем мобилизовать массы? Что надо считать главной задачей пятого Конгресса? Я говорю, что новой задачей в данной обстановке, на основе всех уроков, которые мы получили, являются завоевание и закрепление большинства в рабочих массовых организациях. Без завоевания профсоюзов и фабзавкомов мы окажемся в дураках 10 раз. Лозунг завоевания большинства массовых пролетарских организаций, как ближайшая задача,—это боевой лозунг V Конгресса. Здесь мне говорят, что это старо. Я знаю, что Российская

партия имеет в 10 раз больше опыта, чем наши другие коммунистические партии. Но мы должны установить тактику для конгресса Коминтерна, где сидят не такие просвещенные товарищи, которые по 20 лет в партии и многое знают по собственному опыту и т. д., а где мы имеем дело с западноевропейским рабочим молодняком. Лозунг Ильича на III Конгрессе—„к массам!"—казался не менее общим и старым, а все же он определял главную задачу момента. На IV Конгрессе мы выдвинули лозунг единого фронта. Опыт прошлого года говорит: нет единого фронта без твердого завоевания не симпатий большинства, а реального большинства в рабочих организациях. Для этого необходимо направить главную работу коммунистов на завоевание массовых организаций пролетариата. Иначе мы будем радикальными парламентскими партиями и не подготовим боя за власть. Решение этого вопроса есть ближайшее боевое задание на случай революционной и затяжки, и развязки.

Наконец, товарищи, надо реально приступить к задаче, которую в общей формулировке поставил тов. Бухарин: борьба за промежуточные слои. Когда мы говорим, что мы, большевики-ленинцы, внесли в Европу коммунистическую, в отличие от старой соц.-демократии, идею связи рабочего класса с крестьянством, то я спрашиваю: как долго мы намерены ездить на этом общем слове—связь рабочего класса с крестьянством? Ни одна из наших партий не имеет не только аграрной программы, но не знает положения крестьян у себя, не имеет хотя-бы брошюрки по этому вопросу. И здесь—громадная конкретная работа, которая стоит перед компартией. Тут много раз упоминали, что Конгресс будет не разбольшевичивать Российскую партию, а обольшевичивать другие партии. Верно. Задача Коминтерна, когда мы будем популяризировать сочинения, науку Владимира Ильича, состоит в том, чтобы помочь европейским коммунистам эти сочинения, эту науку конкретно, собственными усилиями применять. Только на основании одного опыта русской революции нельзя построить коммунистические партии на Западе. Централизм наш нужен в эту эпоху больше, чем в эпоху прямого напора, ибо элементов разложения больше. Но этого трудно достигнуть общими резолюциями. Коминтерн должен быть для всякой коммунистической партии центром, который поможет

ей разобраться научно и конкретно во всей политической обстановке, без чего дальше итти невозможно. Российская партия, которая имеет большое количество марксистов, имеет школы, воспитывающие марксистов, обязана выделить товарищей, которые помогли бы молодым коммунистическим партиям создать основы научной ориентировки в своей собственной стране, уметь разобраться соответствующим образом в экономических вопросах, уметь выработать должную программу. Этим мы достигнем того, что наши коммунистические партии будут жить не только русским опытом, а сумеют разобраться у себя сами. Этим мы больше централизуем Коминтерн, чем всеми общими местами и всеми конкретными мерами по составу и руководству коминтерновскими партиями. Вот то, товарищи, что я считаю нужным сказать по докладу Коминтерна.

IV Речь на V Конгрессе Коминтерна.

I.

Уважаемые товарищи, как вам известно, съезд Р. К. П единогласно высказался против той точки зрения, которую я защищал в последние месяцы по целому ряду вопросов, имеющих интернациональное значение.

Этого факта было бы достаточно, чтобы отказаться от защиты моей точки зрения в данной стадии развития Коммунистического Интернационала и на настоящем конгрессе.

Речь тов. Зиновьева, которая, на мой взгляд, означает ликвидацию решений IV конгресса по вопросу о тактике единого фронта, и таким образом может поставить под удар будущность Коминтерна,—заставила меня обратиться к делегации Р. К. П. на конгрессе за разрешением изложить мою особую точку зрения. Это разрешение я получил, и теперь передо мной стоит задача подвергнуть критическому анализу выводы т. Зиновьева и выводы некоторых левых товарищей, изложенные на конгрессе или в печати, а также наметить ту основную линию, которой, на мой взгляд, мы должны придерживаться в нашей дальнейшей работе.

Товарищи, здесь были поставлены 4 вопроса: 1) как возникла наша тактика единого фронта и что она собой представляла; 2) вопрос об опыте, накопленном нами при проведении тактики единого фронта, главным образом, в Германии; 3) каково положение в данный момент и что мы должны делать; 4) каково положение в Коммунистическом Интернационале, и какая тактическая линия должна проводиться внутри наших партий.

1. Возникновение тактики единого фронта и смысл ее.

Начинаю с первого вопроса—о возникновении тактики единого фронта. Тов. Зиновьев здесь пытался изложить историю этого вопроса и при этом выдвинул два положения. Первое,—что Коммунистический Интернационал в 1919-20 гг. на Западе, вне России, состоял из небольших пропагандистских партий и групп и что только в 1921 г. мы превратились в ряд массовых партий. Это утверждение не соответствует действительности, как знает каждый товарищ. В 1919 году наша маленькая коммунистическая партия в Германии руководила большими массовыми революционными боями, чем после 1920 года; мы так или иначе завоевали и с боем отстаивали власть в Баварии. Наша маленькая коммунистическая партия в Венгрии боролась за власть, завоевала ее,—она не с неба на нее свалилась,—и в течение $4^1/_2$ месяцев отстаивала ее с оружием в руках.

Второе положение, выдвинутое т. Зиновьевым—и оно стоит во внутренней связи с его первым положением—гласит, что тактика единого фронта и лозунг рабоче-крестьянского правительства вытекают лишь из того факта, что русский крестьянин и русский солдат не понимают по-латыни, они не знают, что такое диктатура пролетариата и таким обазом этот лозунг был переведен сначала на русский язык, потом на немецкий, английский и т. д.,—так возник лозунг рабочего правительства, как перевод диктатуры пролетариата.

В 1918-19-20 гг. рабочие Средней Европы понимали полатыни, начали понимать и другие. Во всяком случае, немецкие рабочие прекрасно поняли ее. На почве этой латыни мы в 1920 году отвлекли от социал-демократии широкие рабочие массы, и на съезде в Галле, расколов независимую С.-Д., выросли в массовую партию. Когда же в 1921 году мы перевели латинское слово „диктатура пролетариата" на немецкий, французский, и т. д., языки, то вот в результате мы сидим теперь второй раз на конгрессе и стараемся понять смысл этого перевода. И мы все снова и снова слышим предложения вернуться к латыни. Я думаю, что тов. Зиновьев, который, само собой разумеется, прекрасно знает историю Комин-

терна, выдвинул эти два неверные положения с целью затушевать один факт. Факт этот заключается следующем: в период 1919 и 1920 гг. мы имели вторую волну мировой революции (первая волна—русская революция).

Вторая волна мировой революции поднималась, шла ожесточенная борьба за власть, кризис капитализма в то время казался широким массам очевиднее, чем когда либо, вопрос о завоевании политической власти тоже бесспорно стоял для них в порядке дня. После 1920 года, после нашего поражения в Польше, после поражения в Италии, с возникновением экономического кризиса, облегчившего наступление капитала, начался так называемый новый этап, который мы зафиксировали на III Конгрессе. Мы сказали, что вторая волна революции—уже позади, и что третья волна возникнет в результате исторических процессов внутри капиталистического общества и внутри рабочего класса. Теперь нам необходимо задержать массы, которые отступают, необходимо снова собрать их и создать из социалистов по чувству—коммунистов, суровых борцов. Для этой цели мы, во-первых, применили тактику единого фронта и, во вторых, старались найти соответствующие этой тактике лозунги. Что это не есть историческая теория, созданная теперь для данного момента, доказывает мой доклад на IV Конгрессе о наступлении капитала, в котором я тогда уже выдвигал именно эту точку зрения.

Вспомните, товарищи, как эмпирически самопроизвольно возникла в Германии эта тактика единого фронта. Тов. Зиновьев совершенно прав, говоря, что было бы смешно предполагать, что кто-нибудь из товарищей высосал из пальца эту тактику единого фронта. Она явилась под давлением обстоятельств, вырисовавшихся в конце 1920 года; наступление капитала отбросило назад рабочий класс; в продолжение месяцев в порядке дня стоял уже не захват власти, а наступление капитала, грозившего уничтожить все завоевания революции. И так как речь шла не о захвате власти, так как все рабочие чувствовали себя солидарными в вопросе о защите 8 часового дня, о борьбе с дороговизной, то лучший метод отвлечения рабочего класса от социал-демократии,—а это та предварительная

задача, которую нам надлежит решить в будущем, если мы стремимся к организации борьбы за власть,—лучший метод заключается в том, чтобы взять в свои руки руководство этой оборонительной борьбой и сказать рабочим—давайте бороться рука-об-руку, не взирая на все партийные различия.

Всякий немецкий коммунист чувствовал после съезда в Галле, после раскола в Независимой Социал-демократической Партии, что рабочие, стоявшие за диктатуру пролетариата, уже вовлечены нами в партию, а широкие массы могут быть завоеваны не путем пропаганды лозунга диктатуры,—мы должны сблизиться с ними в процессе повседневной борьбы, выставив общие с ними лозунги. Вот как возникла эта тактика. Товарищи, если она не представляет собой продукта тактического искусства какого-нибудь одного товарища, а выросла органически на почве определенной обстановки, то это не означает, что сущность этой обстановки тотчас же и всюду была понята нашими товарищами. Ведь это исторический факт, о котором интересно вспомнить, в виду нынешних разногласий, что целый ряд руководящих товарищей из Исполнительного Комитета считали открытое письмо от 8 января 1921 года—оппортунистическим уклоном. Факт, что часть влиятельнейших членов Исполнительного Комитета были готовы дезавуировать сделанный мною в Германии тактический поворот, и только решительное вмешательство тов. Ленина сделало невозможным это дезавуирование, одно из многих. Факт, что указание на тактику единого фронта и на „открытое письмо“, как образцовое, было зафиксировано в решениях III Конгресса именно по требованию т. Ленина. Никто не станет оспаривать этого факта, но, товарищи, эти колебания были одной из причин того, что немецкая партия не сразу взяла твердый курс, что она дала себя изолировать в марте 1921 года, что тактика единого фронта получила официальное признание только спустя несколько месяцев в тезисах расширенного Исполнительного Комитета. Все эти препятствия, не получивши внутреннего разрешения, нашли свое высшее выражение в разногласиях относительно требований переходного

периода, как экспроприация реальных ценностей и налоговой программы. Они нашли также свое выражение в вопросе о рабоче-крестьянском правительстве.

2. Вопрос о рабоче-крестьянском правительстве на IV Конгрессе.

Товарищи, как обстояло дело с вопросом о рабоче-крестьянском правительстве на IV Конгрессе?

Время идет быстро, мы забываем наши решения, многие заинтересованы в том, чтобы мы их забыли. Тов. Зиновьев нарисовал здесь картину, от которой лучше было бы воздержаться. По его словам, он прекрасно сознавал, что лозунг рабоче-крестьянского правительства в виде допустимости коалиции всех рабочих партий имеет оппортунистический привкус, может сыграть оппортунистическую роль. Но он поддался моему обольщающему влиянию, и таким образом случилось, что в заседании Комиссии на IV Конгрессе Гретхен, соблазненная Фаустом, на мгновенье согрешила. И, товарищи, этот негодный Фауст подмешал ложку дегтю в мед тов. Зиновьева. Однако, я должен разрушить легенду, как ни лестна для меня эта роль—будь это роль Фауста или Мефистофеля. Как верный любовник, я сохраняю любовную корреспонденцию. Передо мной, товарищи, первый проект резолюции т. Зиновьева, первый проект, отражающий еще нетронутую добродетель тов. Зиновьева. И в этом проекте, к сожалению, заключается не только тот единственный случай грехопадения т. Зиновьева, о котором он говорил, но есть еще и второй. Тов. Зиновьев, писал в своем проекте: „Защищая тактику единого фронта, коммунисты, при известных обстоятельствах, не должны отказываться от образования правительства совместно с некоммунистическими партиями и группами, направленного против буржуазии". Это—первое положение. Второе положение еще лучше. Оно гласит: „Коммунисты не отказываются от соглашения с другими рабочими партиями и в том случае, если руководителями этих партий являются социал-демократы, христианские социалисты и т. д.". (Брандлер: Очень разумно).

Очень разумно, я и по сей день считаю это очень разумным и могу прибавить, что это упоминание о христианском социализме сделано не из любви к христианским социалистам,—ибо, как вы знаете, тов. Зиновьев только что на русском съезде заявил, что он не христианский социалист,—а из определенного предрасположения к определенным руководителям немецкого католического центра, которые находили, что и христианские профсоюзы, быть может, примут участие в рабочем правительстве.

Товарищи, конечно, резолюция была детально разработана на основе проекта тов. Зиновьева без всяких изменений в основной политической линии, в основном тоне проекта. Я считаю безусловно необходимым процитировать дословно это место резолюции, это замечательное место, которое мы все читали, но не все удержали в памяти. В этой резолюции из двух грехопадений тов. Зиновьева, как я высчитал статистически, выросло 7 грехопадений. Но все они были результатом первого, как это бывает всегда. Без первого грехопадения не бывает остальных.

О чем же говорит резолюция?

Чрезвычайно важно, чтобы все это было совершенно ясно, потому что тогда станет тоже ясным, во-первых, что Лейпцигская и Пражская [1]) резолюции представляют собой не что иное, как повторение данной резолюции, и, во-вторых, что теперь предполагается ликвидация решений IV конгресса.

Что сказано в резолюции?

Резолюция по вопросу о рабоче-крестьянском правительстве.

„Лозунг рабочего правительства (или рабоче-крестьянского), как имеющий значение для пропаганды, выдвигать надо почти всюду. Но наиактуальнейшее политическое значение приобретает лозунг рабочего правительства в тех странах, где положение буржуазного строя особенно шатко и соотно-

[1]) Съезд компартии в Германии в Лейпциге и съезд компартии Чехословакии в Праге выдвинули лозунг рабочего правительства в формулировке, которую герм. левая и тов. Зиновьев объявляют оппортунистической. *К. Р.*

шение сил между рабочими партиями и буржуазией ставит в порядок дня разрешение правительственного вопроса, как вещь практически необходимую. В этих странах лозунг рабочего правительства вытекает, как необходимое следствие из всей тактики единого фронта.

Партии 2 Интернационала пытаются в этих странах спасти положение путем пропаганды и образования буржуазно-социал-демократической коалиции. Недавно имевшие место попытки некоторых партий 2 Интернационала (напр., германской) для виду от участия в подобном коалиционном правительстве отказаться, в затушеванной же форме такую коалицию одновременно с этим осуществить, представляют собою не что иное, как маневр с целью умиротворения протестующей массы, — рафинированный обман рабочей массы. Явной или замаскированной буржуазно-социал-демократической коалиции коммунисты противопоставляют единый фронт всего пролетариата и коалицию всех рабочих партий в экономической и политической области с целью борьбы против власти буржуазии и ее окончательного ниспровержения. В процессе объединенной борьбы всего пролетариата против буржуазии, весь государственный аппарат должен перейти в руки пролетариата, что усилит позиции рабочего класса.

Первоначально главная задача рабочего правительства состоит в том, чтобы вооружить рабочих, разоружить буржуазные контр-революционные организации, установить контроль над производством, перевалить главное бремя налогов на плечи богатых и сломить сопротивление контр-революционной буржуазии.

Подобное рабочее правительство может возникнуть лишь в результате массовой борьбы, при условии опоры его на боеспособные органы пролетариата, созданные самыми низовыми слоями угнетенной рабочей массы. Толчек же к оживлению революционного рабочего движения может дать и такое рабочее правительство, которое возникает на основе определенного соотношения сил в парламенте, т.-е. рабочее правительство чисто парламентского происхождения. Само собой разумеется, что образование подлинного

рабочего правительства и сохранение у власти правительства, проводящего революционную политику, неизбежно должно привести к ожесточенной борьбе, или к гражданской войне с буржуазией. Уже сама по себе попытка пролетариата образовать рабочее правительство заранее наталкивается на яростное противодействие буржуазии. Вот почему лозунгу рабочего правительства присуще свойство объединять пролетариат и развязывать революционную борьбу.

При известных обстоятельствах коммунисты должны изъявлять готовность к образованию рабочего правительства совместно с некоммунистическими рабочими партиями и рабочими организациями. Но делать это они могут лишь при наличии гарантий, что рабочее правительство действительно будет вести борьбу против буржуазии в том смысле, как это было указано выше. При этом участие коммунистов в подобном правительстве допустимо, разумеется, лишь при условии, если:

1. Коминтерн дает свое согласие на участие их в рабочем правительстве;

2. Участвующие в подобном правительстве коммунисты находятся под строжайшим контролем партии;

3. Участвующие в рабочем правительстве коммунисты сохраняют теснейший контакт с революционными массовыми организациями;

4. Коммунистическая партия сохраняет свою собственную физиономию и полную свободу агитации;

5. При всех его крупных преимуществах лозунг рабочего правительства таит в себе опасности точно так же, как таит их и тактика единого фронта в целом. Во избежание этих опасностей, коммунистические партии всегда должны иметь в виду следующее: каждое буржуазное правительство есть в то же время правительство капиталистическое, но не каждое рабочее правительство есть подлинно пролетарское, т.-е. революционное орудие пролетарской власти. Коминтерн должен учитывать следующие возможности:

Мнимо-рабочие правительства.

1. Либеральное рабочее правительство; такое мы уже видели в Австралии и в ближайшее время можем увидеть в Англии.

2. Социал-демократическое рабочее правительство (в Германии).

Подлинные рабочие правительства.

3. Правительство рабочих и беднейших крестьян. Таковое может возникнуть на Балканах, в Ч.-Словакии и т. д.

4. Рабочее правительство с участием коммунистов.

Подлинно революционное пролетарское правительство; в чистом виде осуществить его может только коммунистическая партия.

Коммунисты готовы итти плечом к плечу и с теми рабочими, которые еще не осознали необходимости диктатуры пролетариата. Итак коммунисты готовы при известных условиях и при наличии определенных гарантий поддержать и правительство не чисто коммунистическое, даже мнимо-рабочее, разумеется лишь постольку, поскольку оно отстаивает интересы пролетариата. Но на ряду с этим коммунисты будут открыто заявлять пролетариату, что без революционной борьбы против буржуазии ни образовать, ни сохранить рабочего правительства у власти не удастся. Подлинным рабочим правительством надлежит считать лишь то правительство, которое твердо решило серьезно бороться против буржуазии хотя бы за осуществление наиважнейших и наиболее жгучих требований пролетариата. Только в подобном рабочем правительстве и могут участвовать коммунисты.

Мнимо-рабочие правительства первых двух типов (либеральное, социал-демократическое) не являются правительствами революционными, но при известных обстоятельствах могут ускорить процесс распада буржуазной власти. Рабочие правительства двух последующих типов (рабоче-крестьянское прави ельство, правительство в составе социал-демократов и коммунистов) еще неравносильны диктатуре пролетариата, и даже не представляют собою исторически неизбежной переходной стадии к диктатуре, но служат, если только они где-либо возникают, важным исходным пунктом для победоносной борьбы за эту диктатуру. Законченным выражением диктатуры

пролетариата является лишь подлинно рабочее правительство (пункт 5) в составе коммунистов".

Товарищи, это образцовая резолюция. Это не бочка меду с примесью дегтя. Эта резолюция заключает в себе предупреждение об опасностях тактики единого фронта с ясным пониманием, что мы, быть может, будем вынуждены итти к борьбе за диктатуру окружными путями и пройти через некоторые переходные стадии. Мой друг Бухарин — когда мы ссоримся, мы всегда называем друг друга друзьями — в своем докладе на прошлогоднем русском с'езде квалифицирует, как левый уклон, неуменье понять, что к диктатуре надо итти и через определенные этапы.

У меня тогда было сомнение, насколько крепко то ясное понимание вопроса, которого мы общими усилиями добились и которое мы вложили в эту резолюцию о рабочем правительстве, не расплылось ли оно под давлением некоторых левых товарищей: так как тов. Зиновьев был так любезен и прослушал мой доклад, то я нарочно обострил соответствующие формулировки, дабы дать ему возможность выступить против них, если он считал бы их неприемлемыми и таким образом мы добились бы полной ясности. Вот мои тогдашние формулировки:

„А теперь я приступаю к вопросу, который играет большую роль в нашей борьбе против наступления капитала, а также играет большую роль в тактических выводах тов. Зиновьева, к вопросу о рабочем правительстве, который мы не можем отделить от вопроса о борьбе с наступлением капитала. Тов. Зиновьев дал в своем докладе классификацию возможных видов рабочего правительства. Я вполне согласен с этим опытом классификации. Я только дополняю их указанием на тип рабоче-крестьянского правительства в таких странах, как Польша, Югославия, Болгария, Румыния и т. д. Но что для нас важно, это, вместо отвлеченной классификации, поставить вопрос: о чем думают рабочие массы — не только коммунисты — говоря о рабочем правительстве? Я ограничиваюсь странами, в которых эти вопросы уже находят отклик, как Англия, Германия и Чехо-Словакия.

В Англии они думают о Лейбур Парти. Коммунизм еще там не вылился в сильную массовую организацию. В стра-

нах, где происходит разложение кипитала, идея рабочего правительства находится в непосредственной связи с идеей единого фронта. Рабочие говорят себе, что коммунисты и социал-демократы не должны бороться друг с другом, на фабрике во время стачки, а, наоборот, итти рука об руку; и идея рабочего правительства имеет у них то же самое значение: они представляют себе правительство всех рабочих партий. Какое практическое и политическое содержание вкладывают в это массы? На этот вопрос нам надлежит ответить. Как же к нему подойти? Если анализировать вопрос, насколько практически правдоподобно осуществление этих рабочих коалиционных правительств, то можно найти тысячу остроумных ответов. Можно сказать, что рабочее правительство не есть путь необходимый, а лишь возможный. Можно вместе с тов. Зиновьевым высказать парадоксальную мысль, что оно не есть путь необходимый, а по всей вероятности, самый невероятный. Политически решение этого вопроса будет зависеть от того, будет ли социал-демократия до самой смерти своей итти рука об руку с буржуазией? Если это будет так, то рабочее правительство мыслимо только, как диктатура коммунистического пролетариата. Мы не можем определить политики социал-демократов. Если мы можем вынести какое-нибудь решение, то только относительно того, можем ли мы сказать, выступая перед рабочими массами, что мы готовы бороться за коалиционное рабочее правительство, создать для него необходимые предпосылки.

Это вопрос может быть только запутан, якобы, теоретическими разглагольствованиями. По моему мнению, мы должны твердо и прямо сказать, если идет борьба за единый фронт, если социал-демократические массы заставят своих вожаков порвать с буржуазией, мы готовы принять участие в рабочем правительстве, при условии, что это правительство будет органом классовой борьбы. Я говорю: если они готовы бороться рука об руку с нами. Если бы, конечно, дело обстояло так, что жареные рябчики свалились бы к нам с неба, что все в стране осталось бы не-

изменным, уголь остался бы у Стиннеса, армия осталась бы в руках монархистов, а у Шейдемана только Вильгельмштрассе, и на эту Вильгельмштрассе пригласили бы нас, и наш тов. Мейер надел бы фрак (смех) и взял под руку тов. Рут Фишер (смех), которая, разумеется, сопротивляется (смех), и их повели бы в рейхканцлеровский дворец; если бы перед нами стояли такие исторические перспективы, то против такой идеи можно было бы возразить следующее: во-первых, явился бы лейтенант с 10 солдатами и заставил бы убраться товарищей Мейера, Шейдемана и Рут Фишер, и рабочему правительству сразу пришел бы конец. Но вопрос о борьбе с наступлением капитала не сводится к парламентской комбинации, а к созданию платформы для мобилизации масс, платформы для борьбы. Вопрос стоит так: будут ли социал-демократы выброшены из коалиции буржуазией и станут ли они в тихом уголке, чтобы оттуда протестовать, сгниют ли они в коалиции или же мы поможем массам заставить их начать бой?

Является вопрос, зачем нам ломать себе голову над тем, что они будут делать. Если речь идет о вожаках социал-демократии, то мы наверно предпочли бы, чтобы они сгнили. Но если речь идет о мобилизации социал-демократических рабочих масс, то мы должны выступить с реальной программой. В какой мере это противоречит диктатуре пролетариата, в какой мере это противоречит гражданской войне? Противоречие здесь такое же, как между передней и жилыми комнатами. (Правильно). Можно проникнуть в комнаты, если они заперты. Можно даже войти через печную трубу. Даже если буржуазия где-нибудь предоставляет власть социал демократии и коммунистам, что исторически не исключается, как показывает пример с Венгрией—то вслед за этим наступает период самых ожесточенных боев; может возникнуть и такое положение, в котором буржуазия очутилась в Германии 9 ноября, когда она просто-напросто исчезла. Она может оказаться в таком положении, когда она передаст власть в наши руки в надежде, что мы не будем в состоянии удержать ее.

Придем ли мы к власти через гражданскую войну или благодаря отказу от власти бур-

жуазии, гражданская война явится результатом существования рабочего правительства. Рабочий класс не в состоянии будет удержать власть без гражданской войны. Дело обстоит не так, что мы, коммунисты говорим себе: без гражданской войны я не могу жить, как Том Сойер, который освободил негра, проведя его через подземный ход, когда дверь была открыта; и не так, что мы заявляем, без гражданской войны я и власти не возьму, без гражданской войны я несчастный человек (смех), нет, причина простая, о которой говорил тов. Зиновьев. Буржуазия может отказаться в том или ином случае, но в конце-концов она не уступит власти без жестокой борьбы. Если социал-демократы окажутся неспособными бороться, то мы переступим через них. Там, где осуществится рабочее правительство, оно будет только исходной точкой борьбы за диктатуру пролетариата, потому что буржуазия не потерпит рабочего правительства даже на демократической основе и тогда обнаружится, что нет другого выбора, кроме борьбы

Социал-демократический рабочий должен вырости в коммуниста, он будет вести гражданскую войну для защиты, своего правительства. На этом основании я предполагаю, что на практике, в ходе событий, нам не угрожает опасность погрязнуть, поскольку речь идет о действительной классовой борьбе, а не о парламентских вопросах управления в небольших лежащих в стороне странах, как Брауншвейг или Тюрингия, где можно оставаться в правительстве и без гражданской войны, чем я не хочу сказать, что вопрос о рабочем правительстве и в этих маленьких странах не имеет значения. Лозунг рабочего правительства—необходимый ориентировочный лозунг, лозунг, который ставит перед единым фронтом политическую цель. Момент, когда рабочие объединятся для борьбы за рабочее правительство для контроля производства, будет началом нашего контр-наступления, потому что мы будем защищать не только то, что есть, но и бороться за новые позиции. И вот не в комиссии, не в частных дискуссиях и разговорах, а в качестве официального докладчика И. К. в открытом заседании IV конгресса я представил те возможности, с которыми считаться

могут от нас потребовать интересы революции. 1) Предложить коммунистическим рабочим массам вступить в коалицию даже с социал-демократией. 2) Открыто заявить, что мы готовы при известных условиях осуществить эту возможность на практике, а не только употреблять ее в качестве агитационного приема. И ни тов. Зиновьев, ни И. К. не дезавуировали меня. И Бухарин молчал. Теперь мы слышим о том, как многие члены Коминтерна были введены в заблуждение. Тов. Шмераль говорит нам теперь, что если тов. Зиновьев не увидел оппортунизма в этом моем выступлении на IV конгрессе, как же могли узреть его бедные чехо-словаки? Товарищи, не только тов. Шмераль, который находится в довольно безотрадном положении, может задать такой вопрос. Молчание тов. Зиновьева ввело в заблуждение еще целый ряд других товарищей. Есть один товарищ и от Германии, и от Франции и от других близлежащих стран,—который носит скромное имя Клейне, но и который очень здорово важничает.

Передо мной статья тов. Клейне от 1 февраля 1923 г. (в немецком „Интернационале"). В этой статье, полемической статье, направленной против немецких левых и вышедшей накануне герм. партсъезда, этот товарищ, в настоящий момент такой левый и такой анти-оппортунист, сказал следующее—еще до появления Брандлеровских тезисов (возглас Клейна: „ваша борьба с ней показывает, что она не так плоха")

„Готовность, так часто выражаемая нами в последнее время, бороться за интересы пролетариата нога в ногу с реформистскими партиями, даже если эта борьба выражается в самых незначительных мероприятиях,—эта готовность не есть трюк или тактический маневр, а факт. Точно так же предполагаемая нами возможность рабочего правительства не является трюком или военной хитростью. Она еще не осуществляется в некоторых странах, где имеется налицо разложение буржуазии, потому что социал-демократы не хотят этой возможности, они боятся ее. Но она не только осуществима, но трудно себе представить, чтобы в процессе оборонительной войны пролетариата, вплоть до образования единой, охватывающ-

щей широкие революционные массы Коммунистической партии, которая осуществляет классовую диктатуру — не возникли здесь и там рабочие правительства. Разумеется они могут возникнуть только в процессе ожесточенной борьбы против буржуазии и коалиционной политики, как вынужденная под давлением масс уступка реформистских вожаков в момент, когда положение буржуазии становится особенно шатким, благодаря международным и внутренним осложнениям...

Именно потому, что рабочее правительство еще не есть диктатура пролетариата, а только просто-на-просто правительство рабочих партий, которое опирается на внепарламентские боевые органы единого фронта — колебания в политике такого рабочего правительства неизбежны".

И далее:

„Если рабочее правительство может возникнуть в пределах буржуазной демократии, то обеспечить свое существование оно может, только перешагнув через эти границы".

Далее говорит, что социал-демократия может тысячу раз изменить свою позицию. И в самом деле „что более подвержено колебаниям, чем политика мелкого буржуа?" — спрашивает тов. Клейне. Но товарищ Клейне отвечает: это ничего не значит, пусть мы будем побиты, но мы завоюем этим путем массы. Это товарищ Клейне написал накануне Лейпцигского съезда. А наш председатель, тов. Трэн, кончает свою статью в „Правде" об исходе французских выборов словами: „Рабочее правительство является этапом на пути к диктатуре". Он пишет статью для конгрессовского номера „К. И." и в этой статье он опять таки говорит, что рабочее правительство не есть диктатура, а лишь этап на пути к диктатуре. А вчера он выступил и здесь и сказал: совершенно согласен с Зиновьевым, его формула рабочего правительства превосходна, рабочее правительство есть диктатура пролетариата в процессе роста. Вы помните, как Маркс плакал по тому поводу, что Прудон изучает Гегеля, так как Гегель Прудона не мало запутал. Мы видим, что на т. Трен Гегель оказал хорошее влияние в отношении усвоения понятия „роста", он помог ему выйти из беды.

Но дело не в том, чтобы упорно повторять одно и то же. Тов. Зиновьев прав, говоря: если мы на IV конгрессе, сознательно или бессознательно, сделали шаг, который оказался оппортунистичным, тогда надо на этом учиться.

3. Опыт, накопленный при проведении тактики единого фронта.

Теперь я перейду ко второй части доклада, к накопленному нами опыту, расскажу, как мы исправлялись, ибо многие предполагают, что они исправились.

После событий в Болгарии болгарская коммунистическая партия предложила болгарской социал-демократической партии, которая поддерживала белое правительство Цанкова, вступить с нею в блок.

Дальше мы решили, чтобы германская компартия вступила в саксонское правительство.

После саксонского поражения наши французские товарищи предложили с нашего согласия французской социал-демократии выступить совместно на выборах, что во Франции возможно только при существовании общих списков (Возгласы: слушайте, слушайте). Товарищи, проверим события. Проверим сначала эти два шага, которые не привели к катастрофе; блок не осуществился, потому что противник этого не хотел. Говорят, рабочее правительство есть диктатура пролетариата, есть ее псевдоним. До сих пор я предполагал, что к псевдонимам прибегают, если хотят что-нибудь скрыть. Но если тут же говорят—имя мое заяц, но я Радек, тогда это уже совсем не имеет никакого смысла. Когда тов. Зиновьев при царском правительстве прибег к псевдониму, то ему не приходило в голову заявить, что это в сущности псевдоним, а называюсь я так-то и так-то.

Второй мотив — разоблачение социал-демократии. Мы знаем, что социал-демократы никогда не могут бороться и не будут бороться. Но мы предлагаем им бороться совместно с нами, чтобы разоблачить их. В отношении Франции это означает, что т. Трэн знал, что социал-демократы не вступят с нами в блок, поэтому он мог себе позволить роскошь—сделать им это предложение. Они отказались—и маски сняты, а массам становится видно, что они не хотят бороться сов-

местно с коммунистами. Но теперь является тов. Зиновьев и говорит: социал-демократы, которые отклонили союз с нами, разоблачены, но мы говорим вам, что это предложение для того и сделано было, чтобы их разоблачить. Уважаемые товарищи, можно посмеяться над тем, что, как говорит тов. Рут Фишер, некоторые товарищи верят, что мы честно хотим осуществить тактику единого фронта. Уважаемый товарищ Фишер, добродетель в частной жизни не обязательна (аплодисменты). Не думайте, прошу вас, что я изображаю из себя чудо добродетели. Но для широких рабочих масс это не вопрос морали, а вопрос политики. Смысл нашей тактики единого фронта заключается в том, чтобы мы честно и открыто готовы были пройти часть пути с рабочими партиями, которые захотят бороться—ту часть пути, которую он в состоянии будет пройти с нами. Тов. Зиновьев говорит, что эта тактика должна иметь границы, что социал-демократы могут изменить, что социал демократы, если даже они и не захотят изменить, не в состоянии будут до конца пройти с нами путь, и мы введем в заблуждение наших товарищей. Но, товарищи, этого и не нужно вовсе скрывать. На моем грешном пути у меня были выступления по вопросу единого фронта против Вандервельде и Макдональда, а т. Зиновьев был так любезен и написал мне письмо во время конференции 3-х Интернационалов: ваши речи были замечательны. Уже одно это доказывает, что я на этой конференции ничего не скрывал, а сказал всю правду о II Интернационале. Но вопрос в том, как это делается. Вандервельде считал необходимым условием создания единого фронта—минимум взаимного доверия. Я ответил ему:

„Представитель II Интернационала, Вандервельде, счел необходимым, с своей стороны, подвести определенный баланс. Он сделал это тем же голосом и с тем же жестом, который мы видели в Базеле (возглас—„Правильно“—среди коммунистов), когда он, как вождь, клялся повести нас на борьбу с войной и за душу хватающая сила голоса Вандервельде перенесла нас на минуту в те времена, когда мы верили ему, и мы на минуту забыли, что этот голос смешался после с ревом пушек. Если Вандервельде захочет, мы подведем итог. Если Вандервельде хочет, мы подведем итог за последние

восемь лет, итог, который, может быть, взорвет эту конференцию, но который не очень приятно будет звучать для бывшего королевского министра Бельгии. Он забыл море крови, груды трупов, бедствия мира. Этот итог для него не существует.

Подводя итог, он пришел к нам и сказал: Немного доверия, минимум доверия, золотник доверия, и если вы не дадите мне этого доверия в кредит, нам и говорить не о чем. И мы говорим в лицо гр. Вандервельде: Ни на грош доверия. Мы заплатили за это доверие тем, что мы стоим сейчас, как враги и вынуждены искать пути к соглашению, и если вы приходите к нам со сладкими фразами о доверии, то мы отвечаем вам твердо — нет. За что доверие? За войну? За что доверие? За Версальский мир, который вы подписали вместе с другими, как бельгийский министр? Вы говорите от имени организации. К этой организации относится не только маленькая Бельгия. Доверие за английскую оккупацию? Доверие за ее преступления, против которых Лабур Парти боролась только на словах и о которых умолчал здесь представитель II Интернационала? Соцчалист-революционер Чайнин опубликовал документы о том, как по приказанию английской политической полиции были убиты 26 руководителей кавказского пролетариата. Имена убийц опубликованы.

Запросил ли гражданин Томас Шоу в английском парламенте — что сделано с преступниками, генералом Малесоном, генералом Томсоном? Где ваши выступления против архангельских преступников? И вы говорите—доверие? Это спрашивает II Интернационал, представителями которого здесь являются также члены немецкой социал-демократии.

Мы спрашиваем: Где тот суд всех трех интернационалов, который осудил убийц Розы Люксембург и Карла Либкнехта. (Правильно—из среды коммунистов). Их судил чрезвычайный суд гвардейской дивизии в Берлине, и если у вас есть мужество неодобрительно говорить о русских судах, мы говорим вам: руки прочь, пока не смыта с них кровь Розы Люксембург, Либкнехта (бурные аплодисменты коммунистов), кровь Левинэ, котовый был

убит не бандитами на улице, но на основании приговора ваших судов (обратившись к представителям немецкой социал-демократии), когда вы были в правительстве, куда вас послало доверие пролетариата, обманутое вами. Но тогда вы скажете: „Если так, зачем же вам эта конференция, что за смысл производить тактические маневры? И я открыто и холодно скажу вам в лицо, чего мы хотим. Вы пришли на эту конференцию, потому что вы вынуждены были притти; вы были оружием мировой реакции, и теперь вы вынуждены стать, хотите вы этого или нет, оружием борьбы за интересы пролетариата. И без всякого доверия мы говорим вам: мы садимся за один стол с вами, мы хотим бороться вместе с вами, и эта борьба решит, маневр ли это, как вы говорите, полезный для Коммунистического Интернационала или поток, который объединит рабочий класс. То, что мы сейчас предпримем решит вопрос о том, что означает наше выступление. Если вы будете бороться вместе с мировым пролетариатом не за диктатуру, этого мы вам не доверяем—но бороться за кусок хлеба, бороться против нового военного потрясения, тогда весь пролетариат сблизится в этой борьбе, и мы будем судить вас не на основании ужасного прошлого, а на основанин новых фактов. Пока этих новых фактов нет на лицо, мы холодно приступаем к переговорам и с глубоким недоверием, предполагая, что вы еще 10 раз измените нам в этой борьбе.

Но мы попробуем бороться рука об руку, не из любви к вам, но из-за неслыханных бедствий настоящего момента, которые гонят нас и которые вынуждают вас вести здесь, в этом зале, переговоры с коммунистами, которых вы называли преступниками."

И когда Макдональд выставил, как условие единого фронта bona fides, искреннюю веру, я ответил ему:

„Рамзай Макдональд спросил у нас сегодня: „Стоите ли вы за всеобщий рабочий фронт, пришли ли вы сюда bona

fide. Он не должен был этого спрашивать. Он должен был понять, что если даже мы производим маневр, чтобы отвоевать позицию, то мы, все-таки, тем самым вынуждены стоять за общий рабочий фронт. Если же вы думаете, что II Интернационал, действительно, будет бороться, то тем самым он разрушит наш маневр. И каким путем? Путем борьбы, путем укрепления рабочего фронта. Но мы и тогда выиграем, потому что рабочие с большим успехом будут бороться против капитала. Вопрос о bona fides связан не с тем, чтобы мы забыли хотя бы одно слово из того, что мы писали против вас или что мы поклянемся не бороться больше против вас. Bona fides заключается во властном требовании настоящего часа, толкающего на необходимый для пролетариата шаг. Возникает только вопрос — объединится ли пролетариат для борьбы вопреки нам всем здесь присутствующим или вопреки отдельным исполкомам? Я предполагаю, что это властное требование момента объединит пролетариат с согласия всех партий, на него опирающихся. Если мы сможем покончить с периодом братской войны рабочего класса, никто не будет радоваться больше нас. Раскол был средством к цели, но не целью".

Товарищ! Разве в этих речах я не достаточно предупреждаю против социал-демократов? Выражена ли в них какая нибудь иллюзия относительно их воли к борьбе? Нет. Затушевывают ли они наше значение, как единственной партии, последовательно и до конца защищающей интересы пролетариата? Нет. Но в то же время они выставляют, как железную основу нашей тактики единого фонта, нашу недвусмысленную и ясно выраженную волю к совместной борьбе за интересы рабочего класса, если этого захотят и социал-демократы. Только таким путем, только вдохнувши в широкие рабочие массы веру, что мы действуем серьезно и искренне, мы можем рассчитывать на успехи в применении тактики единого фронта. Наши разговоры о совлечении масок только мешают действительному саморазоблачению социал-демократии. Они облегчают им возможность сказать: и коммунисты не желают общего фронта, они прибегают к тактическим манев-

рам. А рабочие переводят эту латынь на обыденный язык—партийное втирание очков. Таким образом, мы сами себе портим, разрушаем плоды собственной работы и, что самое печальное, действуем вопреки собственным стремлениям. Ибо я глубоко убежден, что и тов. Зиновьев и даже тов. Фишер будут рады, если социал-демократы пройдут с нами часть пути, потому что это усилит сознание силы в рабочем классе и таким образом облегчит и приблизит будущую борьбу за власть.

Товарищи, таким образом, если Исполнительный Комитет болгарской и французской партии дал разрешение сделать такой шаг, то он не может сказать—мы сделали предложение, потому что мы заранее знали, что социал-демократы не примут его, но он должен сказать, что для нас имело смысл сделать это предложение только тогда, если мы были готовы осуществить его.

Теперь я перехожу к гораздо более тяжелому и богатому содержанием опыту октябрьских событий. Но прежде, чем остановиться на сущности дела, позволю себе маленькое воспоминание. В сентябре мы решили, чтобы товарищи вступили в саксонское правительство, что и было сделано. Весь Исполнительный Комитет теперь убежден, что наши герм. тов. очень плохо руководили этим делом. Мы пережили ужасное поражение, гораздо более ужасное, чем мы в состоянии были сразу учесть. И что же тов. Зиновьев писал после этого поражения о вступлении в саксонское правительство? Передо мной лежит его брошюра: „Проблемы немецкой революции". В предисловии, написанном после поражения, тов. Зиновьев пишет: „Некоторые товарищи предполагают, что тактика немецкой коммунистической партии в Саксонии была ошибочна. „Саксония была ужасной, возможно даже роковой ошибкой" пишет мне из Германии один из наших старейших товарищей. „Правилен ли этот диагноз?" спрашивает тов. Зиновьев и отвечает: „Нет". Товарищи, которые смотрели на положение в Германии только через саксонские очки, впали в грех провинциализма, они имели неправильную перспективу. Но саксонский опыт — не случайность, и он не пройдет для партии бесследно.

Наиболее важная задача в Германии сводит-

ся к вопросу—каким путем мы можем завоевать рабочих, которые стоят за левой частью социал-демократии? В настоящий момент левые социал-демократы пользуются большим влиянием на немецких рабочих. Нынешняя левая социал-демократия играет ту же роль, что независимые в 1919—1920 году. Рабочие массы цепляются, как за якорь спасения, за левых социал-демократов, которые все еще питают надежду обойтись без кровопролитной гражданской войны. И отсюда вывод: эти слои рабочих масс возложат ответственность на нас, коммунистов, если мы откажемся попытаться вместе с левыми социал-демократами вывести страну из состояния кризиса мирным путем. Значение саксонской политики заключается в том, что на ее примере может быть обнаружена бесхарактерность левой социал-демократии".

Товарищи, эта точка зрения была письменно зафиксирована тов. Зиновьевым — уже не под влиянием внушения и в отсутствии оппортунистов — затем напечатана по-русски, а через несколько недель переведена на немецкий язык. Товарищ Зиновьев уже после нашего саксонского опыта, не считал ошибкой вхождение в правительство, союз с социал-демократией—наоборот, он считал нашу тактику правильной, хотя дело и кончилось поражением. Эта тактика не привела нас к победе, но она привлекла к нам большую часть социал-демократических масс. Выборы в коммунальные советы в Саксонии и даже выборы в рейхстаг показали, что мы завоевали большую часть социал-демократических масс. (Северинг: Как-раз не в Саксонии и Тюрингии). Да, именно в Саксонии мы получили на 30% больше избирателей, чем тогда, когда вы приступили к руководству партией.

Товарищи, я перехожу теперь к проверке Саксонского опыта. В чем заключается саксонский опыт? Тов. Зиновьев охарактеризовал его одним словом, которое вызвало у вас большое одобрение, и которое снова вызовет его, когда я повторю его: банальная парламентская комедия. Товарищи, проанализируем это определение. Тов. Зиновьев

не критикует немецкую партию за то, что она не решилась в октябре начать борьбу за власть. Он говорит в своих тезисах, это было правильным шагом, что она отказалась в тот момент от борьбы, таково было положение. Он не критикует этого шага, потому что он видел, что в массах возник раскол, что их не удалось вооружить и что было бы безумием повести их к восстанию. Таким образом он говорит: так как гражданская борьба и восстание не есть повод к героической смерти, а путь к победе, то было разумным не начинать восстания. Что же он критиковал в поведении партии? Он говорит: она вступила в правительство; обнаружилось, что она не могла овладеть властью; тогда она должна была, по крайней мере, потребовать вооружение пролетариата, социализации производства, и если социал-демократы не захотели бы принять предложение, она должна была порвать с ними и уйти от правительства. Он не одобряет, что Фритц Геккерт, который, между прочим, сам признал свою ошибку и сейчас пребывает в сонме святых, сказал речь, в которой он заявил, что стоит на почве конституции. И вот, товарищи, конечно, это заявление Геккерта не должно было быть сделано, оно могло вызвать нежелательные иллюзии. Правда, я вспоминаю о больших величинах, чем Геккерт, который, напр., в телеграмме, адресованной немецкой партии при вступлении в Саксонию, заявил—„Игнорируйте ген. Мюллера". Я спрашиваю: что это значит— игнорируйте Мюллера. Позвольте, что это значит? Не означает ли это, что мы, начиная борьбу, не слишком рано должны об этом заявить? Что мы должды создать впечатление, что мы—правительство, стоящее на конституционной почве на которое контрреволюция нападает?

К л е й н е (протестует). И вот товарищ Клейне получил телеграмму—„игнорируйте Мюллера", на Клейне тоже лежит ответственность за то, что мы не знали об отсутствии оружия— если у него хватает смелости выступить здесь и говорить, несмотря на его упущение, когда он гнал в бои округа, когда в Гамбурге было 60 ружей, и товарищи приходили за 6 долларами на вооружение, после этого он имеет смелость тут выступать, то я требую коммиссии, которая расследует, до какой степени вы ответственны за все эти вещи. Это неслыханный факт, что товарищ, на котором, за отсутствием Брандлера, ле-

жит ответственность, ничего не предпринял и убаюкивал партию, внушая ей убеждение, что оружие есть и рабочие очутились в положении, когда им нужно было оружие, а они оказались безоружными,—если этот товарищ является сюда, как обвинитель, то я говорю, что для этого нужно печальное мужество.

Итак, тов. Геккерт не должен был этого говорить. Было бы абсурдом, если бы мы стояли на почве конституции. Было нелепо говорить это, так как противник не поверил ему. Но если бы это было банальной политической комедией, то я говорю — было бы такой же банальной политической комедией, если бы мы, бессильные, как это уже обнаружилось, под пятой генерала Мюллера вносили бы в парламент предложения о социализации и вооружении. Это был бы классический пример парламентского кретинизма. Следовало предложить рабочим взять оружие там, где оно находилось, и следовало все сделать, чтобы помочь им в этом. Партия распространила по всей стране воззвания: рабочие, вооружайтесь. А этот парламентский кретин Брандлер ни разу не явился в парламент, не сказал ни одной речи, а рылся в полицейских материалах и искал, где оружие, откуда достать его?

Здесь, в немецкой делегации находится, в качестве полномочнейшего члена делегации, штатс-министр Тюрингии Корш, и я был бы очень рад, если бы он выступил здесь и рассказал, как он распределил среди рабочих оружие, а если он не мог этого сделать, то почему он не мог, и почему его революционная энергия растрачивалась на статьи в „Интернационале". Товарищи, события в Саксонии — не комедия. Это — трагедия, и не парламентская трагедия, а трагедия коммунистической партии, которая еще не научилась подготовлять вооруженную борьбу.

В чем заключается глубокий урок саксонских событий, урок, который должен быть нами учтен, иначе мы придем к новым поражением. Урок заключается в следующем: во-первых, нельзя прыгнуть с места, не разбежавшись, нельзя по одному решению партии начать борьбу за власть, не развернув предварительно длительной работы по подготовке к ней масс.

Наше поражение произошло не 21 октября, оно было предрешено значительно раньше, поскольку мы не сумели оценить и тут есть и моя вина, я тоже недостаточно вовремя осознал это, — что мы приближаемся к решающим боям. Так как мы не мобилизовали партии с достаточной энергией, мы попали в такое положение, когда мы не могли прыгнуть, не взявши разбега.

Второй — еще более важный урок — и тут я на 100% согласен с товарищем Зиновьевым: без единого фронта снизу не может быть никакого единого фронта сверху. А единый фронт снизу не был организован нами, наши фабзавкомы были раздроблены, распылены, их центральный орган был одной лишь видимостью, партия не взяла в свои руки руководства ими. Если бы в Саксонии правительство опиралось на конгресс фабзавкомов,...

(Северинг: Почему его не созвали?) это и есть та ошибка.

(Северинг: 6 раз мы вносили такое предложение). (шум, возгласы).

Если Радек совершает ошибку и видит ее, он говорит о ней, но если он не видит ошибки, вы можете шуметь до завтра. Вот смысл событий, без массовой организации рабочее правительство осуждено на гибель. Оно или сдается без борьбы, или терпит поражение.

Товарищи, эти два урока являются для меня решающими. Но теперь я поставлю вопрос: можем ли мы при известных условиях войти с революционной целью в коалиционное правительство с социал-демократами? Какой ответ диктует нам саксонский опыт на этот вопрос? Тов. Зиновьев здесь недостаточно ясно сказал, исключает ли он в будущем возможность коалиционного правительства с социал-демократами даже в таком положении, когда мы будем сильнее, чем в Саксонии, где у нас будут лучшие гарантии, что мы не кончим катастрофой. Он должен с полной ясностью ответить на этот вопрос, так как он имеет решающее значение. Этот вопрос принципиально отклоняется немецкими левыми товарищами. В проэкте тезисов к немецкому партийному съезду говорится: коали-

ционное правительство с некоммунистическими элементами недопустимо ни при каких обстоятельствах. Такова ли точка зрения Исполнительного Комитета?

Какое значение, вообще, имеет этот вопрос? Если спросить, легко ли может возникнуть такая ситуация, при которой мы были бы готовы вступить в коалиционное правительство с другими рабочими партиями, то я скажу, что возможности возникновения такой конкретной ситуации не часты. Гораздо вероятнее, что социал-демократия сгниет до основания. Однако, этот вопрос имеет такое же практическое значение, как и вопрос о нашем отношении к парламентаризму. Ленин был прав, говоря, что не нужно откалываться от коммунистов, которые утверждают, что парламентская говорильня не имеет никакого практического значения. Но нужно энергично восставать против их точки зрения, которая имеет весьма симптоматическое значение. Коммунист, который высказывается против использования парламентаризма, говорит, сам того не сознавая — я плюю на широкие рабочие массы, незнакомые с коммунистической агитацией и прессой. Не думаю, чтобы тов. Зиновьев отрицал мой вопрос. Что означает отрицание моей постановки вопроса? Этим мы уничтожим возможность широкой благотворной агитации в социал-демократических массах, так как мы в этом случае не укажем им никакого выхода. Если мы заявим: ни в каком случае не вступать в правительство вместе с социал-демократами, то этим мы говорим социал-демократическим рабочим массам: так как вы не коммунисты, то мы не можем бороться вместе с вами. В этом и заключается главная сущность вопроса и, вместе с тем, ответ на наш вопрос. Если мы скажем рабочим массам: вы социал-демократы, вы не хотите бороться за диктатуру, но вы будете вынуждены бороться за нее; теперь вы хотите демократическим путем добиться рабочего правительства, и вы увидите: оно обанкротится. Но если вы хотите бороться рука об руку с нами, ответ наш один: будем бороться. Только такая политика может приблизить к нам социал. демократические массы. Если мы говорим — единый фронт, то тем самым говорим, что мы можем пройти вместе

часть пути. Таково должно быть решение. На этот вопрос необходимо ответить. Таков смысл нашего спора.

Тов. Зиновьев сказал, что смысл нашего спора таков: реформа или революция. Мы счастливо дожили до того, что в Коммунистическом Интернационале в 1924 году после рождества христова (Фишер: у нас имеется Радек) именно дезавуируем Радека, а тов. Фишер видим во главе Коммунистической Партии Германии, и что мы в этом году ведем публичные дебаты по вопросу о том, правда ли, что в рядах Исполкома Коминтерна есть товарищи, которые верят, что можно завоевать социализм без диктатуры пролетариата путем реформ. (Зоммер: Или путем этапов, это — одно и то же). Вы (к Зоммеру) видели еще мало этапов классовой борьбы, потому вы не понимаете этого.

Если тов. Зиновьев публично ставит этот вопрос, не требуя исключения из партии товарищей, заподозренных в мнении, что можно достигнуть социализма без диктатуры пролетариата, если он не выставляет этого требования, то для общественного мнения остаются две альтернативы: или считать, что брошенное мне обвинение — полемический прием, небывалая полемическая форма, которая оборачивается своим острием скорее против того, кто прибегает к ней, чем к Гейнцу, Брандлеру или ко мне. Или приходится предположить, что Коммунистический Интернационал, что тот же самый товарищ Зиновьев считает международное положение таким неблагоприятным, так оценивает перспективы революции, что боится, как бы мы не разложились при жизни. Ни один мыслящий человек не скажет, что люди, которые в течение ряда лет находились во главе движения, вдруг, без наличия каких-нибудь разительных перемен в мировой коньюнктуре, настолько потеряли разум, чтобы стать реформистами (возгласы: Пауль Леви). Пауль Леви был попутчиком немецкого коммунизма, хотя и очень талантливым попутчиком, и я не вступаю в споры с тем, кто сравнивает Брандлера с Леви. (Возглас: он был председателем партии).

Бывают различные председатели партии, но кто сравнивает Брандлера с Леви, пусть раньше выполнит ту работу, которой не выполнил Леви, но которую выполнил Брандлер.

(Брандлер: Почему вы меня не исключаете, если я — Леви. Вы трусы, если вы не делаете этого, в таком случае!)

Разумеется, это полемический прием, которого не принимает всерьез ни один человек, понимающий положение вещей. Я хотел бы видеть человека в здравом уме и полной памяти, который утверждал бы, что Брандлер в Саксонии, при господстве генерала Мюллера, стремился к социализму путем реформы. Спор идет о том, что тов. Зиновьев охарактеризовал словами: „искать пути к будущему". Разница между левыми товарищами и мною, Брандлером, Тальгеймером заключается в оценке сил социал-демократии и путей к их одолению. Социал-демократия во всех западноевропейских странах еще имеет за собой большинство рабочих. Здесь мы сталкиваемся с выражением малодушия угнетенного класса, который боится гражданской войны, с его порабощением буржуазной культурой. Эти корни европейской социал-демократии гораздо глубже, чем корни меньшевиков в России, где буржуазная культура не глубоко овладела народными массами, где не было сколько-нибудь значительного слоя рабочей аристократии, где рабочий класс, после короткого и бурного процесса развития, превратился в революционную лавину. Потому-то так легко удалось одолеть во время революции меньшевиков, хотя и здесь решительная победа подготовлялась 15 лет. В западно-европейском рабочем движении социал-демократы имеют опорные пункты, большие партии, они руководят профсоюзами. Чтобы победить их или подготовить их падение, недостаточно барабанного боя агитации. С энергичной агитацией должна быть связана большая и длительная работа соревновательного характера, которая заключается в том, что мы должны показать социал-демократическим массам, что мы лучше социал-демократов умеем руководить борьбой профсоюзов, что мы в парламенте энергичнее, ярче, настойчивее защищаем их интересы, что мы готовы вести всякую борьбу вместе с социал-демократами, между тем как они этого не хотят. Только длительное демонстрирование наших способностей и нашей воли открывает нам дорогу к симпатиям большинства рабочего класса. Левые товарищи изображают молодую послевоенную пролетарскую поросль, которая презирает старое поколение рабочего класса, как малодушную, осужденную на гниение часть пролетариата. Молодое революционное рабочее поколение представляет собою

наши основные кадры, нашу надежду. Но оно одно не может победить и не может удержать власть. Мы должны обеспечить себе, по крайней мере, симпатии и доверие широких масс старших рабочих.

Вопрос о противоречиях в этих словах рабочего класса и о том, можем ли мы оставить их вне поля нашего зрения, и составляет основу нашего спора.

Тов. Зиновьев не понимает этого вопроса, потому что в этом масштабе он стоит вне опыта русской революции, левые товарищи Зап. Европы не понимают его, потому что они еще не научились рассчитывать сил. И именно поэтому чрезвычайно опасно не учитывать того факта, что в Западной Европе мы можем итти к диктатуре через те или иные этапы. Они будут продолжаться не долго, они кончатся гражданской войной. Но они будут. Ясно, что они кончатся полным поражением, если мы будем недостаточно хорошо подготовлены, но из-за второго урока не следует забывать первого. Вывод Саксонского урока не должен гласить: мы вычеркиваем лозунг рабочего правительства, как коалиции рабочих партий; он должен состоять в том, чтобы это правительство стало исходной точкой нашей борьбы за диктатуру.

Теперь я перехожу к части моего доклада, где я уже не могу удовлетворяться критикой, где я обязан дать положительный ответ на вопрос о тактике коммунистической партии в ближайшем будущем.

4. Главные задачи ближайшего будущего.

Товарищи, мы выслушали доклад тов. Варги о конъюнктуре мирового хозяйства. Не все товарищи имели возможность выслушать его, но его выводы изложены в брошюре „Расцвет или разложение капитализма“. Товарищи, я, как и тов. Зиновьев, очень ценю труды тов. Варги. Он для нас, так сказать, мука Нестле, „корова в свертке“. Мы не имеем времени самостоятельно овладеть этим материалом о мировой экономике. Но как все ученые люди, Варга не

особенно склонен драться, он очень миролюбив. Он пишет в своей брошюре:

„Острый социальный кризис капитализма, стихийный неорганизованный протест рабочего класса против капиталистического общества, повидимому, в общем и целом, закончился. Напротив, „нормальные" противореция капиталистического строя очень обострились, благодаря широкой концентрации и централизации, с одной стороны, и благодаря возникновению сознательных революционных массовых партий—с другой". Это совершенно правильное мнение. Это мнение III и IV конгресса, и оно сводится к тому, что вторая волна революции, стремление масс к борьбе за власть, временно стихли. Теперь силы революции подготовляют целый ряд новых кризисов, которые принесут нам третью волну. В своем докладе и в своих тезисах Варга гораздо слабее выразил первую часть приведенного мною абзаца. У Шекспира лев воркует, как голубка, а здесь наш кроткий и любезный, как голубь, тов. Варга заревел львом. Есть ли какая-нибудь разница в нашей оценке мировой конъюнктуры. Зиновьев в своей речи, произнесенной в Петрограде, сказал, что я в своей статье „Что такое период социальной революции" в неясной и расплывчатой форме, приблизительно, сказал, что революция остановилась и что этак через 50 лет мы посмотрим, что будет дальше.

Товарищи, Зиновьев, как руководитель Петрограда, русской партии и Интернационала, не имеет в своем распоряжении много времени для чтения статей.

В моих статьях я писал: Ленин и мы все с самого начала сознавали, что период социальной революции в масштабе всего капиталистического мира может продолжаться десятилетия. Он будет свидетелем побед и поражений, наступлений и отступлений, он увидит высоко взмывающие революционные волны и временное их успокоение. Между двумя волнами революции следует работа для грядущей новой волны, но не следует убеждать себя в том, что эта волна уже, пришла, если ее еще нет, или впадать по этому поводу в уныние.

Если есть противоречия во взгядах на мировое поли-

тическое положение, то не между мною и т. Зиновьевым, а в тезисах немецкой партии. Так напр., у нас имеется проект тезисов к немецкому партийному съезду, выражающий взгляд некоторых партийных руководителей. В этом проекте сказано:

„В особенности Германская Коммунистическая Партия в своей повседневной борьбе должна не упускать из виду непосредственную борьбу за власть и научиться каждый день быть готовой к захвату власти, независимо от того, придет ли этот день завтра или еще через долгое время. Германская Коммунистическая Партия — единственная партия пролетариата. Германская Коммунистическая Партия во всякий данный момент готова повести пролетариат к завоеванию власти". Темен смысл этой речи. Объективные условия не каждый день таковы, чтобы партия могла быть готова повести рабочих в бой. Что же хотят этим выразить? Что означает быть готовым? Хотеть или мочь?

(Возглас. Брандлер: И при этом нас колотят в Галле и Фюрстенвальде, как еще никогда не колотили).

(Возглас. Северинг: Антифашистский день).

В наказе, который дан был немецкой делегации на конгрессе, и с которым т. Зиновьев солидаризировался в главных пунктах, сказано следующее:

„Снова К. И. стоит непосредственно перед большими задачами в области действия. Задачи эти следующие: Создание революционного движения (как это делается?) и массовой Коммунистической партии в Англии; борьба с возможностью проведения плана экспертов и международные революционные активные выступления против Версальского договора; борьба с возможностью новой войны против Советской России; мобилизация масс для протеста против блокады России; организация революции в европейском масштабе".

Итак, организация революции в европейском масштабе является непосредственной задачей. В то же время „Интернационал", орган Германской Коммунистической Партии печатает статью, в которой сказано буквально (№ 10—11, 7 год, стр. 348), что лозунг европей-

ской революции имеет скрытый ликвидаторский смысл; и там же сказано:

„Лейт-мотивом V Конгресса будет подготовка к решительному бою",

Что это все означает, товарищи? Что значит—организация революции? Организация революции может иметь двоякий смысл: или что правильная коммунистическая тактика, начиная с того момента, когда речь идет еще только о группе коммунистов, направлена к привлечению рабочих на сторону революции, к организации их для борьбы, к подготовительной работе для проведения их конфликтов с капиталом, пока они не станут настолько сильны, что партия сможет стать руководящим авангардом революции. Понятая в этом смысле задача организации революции стоит перед партией в любой момент. Но слово—организация революции может означать: положение в данный момент таково, что мы рассчитываем вступить в решительную битву в ближайшее время, в ближайшие месяцы или недели. И тогда такое толкование требует совершенно особенной тактики. Она требует форсированья массовых боев, чтобы привести машину в движение, чтобы не пришлось прыгнуть без разбега, она требует в большом масштабе концентрированные силы на военной подготовке революции, ибо кто говорит—оружие мы достанем „тогда", тот недооценивает значение технической подготовки.

Третий и последний вопрос, возникающий в связи с такой ситуацией, определение срока. Стоит ли перед нами сейчас этот вопрос? Так ли вы оцениваете мировое положение?

Товарищи, кто говорит наобум, без всяких доказательств, что конъюнктура именно такова, что непосредственной задачей Коминтерна является организация революции в близком будущем, что надо быть готовым каждый день вести массу в бой, тому приходится сказать: пустые фразы. Почему же вы не ведете масс к борьбе за власть каждый день? Почему вы ждете, тов. Северинг, если вы каждый день можете повести рабочие массы в бой? (Возгласы). Теперь ясно. Интерпретатор товарища Северинг, товарищ Фреймут говорит: смысл здесь вовсе уже не такой серьезный (Фреймут—не искажай фактов). Формулируй твое мнение в одном слове,

а я как в английском парламенте подожду и послушаю (Фреймут: каждый день мы ведем массы к борьбе, а в свое время поведем их к той борьбе, которая стоит в порядке дня).

Товарищ Фреймут говорит, что каждый день мы ведем борьбу за власть. Это значит: всякая наша борьба есть борьба за власть. Это правильно. Но здесь сказано: Германская Коммунистическая Партия в каждый момент готова повести пролетариат к борьбе за всю власть. (Северинг: Правильно). Я говорю, если вы каждый день готовы и не делаете этого, то вы преступники перед немецким пролетариатом. Товарищи, за этим спором скрываются серьезные вещи, так как дело здесь не только в революционных фразах тов. Фишер. Т. Зиновьев сказал в своем докладе, что в Германии и Франции, в главных центрах, мы уже добились завоевания большинства пролетариата. И в этом главная суть дела. Говоря это, тов. Зиновьев ошибается. И эта ошибка в связи со взглядами наших левых товарищей, которые заявляют, что они каждый день в состоянии вступить в борьбу за власть, эта ошибка может повлечь за собой практические промахи (Возгласы: Готовы). Готовы — никто не готов сделать то, чего он не может сделать. (Возгласы) Товарищи, чем больше вы кричите, тем лучше вы доказываете, что я хорошо целюсь.

Товарищи, в чем заключается ошибка в оценке положения. Товарищи, говорили, и правильно, что мы пережили колоссальные поражения. И, они же сказали: это было необыкновенно сильное поражение, оно отбросило нас назад, вера пролетариата в свои силы поколеблена. Теперь не говорят: но ничто неизменилось. Завтра мы снова готовы: это величайшая иллюзия.

Начну с положения во Франции. Тов. Зиновьев говорит, что французская партия добилась больших успехов. Это верно. В Париже она завоевала 30% пролетариата. В централизованной Франции Париж является одним из важнейших пунктов. Но во Франции 8, 9 или 10 миллионов индустриальных рабочих и ремесленников, только 700.000 профессионально-организованных рабочих, распределившихся в двух союзах, 900.000 коммунистических избирателей. И все это сосредоточено в Париже, Паде-Кале и Северного департамента; эти важнейшие промышленные центры находятся—массы еще

в руках социал-демократов, хотя они выступали там на выборах независимо от левого блока. Они получили 160.000 голосов, а мы 64.000. И самое важное — наша массовая организация, Унитарная Генеральная конфедерация труда—второе издание нашей партии, но не пояс из рабочих масс, вокруг нее расположенный. Во Франции наша партия является десятой частью пролетариата. Сказать, что мы стоим там перед завоеванием большинства, было бы иллюзией. Это значит также подвергать французскую партию тяжелой критике. От этого нельзя было бы избавить партию — если она так сильна, то почему же она не устроила в Париже хотя демонстрацию, когда в Руре французские солдаты расстреливали рабочих? Товарищ Трэн, вы сидели в тюрьме, товарищ Кашен тоже: Я не делаю вам никаких персональных упреков, я думаю, что это было невозможно. Тов. Трэн очень трезво писал в статье в Коммунистическом Интернационале: „Большинство французского пролетариата еще пропитано пацифистскими демократическими иллюзиями". А в Германии? Уважаемые товарищи, я думаю, что Конгресс будет иметь возможность проверить факты один за другим в специальной комиссии, дело идет не только о теперешнем переходящем положении немецкой партии, но и о том, как она развивается. (Возгласы: „Нет никакой немецкой комиссии"). Посмотрим, Конгресс еще не кончается. Почему вы боитесь комиссии. Я отнюдь не хочу сказать, что только теперешние руководители партии виноваты в том положении, в котором оказалось сейчас рабочее движение. Мы пережили поражение, мы получили сильный удар, к тому же сейчас происходит некоторая хозяйственная стабилизация, хотя и преходящая. Рабочий получает 20 марок, это крохи, но они уже не так скоро у него уплывают, он может что-нибудь купить за них. Статистика безработицы показывает, что там, где сокращается безработица, уменьшаются наши голоса, это так ясно, что можно нащупать рукой. Как я сказал, вина лежит не только на партийных руководителях. Но если мы себя спрашиваем, в каком направлении идет курс, то мы должны также установить, в каком направлении работают руководители немецкой партии. Я приведу несколько фактов. Товарищи указывали, что постановка вопроса: коммунисти-

ческая партия, партия агитации или боевая партия — есть неправильная постановка вопроса. Я соглашаюсь с этим. Было ошибкой поставить вопрос в такой форме. Да, мы должны быть партией коммунистической агитации в первую очередь. И я спрашиваю: шире ли сейчас агитация партии, захватывает ли она большие слои, лучше ли она? Я утверждаю, что во время выборов недостача в самых элементарных агитационных средствах, дефекты агитации были очень велики. Я утверждаю, что мы не охватили нашей агитацией достаточно широких слоев рабочих, что мы не использовали аграрного кризиса для работы среди крестьянства, была слаба наша работа среди средних слоев, хотя мы все признаем ее значение. А теперь улучшилась ли наша агитация? Фракция из 62 человек, представляющая 4 милл. рабочих, только-что прошедших через все муки подпольного существования, в первый раз является в рейхстаг, и что же мы видим? Мы слышим пару-другую парламентских речей, о которых я не буду говорить подробно. Но когда в порядке дня рейхстага стоит доклад экспертов, то обязанностью коммунистической фракции в своих агитационных выступлениях отказаться от избитых общих мест, как бы они ни были верны, а дать ответ, который нашел бы отклик в миллионах сердец немецких рабочих. В 21 пунктах для Коминтерна Ленин пишет: „Диктатура пролетариата не должна повторяться, как затверженная формула, ее нужно так пропагандировать, чтобы ее необходимость для каждого простого рабочего, работницы, солдата, крестьянина, вытекала из жизненных фактов, которые каждый день систематически освещаются нашей прессой".

И это не было сделано.

Но, скажут, все это пустяки, потому что в парламенте не все решается. И даже ничего не решается. Но я спрашиваю, уважаемые товарищи, где были толпы немецкого и берлинского пролетариата, которые должны были бы провожать в рейхстаг первую массовую фракцию Коммунистического Интернационала и чьи голоса должны были бы разноситься далеко?

(Возгласы из рядов немецкой делегации: „Многие депутаты были на нелегальном положении").

Ведь, я не говорю о депутатах. Я говорю о собраниях

рабочих. Ведь массам не надо было бы итти в рейхстаг нелегально. Было бы достаточно, если бы они продефилировали по городу, если не перед рейхстагом. Я утверждаю, что партия не агитирует в массах, не мобилизует масс.

Перехожу к работе в Профсоюзах. Это коренной вопрос. От завоевания профсоюзов зависит, будем ли мы только радикальной партией в парламенте или массовой партией, готовящейся к революции. Я бы хотел, чтобы тов. Лозовский, который, может-быть, лучше меня знаком с ходом вещей, и по своему официальному положению обязан знать немецкие профсоюзы, выступил здесь и сказал: (Возглас—он поостережется), что он думает о развитии нашей работы в профсоюзах. Или, может-быть, это сделает представитель Профинтерна в Германии, которого я вижу здесь.

Брандлер: Довольно одного слова. В Берлине только 15% коммунистов организованы в профсоюзы.

(Возглас из немецкой делегации: Это басня).

Брандлер: Это сообщается Радецким.

(Большой шум в немецкой делегации).

Обязанность представителя Профинтерна не плакать в жилетку отдельных товарищей, и жаловаться на профработу Германской Коммунистической Партии, а сделать о ней доклад Конгрессу.

Товарищи, вы скажете, что капиталисты снимают с работы наших товарищей, они становятся безработными, не могут оплатить своих членских взносов и выходят из профсоюзов. Вы скажете, что амстердамцы выгоняют нас. Это правда, вопрос только в том, избегаете ли вы всего, что облегчает им эту задачу.

(Общее „ага", в немецкой делегации). Решение немецкого центрального комитета, что мы на съезде металлистов не должны пытаться координироваться с левой его частью для захвата руководства была роковой ошибкой.

(Смех и крики в немецкой делегации).

Да, да, если бы в союзе металлистов заключили коалицию, как это требовал представитель Профинтерна, то самый сильный из немецких профсоюзов не мог бы, каким бы негодяем ни был Дисман, так цинично проводить эту тактику выкидыванья коммунистов, вы могли бы защищаться. Затем, товарищи, резолюция вашего партийного съезда в вопросе

о профсоюзах. Эта резолюция открывает путь к выходу из профсоюзов. Помните, товарищи, что германские рабочие ненавидят, и вполне справедливо, профсоюзную бюрократию. Они безработные, их выгоняют, естественно, что $^{9}/_{10}$ наших рабочих не сегодня-завтра готовы выйти из профсоюзов. Если партия считает возможность создать из них организованную силу вне профсоюзов, то она должна бы сказать им при всяких условиях: можете выходить из профсоюзов. Но если партия убеждена, а она несомненно убеждена в этом, что, когда рабочие выходят из профсоюзов, они распыляются, как песок, что их уже нельзя соединить в организованную силу, тогда обязанность партии всем своим авторитетом воспротивиться этому течению.

(Возгласы в немецкой делегации—„это она и делает". Шум, звонок председателя).

Если партия сказала, что она запрещает без ее разрешения выходить из профсоюзов, это значит, что она в принципе разрешает это, если же она говорит — если вы выходите из профсоюзов, мы будем вас организовывать вне их, когда она ставит вопрос об организации вышедших из профсоюзов, то она неспособна воспротивиться всей силой своего авторитета тенденции выхода. Итак я говорю: резолюция партийного съезда половинчата, и мы должны усилиться в профсоюзах, а не стать еще слабее.

Теперь о фабзавкомах. Тов. Зиновьев сослался на доклад тов. Варги. Я не знаю, к какому времени относится доклад и говорит ли он также о последнем времени. В моем распоряжении доклад от 10 июня, который базируется на известиях, получаемых центральным комитетом фабзавкомов. Это доклад об исходе выборов за последние недели.

В целом ряде городов мы потеряли голоса.

(Возглас: „Из-за октябрьских событий").

Октябрьское поражение, разумеется, тоже одна из причин. Если положение таково, нельзя удовлетворяться тем, чтобы Зиновьев выступил и потребовал от Саломеи-Фишер голову Иоанна-Корша и за это обещал ей не только Германию, но и Чехо-Словакию и Польшу. Я не недооцениваю теоретических заблуждений Корша. Я только предпочел бы доказать ему, что это заблуждения, прежде, чем он будет казнен. Речь идет не о казни профессора, а о борьбе за опреде-

ленные взгляды. И я говорю: Корш, Борис и другие путанные головы могут причинить много вреда головам маленькой группы читателей „Интернационала“, но еще вреднее будет, если мы не скажем перед лицом нашей партии, которая полна воли к борьбе, как здесь утверждают — процитирую сейчас еще один документ, который докажет противоположное—если мы не скажем ей: нельзя закрывать глаза на немецкий вопрос. Этот вопрос заключается в том, в какой мере теперешние партийные руководители, которые являются представителями всей партии, которые опираются на поддержку Исполнительного Комитета, за исключением отдельных товарищей, т.-е. практически пользуются полной поддержкой Исполнительного Комитета, в какой мере этот центральный орган сознает, каково общее направление его работы, какие опасности стоят перед ним. Что означает перемена ориентации немецкой партии? Надо было бы быть дураком и сумасшедшим человеком, чтобы побежать за Зиновьевым и сказать ему: „Вар, верни мне мои легионы“. Брандлер и отчасти я потеряли их. Не имеет смысла пенять за это. Наличие левого партийного руководящего органа надо принять, как факт, и помочь ему вести далее партию. Но вместе с тем, мы обязаны при первых крупных ошибках, сделанных партией, обратить ее внимание на возникшую опасность.

Если этот Центральный Комитет сломит себе шею, то немецкая партия в течение целого ряда лет будет стоять перед перспективою полного измельчания. Это наша последняя ставка на некоторое время. Я не думаю, что состав Центрального Комитета будет неизменным, товарищи, которые сейчас находятся в стороне, будут входить в него, другие будут уходить, но это главная основа. Поэтому Исполком обязан очень критически относиться к работе Ц.К. В особенности, если бьет тревогу товарищ, относительно которого нельзя предполагать, что он делает из фракционного пристрастия, если „Искра“, орган левой фракции, печатает две тревожных статьи, подписанные Т. К. Ней-Кельн, и написанные молодым талантливым рабочим. Эти статьи — большой важности политический документ, характеризующий положение вещей в немецкой партии.

В политическом слысле это самое важное из того, что за последние месяцы партия сказала о самой себе.

Разрешите мне прочесть вам некоторые места этих статей товарища Т. К. Он говорит, что в партии царит большая пассивность, 50% ее членов не знают, что должна представлять собою партия.

„Откуда эта пассивность в партии"? Причина ее заключается не только в том, что товарищи разводят кроликов, хотят погулять в новых сапогах и отдать дань весенним настроениям, не только в том, что они подолгу остаются безработными, не только в том, что конъюнктура неблагоприятна, но и в том, что целый ряд наших товарищей перестали понимать тактику, проводимую нами в борьбе с капиталом.

Итак, дело не в мещанских штрихах жизни рабочего, а в политических разногласиях. Эти разногласия выражаются не в страстных дискуссиях, их очень трудно уловить, потому что товарищи не признаются откровенно в том, что они думают, но просто и мирно объявляют пассивное сопротивление, просто остаются дома или строят, или без зазрения совести бросают в печку тот или другой циркуляр, потому что

„Все—чепуха,
И мы ничего не можем сделать
И ни в чем нет смысла и цели".

Как реагируют товарищи, если потому или другому вопросу созывается собрание? Целый ряд товарищей отвечают ясно и с чувством искреннего убеждения: тоже порядочная чепуха эти вечные собрания, в сущности совершенно бесцельны, мы бежим на такое собрание, выслушиваем доклады, тысячу раз слышанные, а потом опять возвращаемся домой. Так ничего нельзя достигнуть".

Следующий пример: Как реагируют наши товариши, если мы требуем на партийных собраниях, в особенности заводских, вынесения резолюций по тому или другому вопросу? Целый ряд товарищей опять-таки отвечают ясно и убежденно: „Я только хотел бы знать, к чему вам эти вечные резолюции? Ведь посредством резолюций ничего достигнуть нельзя, ведь это все бесцельно".

Приведу несколько еще более ярких примеров: как относятся наши товарищи к демонстрациям и контр-демонстрациям? Здесь уже выявилось несколько оттенков:

а) часть партийных товарищей говорит: „Эти демонстрации не будут иметь никакого смысла до тех пор, пока не будет предпринято что-либо „настоящее". Несмотря на риск получить несколько „предложений о выходе" из партии, я все же позволю себе заметить следующее: я не могу отделаться от подозрения, что многие из этих товарищей всегда имеют в виду других, которые должны предпринять это „настоящее"; так, например, одно из отделений приняло резолюцию, требующую, чтобы „вожди" шли всегда во главе демонстрации. Партийные товарищи, жаждущие чего-либо „настоящего", требуют, чтобы организацию взял на себя О. Д., (орднердинст — пролетарская охрана), а О. Д., в свою очередь, волнуется о том, что не получил никаких инструкций. Как партийные товарищи, так и товарищи из О. Д. беснуются: „В такой ерунде я не намерен больше участвовать, если не получу в руки чего-либо „настоящего". Скажите, пожалуйста, в головах наших товарищей появилось комическое представление, будто партия должна давать настоящее [1]) указание свыше! Гораздо меньше наши товарищи думают о том абсолютно очевидном обстоятельстве, что во время революции оружие находится всегда в руках противника, и что революционеры должны сначала отвоевать у противника это оружие, прежде чем предпринять что-либо „настоящее". Чем это объясняется? Тем, что этим товарищам государственный аппарат буржуазии кажется таким крепким и несокрушимым, что самая мысль о насильственном разрушении этого государственного аппарата тихонько и незаметно отодвигается на задний план даже в головах членов Г. К. П. Этим товарищам кажется гораздо проще ругать „партию" за то, что она им не достает оружия.

Другая часть товарищей идет еще дальше.

„Все эти демонстрации—даже если они очень смелы, все же не имеют никакого смысла, если они не выливаются в генеральную стачку".

---

[1]) Речь идет об оружии.

Все эти товарищи не только отвергают демонстрации, но и возможную при случае вооруженную защиту их; они мотивируют свой взгляд тем, что все это не имеет никакого смысла, стоит больших жертв, „которые все равно ни к чему не приводят", так как думать о революции еще преждевременно.

Другие товарищи отвергают демонстрации пресловутой фразой:

„Все это следовало бы совсем иначе организовать. Должна соблюдаться строгая конспирация, только тогда мы сможем предпринять что-либо „настоящее"!

Товарищи! Эта статья левого германского товарища является фактом, который доказывает, что часть левых товарищей отдает себе отчет в существующей опасности. Но в таком случае, дорогие товарищи, нашей обязанностью является говорить здесь не о том, что не существует никакого германского вопроса, а разобрать совместно с вами по пунктам всю работу партии и постараться практически понять положение. Тов. Брандлер также часто приходил к нам и указывал нам на те или иные сделанные ошибки. Мы думали: да, ему можно довериться, он видит ошибки. Когда я был в Германии на заседании Берлинского районного комитета и на Лейпцигском партийном съезде, я впервые заметил одно обстоятельство, о котором нам не говорил ни тов. Брандлер, ни какой-либо другой член Центрального Комитета: а именно, что имеется часть партии, которая находится чуть ли не в классовом антагонизме по отношению к руководящим партийным верхам. Я был потрясен, когда увидел это. Вы можете прочесть об этом в докладе, который я сделал в то время. Мне кажется, что, имея такой опыт, Исполком обязан после статьи тов. К. Т. прозондировать все слабые места партии.

Я прихожу к концу. Тов. Северинг спрашивал меня, каковы мои конкретные предложения. Северинг полагает, что задачей Конгресса является выставлять предложения, подобно цирковому жонглеру, который вытаскивает из носа яйца и ножи.

Конгресс должен проверить направление развития партии. На основании ваших теоретических взглядов, на основании вашей оценки зрелости положения и социального соотношения

сил, вы придаете такое направление развитию партии, которое может отколоть партию от ее базы. Уже в ближайшее время нам угрожает опасность уменьшения сферы влияния партии. А это величайшая опасность, которую мы можем себе представить.

5. Положение в Коминтерне.

Почти на всех конгрессах Коминтерна велась серьезная борьба. На этом конгрессе, к сожалению, появилось то новое, что разногласия проникли в ряды товарищей, которые до сих пор были единодушными представителями русской партии. В конце своей речи тов. Зиновьев, заклеймив нас, как реформистов, поставил вопрос об официальной или истинной коммунистической дисциплине. Я не могу говорить от имени целой организации. Выскажу только свое личное мнение, которое, надеюсь, разделяют товарищи, согласные со мной тактически. Если в Коминтерне мы ограничимся только официальной дисциплиной, то мы станем не живым Интернационалом, а только официальным остовом его. Каково бы ни было меньшинство, и какого направления оно бы ни придерживалось, оно не только должно подчиниться решениям Коминтерна, но обязано проводить эти решения по всем вопросам путем агитации и организации в промежутке времени между двумя Конгрессами. Обнаружившиеся разногласия не имеют настолько принципиального и глубоко тактического характера, что мы должны были бы сказать себе, что между нами возможен раскол, к которому мы должны быть готовы. Часть вождей Коминтерна смотрит через слишком розовые очки и не понимает, каким образом нужно приспособлять большевистскую тактику к конкретным условиям каждой страны. Но русские товарищи являются практиками рабочего движения. Они учатся на ошибках; левые товарищи также сделают это. И если бы даже тов. Зиновьев тысячу раз расписался в том, что никогда больше не вступит в блок с социал-демократами, он сделает это в тот день, когда это станет необходимым; он только заявит, что положение изменилось и что это только маневр; а другой, негодный, в это время будет иметь еще задние оппортунистические мысли. Практические условия

работы на наших Конгрессах и возможность обсуждать на них все наши разногласия позволяют нам, и даже обязывают каждого из нас, кто считает неправильным то или иное решение, кто то или иное решение считает вредным, подчиниться общему решению после борьбы на конгрессе. Мы не должны отказываться от критики, иначе мы были бы заговорщицкой организацией, которая закулисно обделывает свои делишки за спиной масс. Но после борьбы на конгрессе, мы имеем возможность и даже обязаны вести положительную работу на том посту, куда нас поставит Исполком или отдельные партии. Пусть время и опыт покажут, кто и в чем ошибался. Каждый из нас исполнит свой долг на том посту, на какой будет назначен.

Мы заявляем, что будем работать как дисциплинированные товарищи, но в то же время мы требуем, чтобы была прекращена политика травли и унижения. Одно из двух: либо так-наз. правая не может больше оставаться в Коминтерне, либо, если она остаться может, не следует вести борьбу по поводу имеющихся разногласий в таком духе, что перед лицом рабочих обращаются с правой, как с частью 2-го Интернационала. Такими поступками можно подорвать авторитет Коммунистического Интернационала, ибо рабочие спросят вас: что творится в Коммунистическом Интернационале? Там творится то же самое, что творилось во 2-м Интернационале, там терпят предателей и оппортунистов, и, кто знает, быть может, эти оппортунисты снова станут у руля и снова будут саботировать революцию.

Итак, товарищи, оставьте эти шутки, за эти шутки заплатим не мы, за них заплатит Коминтерн (аплодисменты части конгресса).

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Вступление 3

Третий Конгресс.

I. Образование единого пролетарского фронта борьбы 15

II. Путь Коммунистического Интернационала 30

1. Общая картина мирового положения . . . . . —
2. Теория голландской школы 38
3. Опыт массовой борьбы 41
4. Лозунг ближайшего будущего 67
5. Выводы 74

Заключительное слово 79

III. О Третьем Конгрессе Коммунистического Интернационала 95

IV. Речи на конференции трех Исполкомов в Берлине. 115

Декларация делегации Коминтерна . . . . . —
Первая речь тов. Радека 120
Вторая речь тов. Радека 127

V. Борьба за единый пролетарский фронт 140

VI. Ближайшие задачи Коммунистического Интернационала 154

VII. К вопросу о программе Коммунистического Интернационала 169

1. Возможна ли и необходима ли программа Коминтерна? . . . . . —
2. Конкретное содержание переходной программы . . . 172
3. Выводы 175

Четвертый Конгресс.

I. Ликвидация Версальского мира и задачи Коминтерна 179

1. Соотношение сил Версальского мира . . . . . —
2. Ликвидация Версальского мира в Центральной Европе 181
3. Капиталистический мир и Советская Россия 196
4. Ближне-восточный вопрос 206
5. Борьба за Тихий океан 220
6. Новая группировка великих держав, предстоящие столкновения и международный пролетариат 235

	Стр.
II. Наступление капитала и тактика Коминтерна	241
1. Наступление пролетариата	242
2. Контр-наступление капитала	248
3. Победа фашизма	257
4. Борьба против контр-наступления капитала	264
5. Лозунги борьбы	273
6. Рабочее правительство	274
Заключительное слово	279
III. Коммунистический Интернационал и Восток	295
Революционный кризис 1924 г.	
I. Перед новой волной революционных потрясений	309
1. Международное политическое положение	—
2. Ослабление наступления капитала и задачи Коминтерна	340
II. Переворот в Болгарии и Коммунистическая партия	386
1. Значение поражения в Болгарии	387
2. Социальная структура Болгарии и ее политические группировки	389
3. Международное положение на Балканах	391
4. Причина поражения	392
5. ИККИ и Болгарская партия	394
6. Обращение Исполкома Коминтерна к съезду Болгарской Компартии	395
III. Право самоопределения народов и Соединенные Штаты Европы	398
После октябрьского поражения.	
I. Октябрьское поражение и дальнейшая борьба германского пролетариата за диктатуру	409
1. От рурского поражения до диктатуры Секта	410
2. Саксонский эксперимент	415
3. Октябрьские уроки и тактика единого фронта	417
4. Дальнейшее развитие германской революции и задачи КПГ	420
5. За единство партии	423
II. Что такое эпоха социальной революции	426
III. Работа Исполкома Коминтерна за год	441
1. Организационная ошибка Коминтерна	449
2. Что дальше?	451
3. Положение в Германии	453
4. Опасности справа и слева	454
IV. Речь на Пятом Конгресе Коминтерна	460
1. Возникновение тактики единого фронта и смысл ее	461
2. Вопрос о рабоче-крестьянском правительстве на IV Конгрессе	464
3. Опыт, накопленный при проведении тактики единого фронта	475
4. Главные задачи ближайшего будущего	488
5. Положение в Коминтерне	501

Цена 2 руб. 25 коп.

3р.

6

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9.
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов — „Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, д. № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.